

КАРИНА ДЕМИНА
ОЧЕНЬ ДРЕВНЕЕ ЗЛО

Annotation

Пропали невесты? Очнулось от тысячелетней спячки древнее Зло, некогда почти уничтожившее мир? И Проклятый город готов принять гостей?

Пускай.

Повелитель Тьмы готов ко встрече и с городом, и с древним Злом, и даже с невестами. К чему не готов? Так к тому, что подвиги подвигами, а свадьба свадьбой. Чья? А тут уж как кому повезет.

- [Карина Демина](#)
 - [Глава 1 В которой в определенной мере достигается взаимопонимание](#)
 - [Глава 2 Где готовится спасательная экспедиция и выясняются отношения](#)
 - [Глава 3 О том, что все дороги куда-то да ведут](#)
 - [Глава 4 Где корабли выходят в море](#)
 - [Глава 5 Где случаются сюрпризы](#)
 - [Глава 6 В которой море встречает корабли](#)
 - [Глава 7 В которой есть место подвигу](#)
 - [Глава 8 Где принцессам приходится нелегко](#)
 - [Глава 9 О том, что лошади — очень умные создания](#)
 - [Глава 10 Где тьма встречает тьму](#)
 - [Глава 11 Где принцессы пересчитывают друг друга](#)
 - [Глава 12 В которой происходит встреча, но не сказать, чтобы судьбоносная](#)
 - [Глава 13 О том, что животные любят ласку](#)
 - [Глава 14 Где принцессы занимаются раскопками, а заодно изучают особенности некромантии](#)
 - [Глава 15 В которой прошлое оживает, пусть и не без посторонней помощи](#)
 - [Глава 16 О том, что иногда женщины делают глупости, но они не специально](#)
 - [Глава 17 Где героини ступают на проклятые земли](#)
 - [Глава 18 В которой сокрытое открывается](#)

- [Глава 19 О путях тайных и не очень](#)
- [Глава 20 Где город встречает гостей](#)
- [Глава 21 В которой сказка сказывается](#)
- [Глава 22 О том, что некоторые тайны имеют обыкновение выходить на свет божий](#)
- [Глава 23 О кругах, квадратах и прочей прикладной геометрии](#)
- [Глава 24 Где наступает рассвет, а демоница спешит на помощь, только пока не знает, кому](#)
- [Глава 25 В которой город встречает гостей](#)
- [Глава 26 Где ночь все-таки проходит](#)
- [Глава 27 В которой снова появляется зеркало, а еще инструкция по спасению мира](#)
- [Глава 28 О том, что размеры — не главное](#)
- [Глава 29 Где путь куда-то продолжается](#)
- [Глава 30 Где случаются неприятности](#)
- [Глава 31 О том, что все дороги куда-то да ведут](#)
- [Глава 32 В которой сложно смотреть на мир чужими глазами](#)
- [Глава 33 Где открываются пути](#)
- [Глава 34 О том, почему не стоит смотреть в бездну](#)
- [Глава 35 В которой подданные приветствуют Императора](#)
- [Глава 36 Где каждому предлагается по желаниям его](#)
- [Глава 37 Где продолжает предлагаться](#)
- [Глава 38 В которой мечты почти исполняются](#)
- [Глава 39 О том, что демоны бывают разными](#)
- [Глава 40 Где происходит всего и понемногу](#)
- [Глава 41 В которой случается еще одна встреча](#)
- [Глава 42 Где круг почти собирается](#)
- [Глава 43 Демон, демон и остальные](#)
- [Глава 44 Где задается вопрос и получается ответ](#)
- [Глава 45 Где память возвращается полностью](#)
- [Глава 46 В которой мир снова сотрясается](#)
- [Глава 47 О том, что принцессой быть непросто](#)
- [Глава 48 В которой мир почти уцелел](#)
- [Глава 49 Где свет одерживает победу](#)
- [Глава 50 О том, что все истории заканчиваются свадьбой](#)
- [Глава 51 Где речь заходит о дороге домой](#)
- [Эпилог. Куда ж без свадьбы](#)

Карина Демина
Очень древнее Зло

Глава 1 В которой в определенной мере достигается взаимопонимание

— Это совершенно невозможно, — веско произнес посол Ладхема и поклонился. Низко так. Словно этим поклоном извиняясь за то, что перечит многоуважаемому Повелителю Тьмы.

— Там не место людям, — устало произнес Ричард.

А я подумала, что вот надо не уговаривать, а как-нибудь так... иначе... скажем, позвать всех на ужин торжественный... ну, мало ли, похищение невест — тоже повод. Главное, чтоб вместе. А там усыпить.

Или запереть.

А лучше сперва усыпить, а потом запереть. Но так, чтоб не совсем, чтоб потом уже, когда проснутся, выбрались. Мало ли как оно.

Главное, что всяко надежнее, чем с уговорами.

— И это я осознаю, — голос посла звучал печально, да и вид у него был такой, что прямо жаль стало человека. Он ведь не самоубийца, пусть и рвется изо всех сил к подвигу. — Но что я скажу моему господину? Что трусливо остался в Замке в тот миг, когда дочери его нуждались во мне? В моих людях?

Тихо стало.

Вот нервирует меня эта тишина. И люди, преисполнившиеся некой мрачной торжественности. Шкурой чувствую грядущие приключения. И это чувство мне категорически не нравится.

Поэтому я поерзала на стульчике.

— Он правду говорит, — вступил виросец, бороду оглаживая. — Государь не одобрит, ежели я брошу Её высочество. Государь сестру любит... да и... негоже это, сиднем сидеть, когда от такое вот.

И руки развел, показывая это самое «такое от».

Степняк склонил голову, пальцы его скользнули по плети.

— Теттенике — сестра моя. И сердце мое обливается кровью от мысли, что я не уберег её от беды. Я уговорил отца послать её, дать свободу. И мне нести ответ. Перед ним. И перед собой. А потому, многоуважаемый... — вот это было сказано с легким раздражением,

мол, какое тут уважение, когда обещали безопасность, а получилось — что получилось. — Даже если ты не возьмешь нас, и не укажешь путь к городу, я пойду его искать сам.

Он огляделся и узкие глаза блеснули.

— Мы с тобой, — прогудел северянин, до того молчавший. — Может, мы никому ничего не обещали. Но на Островах своих не бросают.

Ну вот, и спасательная экспедиция самоорганизовалась.

Осталось понять, что делать со всею этой толпой. Я поглядела на Ричарда и тихо сказала:

— Я тоже иду.

— Нет.

— Иду, — я осторожно взяла его за руку. — Что бы там ни было, но... лучше уж там быть, чем ждать.

— Это Мертвый город, — Ксандр нарушил молчание. — Там таким как мы, сложно.

— В каком смысле?

Руку я не выпустила.

И... и может, сейчас пожениться? Он ведь предлагал. А я, дура, промолчала. И вот теперь сижу, кусаю губы, потому что... потому что и вправду, как знать, что там, в будущем?

Мы все умрем?

Или я вырву чье-то сердце? И мне даже думать об этом страшно. А еще шепчет голос здравого смысла, что от меня в походе грядущем никакой пользы, вред один. Я еще в прошлом мире походы не больно-то жаловала, даже те, которые рядом с городом. Лес там. Речка. Кочки, корни и вездесущие муравьи. А тут что? Вместо муравьев нежить разнообразная?

И перспектива свихнуться, не справившись с демонической кровью.

Может... может, действительно остаться? Сяду у окошка. Одолжу там в каком посольстве — не полным же составом они спасти попрутся — вышивку и займусь подходящим прекрасной даме делом. Буду иглой в ткань тыкать и размышлять о высоком.

Время от времени слезу уроню.

Чушь какая...

Нет, здесь, в Замке, я раньше свихнусь. От неопределенности. От ожидания. От страха. И не только за Ричарда. Они ведь все... Ксандр, который снова вроде бы в стороне держится. И смотрит на Ричарда с такой нечеловеческой тоской, что... что просто слов нет.

Лассар мрачен.

И молчит.

Легионеры... я их не знаю. Они все одинаковы, словно отражения друг друга. А может, и вправду отражения. Кто этот мир поймет. Но они, пусть и мертвые, а все равно живые.

Они ведь тоже могут не вернуться.

— Мертвый город, — голос Лассара наполняет обеденную залу. — Полон тьмы. И пусть даже Младший бог или что там... заперт, но тьма первозданная жива. И она зовет. Всех, в ком есть.

— И тебя? — хмуро поинтересовался степняк.

— И меня. Их... — он обвел легионеров рукой. — Она... у неё множество лиц. И голосов. Там, за чертой, легко поверить, что твои мечты, твои желания сбудутся. Она каждому пообещает то, тайное, что скрывается в душе.

— А тебе? — не удержался Светозарный, сжимая древний меч. — Что она обещает тебе?

— Покой, — Лассар ответил спокойно и взгляда не отвел. — И мне. И всем им... если бы ты знал, мальчик, до чего утомительна вечная жизнь.

— Так! — Ричард вскинул руки. — Этак мы точно никуда не выйдем. Ксандр, карты носи. Стол...

Стол нести не пришлось. Он был и достаточно большой.

— Во-первых, нужно оставить людей в замке, — теперь он изменился. Исчезла эта вот его обычная неуверенность. И... и я любовалась им.

Повелитель?

Может, и так. Но... не в этом дело. Титул — это одно, а суть — другое.

— Из того, что сюда проник сайрин... и не только... — Ричард бросил быстрый взгляд на меня. — Делаю вывод, что защита Замка давно уже перестала быть непреодолимой. Скорее всего дело именно в зеркалах. И в этих... проходах.

— Порталах, — подсказала я.

— Порталах. Пускай. Так вот, возможно, ритуал, начавшись когда-то, действительно запустил... создал... проходы на изнанку мира. Я не ученый. Не знаю, — Ричард принял тубу с картой. — Но вряд ли эти... порталы были стабильны. Скорее уж они существовали на грани. А потом...

Потом что-то случилось.

— Анна. И её договор с демоном, — подсказал Лассар. — Добровольный. Она должна была отдать часть души, ту, что еще позволяла ей оставаться человеком. А это сила. Капля, но как есть. И порталы начали оживать. Потом жертва... огромная жертва, но не та, на которую рассчитывал демон. Несиар сумел воспользоваться порталом. И покинул долину.

— И система ожила, — я сказала и поспешно втянула голову в плечи, уж очень все нехорошо посмотрели. А Светозарный и вовсе меч оглаживает, презадумчиво так, превосходительно.

У меня прямо мурашки по хвосту побежали.

— Ожила...

— Только криво, — я поерзала и постаралась сделать вид, что не вижу ничего вот этого, ни взглядов, ни поглаживаний. — Потому что... потому что ровно такое точно сразу не заработает. А уж спустя тысячелетия. И вообще вот так вот... тварь... душница... спряталась там, на изнанке. И потерялась. Но потом нашла...

— Мою мать.

— Именно. И там уже... твоя мать добавила ей сил. Те смерти, силы, куда-то ведь уходили? И если система порталов, получая силу, стабилизировалась, то... то, возможно, эти порталы куда-то открывались. И где-то там появлялись проходы, — я махнула в руку. — В горах. А там твари... твари проваливались и оказывались внутри Замка. Только... вряд ли их было много.

— Да и душница должна была что-то есть, — протянул Лассар.

— У нежити нет души, — Светозарный руку с меча все-таки убрал.

— У нежити — нет, но не все твари в полной мере являются нежитью, — Ксандр вернулся и выложил на стол длинные тубы. — Многие по сути те же животные, пусть и измененные тьмой. А стало быть, пусть и не полноценная душа, но какая-никакая сила в них имеется. Сайрин и вовсе близок к человеку.

Всех передернуло.

А я подумала, что в здешнем мире эволюционистам придется сложно.

— Как бы то ни было, будем считать, — мой голос звучал отвратительно бодро. — Что тварь взяла и... и научилась как-то открывать порталы? Проходы? Главное, она открыла их для...

Слово «невеста» застряло у меня в горле. И злость накатила такая. Не они невесты! Они тут... по недоразумению! И вообще...

— Их высочеств, — заговорил ладхемский посол. — Что ж, пусть даже мы не столь хорошо знакомы с магией, но теория выглядит вполне... правдоподобной.

Виросец склонил голову, показывая, что полностью согласен с коллегой.

— Осталось понять, куда их выбросило, потому что...

И снова молчание.

Взрослые люди. Суровые. Опытные. Иных бы не послали. Но и они боятся сказать вслух то, что вертится на языке у каждого. Будто, облеченное в слова, оно вдруг сбудется.

И демоница пожалеет несчастных принцесс.

Или...

— Мертвый город, — Ксандр вытряхнул из тубы желтый свиток, даже с виду хрупкий. — Больше некуда. Если порталы куда и открываются, так туда... только там еще осталась подобного рода... твари.

Пальцы потянули за тонкую ткань.

Пергамент?

Бумагу?

Чем бы это ни было, но оно оказалось довольно длинным.

— Будьте добры, — Ксандр протянул край Светозарному и тот прижал его пальцем. — Это самая древняя из карт. По преданию, её рисовал Ричард I, но не уверен, что это и в самом деле так.

— Аснот, — Командор прижал другую сторону карты. — Хороший мальчишка. Толковый. Воин из него, правда, никакой, но вот с картами он ловко управлялся.

Желтизна была неравномерной, где-то ткань — или все-таки пергамент? — светлела почти до идеальной белизны, где-то, напротив, становилась столь темной, что и линий-то не различить.

Люди потянулись к столу.

И обступили его.

Я же, протиснувшись меж двумя ладхемцами, прижалась к Ричарду.

Город...

Никогда не любила чертежи.

— Окраины он еще толково сделал, но вот центр пришлось рисовать вместе с Ричардом. И мной. По памяти. А что там теперь на самом деле, как знать.

Дворец.

Белый-белый. И прекрасный, как сказка. А в нем комната.

Откуда я это... знаю? Не помню. Не... не знаю. Но знаю. Так. Сейчас и сама запутаюсь.

— Дорога идет сюда, — палец Лассара скользнул по нити, что пробивалась меж скал. — Но мост через озеро разрушен. Я сам перебивал опоры.

А ведь озеро я только теперь и увидела.

— Озеро? — удивился вироссец.

— Не совсем, чтобы озеро, — Лассар поморщился. — Некогда город стоял на берегу. И порт имелся. Самый большой в Империи, а стало быть и в мире. Но и его было мало. Так что появился проект.

Он постучал закованным в броню пальцем по карте.

— Порвешь, — буркнул Ксандр не слишком довольный.

— Зачарованная... так вот. При моем отце поставили дамбы. Северную и южную. Часть земель затопили, предварительно что-то там сделали. Демоны.

Само собой.

Кому еще работать на стройке.

Почему-то демонов было жаль. Может, они и кровожадные твари, но так и люди не лучше.

— Северная стала продолжением порта. А вот с юга устроили цепь озер. Или как оно называется. Там Император отдыхать любил.

— А потом...

— Потом, когда все это случилось, горы отрезали город от моря. А вот вода осталась. Затопило часть кварталов, ну и вышло озеро. Оно огибает город с юга, потом тянется...

Палец скользил по карте, вырисовывая что-то, явно понятное мужчинам. Вон, переглядываются, кивают.

— Раньше там водилась рыба.

— А теперь?

— Теперь чего только не водится... но если взять левее, сюда вот, здесь остатки дамбы. И по ним можно пройти. Непросто, но можно. Охотники как правило и выбирают этот путь.

— Другие?

— Лодки. Плоты. Один идиот вплавь решился... спасти не успели.

Да, чувствую, и не очень старались.

— Насколько это... опасно? — осторожно поинтересовался ладхемец. — В том смысле, к чему нам готовиться?

— Сама дорога в принципе безопасна, — Ричард склонился над картой и я видела лишь его светлую макушку. — Крупных тварей давно уже вычистили. Да и тьма... она все-таки разрушается. Медленно. Очень медленно, но разрушается. И если изначально она накрывала всю долину, то уже через двести лет пятно уменьшилось. И продолжало уменьшаться год от года.

— В прошлом году и пшеница взошла, — подал голос Ксандр. — Правда, урожай был слабым, но все же был.

— Твари или отступали следом за тьмой, или погибали. Теперь, если что-то и осталось, то в городе. Да, за ним приглядывают. И за дорогой, — Ричард повернул карту. — Проблема в другом... этот путь займет несколько дней, если не больше.

Сказал и замолчал.

И Ксандр не спешил. И все-то тоже молчали, обдумывая сказанное. Несколько дней — это много.

Слишком много.

Это... это хватит, чтобы умереть. Им. Там. И... и пусть моя демоническая часть не имеет ничего против, она бы вовсе никого не стала спасать. Но я же человек.

Все еще человек.

И я хочу им остаться.

— Другие... — севшим голосом сказал виросец. — Варианты?

— Лошадей довольно, — степняк уставился на карту. — Степные жеребцы выносливы. Они могут долго бежать.

— Дорога старая, — покачал головой Ксандр. — Камни. Выбоины. Завалы местами. Там не так много участков, на которых можно пустить лошадь галопом. А если лес, то... тоже.

— А если... — палец островитянина ткнул куда-то в карту. Я по-прежнему в ней ничего не понимала. Бумага. Линии. Квадратики, треугольники. И снова линии. Знаки какие-то. — Если морем? Тут вот пройти... к вечеру управимся. На весла сядем.

— Небезопасно, — Лассар обошел стол, будто с другой стороны карта была иной. — Когда-то бухта была просторной и удобной. Но... горы поднялись. Там скалы. И рифы. Течения. Не говорю уже о тварях.

— Пройдем. Посадка неглубокая... а твари... как-нибудь да управимся.

Прозвучало это не слишком вдохновляюще.

А я подумала, что на корабль не хочу.

У меня морская болезнь и... и вообще я плавать не умею!

— Зато быстрее будет. Тут идти всего ничего, ежели морем. Потом... вот, проход. Сохранился?

— Понятия не имею...

Я попятилась.

Тихонько так.

— Если что, то можно к берегу...

— А если разделиться? Часть по дороге...

— ...не самый разумный вариант. По частям перебить легче...

— ...все не влезем. Если люди, то еще ладно, а вот верховые...

— ...все-таки надо разделяться, потому как...

Я слушала обрывки разговоров, понимая, что здесь и сейчас ничем не могу помочь. И чувство беспомощности было острым. И еще... еще не отпускала мысль, что я лишняя.

Среди этих людей.

И вообще...

Выбравшись из толпы, я остановилась, ожидая, обратит ли кто внимание. И наверное, это было совершенно эгоистично, но мне безумно хотелось, чтобы Ричард почувствовал. Обернулся. Спросил, куда это я. Чтобы... чтобы приказал остаться и не отходить от него ни на шаг. А я бы, возможно, даже обиделась. Но подчинилась бы. Это ведь правильно, не отходить ни на шаг от человека, которого любишь.

Без которого не можешь жить.

А я... я разве так?

Не знаю.

Но он не заметил. Он о чем-то увлеченно беседовал, то ли с ладхемцами, то ли с вироссцами. Или со всеми и сразу. Я слышала голоса, я могла бы услышать, и о чем они говорят, все эти люди. А вместо этого просто стояла.

Смотрела.

И когда надоело, вышла из зала. Прислонилась спиной к стене. Закрыла глаза. Что мне делать? И... и как не сделать глупость, о которой я буду жалеть. А ведь сделаю. Всенепременно сделаю.

Глава 2 Где готовится спасательная экспедиция и выясняются отношения

«А на третий день поднялся ветер. Гнул он мачты, срывал паруса. И море поднималось, одна волна другой выше. Разверзлась пучина. И закричали люди, что, мол, виной тому — ведьма, что пробралась на корабль тайно. Да всякому известно, что море не терпит обмана. Тогда-то и вытащили они пассажиров, и раздели их...»

Сказка о проклятом корабле и морской ведьме

Дэр Гроббе, услышав, что от него потребуется, провел ладонью по отросшей щетине и улыбнулся. Так счастливо, что прямо не по себе сделалось. Ричарду.

Нормальные люди не должны так улыбаться, услышав весьма сомнительного свойства предложение.

— Стало быть, фрахт? — уточнил дэр Гроббе преласково. — К Проклятому городу пойдём? Морем? Через Мертвую бухту? И под Призрачными воротами?

— Ну... примерно так.

— Туда, откуда ни один корабль еще не вернулся?

Ричард вздохнул и, потупившись, подтвердил:

— Да.

— Знаешь... а мне ведь гадалка еще когда предсказала, что своей смертью я не помру.

— Нам нужен корабль.

— Так я же ж что, против? — дэр Гроббе вытянул руку и свистнул. Спустя мгновение на руку эту рухнул попугай.

— Задница! — возвестил он хриплым надсаженным голосом. — Твою душу в акулю мать!

— Тихо, — дэр Гроббе почесал клюв и попугай застыл, прикрыв глаза. — Стало быть... я-то и вправду... оно-то, мирная жизнь, хорошо. Да вот тут что-то свербит.

Он стукнул кулаком по груди.

— Нейдется... матушка моя покойная все повторять любила, что горбатого только могила... а такого... обо мне всякого говорили, все больше матерно.

Сказано это было печально, даже мечтательно.

— Да и жизнь у меня была... да... еще когда к твоему батюшке шел, думал, что вот оно, конец. Сожрет проклятый душу и не подавится.

— Сволочь, — поддержал попугай.

— Да только куда нам еще было податься? Накуролесили, да... свои бы сдали, вот и вышло, что вышло... а он принял. Только сказал, что ежели бузить станем, сам акулам скормит. И ведь скормил бы. Серьезный мужик...

— Как вы с ним познакомились? — Ричард указал на кресло. — Садись.

— Обыкновенно... заказывал один человечек через нас всякое там. Не подумай. Шелка вот. И камни драгоценные. Купцов сопровождать, чтоб, стало быть, не сбегли куда. И чтобы со всем почтением. Мастеров всяких... мебельщиков. Или вот цветочных. Думаешь, откудава я всякой этой хрени понахватался? В море-то частенько тоскливо, вот и начинаешь беседы вести с умными людьми. Про обои. Про ткани, какие там для мебели годятся, а какие нет. Про моды и прочее.

Ричард, честно говоря, в принципе над подобным не задумывался.

— Для матушки твоей, как оно после выяснилось, да... я-то работал, пока совсем горячо не сделалось. Дружки старые, дела... море за бортом горело. Ну и кинулся туда, где, может, и не убьют. Не убили.

— Я тебя почти не помню.

— Так... ты того... болел много.

— И этого не помню, — признался Ричард. Только щека дернулась. Это неправда. То, что сказала тварь, не могло быть правдой. Он никого не убивал.

Он...

— Я помню, — дэр Гроббе потер подбородок. — Ты уж извини, что я так... твой отец не отличался разговорчивостью. И в замке никого не привечал. Сперва-то да, иначе все было. А потом переменялось. Не сразу, нет... в море же ж как? Ушел. И добре, ежели

за месяц-другой обернулся. Случалось, что и дольше. Вот ты там живешь, а прочие все — тучки. Да и в целом, дело мое маленькое было. Привезть. Увезть. Встретить. Приветить. Проследить, чтоб не наглели, обворовываячи. Ну а тут... я и в Замке-то бывал, но дальше двора не пускали. Потом-то и того не стало. Уже после, стало быть, как матушку твою похоронили, так он совсем затворником сделался. Оно и понятно, любил её крепко.

Не знает.

И... и, наверное, хорошо, что не знает.

— Ну а потом... твой отец призывал, я являлся. Не скажу, что стремился сюда. Тут было как-то вот... нехорошо, что ли?

А Ричард все равно не помнит. И эта вот украденная память теперь представляется ему запертой дверью, которую надо открыть.

Или нет?

Как знать, что за дверью этой прячется? И не станет ли только хуже?

— А с тобою мы в городе встречались. Ну, потом уж. Когда он дозволение дал. И тебя привозил. Мы в море выходили. Помнишь?

— Нет.

— Ну... — дэр Гроббе смутился. — Ты... тебя Ксандр принес. Ты и на ногах-то едва-едва стоял. Стоял и пялился на море. Никого будто не видел. Мы и пошли. Потихоньку. А там волны. Ветер. Дети-то море любят. И оно их тоже. Да... еще дельфины. Точно не помнишь?

Пустота.

Туман.

И мучительно. Ведь должно же быть хоть что-то. Дэр Гроббе лишь крякнул.

— Тебе там плохо стало, как от берега отошли. Позеленел и рухнул. Отец твой... в общем, назад вернулись и уже все. А потом, как второй раз, так ты уже большим был. Клятву я приносил. Это-то помнишь?

— Помню, — согласился Ричард.

Клятва — не более чем условность. И все же обставили все торжественно.

Город.

Флажки. Цветы. Нарядные люди. Отец... что-то говорит, а что — память опять не сохранила. Она у Ричарда, оказывается, совсем

дырявой стало. Музыка... танцы потом. И тоска, которая душу разъедает. Ему хочется остаться здесь, в городе, среди нарядных веселых людей, пусть даже Ричард не понимал причин их веселья, но ведь тянуло.

К людям. К живым людям.

И он даже решился попросить разрешения. А отец глянул так, равнодушно, и сказал:

— Нет.

И потом уже тише добавил.

— Тебе нельзя к ним.

Тогда было просто обидно, хотя и обида давным-давно стала привычной. Ричард подчинился. А теперь... теперь крепло недоумение. Почему отец запретил?

И всю ли правду он рассказал?

— Он... тебе говорил обо мне? Что-нибудь? Может, что-то, что показалось странным?

— Более странным, чем запрет появляться в Замке? — хмыкнул дэр Гроббе. — Там ведь многие хотели бы служить. Но...

Но была душница.

Тварь, с которой отец не справился. А Ричард сумел. И победа эта жгла душу гордостью. Вовсе он не так и слаб. Вовсе не никчем. Только...

— Не важно. Я-то... пойду, что ли, корабль готовить? — дэр Гроббе поднялся.

— Так ты согласен?

— А то... какой старый пират откажется от сокровищ? Там же сокровища будут?

И Ричард кривовато усмехнулся.

— Целый город, — пообещал он.

— Вот! — дэр Гроббе поднял палец, и кривоватый клюв попугая ухватил за него.

— Пиаст-р-ры! — заорала птица. — Якорь тебе в...

— Островитяне выдвигаются все. Их немного. И без них с кораблем не справиться, — Ксандр докладывал тихо, вполголоса. И старательно играл в равнодушие. — Возьмут дюжину вироссцев и еще ладхемцы с ними же.

— Не передерутся?

— Не должны.

— Скажи, чтобы брали добровольцев.

— Думаешь, там кто-то в здравом уме откажется? Им еще домой возвращаться... да и нам бы, хотелось.

— Тебе это не нравится?

— А сам как думаешь? — Ксандр все-таки присел на край стола. — Тебе нельзя туда.

— Потому что тварь была права?

Вопрос прозвучал. И... и Ричард готов был услышать ответ.

— Тварь...

— Не надо, Ксандр. Ты ведь был там. Слышал. Как и остальные. Но если кто и не понял, то они. Люди. Они ведь знают далеко не все. В отличие от тебя. А ты... ты был со мной с самого начала. И не только со мной. Она сказала правду? Это я всех убил?

— Нет.

Поверить захотелось. Отчаянно. И вздохнуть с облегчением. И сказать себе же, что твари лгут, особенно такие, древние и изворотливые.

— Ты... уверен?

Пусть скажет, что да.

Поклянется не-жизнью или еще чем-нибудь. Главное, чтобы ни тени сомнений. А он молчит. Сидит. Глядит на собственные ботинки. И молчит.

— Значит, нет.

— Тебя увезли. Анна... умерла и её похоронили. Потом... потом ты долго не приходил в себя, а когда пришел, просто лежал и смотрел. В потолок. Не мигая. Днями. Не разговаривал. Не замечал никого и ничего. Ты не убийца, Ричард. Просто она жрала тебя. Твою душу. И выжрала приличный кусок. Но ты не убийца.

— Почему... как ты вообще...

— Потому что была сделка. И заключил её не ты, — Ксандр сцепил руки. — Они не оставляют своих жертв. Не тех, которых жрут, но тех, которые впускают тварей в себя. Как твоя мать. Она отдала свое тело, свой разум...

— Душу?

— Не знаю. Слишком тонкая материя. И никто не ответит тебе с полной уверенностью. Разве что боги. А богов... богов давно не видели на земле.

— Значит, я...

— Она. Она дала душнице свободу. Она прикормила её. И в том числе тобой. И память... душа и тело связаны, сам видел. Она обглодала твою душу, а с нею пострадало и остальное. Нам повезло, что твоему отцу удалось хоть как-то её остановить.

Наверное.

Только везение это было кривым каким-то.

— Значит... она виновата? Мама?

— Я бы так не сказал, — Ксандр смотрел с печалью. — Знаешь, когда долго живешь... очень долго... то со временем начинаешь думать. При жизни я не особо задавался всякими странными вопросами, вроде того, кто и в чем виновен. Все было понятно. И предопределено еще до моего рождения. Нужно было лишь следовать правилам. Я и следовал. А потом умер, и оказалось, что для мертвых свои правила. А мир не ограничивается этой вот гребаной долиной. И там, в мире, третьи правила. Четвертые. Сто десятые. Всем следовать при желании не выйдет. А еще там люди. Всякие.

— Твой святой?

— Он был еще тем засранцем, если подумать. Но да, и святым. Тоже бывает. Так вот, он задавал вопросы. Сначала один. Потом другой. И с каждым новым отвечать выходило сложнее. Пожалуй, именно он научил меня думать. И искать ответы.

— Правильные?

— А правильных нет, — Ксандр ненадолго замолчал. — Кто виноват... твой отец, когда решил, что сумеет защитить вас. От всего. Или раньше? Когда выбрал неподходящую женщину. Любовь? Опасная игрушка. Сам поймешь. Он решил, что любовь превыше долга. И твоя мать тоже. Она ведь могла рассказать ему, что ей плохо. И уехать. Оставить...

— Меня?

— И тебя. И его. Мне кажется, она тоже любила. Без любви у женщины терпение заканчивается быстро. Так вот, она выбрала эту любовь и осталась. Ты... ты нашел зеркало, но не отдал отцу. Он... когда не увидел и не спросил. Твой предок, вообще впусивший тварь

в дом и укрывший её от прочих. Он-то должен был понимать, что такие вещи невозможно спрятать навсегда. Так что... все виноваты, Ричард. В той или иной мере. И никто. Так тоже бывает.

Пожалуй... хочется согласиться.

И поверить.

— Что мне там грозит?

— Не знаю, — Ксандр покачал головой. — Хотел бы сказать, но... я действительно не знаю. Потом, по возвращении домой, ты долго болел. Несколько лет. Душа может восстановиться. Так считают. Но как быстро идет этот процесс? И восстановится ли она полностью? Или, может, зарубцевавшаяся рана откроется вновь? В... определенных обстоятельствах?

А мог бы и соврать.

Но хорошо, что не соврал.

— Ты ведь бывал там.

— Как и ты. Не дальше первой черты. Помнишь?

— Нет.

— В первый раз тебе было семь. Отец взял тебя просто, чтобы показать. Город красивый, даже издали. Особенно по утрам. Там рождаются туманы, не густые, нет, скорее уж полупрозрачные покровы, сквозь которые проступают далекие тени зданий.

Он прикрыл глаза.

— И кажется, что город вот-вот оживет. Что он просто спит и ждет момента, чтобы проснуться. И надо лишь поверить... тьма там не ощущается. Не сразу. Когда подходишь... живым я вовсе не слышал её. Еще недоумевал, почему запрет. К чему это сидение на границе, если можно войти и зачистить город. Сравнять развалины с землей.

Кривая усмешка.

— Благо, я был не настолько смел и безумен, чтобы перечить отцу. А потом умер. И все изменилось. Я вернулся к городу, точнее... меня вернули. Не одному мне в свое время надоело сторожить границу. Но и желающих сунуться наобум не было. Легионеры... мало что способны рассказать. Лассар изначально был против. Он надеялся, что со временем тьма истощит себя. Безопасный путь.

И пожалуй, верный.

— А меня отправили на разведку. Только, стоило мне переступить границу, и я услышал её. Теплую. Обволакивающую. Родную. Она

обещала... в общем, мне стоило больших трудов не поверить. И вернуться. Больше я туда не совался.

— Останешься?

— Нет.

— За замком нужно присмотреть. За людьми. Здесь ведь... все эти... фрейлины.

А с ними служанки. Слуги. Конюхи и кони, ибо на кораблях для лошадей места нет. Стража, потому что идут далеко не все. Чужаки.

— Отправь их в город, — посоветовал Ксандр.

— Уже. Здесь не безопасно. Одну тварь мы уничтожили, хотя, конечно, странно, что до этого не додумались раньше, — Ричард постучал пальцем по столу. — Почему? Они ведь были опытнее. И знали больше моего. А все равно...

— Они были людьми, Ричард. Просто людьми.

Возможно, и так. Но все одно не объясняет.

— И знаешь, — Ксандр выглядел задумчивым. — Я никогда не видел, чтобы твой отец... или его отец... или кто-то из рода мог делать с Тьмой то же, что делаешь ты.

— И?

— И, возможно, у них и вправду не было иного выхода. А что, если они не умели?

— Повелевать тьмой?

— Титул мог быть просто титулом. К примеру, я, когда был жив, я бы не рискнул позвать её. Наоборот, мы держались от тьмы подальше. Не позволяли ей выйти во внешний мир. Охраняли людей от монстров. И знали, что тьма — зло.

— Тогда... как?

— Понятия не имею. Ты... ты это и раньше делал. А я просто не задавал вопросов. Отучили, знаешь ли.

Ричард посмотрел на свои руки. Обычные. И тьма... она всегда ощущалась не чем-то враждебным, скорее уж родным.

Близким.

Она была понятна. И она всегда существовала рядом, как и Ксандр. Наверное, это от одиночества, нормальный человек не станет разговаривать с тьмой.

Той самой, которая зло.

— Я совсем запутался, — признался Ричард. — То есть, получается... ничего не получается. А тот свиток? Помнишь, ты говорил. Закономерность. Чем больше нас, тем чаще прорывы. Или наоборот? Это как понимать?

— Как теорию и только. Или проявление какой-то иной, мне не доступной, связи. Я ведь тоже не всеведущ, знаешь ли.

— Лассар...

— Я говорил с ним. Он обозвал меня идиотом. Но, кажется, он и сам не знает правильного ответа.

— А кто знает?

Ксандр промолчал.

Кто... не тот ли, с кого все началось? Та... если это женщина... какая разница, кто? Главное, что ответы будут и там, в городе.

— Ты все-таки останешься, — Ричард поднялся. Временя стремительно уходило. И надо бы собраться, надо бы... что-то сделать.

Реальное.

А он сидит и разговоры разговаривает.

— Нет, — спокойно ответил Ксандр.

— Я могу приказать.

— Можешь. Но не станешь.

— С чего ты так уверен?

— С того... если кто и способен изменить все, так это ты, Ричард. Ты не такой, как они, — Ксандр махнул рукой. — Как я... когда был жив. Как мои братья. Или мои потомки, что смотрели на меня свысока, снисходительно, что отказали мне в праве на имя только потому, что я умер. Я не знаю, хорошо это или плохо, но... ты не такой. А это шанс. И я не прощу, если не воспользуюсь им.

Он помолчал и добавил.

— Если мы все не воспользуемся.

Глава 3 О том, что все дороги куда-то да ведут

«Женщина добрая и телом обильна. Поступь её величава. Волос долог. И взгляд преисполнен покоя. Именно такая женщина будет плодовита. Несет она мир и отдохновение для мятущейся души мужчины. Тогда как иная, телесной немочью измождена, и сама пребывает в вечном беспокойстве, и всякого, кто припадет к источнику её женственности, оным наделяет»

«Наставления молодому евнуху»

Дорога.

Что сказать про дорогу? Протянулась она от одного края мира к другому, а главное, что совершенно не понятно, куда идти.

То есть, ворота вот имелись, уже не утопая в тумане. Тот вовсе взял и растаял, позволяя разглядеть и эти самые ворота, обвалившиеся посередине, и дорогу, что шла сквозь них и куда-то туда, к заброшенному городу. И... и сам этот город, такой близкий, опасный, но теперь казавшийся самым обыкновенным.

Развалин она, что ли, не видала.

Брунгильда погладила секиру, успокаивая скорее уж себя.

— И что делать станем? — деловито поинтересовалась рыжая девка и поскребла мосластую ногу. Нога была совсем не девичьей. Да и...

— Идти надо, — вздохнула Мудрослава и девицу за рукав дернула.

— Куда? В город я совсем не хочу, — Летиция Ладхемская села прямо на пыльную траву. Платье её посерело, да и сама она, той же пылью покрытая щедро, гляделась жалко.

— Ну... — Ариция поглядела на небо. — Можно и не в город. От города. Дорога-то вон, есть. И солнце стоит высоко.

— Что с того? — Теттенике поправила венок из роз. — Мы не знаем, откуда пришли. Стало быть, не понятно, куда выйдем, если

пойдем по этой дороге.

Логично.

Где-то там, вдалеке, высились горы. Но были ли именно эти горы нужными, Брунгильда не знала. А если и были, то попробуй-ка до них добраться. Не говоря уже о том, что перебраться надо.

— Слушай... — а рыжая повернулась к сестрице. — А ты можешь там... не знаю... дракона найти?

— Думаешь, так легко найти дракона? — возмутилась Мудрослава.

— Ладно... но хоть ворону какую. Вороны-то чаще встречаются.

— И?

— И пусть та взлетит. А ты посмотришь. Глядишь, станет чего и понятно, — объяснила рыжая, платье одернув. — Чего? Если есть дар, надо использовать.

И все посмотрели на Мудрославу.

— Это не лишено смысла, — сказала Брунгильда осторожно и тоже присела. Ноги ныли. И ведь не сказать, чтобы прошли они много. Хотя... и не сказать, чтобы мало. Туман был. Серый. И тени в нем. Крики какие-то. Вой. А главное такое вот давно позабытое ощущение, что она, Брунгильда, потерялась.

И потерянною бродила.

А потому как знать... да и дальше идти придется. И значит, отдых — это правильно.

— Здесь как-то не особо чисто... — заметила Теттенике, поморщившись.

— Отдыхай, — Брунгильда хлопнула по земле рядом с собой. — А то когда еще выпадет.

— Солнце и вправду высоко, — рыжая села на землю и спиной оперлась на ворота. — Но век оно в небе стоять не будет. Надо определиться. Потому что когда наступят сумерки...

Стало не по себе.

Вспомнился вдруг опять туман. И вой, и...

— Я попробую, — Мудрослава опустилась на колени, потом и вовсе села. Закрыла глаза. Прижала пальчики к вискам. — Но ничего не обещаю, потому что...

Договорить она не договорила, покачнулась, оседая на бок, и была подхвачена рыжей.

— Получилось? — спросила та у Брунгильды и почему-то шепотом.

— Не знаю, — также шепотом ответила Брунгильда, и все разом уставились на бледное лицо виросской принцессы. Летиция подползла поближе и прижала пальцы к шее.

— Живая...

— И так видно, — Теттенике отстранилась. — Вон, глаза ходят.

— Как и в тот раз...

— А на лице у неё... — это уже Ариция и руку протянула, но трогать не стала. А ведь и вправду, будто узор проступает. Тонкие ниточки, то ли выюнок пополз, раскидывая хрупкие листочки, то ли кто, невидимый, рисовать взялся. Узор сложный, завораживает. Вот и цветы распустились, и...

Мудрослава распахнула глаза. Зрачки её расплылись, сделавшись черными, а из горла донеслось рычание. И оскалилась она совершенно по-собачьему.

— Ты того, — строго сказала ей сестрица. — Только не кусайся.

А потом добавила.

— Она с детства кусучею была! Вот честное слово! Помнится, одного разу так угрызла, что шрам остался.

— Сам... сама виновата, — просипела Мудрослава, вцепившись в руку рыжей. — Нечего было пряник отбирать.

— А ты дразнилась!

— А ты...

— Может, хватит? — Теттенике подобралась ближе и, уставившись жадно, спросила. — Что ты видела?

— Дракона, — Мудрослава все-таки села и потеряла глаза. — Пить...

Воды не было.

Еды тоже. И солнце... права рыжая, оно-то высоко, но тут такое, моргнуть не успеешь, как покатится к земле. А там и сумерки лягут. С ними же выползут на свет божий твари всякие, которые до того прятались.

— Плохо... — Летиция взяла виросску за руки. — Я кое-что умею, но так... это еще когда меня целительству обучать пытались. Вот... и воду надо искать. Без неё долго не протянем. На такой-то жаре.

И только тогда Брунгильда поняла, что и вправду жарко.

Так жарко, что лезвие секиры нагрелось.

— Там... есть озерцо... или пруд старый. Грязный. Не знаю, насколько можно пить, — Мудрослава облизала пересохшие губы. — Он придет... не сейчас... сейчас далеко она. Но придет. Я позвала. И еще она помнила. Бывала здесь. Оказывается, я и памятью её воспользоваться могу. Не всей. И странно это, если с высоты. Все иначе.

— Так что ты видела?

— Видела, — Мудрослава подобрала ноги. — Город видела. Он огромен... знаешь, куда больше нашего... и вообще, не думаю, что сейчас есть что-то подобное. Он... одна часть совсем в развалинах, еще что-то затопило. Море. Туда она не сунулась.

— Кто?

— Драконица. Боится чего-то. Не важно. Дорога эта... она, если за город, то недалеко идет. Там, дальше, — Мудрослава махнула рукой. — Она обрывается. Провал в земле, а еще остатки моста. Может, древнего, может, не очень. Но пройти не получится. Потом горы еще... в горах нам точно не выжить. Не в таком вот...

И замолчала.

— А если... — осторожно начала Летиция. — Просто... не в сам город, а... к горам? Нас ведь будут искать? Будут?

Голос её прозвучал до крайности жалобно.

Захотелось ответить, что всенепременно, но... правда-то в другом... Ворон? Он, конечно, старый друг. И больше, чем друг. Он был вторым отцом. И захочет найти Брунгильду. Не бросит. Но это он. А остальные? Их-то ничего не держит. Они могут вернуться домой.

И все сделают вид, что ничего-то не случилось.

Отец, может, погорюет, но... но и подумает, что к лучшему оно. Ведь купец был. И Никас. И как-то даже придется объясняться, почему так вышло с Никасом. Купец, небось, не поверит, что сам он виноват, что и вправду чернокнижием занялся. И вообще, будь Брунгильда жива, пришлось бы за Никаса виру платить. И купец, сколь бы ни говорил он о дружбе, а момента не упустил бы.

Ворона жаль...

И себя тоже. Но не настолько, чтобы плакать.

— Не уверена, — тихо сказала Ариция. — Может... может, это тоже выход. Для них. Объявят там, дома, что мы заболели и умерли. Траур назначат. Маму, конечно, жаль.

Она вздохнула.

И Летиция тоже. А потом обняла сестру и строго сказала:

— Мы еще живы.

— Именно. Меня тоже не особо ждут, — Теттенике поглядела на небо. — Брат, конечно, захочет найти, но... у него советники. Будут отговаривать. Глядишь, и отговорят. Хорошо бы, если бы отговорили.

— Хорошо? — возмутилась Мудрослава.

— Конечно, — степнячка поглядела на принцессу снисходительно. — Я люблю своего брата. И я хочу, чтобы он жил долго. Чтобы вернулся домой, к отцу. И чтобы, когда придет срок, принял из рук его золотую плеть. Чтобы... чтобы взял себе жен. Много. Хороших. Сильных. Как она.

И показала зачем-то на Брунгильду, отчего стало как-то стеснительно, что ли.

— Как она? — удивилась Летиция, и за это удивление захотелось отвесить ей затрещину.

— Сильная женщина — честь для мужчины. Такая не выберет слабого, — спокойно пояснила Теттенике. — И если бы... брат на неё смотрел. Но чужую невесту сватать нехорошо. Недостойно. А вот если бы перестала быть невестою, он бы отправил своих советников. И выкуп бы заплатил. Добрый. Лошадьми ли. Золотом ли. Мой брат богат.

— Сватаешь? — поинтересовалась рыжая.

— Сватала бы. Там. А здесь... если они пойдут, то погибнут. Я такого не хочу брату.

Снова стало тихо. И тишина эта была по нервам. И еще... странно... она, конечно, сильная, но вот так... почему-то неудобно даже думать. А степняк этот... Брунгильда его помнила. Невысокий, гибкий и да, пожалуй, что сильный.

Той особой мужской силой, которая чувствуется.

Пошла бы она за такого?

Пожалуй... пожалуй, что и пошла. Отчего нет? В степи нет моря, но есть солнце и лошади. И была бы у неё своя семья. Детки... интересно, какие были бы дети... хотя, чего уж тут.

Брунгильда потрянула головой.

— В горах мы не выживем, — сказала она. — Тут жарко. А там будет холодно. Очень. И кто умеет по скалам карабкаться?

Тишина.

— Можем остаться тут, — Ариция поглядела на ворота с подозрением. — Вот верите или нет, мне туда совершенно не хочется...

— А кому хочется, — Мудрослава вытерла сухой рот. — Но и здесь тоже не вариант.

— Открытое место, — поддержала её Брунгильда. — Тут если кто нападет, не отобьемся. Да и вода... если кто и пойдет искать... вдруг... ну, мало ли...

В это не особо верилось.

— Пойдет, — Летиция поднялась и потрянула головой. — Повелитель.

— Этот...

— Он, может, и не особо впечатляет, но показался мне человеком порядочным. Да и ты сама, Тет, сказала, что он придет. Обязательно. Значит, нужно его дожидаться. Слава, покажешь свое озеро?

И Мудрослава тоже поднялась.

А где-то вдалеке раздался крик. Может, драконий, а может, конечно и не совсем.

Ричард хмурился. И вот... вот почему мужчины такие упрямые? А?

— Нет и еще раз нет, — сказал он строго, до того строго, что прямо захотелось перед ним в струнку вытянуться. — Ты отправишься в город. Вместе со всеми. И будешь ждать.

— Но...

— Послушай, пожалуйста, — вот когда он говорил так, у меня совесть просыпалась. — Ксандр ведь прав.

— Он идет.

— Он все-таки воин. И из рода Архаг.

— А я нет?

— А в тебе кровь демона, — Ричард перехватил мои руки и прижал к щекам. Теплые. И смотрит так, серьезно. — И она просыпается. Ты ведь чувствуешь это, верно?

Хвост раздраженно щелкнул.

— Чем ближе город, тем сильнее тьма. И тем сложнее станет противиться её зову.

— Ксандр...

— Уже сталкивался с ней. И у него есть шанс устоять.

— А у меня нет? — знаю, что звучит глупо. Что... что я не капризная девчонка, а взрослый разумный человек. С рогами и хвостом, но все равно человек. И... и надо вести себя по-взрослому.

И вправду, чем я там помочь могу?

Вдохновить на подвиг?

Они и без того вдохновлены до крайности. Тогда что? Я ведь буду обузой... я и в походы редко ходила. Оружие... ножом столовым порезаться могу. Куда мне в Проклятый город? К демону? К тому демону, что, быть может, ждет моего появления.

И еще Ричард прав.

Эти вспышки гнева, эти противоестественные желания убить кого-то... оно ведь неспроста. А значит, мне правильнее будет держаться в стороне от того, что усиливает кровь демона.

Ярость демона.

Иначе...

Предсказание вполне может сбыться.

— Хорошо, — мне больно это говорить. И душа болит, душа исходит кровью. — Только вернись, ладно?

— Я постараюсь.

— И... и не лезь вперед! В конце концов, кому нужны эти подвиги...

Он кривовато усмехнулся.

— Драконов не дразни.

— Обещаю.

— Мне не нужны... да ничего не нужно, ни сокровищ, ни... ни вообще ничего такого. Только сам вернись. Пожалуйста.

Наверное, я готова была бы... да все отдать. Рога, хвост и крылья огненные. Себя саму. Душу, если она у меня еще осталась. Жизнь в этом вот мире. Только бы он вернулся.

— Я действительно постараюсь, — Ричард поцеловал мои ладони.

А я поцеловала его.

Вот так. При всех. Людей ведь во дворе изрядно и... и плевать! Пусть видят! Что рыцари эти, в белоснежных доспехах, что коронованный Светозарный, волосы которого растрепало ветром. И выглядел он именно тем, кем был, — рыцарем без страха и упрека.

Идеальным.

Пусть смотрят ладземцы.

И вироссцы. Островитяне, что держались дружной вооруженною толпой. Пусть...

— А ты постарайся... просто дождись, — тихо попросил Ричард.

— Обещаю.

И ведь в тот момент я искренне верила, что сдержу слово. Что ж... с женщинами такое случается.

Глава 4 Где корабли выходят в море

«Спряла она пряжу, а с неё соткала ткань, на диво тонкую и мягкую, такую, что водой сквозь пальцы текла. И сказала сиротка: «Вот, матушка, будет то сестрам дорогим подарок, в знак моей любви и благодарности. Сошью из этой ткани платья, и тогда-то не будет во всем селе девок краше». Так оно и получилось. Сшила сиротка из ткани наряды, каковых, верно, и в королевском дворце не видывали».

Сказка о бедной сиротке, мачехе её и сестрах.

Ричард смотрел, как медленно, суетливою змеею выползает из ворот обоз. Люди... как вышло так, что в замке собралось столько людей? Ржали лошади. Скрипели телеги и повозки. Кто-то кричал, кто-то ругался. И вся эта разноцветная толпа казалась чем-то единым, неделимым. А ведь вироссы смешались с ладхемцами, и степняки среди них не так уж и выделялись.

— Дойдут, — сказал ладхемский посол, хмурясь. — Тут ведь недалеко.

— Дойдут, — согласился виросец. — Я оставил указания. В городе... как-нибудь да разместятся.

— Я отправил в городскую управу посланника, — Ричард заставил себя отвернуться. Демоница... она ведь обещала.

Она разумна.

И не станет делать глупостей вроде тайного побега... и... и взгляд то и дело останавливался на одинокой фигурке, что замерла в стороне от ворот. Правильно. Она уйдет в числе последних.

Четверки Легионеров достаточно, чтобы защитить его женщину.

Невесту.

— Помогут. И с жильем. И... с прочим. Сказал, чтобы ждали десять дней. Если не вернемся... их отправят домой. Дорога давно уже безопасна. И караваны ходят часто.

— Хорошо, — виросец отер лицо. — Но государь будет недоволен.

— Не только ваш, — ладхемец привстал на стременах. — Кого мы ждем?

— Никого, — и Ричард тронул коленями жеребца. И старый друг четко уловил пожелания всадника. Он с ходу взял в галоп. И подковы зазвенели по камню.

Мимо мелькнули люди.

И повозки.

И... Ричард вернется. Обязательно. Он сделает все, чтобы... чтобы замок снова ожил. Это ведь не так и сложно. Душницы больше нет. С демоном... что-нибудь тоже придумает. Должен же быть способ повергнуть демона, даже такого древнего.

Главное ведь другое.

Его ждут.

Его впервые в жизни ждут. И верят, что он, Ричард, вернется. А значит, у него нет права обмануть эту веру.

Именно.

Дэр Гроббе удалился сразу после разговора. Корабль готовить. Островитяне ушли тогда же. А значит, надо поспешить. Солнце давно перевалило за полдень, того и гляди, понесется к земле. А ночью... старые проливы — не то место, где можно безопасно ходить и днем.

Надо...

Он свистнул, и конь прибавил шагу. До города и вправду недалеко. А там...

Корабли ждали. Разные такие. И тот, что принадлежал дэру Гроббе, казался почти игрушечным по сравнению с узкой длинной ладьей островитян. На носу её ощерился дракон, разрисованный синей и красной красками.

Сходни.

Бледный градоправитель, который беспрестанно кланяется, заверяя, что все-то будет распрекрасно. Но голос его подрагивает, да и в целом не хватает ему уверенности.

Слуги, что спешат принять лошадей.

Люди, которых тянет с пристани. И смотрят, а во взглядах читается страх. Надо бы что-то сказать, но в голове царит пустота.

Лассар понимает.

Хмыкает.

— Мы, — его голос гремит. — Отправляемся, дабы повергнуть древнее зло! И земли эти обретут свободу.

Кто-то хлопает, но вяло. А градоправитель сгибается еще ниже.

— Ты, — тяжкая ладонь Командора падает на плечо, и колени градоправителя, человека сухопарого и невысокого, подгибаются. — Проследишь, чтоб тут порядок был. Ясно?

— Д-да.

— Вернусь и проверю лично.

Эта угроза вызывает нервную дрожь. А Лассар отпускает жертву.

— Вы все, — теперь он обращается к людям, которых с каждой минутой становится все больше. — Вы живете на этих землях. И представляете его милость.

Тычок в спину заставил Ричарда распрямиться.

— Бочку бы тебе какую, — задумчиво протянул Ксандр. — Для солидности.

— Иди ты...

— А потому вам надлежит показать, что вы гостеприимны. И позаботиться о тех, кто оказался в тяжком положении...

— Всенепременно... — выдавил градоправитель. А до Ричарда донеслось.

— А рыцари-то, рыцари, поглянь, какие... ажно блещут. Чем они доспехи натирают-то?

— Вестимо, зубным порошком. Я тебе еще когда говорила, бери, не пожалеешь. Будут твои сковородки блишчать, как рыцарев шлём!

— Ой, молоденький какой... и с короною...

— Так это того...

— Слыхали, кажут, что принцесс дракон унес. И стало быть...

— Какой дракон?!

— Обыкновенный! Его давече в Запрудах видали. Вот мой кум и видал! Аккурат, что тебя!

— Знаю я тваво кума... кого он только не видал! На грудь возьмет, от и сразу драконы мерещутся...

— Так-то оно так... — возразили из толпы. — Но тот всамделишный был! Оно ж как? Ежели где принцесса заведется, так сразу тамочки и дракон.

— Говоришь, что будто это мыша какая...

— Знаете, — тихо проговорил ладхемский посол. — Теперь я уверен, что здесь живут обычные люди.

— Почему? — поинтересовался Ричард.

— Да вы послушайте...

— ...а я тебе говорю, стало быть девки того, нецалованные. Иными-то дракон брезгуешь! Табой бы точнехонько побрезговавши б...

— ...а в лоб?! Глаза твои бесстыжие... глупости говоришь! Какое драконам до этого самого дело-то? Или думаешь, он девок крадет, чтоб портить?! Жрет он их! Жрет! А какая разница, чего ему жрать, девку или бабу?! — женщина почти перешла на крик.

— ...мне-то откудава знать-то? — возражал ей мужчина. — Я, чай, не дракон... может, у девки мясо мягшее... ты он костистая, что прямо...

— Я, стал быть, костистая? Я?! Люди добрыя, вы токмо...

Конь ткнулся мордой в ладонь и вздохнул. Люди... люди оставались людьми и это успокаивало.

— А доспех, — сказал Ричард Светозарному, который тоже слушал и улыбался, презадумчиво так. — Доспех лучше снять. В доспехе точно не выплывешь, если что...

И невидимая рука сдавила горло.

А ведь не обязательно... да, Ричард ошибся и девушки пострадали по его вине. И он готов признать. Искупить как-то. Компенсацию предложить.

Это ведь вполне нормально в подобных случаях.

Поторговаться придется, но примут. Никуда не денутся. А лезть самому в пасть к демону по меньшей мере неразумно. Этак не только Ричард, но и весь мир сгинуть может. Его ведь кровь держит запоры, а стало быть... стало быть, логичнее будет, если Ричард останется.

Здесь, в городе.

Можно послать Лассара, если уж на то пошло. И Легионы. Ксандр опять же, раз уж рвется. А Ричард...

Он решительно ступил на сходни. Может, он никогда-то не был героем. Но и трусом тоже. Не был и не будет.

Я не плакала.

Вот, наверное, момент был подходящим, но я не плакала. Стояла... смотрела... мучительно улыбалась, потому что, может, Ричард и не видел моего лица, но вдруг? И к чему ему слезы? Я ведь верю.

Нет, я знаю, что он вернется.

Обязательно.

Он ведь Повелитель Тьмы, и стало быть прикажет ей убратся. Из города. И демона тоже одолеет. У них ведь есть и новый Император, и меч очень древний.

Лассар.

Ксандр.

Легионеры и люди. Много людей и много оружия. Хватит, чтобы справиться с одним-единственным демоном. А я... я просто подожду. Так ведь всегда было. Исторически. И дама в башне — это не только красивая картина, но еще и вывернутая наизнанку душа.

За спиной молчаливыми статуями высилась пара Легионеров.

Так оно спокойнее...

Люди ведь. Люди демонов недолюбливают.

Мимо с душераздирающим скрипом проползала карета. И из окна выглянула напудренная девица.

— Демон! — взвизгнула она, указав на меня. — И она тут!

Карета прокатилась, а вот люди... не то, чтобы кто-то рискнул бросить в меня камень, но взгляды... взгляды были совершенно однозначными. Мне даже холодно стало от такой незамутненной ненависти.

Что я им сделала?

Ничего.

Наверное, они просто боятся. Ведь и вправду исчезли принцессы, а еще девушку убили, пусть даже не я, но кто в это поверит? Куда проще обвинить одну присутствующую демоницу, чем какого-то абстрактного чернокнижника.

— И что мне делать? — поинтересовалась я.

Никто не ответил.

Так мы и стояли. Долго... повозки все тянулись и тянулись. И стоять на жаре было тоскливо. Да и зачем, если и Ричард, и рыцари давно уже скрылись где-то там, в дымке горизонта.

Я отступила.

Вздыхнула. И развернулась. Надо бы вещи собрать, что ли, если уж уезжаю. А уезжать не хотелось. Категорически. Что-то сомневаюсь, что в городе ко мне иначе отнесутся. Я ведь все-таки демон. И не расскажешь же, что дефективный.

И Замок.

Я чувствовала его печаль. Одиночество. И не удержалась, коснулась камня.

— Они вернутся. Он вернется. Веришь?

Тихо скрипнула дверь.

А с другой стороны... вот зачем мне уезжать-то? Душницы нет. Твари... ну, твари, конечно, дело такое... но опять же, даже если эти порталы открывались где-то там и кто-то в них попадал, то случалось это нечасто.

Так?

Плюс я вовсе не так уж беззащитна. И опять же, легионеры.

Правда, оставались кое-какие нюансы...

— Ты готовить умеешь? — поинтересовалась я, обернувшись. И пальцем ткнула в грудь легионера, отчего он отступил. — А то ведь я как-то... не очень.

Он подумал и осторожно кивнул. А потом руками развел и помахал, довольно-таки экспрессивно.

— То есть, высокая кухня не для тебя, — поняла я. — Но в целом с голоду не помрем. Устраивает.

И стало как-то легче.

Не только мне.

Замок тоже обрадовался. Я его понимаю. Одиночество ведь никому на пользу не шло. Даже замку.

— Мы... мы чем-нибудь займемся. Чтобы не думать о плохом. Например... не знаю, уборкой? Всегда её ненавидела. Но вот если надо отвлечься, то уборка — самое оно.

Наверное, это признак душевного нездоровья, разговоры вслух, но тишина давила. И... и я просто пошла. По комнатам... заглянула в одну, отступила, до того резко в ней пахло духами. Стало быть, жил кто-то... кто-то жил.

И замку это нравилось.

Несмотря на духи, которые словно разлили. И на мятое покрывало, сброшенное цветною кучей. На опрокинутую вазу и лужу

под нею. Отпечатки на ковре...

— Они вернутся. Потом. Когда-нибудь... — я подняла вазу. И покрывало тоже. Встряхнула и сложила. Потом разберусь, куда его.

А ведь слуги из местных, те, которых дэр Гроббе нанимал. Они тоже уйдут?

Нет.

В следующей комнате меня встретила пухлая девица, нервно прижимающая к груди мятый ком простыней.

— Г-госпожа? — выдавила она.

— Я, — согласилась я как-то обреченно. — А ты кто?

— М-м-маришка... убираюсь. Вот.

— А домой? Со всеми?

— Так это... сперва убраться. А потом домой.

— И... много таких тут? Как ты?

— Я. И еще Улька, — она как-то вот успокоилась. — Нихта, ей вовсе идти некуда. У ней мачеха злая. И батька запойный. И...

— Раз некуда, пусть остается, — решила я. — А ты?

— Так и я... мне ж того... там и без меня, — она махнула рукой. — А вам чего?

— Ничего. Так... смотрю.

— После гостей, — Маришка понимающе кивнула. — Оно-то да. Оно-то надобно. У нас, помнится, к старостихе минувшим годом свояки приезжали. Так опосля гребень серебряный пропал. Очень она по нему убивалась.

Это да, за гостями глаз да глаз нужен.

— Сочувствую, — сказала я. И тут же поинтересовалась. — А готовить вы умеете?

— Так... готовим, — Маришка явно удивилась. — А чего надо-то?

— Ужин. На... на одну персону.

И опять тошно стало. Я тут порядки навожу, ужины заказываю. А он там... они там... что они делают? И откуда это ощущение грядущей беды? И еще очередной ошибки, которую я сделала?

Слезы на глазах опять же.

Но плакать... нет, демоны не плачут.

Я развернулась и тихо вышла. Нечего людям мешать. И все равно надо чем-то себя занять. Надо... иначе свихнусь. Вот будет радости-то

Ричарду. Он возвращается, всех одолевши, а тут невеста сумасшедшая.

Хотя... чего еще ждать от демоницы.

— Идем? — спросила я у молчаливого Легионера. — Куда-нибудь... только понятия не имею, куда.

Он кивнул. И в этом кивке мне примерещилось сочувствие.

Надо же...

Нет, точно с ума схожу. Или уже. Но в стене передо мной появилась дверь. И... и это был хороший повод её открыть.

В конце концов, оставляя девушку на хозяйстве, не стоит надеяться, что именно им она и будет заниматься.

Глава 5 Где случаются сюрпризы

«А когда нужда случается отбыть по делам, надлежит не столько увещевать жену строго, ибо пусть даже внемлет она уговорам, но всякому ведомо, сколь слаб дух женский и сколь падок он на всякие искушения. И потому человек разумный не станет полагаться лишь на слова, предпочтя им действия. Увези жену из града великого, оставь её в поместье малом, окружи верными слугами да приставь сродственницу из тех, что богата годами, но и только. И пускай она со всею страстью блюдет честь родовую»

*«Наставления для супруга во счастье семейное»,
писанные безымянным монахом.*

Теттенике открыла глаза.

Она... она была.

Где?

И... и что с ней случилось-то? Она помнила. Туман. И зеркало. И золотые тропы, что сами легли под ноги. Выбирай любую. Только потянись, и откроется, отворится тайное. Теттенике потянулась, перебирая одну за другой. И... что дальше-то?

Что-то произошло.

Она ведь почти поняла. Почти выбрала правильную тропу. Почти... и нить лопнула. Громко так. Так громко, что...

Она села.

Чихнула.

В носу что-то... что-то не то... пахло знакомо так. Сеном сухим и влажною, едва-едва скошенной травой. Так пахнет... где?

Хлебом.

Навозом.

Конюшня? Голова болела. Просто таки невыносимо.

— Эй ты, — в бок пнули. — Ишь, разлежся...

Больно! От боли она зашипела. И от непонимания. Как... кто... посмел...

В сумраке было видно крупное круглое лицо, а вот черты его расплывались перед глазами. Во рту пересохло. Сердце колотилось.

— Вставай, вставай! — её снова толкнули, опрокидывая на слежавшуюся солому, из которой отчетливо пахло плесенью.

Что произошло?

Что...

Теттенике с трудом, но поднялась. Сперва на четвереньки, потом... потом просто.

— На от, вычисти... дали боги помощника, даром, что рожей смуглый, а ленивый... — в руки сунули скребок. — И гляди у меня, хоть соринку на шкуре найду...

В нос сунули кулак.

Большой.

— Чего ты с ним возишься? — раздалось откуда-то сбоку. — Дай затрещину, чтоб место знал.

— Ага, а он еще нажалуется. Да и то... мало ли... кто их, желторожих, знает.

И человек отступил. Правда, недалеко.

— И хилый он больно. Не дайте боги, помрет ненароком... эй, есть хочешь?

Теттенике осторожно кивнула.

Она ничего не понимала. Или... это все ведьма! Ведьма что-то сделала, и Теттенике... Теттенике была там, по другую сторону зеркала. А теперь оказалась здесь. И... и где это «здесь»?

— На от, — ей протянули флягу и кусок хлеба. — А коня все одно вычисти, а то хозяин вернется и заругает.

Коня?

Только теперь Теттенике рискнула обернуться.

Коня...

Самого... она видела его прежде. И даже ехала верхом, если можно так назвать сидение в паланкине, что закрепили на широкой спине самого огромного, самого страшного коня из всех, кого только пришлось встретить Теттенике.

Его массивная морда нависала над ней.

Тело терялось в темноте, но теперь близость его, опасность, от него исходившая, ощущались кожей. Конь тихонько вздохнул, и горячее дыхание опалило кожу.

Что...

Голова качнулась. И наклонилась так, что Теттенике увидела свое отражение в огромном выпуклом зеркале глаза. Это... это не она!

Смуглое лицо. Плоское. Грязное. Темные волосы обрезаны коротко и торчат в разные стороны. Мятая рубашка съехала с одного плеча. Оно выглядывает, узкое, уродливое, побитое оспинами.

Она задохнулась одновременно от страха перед конем и от ужаса, осознания того, что с ней произошло. Драссар же, устав стоять, потянулся к Теттенике и осторожно, бережно, коснулся мягкими губами пальцев.

— Ишь... зверюга, — раздалось откуда-то из-за спины. — К такому-то и подойти боязно.

— Ай, тебе и не надо. Сказано же ж, что желторожий приглядит. Вот пусть нехай и приглядывает. А у тебя чего, иных делов нету?

Теттенике сглотнула.

Этот страх... драссары умные.

Брат говорил. А раз умный... Теттенике разжала пальцы, и конь осторожно, нежно даже, забрал горбушку хлеба. В животе заурчало. И... и кем бы ни был тот, кем стала Теттенике, он не ел довольно давно.

Ничего.

Она потерпит.

Она... она, содрогаясь одновременно от страха и странного предвкушения, протянула руку. И драссар ткнулся мордой в раскрытую ладонь. Горячее его дыхание опалило. И... нет, страх не исчез.

Но Теттенике сильнее страха.

А еще... еще она должна что-то сделать.

Вернуть.

Себя.

И... и с ведьмой сладить... рассказать... кому? Кто поверит мальчишке-конюшему? Пусть не рабу. Пальцы взметнулись к шее, и Теттенике выдохнула. Не рабу. Все-таки не рабу.

Из конюшни она выбралась чуть позже, обнаружив вполне себе удобную дыру, которую тот, кому принадлежало тело, хорошо знал. И потому тело это протиснулось меж двух досок, благо одна из них держалась на ржавом гвозде и поворачивалась легко.

Влево.

Там, снаружи конюшен, а то были совсем не замковые конюшни, пахло... странно. Людьюми. Люди всегда пахнут одинаково. Лошадьми. И еще чем-то, чему Теттенике не имела названия. Этот запах, такой свежий, такой непонятный, пугал и одновременно манил.

И город сам.

Каменные дома. Она никогда не видела прежде столько домов из камня. Разных. Больших и маленьких, хотя даже самый маленький был куда больше роскошного отцовского шатра.

Деревья.

И цветы в кадках... в степи цветы живут недолго, а вот здесь их поливали. И не жалели воды. Это тоже было не понятно. Зачем? Одно дело, табуны поить, но вот цветы...

И в кадках.

Перед одной Теттенике остановилась, не в силах отказать себе в удовольствии потрогать мягкие лепестки. Нежные. Нежнее самого изысканного шелка.

— Чего творишь, оборванец! — тотчас завопила толстая женщина откуда-то из окна. И Теттенике поспешила убраться. Кто знает, может, цветы трогать нельзя.

Все-таки не замок.

И она — не дочь кагана, а... а не понятно, кто.

Очутившись на пристани, она зажмурилась, до того ярким было солнце, отраженное водами. И сами эти воды представились ей ожившим серебром. Оно переливалось, блестело, сверкало. И редкие лодки казались такими крохотными, игрушечными даже.

Налетел ветер.

Швырнул водой в лицо. И Теттенике, облизав губы, удивилась тому, что вода бывает горькой. Как?

— Море это, — сказал старик, что сидел на берегу и щурился, тоже ослепленный волнами. — Что, не видал никогда?

— Никогда, — Теттенике не стала приближаться к старику. — Море?

— Море, море... — вздохнул тот. — А ты чего? Вашего ищешь?
Теттенике кивнула.

И почесалась.

Проклятье! Да у нее клопы! И хорошо, если только они.

— Так поздно уже ж, — вполне искренне удивился старик. —

Ушли оне. Еще вчерась.

Ушли?

Куда?

— Куда? — выдавила Теттенике.

— Туда, — старик махнул на серебристую гладь. — Девочек спасать. Как издревле. Девка, она-то вечно в беде...

В беде.

Еще в какой беде...

— Кажуть, что до самого Проклятого города дойдуть. На от, — старик протянул кусок лепешки, и Теттенике не стала отказываться. Лепешка была сухой, но показалось, что ничего вкуснее Теттенике и не пробовала. — Жалко их... помруть все. А молодые... мой батько-то еще когда говорил, что нечего туды соваться. И дед... а дед дело говорил.

Он пожевал губу.

Он был очень стар. И сквозь седину его проглядывала темная кожа черепа. На лице эта кожа собиралась складками, и в них терялись и морщины, и ясные, словно небо, глаза старика.

— Садись он. Погляди... — старик похлопал по траве. — Небось, у вас такого нету?

— Нету, — согласилась Теттенике.

Уехали.

Брат.

Брат бы... брат бы, может, и выслушал бы. Поверил бы? Теттенике знала, что сказать. И... и поверил бы. Конечно. Она бы... она бы рассказала о том, как он однажды пробрался в шатер. И старуха Шоушан не посмела прогнать сына Владыки Степей. Она хмурилась. Недобро шевелила бровями. Кусала губы. Но притворялась любезною.

А он все равно понял.

И сунул кулак ей поднос.

— Вздумаешь обижать сестру, выпорю, — сказал он тогда. И пусть голос его был тонок, но... Шоушан ничего не сделала.

И об этом Теттенике тоже рассказала бы.

А еще о том, как они убежали смотреть на падающие звезды. И до утра лежали на траве, пытаясь сосчитать все, до единой.

Но... что ей делать теперь?

Брат ушел.

И... и это на самом деле опасно. Она ведь видела! Только она и видела! Только она и знает... а теперь знание мучит.

— Ты чего? Плакать? Ты это брось, — старик протянул еще ломоть лепешки и кусок белого, щедро приправленного травами, жира. — На от, съешь. Тощий больно. Ничего, были бы кости, а мясо нарастет. Я в твои годы тоже не больно-то...

Он махнул рукой.

А Теттенике приняла неожиданный подарок и села рядом. Больше она старика не боялась. И лошадей тоже. Кажется. Если только самую малость.

— Море, — теперь она смотрела на него без восторга.

— Море... островитяне-то толк знают. Изрядные мореходы. Дед еще баил, что его собственный дед тех самых кровей. Не ведаю, только море мы всегда чуяли. И эти он, что приличными людьми казались, тоже море чуют... и было б простым, дошли бы. Думать нечего. Нет такого пути, который бы детям воды не открылся.

— Оно не простое?

Жир был соленым. И еще сладким. Он растекался по языку, по рту, и Теттенике зажмурилась. Что ей делать?

Что ей делать теперь?

В Замок...

— А то, еще когда... все случилось, туточки вовсе людям места не было. Только твари и были. И Замок от. А после-то... люди, они же ж как, было бы куда — пролезуть... там-то, по-за горами, небось, тоже не сладко. Вот и бежали, кому не было куда пойти. И охотники, и прочие, кто мог. Жили. Выживали. Кто как умел. Дед мой еще сказывал, что в иные времена Легионы крепко границу стерегли. А нонче, почитай, и нету этое границы, да...

— Море, — напомнила Теттенике. Слушать историю о стародавних временах желания у неё не было. Совершенно.

А кто её в Замке ждет? Будь она собою, то... то потребовала бы принять. И никто не посмел бы перечить. Не дочери кагана.

— Море... в море и так-то тварей всяких превеликое множество. Да... а уж когда тьма коснулась, так и вовсе сделались они ужасны. Еще мой прадед...

В душе шелохнулось раздражение.

У Теттенике тоже прадед имелся героический, но она же не приплетает его к каждому слову.

— ...тот говаривал, что в бухте старой живет зверь-кракенус. Навроде осьминога. Видал осьминога?

— Нет, — Теттенике покачала головой.

— На рынок сходи, поутряни туточки свежих привозют. От такой он, — старик развел ладони. — Сам-то... голова пузырем и восемь щупальцев.

Жуть какая.

— А кракенус тоже, только огромнейший. Может, с дом, а может, и поболее. Лежит он на дне, стало быть, зарывшись в ил. За годы многие зарос он песком, водорослями, камнями вот. Будто его и нету, — голос старика сделался низок и тих. И Теттенике подалась, чтобы лучше слышать. Правда, стоило ли верить услышанному, она пока не решила.

В её видениях подобного существа не встречалось.

— Лежит он, стало быть, и лежит, ни жив, ни мертв. Но стоит какому кораблю подойти к бухте, тотчас поднимутся щупальца кракенуса! И обхватят корабль, обовьют. А потом разломают пополам. И сам он поднимется, ужасный до того, что любой человек прямо так и рухнет со страху...

Брат ничего не боится.

Ни кракенусов, ни лошадей, разве что женитьбы, и то об этом страхе никто не знает. Теттенике и сама лишь догадывается, но не так, чтобы наверняка.

— Никому тогда спасения не будет! — продолжил старик, руки поднявши. — А меж щупальцев кракенуса обретаются иные твари. Белоглазые акулы с бездонными животами, длинные мурены, покрытые ядовитой слизью, прозрачные медузы, которые любого человека обнимут, запутают и растворят в себе.

Жуть.

И вправду, жуть.

— Так что, — старик убрал руки. — Зазря они морем пошли. Надобно было старой тропой.

— А... где она? — робко поинтересовалась Теттенике.

— Так... вестимо где. Где и была. Хотя... — синие глаза сверкнули лукаво. И старик погрозил пальцем. — Ты гляди. Одному соваться — дело такое... сожрут.

— Кто?

— Может, волки. Может, криксы. Мало ли там, в горах, нежити... тут главное что. Я сам того не ведаю, но слышал, что во времена стародавние...

— От прадеда? — не удержалась Теттенике. И старик хмыкнул.

— А от кого ж еще-то? Так от... во времена стародавние имелся прямо от Замка путь. И такой, который не каждому откроется, а кому откроется, так и приведет в город он. Вот. Прямиком.

Стоило ли этому верить?

Если бы в самом деле такой путь существовал, неужели не знал бы о нем Повелитель?

— Но тоже... мало ли чего люди бають? Вона, сказывали, что дракона видевши. А драконов еще когда приморили. Какие ноне драконы? Ящерки одни, — и старик поднялся. — Ты-то, малой, шел бы к своим, а то еще забидит кто. Уж больно хилый ты.

— Благодарю, — Теттенике тоже встала и поклонилась до самой земли. С неё не убудет. А старик... она пока не знала, как отнестись к его рассказу.

Но...

В Замок идти смысла нет. Или есть?

Кто там?

Если все ушли? То-то вот... а понять, куда ушли, надо. И как этот переход изменит будущее. То, виденное Теттенике.

Изменит ли.

И... и как знать, может, где-то среди золотых дорог найдется верная?

Старик ушел. А она еще раз посмотрела на море, вздохнула. Почесалась — верно, клопами дело не обошлось — и тоже двинулась к городу.

Думать.

И... и решать.

Пока она еще может что-то решить.

Теттенике вернулась к конюшням и нырнула в дыру. Огромный драссар лишь покачал головой. И виделась в том уккоризна. Да, его все-таки надо бы почистить. И гриву расчесать.

Только...

— Ты прости, — сказала Теттенике, когда конь ткнулся в живот, выпрашивая то ли ласку, то ли лакомство. — Я... я, наверное, глупая. Но мне надо подумать. Очень серьезно подумать.

Глава 6 В которой море встречает корабли

«И облеглись тогда волны, и море смирило ярость свою. Тогда-то увидали люди камни, что поднялись из пучины, и дев, что на камнях возлежали. Были девы прекрасны, как видение. И стлались по воде волосы их, темно-зеленые, словно драгоценный камень-изумруд. Сияла белизною кожа. От сияния того ослепли моряки. Но когда девы простерли руки к несчастным и запели, то и разум покинул их. И стали бросаться моряки в воду, спеша к прекраснейшим созданиям, желая одного — коснуться этой белой кожи, но не вышло ни у кого, ибо попадали они в волосы дев, словно в сети. И спутанные ими, обезумевшие и ослабевшие, опускались на дно»

Сказ о морской царевне и сестрах её

Что сказать о море? Оно ластилось к кораблям, норовило прыснуть в лицо белой пеной. И кричали где-то в вышине чайки. То ли о своем, о птичьем, то ли упреждая, что того и гляди беда случится.

Случится.

Всенепременно.

На душе было беспокойно, и Ричарда не отпускало престранное чувство, что он совершил ошибку. А главное, он раз за разом перебирал в голове и...

Да, ошибок он натворил немало.

Не следовало устраивать эти вот смотрины. И... и звать кого-то в замок, не разобравшись толком, что в замке этом происходит. Да и остальное тоже.

Чернокнижник.

Чернокнижница.

Её ведь так и не нашли, как и того, чье обличье она приняла. И вовсе не понятно, пересекал ли тот человек границу земель? Или его не стало еще там, в Вироссе?

— Неспокойно, — сказал Светозарный, подобравшись вплотную. Он глядел на волны и щурился. Море бликовало и слепило глаза, и потому ли, а может, скрывая слабость, люди прятались внутри корабля.

— Неспокойно, — согласился Ричард, донельзя благодарный за этот вот разговор.

— Я взял на себя смелость написать письмо. Изложить все, как оно есть... даже если мы не вернемся. Даже если случится...

Светозарный стиснул рукоять меча и нахмурился паче прежнего. Думать о смерти даже ему было неприятно. И Ричард вполне понимал его.

— Братья придут. Чтобы защитить людей. И... продолжить дело. Тьма и вправду со временем рассеется.

Хорошо.

То есть, рыцари — это хорошо... смешно, еще недавно они полагали Ричарда злом. Да и сам Ричард не относил Орден к числу света, но сейчас мысль о том, что хоть кто-то будет знать правду, грела душу.

Вот только...

— Возможно... — Ричард замялся, поскольку одно дело думать, а другое говорить о подобном вслух. — Возможно... она и вправду развеялась бы со временем. Если бы город оставили в покое.

Светозарный кивнул.

— Если тьма вырвется, ордена не хватит, чтобы совладать с нею. Это я понимаю.

Не только он.

Ричард вздохнул.

— Я виноват, — сказал он.

— И не только ты. Я тоже... — Светозарный приложил ладонь к глазам. — В хрониках Ордена много есть о чернокнижниках. И чернокнижии. Когда-то мы славились тем, что умели находить... проклятых. И избличать их. Правда, сейчас поговаривают, что не было нужды в том избличении. И что не так уж часто встречались чернокнижники, как горели костры. И что порой и Орден, и Храм был предвзят... не важно. Главное, что я-то должен был понять. Сразу.

— И много ты чернокнижников встречал?

— Я? Ни одного, — признался Артан. — Но меня ведь учили...

— И меня учили. Но выходит, одной учебы не достаточно.

— Именно. Остается лишь надеяться, что они еще живы.

— Живы, — подтвердил Ричард. — Иначе... сказали бы. И мне кажется, что они останутся живыми. Она их оставит.

— Хозяйка города?

— Хозяйка... — звучало вполне логично. — Именно. Хозяйка... ей нужны не они. Или не только они. Я.

— И ты придешь.

— Приду.

— Тогда стоит отдохнуть, — Артан погладил меч. — Мне не хочется с ним расставаться. Вот совершенно. И с короной. Я даже спал в ней. Нисколько не мешает.

Ричард хмыкнул. Было странно думать, что эта вот железка немалого веса и не мешала. Он посмотрел на корону. Нет. Ничуть не изменилась. Железо. Ржавчина. И темные потеки патины, покрывающие металл. Ни тени величия и благородства.

Хотя... это скорее уж у него превратные представления о величии с благородством вкупе.

А море меняло цвет.

Незаметно, исподволь, как это бывает со стихией и вправду могучей. И бледная бирюза волн наливалась цветом. Да и сами они касались бортов уже не игриво, ласково, а с раздражением. И каждый удар их отзывался в теле корабля дрожью.

А Ричарду подумалось, что здесь, по-над водой он ничего не может.

И не только он.

— Знаешь, — пробормотал Артан, вглядываясь куда-то вдаль, — вот... появилось такое чувство, что надо было идти по суше.

Пожалуй, он был прав.

Матросы засуетились. И дэр Гроббе возник, словно из ниоткуда.

— Шли бы вы, ваши сиятельства... вниз.

— Мать, мать, мать, — хлопнул крыльями попугай и покосился выпуклым глазом на Ричарда. Хохолок его поднялся, а массивный клюв щелкнул, будто попугай собирался выразиться куда как определеннее, но промолчал.

В лицо плеснуло водой и резко, словно пощечину залепило.

Ричард отряхнулся.

— Непокойно, — сказал он зачем-то.

— А то... — дэр Гроббе отер лицо рукавом. И перекошенной шрамом лицо его скривилось. — Сейчас войдем. Потряхнет.

Корабль и вправду содрогнулся.

А небо, еще недавно светлое, высокое налилось чернильной чернотой. Кляксами поползли тучи.

— Вниз! — проревел дэр Гроббе, рукой махнув. — А то смует.

Вниз не хотелось совершенно. И здесь, наверху, Ричард чувствовал себя беспомощным, а уж сама мысль о том, что он вот-вот окажется заперт в тесной коробке трюма и вовсе приводила в ужас.

И он мотнул головой.

Нет уж. Если тонуть, то с полным осознанием происходящего.

Дэр Гроббе молча бросил веревку.

— Привяжитесь.

— Тесь-тесь-тесь... — закричало в ответ эхо. А черные капли упали на воды. В какой-то момент показалось, что вовсе море и небо сделались неразличимы.

Ричард обмотался веревкой.

Светозарный сделал то же. Он обеими руками вцепился в борт. И продолжал вглядываться в темноту. Упорно. Зло.

Громыкнуло.

И от грохота этого корабль задрожал. А потом медленно стал подниматься. Выше и выше. Палуба заскользила под ногами. Кажется, Ричард услышал и протяжный треск-стон дерева.

Подумалось, что если они утонут, это будет на диво глупая, бесполезная смерть.

Но подъем сменился падением, столь стремительным, что от удара Ричард не удержался на ногах. Сверху накрыло волной. И горькая вода полилась в уши, в рот, в нос. Она, эта вода, намочила волосы, и шею, и одежду. Стало вдруг холодно.

А корабль снова поднимался. С натужным скрипом. Едва не рассыпаясь на части.

Да что это...

Слева мелькнула бледная тень.

Мелькнула и исчезла.

А справа донесся протяжный вой. И на него ответили.

— Нечисть, — это Ричард скорее угадал, пусть даже лицо Светозарного казалось сплошным белым пятном. Но все одно угадал.

Услышать что-либо в этом реве ветра и волн было невозможно.

Угадал и согласился.

И стиснул рукоять меча. Не древнего, еще не оваянного славой, но вполне себе надежного. А вой приближался.

Дэр Гроббе подумал, что мог бы отказаться от высокой чести.

И что это было весьма разумно.

Осмотрительно.

Что нынешний Повелитель не таков, чтобы за отказ скормить химерам. И понял бы. И принял бы. Поглядел бы с упреком, да и только. А уж совесть дэра Гроббе как-нибудь с этим упреком смирилась бы. Ей, совести, не привыкать.

И голос разума опять же нашептывал, что соваться в Проклятые земли... ладно, сами-то земли вон, не больно проклятыми и оказались. Обыкновенными даже, если хорошо подумать. Но это же ж только тут, по краешку. А ежели вглубь?

То-то и оно.

Вглубь-то земли куда как более проклятые, что уж о море говорить.

И надо было отказаться.

Надо.

А он согласился. И уж потом, после, смущаясь непривычно — отродясь старый пират этаких тонких чувств не испытывал — говорил с командой. А те слушали.

Переглядывались.

И первым тронул печальную струну Антонио.

— Отчего бы и нет, — меланхолично произнес он, и голос его был тонок и звонок. Поневоле закралась мыслишка, что не ошиблась демоница-то.

Что, может...

Но её дэр Гроббе отогнал.

— Погибнем, — сказал он, чувствуя непонятную тоску. — Скорее всего.

— Вполне вероятно, — согласился Антонио. И пальцы пробежались по струнам, а на лощеной физии застыло выражение величайшей задумчивости. Даже мечтательности. — От судьбы не уйдешь.

И заиграл чего-то такое, то ли похоронное, то ли лирическое.

Вдохновляющее в общем. Понять бы на что.

Большой Дук поскреб голову.

— Дык... того... там же ж, небось... сокровища.

— До них поди-ка доберись, — заметил Юнни, не переставая ковыряться в носу, что явно говорило об интенсивном мыслительном процессе. — С одной-то стороны... а с другой если, не сам на сам пойдём же ж?

И дэр Гроббе подтвердил.

— Тогда рискнуть можно... небось, Повелитель знает, чего делает. И Легионы эти... он же ж с ними? Тогда-то это шанс... такой шанс, который раз в жизни выпадает. Да...

— Как бы копыта с этого шансу не протянуть, — пробурчал Брав.

— Можно подумать, когда-то проще было, — Антонио прекратил мучить струны и огляделся. — Устал я... притворяться устал. И вообще...

Он провел ладонью по гладкому лицу.

— Я, конечно, не совсем, чтобы благородный... только вот... чего я усвоил. Ни один благородный род не появлялся из ниоткуда и уже благородным, — он поглаживал инструмент, и отчего-то смотреть на такие нежности было слегка стыдно.

— Чего? — прогудел Дука и брови сдвинул, но так, не с угрозой, скорее с недоумением.

— Того... вот была у меня одна... герцогиня знакомая. Очень древностью рода гордилась. И предками. Мол, славные были. А славнее прочих — один, который собрал ватагу и принялся грабить всех, кого ни попадя. Уже потом, после, он удачно кого-то там на ножи поднял, и местный князек его под руку свою позвал. И перстенечком наградил.

Все фыркнули. Тоже мне...

— Не скажите, — а вот дэр Гроббе понял. И так тепло стало на душе. — С таких перстенечков, свыше дарованных, и появляются потом благородные господа.

— Именно... еще один торгашом был. Или вот охотником, что сумел за горы пробиться... сюда, стало быть. Это все, ежели благородно, подвигом именуется, — Антонио отставил инструмент. — Оно-то, конечно, с иного подвигу и с богами повстречаться можно. А

если выгорит... тут земель много. Владелец один. Одарит званием благородным, и будешь ты, Дука, не висельник, но честный аристократ.

Брови Дуки сошлись над переносицею.

— Еще и на принцессе женишься.

Дука замотал головой.

— Не хочу!

— С чего так?

— Так... они же ж во... мелкие. Такую бабу и раздавить недолго, — пожаловался Дука, но после призадумался и вздохнул. — Хотя от... у ладхемцев там одна есть... красивая женщина. Очень.

И руки развел, размеры красоты показывая.

— Ну вот, станешь бароном и женишься. И будет тебе счастье...

— Ладно байшь, — сплюнул Бран и вновь по старой привычке затер плевков ладонью. — Но с одного титула, если кто и получит, жив не будешь...

— Так ведь и вправду, город древний, забытый. Там много всякого, за что платят даже не золотом, — дэр Гроббе мысленно примерил титул, который...

Оно ведь и вправду... был пират, разбойник и висельник, разыскиваемый... где только, в общем, не разыскиваемый. А станет... если станет...

...а ведь аристократа повесить не так просто.

Особенно такого, который Повелителю присягу принесет. А дэр Гроббе принесет.

Коль жив останется.

И...

И «Веселая Магда» приняла на борт пару десятков легионеров, Командора их, рядом с которым дэр Гроббе ощущал себя неуютно, а заодно уж рыцарей Света.

И степняков.

И вот теперь, глядя на бушующую темноту, дэр Гроббе думал, что все-таки зря это он... наверное. Но вот откуда-то издалека донесся тонкий протяжный звук. Будто струну тронули.

И еще один.

Третий.

Они рождались, где-то там, впереди, среди кипящих волн и ветра, чтобы унять и то, и другое. Они умирали, но цеплялись за новые, выстраивая непонятную, но завораживающую мелодию.

И море тоже слышало.

Внимало.

Ветер рванул было, скользнул по снастям, вяло пытаясь опрокинуть «Магду», да и унялся. А волны, еще недавно поднимавшиеся едва ли не до вороньего гнезда, облеглись. Улеглись. Море сделалось гладким, что зеркало.

И это было нехорошо.

Нормальное море себя так не ведет. А неведомая музыка расплзлась по этой глади. И главное, хотелось её слушать. Более того, стало страшно, что тот музыкант возьмет и...

Бросит.

Дэр Гроббе всхлипнул от страха. А потом отвесил себе оплеуху.

— Антонио! — рев его ненадолго перекрыл музыку. — Антонио, чтоб тебя... играй!

И спустя мгновение уже тут, на корабле, зазвенели, загудели струны, но слишком слабы они были. Заухал и затопал кто-то.

Дук.

И выхватив нож из-за пояса, ударил им в борт. На стук отозвались с другой стороны. И еще дальше... верно...

Дэр Гроббе сам потянул клинки. Пусть простят его мастер и благородная сталь, но иного выхода нет. И металл ударился о металл со звоном. Где-то рядом зазвенело. Раздался лязг и хруст. И топот.

— Дружно! — рев Командора заставил дэра Гроббе бить клинком по клинку с большею силой. А меж тем по черной-черной воде скользили тени. Длинные. Расплывчатые.

И музыка, рождаемая ими — а в том у дэра Гроббе не оставалось сомнений — оплетала, поглощала иные звуки, порождая душевный дурман.

Надо было уши заткнуть. И...

— Готовься! — его крик почти потонул в темноте. — Сейчас ползут... все наверх... к бою...

И тревожно загудел корабельный колокол.

А дэр Гроббе подумал, что лучше уж в бою помереть... хотя, конечно, лучше бы не помирать вовсе, но как оно еще получится.

Глава 7 В которой есть место подвигу

«И вознеся над головой меч свой, взмолился рыцарь, воззвав к Пресветлым Сестрам, испросив их о милости и благословении. Расступились тучи, и луч солнца пал с небес на голову славного воина. Тогда-то и понял он, что услышана была молитва его. Возликовал его дух. И вышел Светозарный на бой с проклятым чернокнижником. И поверг его...»

Сказание о деяниях Ордена Света и многих сынов его благородных.

Он слышал вой.

Утробный. Душераздирающий. Порождающий единственное желание: пасть наземь и молить о пощаде. Или хотя бы о смерти скорой. Но Артан лишь крепче сжал рукоять меча.

Стало... стало легче.

— Что это? — одними губами спросил он, сомневаясь, впрочем, что будет услышан. Вой оглушал. И люди... дэр Гроббе, вытащив зачем-то клинки, стучал одним по другому. Но ни звука не прорывалось сквозь вой. Где-то рядом огромный матрос с остервенением колотил палкой по мачте.

А вой... приближался.

Нахмурился Повелитель Тьмы. И фигура его подернулась черной дымкой.

Понятно...

Что ничего не понятно.

Загремел корабельный колокол. А в черной глади то ли еще воды, то ли уже неба, скользнули размытые тени. Повеяло... недобрым.

— Твою ж...

Надо было бы помолиться. Наверное. Воззвать... Артан читал хроники. Все герои обязательно воззывали к небесным покровителям. Да в голове пустота.

Заученные намертво слова молитв подевались куда-то.

И сами молитвы исчезли.

Благословение? Какое благословение в сердце тьмы... или где-то рядом? А о борт корабля ударились что-то, тяжелое, заставившее суденышко содрогнуться.

— Держись, — Повелитель обернулся, и глаза его полыхнули алым.

Проклятое пламя.

Кровь демоническая. И доказательство иной, отвратной природе, силы. И надо... надо было вызывать на бой его. Артан стиснул зубы. И отвернулся.

Что бы ни происходило, он хотя бы умрет с честью. Правда, мысль об этом не внушала радости. Умирать, даже с честью, как-то вот перехотелось, что ли.

— Чего тут... — рев брата Яноша ненадолго перекрыл вой. А ведь голос у него хороший и...

— Гимн! — рявкнул Артан.

— Чего?

— Гимн заводи... Свету!

Брат Янош заглянул за борт. А теней становилось все больше и... и вой их... он не только раздирает душу. Он еще нашептывает, что зря Артан силится одолеть его. Что... все уже решено. И надо смириться.

Сложить оружие.

— От века грозного врага... — хорошо поставленный бас брата Яноша взрезал темноту. И к нему присоединился нежный баритон брата Свава.

— ...не одолеем сами...

Старый гимн.

Древний даже.

Ныне вовсе волею Храма выведенный из числа разрешенных, ибо что-то там не так... то ли со словами, то ли со смыслом. Не важно. Артан никогда особо не понимал этих словесных баталий.

— Наш древний враг не спит... — чей-то хриплый голос не попадал в ноты.

Пускай.

Слова подхватывали.

Люди.

И не только.

Рядом возвышалась темная фигура Командора. И оказывается, что тьма тоже бывает разной. Его — плотная злая. А еще поющая, ибо пусть голос его теряется среди прочих, но Артан слышит.

И собственные губы его шевелятся, повторяя:

— Они наш меч, оплот и щит...

Белесая тень выползла из черноты, чтобы ловко, цепляясь за борта корабля, вскарабкаться выше. И выше. Артан теперь видел её. Тонкие длинные руки. Белесые. Полупрозрачные. Сквозь кожу видны и кости, которые сами по себе казались стеклянными, и синеватые сосуды, и мышцы.

Тонкое угреобразное тело.

И длинный хлыст волос, что расплывались по воде.

Лицо.

Красивое.

Пожалуй, настолько красивое, что в ином каком случае он мог бы залюбоваться им. А ныне просто повернул меч и ткнул меж пухлых приоткрытых губ. Тварь покачнулась и, выплюнув бледноватую мутную кровь, рухнула вниз. И тотчас вскипела вода.

— Они что... кто это... — брат Янош перевел дух. — Сохраните пресветлые Сестры... и чтоб я еще раз утреннюю молитву проспал!

А по борту уже карабкалась новая тварь. И еще одна. И не одна. Море, ставшее густым, тягучим, выпускала их одну за другой.

— А я слышал, что русалки прекрасны, — задумчиво сказал смутно знакомый матрос, тыча длинной пикой. Действовал он весьма умело, и то одна тварь, то другая отваливались, чтобы рухнуть в кипящие воды.

Точно.

Артан узнал.

Это же певец. У него и физия была смазливая, и голос тонкий, нежный. Артан еще подумывал, не выписать ли ему рекомендательное письмо. В Храмах всегда была проблема с хорошими певчими, особенно после того, как внутренний эдикт запретил покупать рабов.

Да...

— Ну, это смотря с какой стороны глядеть, — брат Янош ловко орудовал мечом. Благо, тот у него был длинным и с виду вовсе неподъемным. Ходили слухи, что в годы молодые, когда стремления к прекрасному в голове было больше, чем здравого смысла, брат Янош

принес присягу, что, дескать, отныне и до конца жизни своей станет воевать этим вот, больше похожим на железную искривленную палку.

— А с какой надо? — осведомился кастрат, ловко снеся твари голову. Та плюхнулась куда-то вниз.

— Ни с какой не надо...

— Отступаем, — Повелитель, который до того просто смотрел, сделал шаг назад. — Легионеры лучше справятся.

И рядом с Артаном вырос человек в черном доспехе.

Человек ли...

— Так и мы, вроде... — пробасил брат Янош, но пот со лба отер. Во времена былые он славился не только голосом, но и статью, отчего, верно, и с мечом своим управлялся куда как полегче. — Отвык чегой-то я...

— Ничего, время привыкнуть будет, — певец оперся на древко пики. — Это только начало.

А Артан подумал, что с таким началом до конца можно и не добраться.

Легионеры, вытянувшиеся вдоль бортов корабля, действовали весьма умело. Со спины если смотреть, то вовсе казалось, что они просто стоят. Стоят себе и... пахло рыбой. Так вот остро, как на рынке поутру. Даже вспомнилось, как в детстве он, Артан, напрашивался с кухаркою на рынок, где и бродил, прячась за широкими юбками, разглядывая, что длинных угрей, что еще более длинных, уродливых рылом мурен, которых торговали на вес, что серебристую рыбную мелочь.

Захотелось той самой рыбы.

Мелкой.

Обваленной в приправах и пожаренной на открытом огне. И чтобы горячая, с ароматом... рот наполнился слюной и стало стыдно. Тут вон битва идет. А он о рыбе.

— Кто это вообще? — брат Янош опустил клинок и, уткнув острием в палубу, оперся на рукоять.

— Русалки, — ответил Повелитель.

Демоническое пламя в глазах не погасло.

— Они же водяницы, лярдвы или лопаушницы.

— Чего?

— Хугоры. Полуводницы... названий много. Когда-то их вывели, чтобы рыбу сторожить.

— Чего?! — тут уж не удержался певец.

— Не знаю, честно, как это было, но встречал упоминания, что в Империи рыбу выращивали, как овец. И вот лярдвы пасли рыбные стада.

Все замолчали, и Артан честно попытался представить, как это могло бы быть... не получилось.

— А тут, наверное, одичали. И рыбу сожрали. А поскольку изначально кормили их потрохами... — Ричард замолчал.

Люди же переглянулись. Верно. Потроха — штука такая... самим пригодятся.

— На самом деле они не слишком опасны. Были. Вот про голос я не знал...

Запах рыбы сделался почти невыносим.

Но жареной все одно хотелось.

— Что-то приближается, — Ричард закрыл глаза. — Что-то куда более... серьезное. Мне надо на нос.

И развернулся.

— Так это... — брат Янош закинул клинок на плечо. — Может, и нам того... надо... тудыть, если серьезное...

Артан кивнул.

Рукоять меча нагрелась. Да и сам он светился бледным слабым светом, но все же. Это должно было что-то да значить, оставалось лишь понять, что именно.

Не знаю, зачем я полезла в эту комнату.

И почему её не заперли. Или... запереть что-либо в Замке, который обладает собственным взглядом на мир, сложно? В этом все дело?

Не важно.

Главное, я честно сидела, пялилась в окно, стараясь уговорить себя, что все-то хорошо и даже замечательно. Что мир не рухнет в пропасть.

Ричард вернется.

С победой. И... и мы поженимся. Если, конечно, он не передумает. Но с другой стороны, с чего ему передумывать? Он не из тех, кто берет

вот так и нарушает данное слово. Хотя, конечно, мало радости, что на тебе женятся не по любви, а по слову.

Совсем запуталась.

И сидеть стало тошно. Я во двор и вышла. Во дворе была пустота и тишина, если люди и оставались, а я знаю, что они оставались в Замке, то держались где-то в стороне.

А я что?

Я... прогулялась туда. Сюда. И снова туда. Вдалеке маячили молчаливые фигуры легионеров, добавляя депрессивности общему и без того не особо вдохновляющему пейзажу.

— В сад! — громко объявила я.

И раз сказала, то и сделала. В саду была та же тоска и легкое ощущение грядущей катастрофы. Правда, тут я осознавала, что ощущение — вещь такая, глубоко субъективная, но не могла отделаться от них. Даже громко и уверенно произнесенное:

— Все будет хорошо!

Не помогло.

И я вернулась в Замок. Почему-то там верить, что будет, если не хорошо, то хотя бы не очень плохо, было легче.

Ну а потом я просто бродила.

Бродила.

И забрела.

Пустота... то же окно и синева за ним. Книга. Плед. Туалетный столик. Мое безумное в нем отражение, смотреть на которое не хочется, потому что становится совсем уж невыносимо.

И злость берет.

Иррациональная.

Как он мог... как допустил, чтобы я осталась? Почему-то именно сейчас все аргументы, все доводы, казавшиеся там разумными, рациональными, теперь выглядели пустыми отговорками. Просто... просто он не захотел меня взять и все!

— Жора, — я отвернулась от зеркала, которое на туалетном столике. — Возьми себя в руки.

Помогло слабо.

Руку за руку я взяла и пальцы стиснула, с непонятным удовольствием причиняя себе же боль. Когти пропоролы кожу, и на ней проступили красные пятнышки крови. Вид их немного отрезвил.

Это кровь.

Это демон внутри меня. Сидит и нашептывает дурное. Но я не должна слушать. Поддаваться. В теории. Я ведь знаю, что я — не такая. Я... я хороший человек.

Я не делаю гадости людям.

Не истерю.

Не страдаю избытком ревности. И вообще разумна, рациональна. Сдержана.

Вот так и повторять себе почаще. Глядишь, поможет.

Я закрыла глаза. И открыла. Взгляд скользнул по комнате... а пол вымыли. Я помню, как Ричард чертил на нем мелом фигуры. И звезду. Звезда называется пентаграммой. Кажется. А может, и нет. Главное, она была. И круг внутри. И непонятные знаки.

Свечи.

Как в ту нашу, первую встречу.

А теперь исчезло все... кто убрался? Или...

— Ты? — тихо спросила я. И поняла, что права. Конечно, кому, как ни Замку, наводить порядок. А вот зеркало осталось. И выглядело почти прежним. Разве что у самой раны бледной нитью пролегла трещина. Я осторожно коснулась её когтем.

И вправду трещина.

Едва заметная.

— Ты еще живое? — спросила я зачем-то и села напротив зеркала.

Замок молчал.

Это... это глупо! Неосторожно! Мало ли... или, будь зеркало опасно, Ричард не оставил бы его здесь? А если и оставил бы, предупредил бы, чтобы я не подходила.

С другой стороны, душницу он убил.

Тьму выпил. А без тьмы зеркало — просто зеркало.

Или нет?

Надо встать. Уйти. Заняться... чем-нибудь. Если не уборкой, то хотя бы библиотекой. Почитать чего-нибудь там душеспасительного и нервоуспокаивающего. Или хотя бы книги расставить.

А я сидела и пялилась в черное стекло. Или на себя? Лицо узкое. Похудевшее. Всегда мечтала и никогда-то не получалось, а тут вышло, но радости никакой.

Страшная...

Щеки ввалились. Нос будто больше стал. Глаза провалами и посверкивает в них что-то рыжее. Или алое... будто пламя. Дьявольское.

Правильно, какое еще может быть у демона-то?

Я повернулась влево.

Вправо.

Профиль ничуть не лучше. Шея тощая. Белая блуза измялась, юбка не лучше... тоже мне, красавица в заточении.

— Покажи уже что-нибудь поинтересней, — проворчала я, чувствуя, как непонятное раздражение уходит, сменяясь глухой тоской. Может, хрень редьки и не слаще, но зато и желания убить кого-нибудь тоже нет.

А мое отражение пошло рябью.

И стало не моим.

Вот... вот моя дорогая начальница, спасибо за все ей, говаривала, что язык мой — враг мой. Права была. На меня смотрела девушка удивительной красоты. Если покойная брала... не знаю, аурой?

Харизмой?

Чем-то еще?

Не важно, главное, душница была симпатична, а эта вот... я залюбовалась. Ею.

— Демон, — сказала девушка. Точнее губы её зашевелились, но из-за стекла не донеслось ни звука, что, впрочем, ничуть не помешало. Я поняла!

Я, проклятье, поняла!

— Сама такая, — ответила я ей. И она улыбнулась, снисходительно, как взрослый, которого пытается передразнить ребенок.

Аккуратное личико.

Точеные черты.

И глаза невероятной глубины. В этих глазах мне виделось отражение бездны. А еще даже издали, даже без рогов и хвоста было понятно, что передо мной демон.

И демон страшный.

Мне хотелось упасть перед зеркалом, вжаться в пол, накрыться крыльями. И хвост мелко трясся. И кажется, по спине сползали ручейки пота.

Она засмеялась.

И смех этот, прорвавшись сквозь зеркало, причинил боль.

— Прекрати, — я все-таки усидела.

Упрямая.

И всегда была упрямой. Наверное, поэтому и смогла сбежать из дому. А еще усидеть, когда вся та, другая, суть требовала спасаться. Но я хозяйка своему демону.

Я вытерла нос рукой.

Надо же, кровь пошла. Жалкое, должно быть, зрелище.

— Ты... там? — она прекратила смеяться.

— А ты там? — эхом отозвалась я. И демоница развела руками. —

Давно?

— Давно.

Станный у нас разговор. Если вовсе разговор.

— Заблудилась?

— Заблудилась.

— Раньше там была другая. Твоя... твоё...

— Создала, — сказала демоница. — Сделала. Я взяла и сделала.

Её.

Она пошевелила тонкими пальцами. Когти их украшавшие тоже были тонкими и с виду нежными. Но виду я не верила. И жемчужному блеску этому тоже.

— Она обманула.

— Мне жаль.

— Не врешь.

— Зачем мне?

— Ты боиш-ш-ш-ся, — темный язычок скользнул по губам. —

Слышу.

— Да вот... как-то... это не я. Это демон.

— Он у тебя слабый.

— А у тебя сильный?

— Да, — она кивнула. — Отец призвал сильного. И я съела его сердце. А потом выпила кровь. Так было надо.

Кому-то... какому-то уроду, который решил, что знает, как для неё лучше. И это бесит невероятно.

— Мне... жаль.

— Меня?

— Тебя. Ты помнишь, какой была раньше?

— Слабой? Глупой? Я верила им. Всем. Отцу. И ему тоже. Так радовалась. А он вот... как так можно?

В общем, дышать стало легче. А я кивнула. Все мужики... даже демоны с этим согласны. Ладно, не все, но некоторые особо одаренные.

— Что ты с ними сделала?

— Убила. Не я. Наш сын. Ты придешь?

— Меня не взяли, — пожаловалась я и закрылась крыльями. В них почти тепло и даже уютно. — Твоя эта... украла девушек. Принцесс. Ты ей приказала?

— Нет, — демоница покачала головой.

— Зачем они нужны?

— Мне?

— Ей.

— Не знаю. Люди вечно что-то придумывают.

— А ты? — раз уж вышло побеседовать с этим вот... предвечным злом, надо пользоваться моментом. Я поерзала, усаживаясь поудобнее.

— Я нет. Я... сижу вот.

— Чего ты хочешь?

Она задумалась.

И думала долго. А я... я не торопила. И даже страшно было, что зеркало закапризничает и отключится. И я снова останусь одна со своими мыслями да предчувствиями.

— Раньше... раньше я хотела отомстить. Всем. Убить.

— У тебя получилось.

— Да?

— Империи больше не существует.

Рот демоницы округлился. Наверное, это выражало удивление. И ресничками хлопнула. И пальчик к губам поднесла.

— Врешь, — наконец сказала она.

— Да чтоб мне... под землю провалиться! — ответила я, подумав, что сильно могучий демон не обязательно должен быть еще и умным.

Или она просто притворяется?

Но зачем?

Ладно бы тут Ричард сидел, или еще кто из мужчин, перед кем можно было бы сыграть прелесть какую дурочку. Но я-то...

— Ты её, кажется, и уничтожила, — просветила я демоницу.

— Я? — протянула она и головой потрясла. — Нет.

— Ну... скажем так, не то, чтобы я совершенно была в этом уверена, но вот... вот складывается ощущение, что именно ты. Понимаешь... я ведь не отсюда. И всего точно не знаю. Хотя сейчас всего точно никто не знает. Люди позабыли. Но вот... смотри, из того, о чем мне рассказали... свадьба была. Императора.

— Моя, — вздохнула демоница печально.

— И ритуал. Так понимаю, тоже с тобой. И во время этого ритуала что-то категорически пошло не так. Тьма вырвалась на свободу, а с ней тот, кого называли Младшим богом. Он прошел по городу и разрушил его.

— Он просто защищался! — вполне искренне возмутилась демоница.

— Так я не спорю, — не хватало, чтобы она на меня и обиделась. Или вот сгинула. — Главное... ты же видела, что город разрушен.

— Город, — она прикрыла глаза. — Да... город. Они закрыли меня. Нас. Уйти нельзя. Ничего нельзя. И тут. И там. Сложно. Очень... пусто.

— Вот... а следом свободу обрели все демоны. Их ведь было много, так?

— Так, — она кивнула. — Демоны... полезные... их звали и звали. Отец вот. Отец умер. Он умер.

— Император?

— Да. Все умерли. А я нет, — мне почудилось, что сказано это было с сожалением. Так и тянуло сказать, что скоро исправим упущение. Я даже язык прикусила. Немного. — Но Империя большая... большая-пребольшая.

Она руки развела.

— Я видела. Карту. Давно уже.

— Я тоже видела, — согласилась я и, поерзав, сказала. — Древнюю. Сейчас люди даже не верят, что Империя была.

— Идиоты.

Комментировать я не стала, а она тоже умолкла, явно раздумывая над услышанным. И молчание это с каждой минутой становилось все более тяжелым.

— Чего ты хочешь, — я решилась прервать его вопросом. И демоница закрыла глаза.

— Не знаю, — сказала она. — Раньше... раньше было обидно. И я хотела всех убить. Он и убил. Потом... потом мы были вдвоем. Долго-долго... и там, по другую сторону... темно и тоскливо. Еще потом я научилась видеть. Через зеркала. Не все. Некоторые. И люди смешные. Я хотела их убить тоже. Не потому, что злилась. Уже нет. Просто... голодно очень.

Это прозвучало почти жалко.

— Но нет. Я видеть могла. Недалеко. Смотреть. И он тоже, — демоница развела руками. — Правда... время... и голод... и то, что мы видели, смотрели, становилось меньше и меньше.

— Зеркала закрывались?

Именно.

Если это был пробный ритуал... хотя нет, для пробного — слишком уж... высокая цена? Именно. Вряд ли Император согласился бы пустить под нож супругу с ребенком без веских на то оснований. Хотя и с вескими... права демоница.

Сволочь он.

Но не суть. Должны были проводиться эксперименты. Если нашу историю вспомнить, то железную дорогу тоже начинали с небольшого кусочка. Так что... допустим, эксперименты проводились. И показали, что идея перспективная. И более того, должен был бы существовать рабочий прототип. Такой, через который можно пройти, пусть и в соседнюю комнату.

Или несколько.

Столько, чтобы стало ясно, что система работает. Пусть магическая. Пусть сомнительной морали. В той сгинувшей Империи с моралью, помнится, все было плохо. Так вот... прежде чем начать этот уродливый ритуал, они должны были подготовиться. И не только свечами да таинственными знаками.

Порталы.

Те, куда и планировалось направить силу. Это... это зеркала. Ритуал не сработал. Точнее, не совсем так, как хотелось людям, его проводившим. Вот зеркала и должны были стать частью системы... да, скорее всего речь именно о системе, порталов.

Вероятно, их как-то готовили, эти зеркала. И даже подозреваю, что не обошлось без крови и жертв, а потому желания узнать подробности у меня нет. Главное, вряд ли это было любое зеркало, нет... тогда... тогда сами по себе эти зеркала должны были отличаться от обыкновенных.

Могла ли демоница видеть их изнутри?

Скорее всего.

Могла ли она дотянуться? Пройти?

К счастью, нет.

А вот смотреть... империя рухнула, но случилось это далеко не сразу. Тем паче, что страна была огромная, да и обретшие свободу демоны, пусть бы их и было множество великое, вряд ли сумели бы уничтожить все. Люди спасались.

С имуществом.

Своим. Но случалось, что и чужим. Добавим охотников за наживой, которые точно не упустили бы момента. Мародеров. Случайные случайности и прочие, портящие нормальному аналитику жизнь, обстоятельства. И эти зеркала в период Хаоса расползлись по окрестным землям.

Возможно?

Вполне.

Демоница глядела сквозь них. И... и потом что? Гасли? Ричард говорил, что Тьма слабела. Да и физику я, пусть смутно, но помню. Не знаю, насколько она применима к магии, но КПД свыше ста процентов невозможен. А значит, энергия, заключенная в тех зеркалах, должна была рассеиваться. Понемногу, но все же. Что в свою очередь приводило бы к разрушению связей.

Зеркала гасли.

Одно, другое... почему она не воспользовалась ими, как тем, перед которым я сижу? Понятия не имею. Расстояние? Связи? Или... или не нашлось никого, кто согласился бы на сделку с демоном? Какого-нибудь одержимого наукой чернокнижника или девицы, что почти утратила душу? А еще сотворенного артефакта... да, это, пожалуй, не самое частое стечение обстоятельств.

— Скучно, — пожаловалась демоница, прервав мои размышления. — Но скоро будет весело. Совсем-совсем.

Да уж, меня от этого грядущего веселья потрясывает.

— Злишься?

Её губы растянулись. И в улыбке этой... в общем, демоны от людей отличаются. У меня опять хвост затрясся.

— Приходи, — предложила демоница. — Без тебя он не справится.

— Как?

— Ты знаешь, — она положила ладонь, и зеркальная поверхность натянулась. — Я помогу...

— Спасибо, не надо.

Смех демоницы заставил меня сжаться.

— Это зеркало последнее. Больше нет. И она его испортила. И он тоже. Но ничего. Еще немного осталось, — сказала она. — Покажет, что ты хочешь. Попроси... хорошо попроси... а потом подумай.

Глава 8 Где принцессам приходится нелегко

«Собрались добры молодцы с земель ближних и дальних. Первыми явились ко двору королевичи, каждый собою хороши, при свите великой да с дарами предивными. Следом герцоги да бароны, какие только были. Всяк желал удачи испытать. И подымались они в башню высокую, вставали пред дверью железною стражу нести, да только никто-то до утра не добыл...»

Сказка о зачарованной королевне и вдовьем сыне

Летиция Ладхемская чувствовала себя... в общем, не так, как должна была чувствовать девица высокого происхождения и хорошего воспитания. Она шла и материлась. Тихонечко. Под нос. Зато от души. И главное, в голове вертелись всякие глупости, про то, что спину держать надобно, за походкою следить и подбородком, который должен быть параллелен земле.

И носок тянуть.

Если не тянуть носок, походки не получится. А как ты его потянешь, если древняя дорога для хождения в атласных туфельках не приспособленная. Тут то трещина, то камешек какой норовит подсунуться, то вовсе корень из земли торчит, за подол хватает.

Одна радость, на самой Летиции платье простое, грубоватой ткани даже. А вот у Ари — из тафты. И ковыляет сестрица, юбки едва ли не по колено задравши, придерживая обеими руками, и материться уже не под нос.

А ведь тоже с душой.

Виросска, хоть и не матерится, но мрачна, сосредоточена. И взгляд её нет-нет, да поднимается к небесам, выискивая темные тени. Только небеса те изрядной синевы.

И ни облачка на них.

И драконов, что характерно, тоже нет. Но оно, может, и к лучшему.

Спокойно шествует островитянка, секиру на плечо закинувши. И кажется, что в секире этой вовсе нет весу. Степнячка тенью скользит, как-то так, что становится ясно — не мешают ей ни корни, ни камни, ни трещины. А вот каблук Летиции в одну такую угодил.

И застрял.

И каблук-то махонький, но вот... она дернула ногу и зашипела от злости. Если туфли развалиться, то что дальше-то? Босиком ходить по этим развалинам?

— Стойте, — Летиция поняла, что дергать туфельку смысла нет. — Я... тут...

Признаваться, что застряла, было стыдно.

Молчать — глупо.

— Сейчас... освобожу... — она наклонилась, пытаясь подгрести юбки — пусть платье и было из простых, но даже такие без подъюбников не принято носить. И те как раз мешались, топорщились.

Проклятье!

— погоди, — рыжая Яра присела рядом. — Успокойся. Вытаскивай ногу.

Теплые пальцы сдавили щиколотку.

— Застежка тугая, — зачем-то пояснила Летиция. — Извини...

Нога освободилась. А следом и туфелька. Правда, каблук все-таки скривился.

— Это не я, — Яра покрутила туфельку. — Может, его вовсе... того?

— С подошвой оторвется, — заметила Ариция и поглядела так, будто это Летиция виновата, будто она нарочно в щель угодила. — Да и уже...

Она отобрала несчастную обувь и сунула внутрь палец. Палец вылез в дыру сбоку.

Летиция почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Да что же это такое-то?! Она не виновата, что... она... она ведь просто шла! И не собиралась... попадаться.

Случайно.

И вообще... она замуж выходить ехала, а не бродить по историческим развалинам. Если бы сразу про развалины сказали, она бы... она бы, может, подготовилась.

Секиру бы прикупила.

Или еще чего-нибудь. К примеру сапоги. А так? Кто с секирой на жениха ходит-то? Правда... вот и зря. С секирой оно всяк вернее. В том числе и на жениха. А теперь что? Ни секиры, ни сапог, ни... чтобы не расплакаться от обиды, Летиция закусил губу.

— Так, — Яра забрала туфлю, покрутила и выкинула. — Что? Ходить в этом все равно не выйдет. И вообще... надо чего-то с вашими нарядами делать. Вторую сымай. И юбки. Сколько их там?

— Пять, — ответила за Летицию Ари. — Или семь?

— Три, — Летиция поняла, что краснеет. А ведь казалось, она изжила в себе этот отвратительный недостаток. — Что? Жарко было. И неудобно... а еще эта... все зудит, что я неприлично себя веду. Я и подумала, что раз так, то... то некроманту и три юбки можно. Если все равно неприличный. Сам по себе.

Ариция задумалась. А вот Яра приподняла подол платья и уставилась на эти самые юбки. Юбки были хорошими, нижняя — батистовая, приятные к телу, а верхние — из плотной накрахмаленной ткани.

— А они тебе нужны? — поинтересовалась рыжая, ткань пощупавши.

— Без юбок неприлично.

— Боги, — Мудрослава закатила глаза. — Мы находимся посреди Проклятого города. Тут тьма, нежить, чудовища... может, нас к вечеру и вовсе сожрут. А она о приличиях!

— А может, и не сожрут. И что тогда? — возразила Летиция исключительно из вредности. — И вообще... лучше погибнуть приличною девицей...

Правда, приличные девицы не носят всего три юбки. Семь. Или пять в исключительных обстоятельствах, но тогда нужно еще нижнее платье. И панталоны. Правда, мнения о приличности панталон в обществе расходились, но почему-то показалось, что обстоятельства нынешние не совсем подходят для обсуждения данной темы.

— Лучше вообще не помирать, — заметила островитянка, щурясь. — Идти надо...

— Надо, — Яра изо всех сил дернула юбку. И та затрещала.

— Что ты...

— Сними. Тебе же легче будет. Заодно ноги замотаем. Будет не хуже твоих туфелек!

— Нет, — Летиция вцепилась в юбки, почему-то сама мысль о том, чтобы расстаться с ними ужасала. — Ты... ты...

— Там завязки, — подсказала Ариция. — И мои тоже... поможешь?

Мудрослава кивнула.

— Неудобно так, должно быть, — заметила она, ныряя в ворох кружевных юбок. — Ходить. И вообще... не тяжело?

— Да... как сказать. Привыкнуть надо, — Ариция стояла спокойно и глядела на сестру с насмешкою, чего стерпеть было вовсе невозможно.

— Снимай, — решила Летиция и зажмурилась от ужаса. А потом ужас прошел. И... и вправду, кто их тут увидит? Тени прошлого? Мертвецы? Нежить? Нежити, коли жрать полезет, все равно будет, сколько на Летиции юбок.

— Вот с фижмами если, так проще, — продолжала делиться сестрица. — Там только рубашка исподняя, рубашка нижняя, которая под фижмы. Сами они. Потом юбка поверх, нижнее платье и верхнее.

— И вправду, удивительная простота! — раздался голос рыжей откуда-то из-под юбок.

— Не скажи... если по дворцовому этикету, то для торжественного выхода нужна дюжина юбок под платье... а тут только...

Ткань затрещала.

Вот ведь! там же завязки есть. И пуговички. Перламутровые...

— Все равно жуть, — Яра вынырнула из-под подола. А юбки упали на пыльную тропу. Две. Третью трогать не стала. — Хотя, конечно, наше придворное платье тоже... там юбок не надо.

— Ага, всего-то пара рубах... и ткани такие, что от золотого шитья не гнутся. А наверх меха... или душегрея. Маменькино платье венчалное я как-то примерила, так едва устояла-то! — Мудрослава тоже с юбками справилась. — Их бы укоротить... особенно это вот.

Тафта повисла печальными складками. Она и запылилась, и кружево оторвалось слегка. А главное, что ткани оказалось как-то слишком уж много.

— Или подвязать?

— Обрезать?

— А у нас нет такого, чтоб наряд... просто платье. С вышивкою, — поделилась Брунгильда. — Обязательно, чтоб сама девка и расшивала, ну, чтобы все видели, какая она мастерица.

Летиция вздохнула, признав себе, что, будь в Ладхеме подобные порядки, ей пришлось бы сложно. Вышивать, конечно, она умела, но вот не настолько, чтобы себя мастерицею считать.

— А отец там или родня дарит нитки, бусины всякие. Каменья.

Яра, усевшись на обочине дороги, раздирала юбки на длинные полосы. Ткань трещала и расходилась. Солнце стояло еще высоко, а душу грызла тоска. Летиция даже не сразу поняла, что за она.

Она закрыла глаза.

Сделала вдох.

И...

Девушка кружилась в танце. Она была прекрасна.

И нага.

Летиция моргнула. Не то, чтобы она вовсе не видела обнаженных девушек. К сожалению, случилось. Там, в той еще жизни, когда она считала себя самой умной и талантливой. Но даже тогда наготу мертвецов прикрывали, чтобы не оскорбить взора Летиции.

Нынешняя...

Наготы не стеснялась. Смуглая кожа. Темные волосы. И золотые украшения. Звенят браслеты. И сверкают пламенем камни.

— Хороша... — смеется кто-то.

Мужчина.

Молодой. В белых просторных одеждах. Он возлежит... на низкой кушетке? Странноватой с виду, но все же кушетке. И разглядывает девушку.

— Во что обошлась? — интересуется второй, который тоже лежит, но на спине. И ногу на ногу забросил. И смотрит не столько на девушку, сколько на узкую стопу свою.

А музыка становится быстрее.

Злее.

Сейчас... Летиция еще когда научилась различать приближение того самого опасного момента...

На стопе повис туфель. Туфля? Или туфелька? Пусть мужская, но с узким длинным носом, расшитым золотом и камнями, украшенная шнуром. Роскошная.

Туфелька.

Она смотрела на неё.

И слушала безумную музыку.

— ...и все же Император не простит такого показательного выступления. Не явиться в Храм...

— Да ладно, куда он денется. Ему нужны и люди, и сила. И давно уже пора отказаться от этих нелепых выборов. Я по силе равен ему.

— Это пока он не принял сердце своей демоницы.

— Да не рискнет, тем более я слышал, что вовсе не для того обряд затевается, а...

Музыка обрывается.

И девушка застывает. На долю мгновенья. Её тело выгибает судорога. А смуглая кожа покрывается испариной. Или чешуей.

— Что за... — туфелька падает на роскошный ковер. А человек пытается подняться.

— Начали, — поморщился тот, другой. У него борода, заплетенная в две косы. И левая выкрашена в белый цвет, а правая — в алый. Наверное, это красиво. — Идиот... я же говорил, что у этого придурка не хватит силы духа.

— Что-то не то, — третий, до того молчавший, поднимается с ложа.

Или все-таки кушетки?

— Да ладно... там полный круг. Если что, поддержат. Но ему всегда не хватало концентрации.

Девушка падает на пол.

— Ты явно переплатил, — тот, который потерял туфлю, тоже поднялся и подошел ближе. Босая нога его пнула лежавшую девушку. — Обряд провели криво. Видишь, сущность прет...

— Ошейник...

Она выгнулась. И оскалилась. Из горла её вырвался низкий клекочущий рык.

— Вот... тварь, — лениво произнес хозяин. — Место...

И огонь, сорвавшийся с пальцев его, коснулся темной кожи, чтобы скатиться с неё и погаснуть.

— Что за...

Договорить он не успел. Демоны убивают быстро.

Летиция упала бы.

Удержали.

Крепко. Надежно. Так, что... что она просто повисла на чужих руках, глотая горячий воздух. На губах еще ощущался вкус чужой крови.

— Что? — хмуро поинтересовалась Мудрослава.

— Она... — Летиция поняла, что снова может говорить. — Их убила... демоница... не та, которая главная. Другая. Здесь... кажется, было много демонов.

Она почувствовала, что дрожит.

И дрожь эта предательская вовсе не от холода.

— Было, — Брунгильда обвела окрестности хмурым взглядом. — Да уже давно... выбыло. Идти надо.

Надо.

Куда? И есть ли смысл? Или может, проще сдаться? Чтобы, если и убьют, то сделали это не больно. Боли Летиция боится куда больше смерти.

— Стоять можешь? — Яра, которая держала Летицию, руки убрала.

Может.

А вот идти...

— Ногу дай. Да, вот, на плечо обопрись, если тяжело. Славка, ей тоже мотай, там туфли не лучше.

Летиция молча стояла, глядя, как ногу её обматывают полосами тонкой ткани. А ведь полотно на юбки брали наилучшего качества... вот и сгодилось.

И на вторую осталось.

И запасом, который Яра свернула преаккуратнейшим образом.

— Мало ли, — сказала она. — Место-то недоброе. Еще поранится кто. Перевяжем.

— Перевяжем, — эхом отозвалась Летиция и закрыла глаза, а потом поспешно открыла. Прежде её дар был послушен. Прежде прежде ей требовалось коснуться тела. Именно тела, ведь наставник тоже пытался иначе, привозил во дворец и вещи покойных, и волосы, а одного разу и вовсе голову привез.

В спирту.

С головой ничего не вышло.

А тут... тут, похоже, не нужны ни головы, ни тела. Тут запах смерти в камень впитался.

— Идем, — Мудрослава, закончивши обвязывать ноги Ари, зашагала вперед. И Ариция двинулась за ней. А Брунгильда махнула, мол, вы следом. И Летиция подумала, что и вправду так правильнее. У нее ведь оружие.

И... и не поможет.

У тех троих тоже оружие было. Сейчас, когда видение поблекло, она могла разглядеть и детали. Короткий меч в руке третьего. Плеть, что выпала из пальцев того, который говорил об Императоре.

Силу...

Силу демоница просто выпила.

Летицию мутило.

И шла она медленно. Надо было быстрее, но сил не хватало. И она просто шла, глядя под ноги.

— Ничего, — Яра почему-то не бросила, а шла рядом, и еще под руку поддерживала, будто Летиция какая-то... не важно. Главное, что именно сейчас Летиции больше, чем когда-либо нужна была эта поддержка. — Сейчас придем. Отдохнем. А там и решим, чего дальше.

Стена.

И провал. В нем мерещится движение. Но кто бы ни прятался в развалинах старого дома, он не рискнул показаться. То ли людей было много, то ли солнце пока стояло высоко.

Двор.

И серая трава рассыпается пылью, но то тут, то там выглядывают тонкие зеленые стебельки.

— Бедные, — Ариция опустилась на колени. — Им тяжело...

Она провела ладонью по этой траве, и та вдруг налилась соком, зазеленела.

— Ты ж некромант! — не удержалась Летиция. А сестра вздохнула.

— Сама не знаю, как вышло...

— Вода, — Брунгильда повела носом. — Давайте к воде, пока не упали от солнца. А там и разберемся, кто чего видел и кто чего может.

Наверное, это было разумно.

Очень, очень разумно. И пить хотелось. Настолько, что когда показалось темное, черное почти озерцо, Летиция едва не закричала от

счастья. А уж чего ей стоило не упасть на колени перед мутною этой водой — одни боги знают.

Не упала.

Устояла.

И даже сумела изобразить сомнения.

— Это... может быть небезопасно, — Мудрослава сполна их разделяла.

— Может, — согласилась Брунгильда, зачерпнув горстью воду. Её она нюхала и хмурилась. — Только без воды мы точно помрем. А тут, глядишь, может, и не потравимся. Ну, если повезет.

И все, переглянувшись, кивнули.

А Летиция подумала, что она... она совсем даже не против потравиться. Что из всех ею виденных смертей эта не самая худшая.

И коснувшись губами темной воды, застонала от радости.

— А с одеждой вашей надо что-то да делать, — задумчиво произнесла Яра, омывая лицо. — И с обувью.

Обмотки и вправду промокли. Тут, на берегу то ли пруда, то ли болота, что появилось на месте пруда, земля была черной, жидкой и влажной. И эта жижа мигом пропитала ткань.

— Может, в дом заглянуть? — предложила Брунгильда, которая пила осторожно, но жадно. Она зачерпывала горсть за горстью и видно было, что все никак не может напиться.

— Опасно...

— А что тут не опасно.

И стало тихо.

Летиция тоже пила. И пила. И... вода была горькой, но и сладкой тоже. Вкусной, несмотря на легкий запах пыли, что исходил от неё. И напиться вовсе казалось невозможным.

Но она напилась.

И лицо отерла от пыли, подумав, что теперь кожа точно прыщами покроется. Но с другой стороны, снова... какое это имеет значение?

А потом, обведя двор и всех-то в нем, Летиция поинтересовалась:

— А куда подевалась Теттенике?

Глава 9 О том, что лошади — очень умные создания

«Во времена стародавние, когда небо глядело на землю и не могло наглядеться, а земля так же от любовалась небом, жил на самом краю мира народ. Ныне-то уже и старики позабыли, как он назывался. Ведаю лишь, что люди те были малы, вот с половину обыкновенного человека, но крепки так, что и ребенок способен был коня поднять, а взрослые и вовсе огромные камни двигали. Но это оттого, что жил тот народ в скалах, в самом нутре их глубинном. Даром они обладали удивительным — видеть горы, вот как мы все-то вокруг видим. Что жилы золотые да серебряные, что камни драгоценные, что пещеры, что воды. Все-то им открыто было. И славились оные люди, как великие мастера, равных которым под солнцем не было»

«Рассказ одного старика из селения Никишки, записанный студиозусом Витой Лютым во исполнение задания практического»

Теттенике закопалась с головой в солому, так и сидела, пытаясь решить, что же ей делать. Рядом вздыхал и топал огромный драссар, которому сомнения человека не были понятны.

И... и вообще, он лошадь!

Это глупо — советоваться с лошадыю. Но что, если больше не с кем? Нет, людей-то в конюшне собралось много. Они приходили. Уходили. О чем-то говорили, к счастью, не замечая Теттенике.

А потом и вовсе все стихло.

Но хуже всего, что дар не отзывался! Теттенике пробовала и так, и этак. И сейчас вот закрыла глаза изо всех сил сосредоточившись на будущем.

Будущего не было.

Мир не спешил истаивать. Напротив. В нос лезла сухая травинка, за шиворот насыпалось трухи, отчего грязное тело чесалось. И голова тоже чесалась. И кажется, в волосах копошились насекомые.

Отвратительно.

А главное, хотелось есть. И в туалет.

— Вот что мне делать! — воскликнула Теттенике, сжав кулачки.

Ничего.

Тишина. Даже ласточки под крышей и те уснули. И лошади дремлют. Лошадей здесь держат взаперти, в каменных коробах, пусть и просторных, но лошадям все одно свобода нужна.

Правда, кому объяснять прописные истины?

И надо ли вообще?

Кто её послушает? Нет, её прежнюю, может, и послушали бы, а вот теперь... кто она вообще?

Теттенике выбралась из сена. Огляделась. Темно. Пусто. Лошади спят, порой вздыхая. Только драссар все еще держится рядом. Его боятся. И конюхи-то не заглядывают, а выводить так и вовсе не вывели. То ли сегодня так сложилось, то ли вообще... он же заболеть может.

И потому глядит грустно.

От этой грусти в животе узел завязывается. И совестно. Хотя Теттенике ничего дурного не сделала.

Она наоборот почистила вон. И даже воды принесла свежей. А все равно...

— Ты... ты только... — она отступила, но драссар потянулся, ухватив губами за край рубахи. — Мне идти надо... правда, не знаю, куда. Может, в Замок? Может, там хоть кто остался... но хоть кто мне не годится. Тогда что? Куда мне?

Драссар шагнул.

Какой он все-таки огромный. Теттенике у него под брюхом пройти может, только чуть голову наклонивши. И жутко от того. Такой, если наступит, точно не выживешь. А он ведь не добрый.

Лошади... им нельзя верить.

Как и людям.

Драссар с упреком покачал головой.

— Прости, — Теттенике смахнула слезу. — Я... я ведь на самом деле знаю, куда мне надо. Туда, куда все ушли, где... случится страшное. Но я боюсь, понимаешь?

От него пахло хлебом и еще дыхание драссара было горячим.

— Это ведь... это ведь нормально. Бояться мучительной смерти. И просто бояться. Я... я не хочу умирать. Ни там, ни здесь... и даже... если останусь вот этим...

Теплые губы коснулись щеки, утешая. Будто хотели слезу поймать.

— Это все равно жизнь. Какая-никакая, а... я могу стать конюхом. Смешно, да? Я боюсь лошадей. До дури. До ужаса боюсь. И тебя тоже. А в конюхи. Или... или еще чем заняться. Только правда в том, что... если я не пойду, то тоже умру. Просто позже. И... и шансов, что они мир спасут, немного.

Лошади ничего не понимают в спасении миров.

И Теттенике решительно шлепнула драссара по морде.

— Нет у меня тут времени... но... сама я не уйду далеко. А с тобой... с другой стороны, я ведь все равно боюсь! На самом деле боюсь! Это... это не шутка. И вообще несколько не смешно. Но... еще поймать могут. Знаешь, что с конокрадами делают? Вот то-то и оно... и повесят. И не поверят, если стану кричать, что я дочь кагана.

Конь оскалился, явно демонстрируя, что он думает.

— Вот и как тут...

Он медленно опустился на колени, подставляя спину.

— Умный... брат говорил, что такие как ты умными были. Но это легенда. А легенды на самом деле — одно сплошное вранье. Нет, ты и вправду умный, но пока рано. Надо тихонько. Стой...

Она выскользнула в узкий проход.

Прислушалась.

Лошади... лошади почуяли кого-то, заволновались, забеспокоились. Нет. Нельзя им. И Теттенике, прикрыв глаза, запела. Может, она и утратила свой дар, случается такое, но вот песни не забыла.

Её помнят все, в ком течет золотая кровь солнца и ветра. И даже этот мальчишка, чье тело ей отдали, знал слова. И низкий гортанный голос его вплелся в ночную тишину, успокаивая животных.

Вот так.

И собак тоже.

Собаки кружили по ту сторону ворот. Но за ворота пока рано. Надо найти что-то, чтобы обвязать ноги драссара. Конюшни из камня. И дорога тоже. Если пойдет так, то услышат.

Погоню устроят.

Или еще чего.

Нет, надо осторожно. И к коню Теттенике вернулась с охапкой ветоши.

— Потерпи, пожалуйста, — она дрожащею рукой коснулась могучей ноги, и драссар послушно застыл, позволяя обвязать копыта тряпьем. Получилось не с первого раза. Тряпки расплзались. И падали. И вовсе не держались на конских ногах. Но... он был терпелив.

И Теттенике справилась.

Подумала, что можно было бы и сбрую принести, но потом подумала, что обычная на драссара просто не налезет. А стало быть, какой смысл?

— Идем. Только тихонько. Я им еще спою...

Она оперлась на горячий конский бок. И поняла, что уже и совсем не боится. Не драссара. А собаки да, уснули. И человек, который развалился на груди соломы с той стороны, тоже спал. То ли песнею убаюканный, то ли выпивкой. От него дурно пахло, и драссар даже фыркнул.

Тихонечко.

Они вышли во двор.

И со двора.

На дорогу.

И только там уже Теттенике решилась вскарабкаться на широкую, что лавка, конскую спину.

— К замку, — сказала она. — Нам нужно к Замку. А там... будет видно.

Конь фыркнул и перешел на рысь.

Замок... до замка было далеко. До проклятого города еще дальше. И скорее всего Теттенике опоздает. Но... но это же не значит, что она будет просто сидеть и ждать.

Нет, сидеть и ждать у нее не получится.

Зеркало.

Проклятое зеркало! Я... мне не надо было смотреть. И уж точно — слушать демоницу, которая явно знала больше меня. Конечно. Времени-то у нее освоиться было куда побольше.

А я...

Дура!

Как есть, дура!

Дура, не способна отвести взгляда от черноты, что разлилась внутри рамы. Там, в этой черноте, проскальзывали искры. И тонули, тонули. И снова вспыхивали. Танец их завораживал. А потом их стало так много, что чернота поблекла. И я увидела корабль.

Даже в зеркале он, крадущийся по неестественно гладкому морю — пусть я там не бывала, но точно знаю, что море не бывает похожим на стекло — казался крохотным. Я видела и округлые борта, какие-то совершенно несерьезные. И палочки-мачты, с которых свисали сети канатов. И людей, что метались по палубе. И... не людей, которые пытались взобраться на корабль.

А еще тьму, что собиралась где-то внизу.

Она закручивалась спиралью, пока медленно, точно зная, что деваться людям и кораблю некуда. И это походило на игру. Вот тонкое щупальце скользнуло, распугивая тварей. И те беззвучно сыпанули в стороны. А щупальце погладило борт, будто примеряясь.

Я... я видела и людей.

Легионеров, что походили на черные статуи. И... и остальных тоже. Вот Ричард хмурится, прислушиваясь... к чему? К морю? К тьме?

Он ведь чувствует.

Он знает эти места лучше, чем кто-либо. И... и должен понимать, насколько тьма опасна. Или... он ведь Повелитель. И умеет управляться. С тьмой. Но та, внизу, она огромна. И следом за первым щупальцем тянется второе... третье... они пока ласкают борта корабля, но мне кажется, что я слышу треск.

— Прекрати! — я стиснула кулаки.

Надо успокоиться.

Во-первых, моя истерика точно никому не поможет. Во-вторых... во-вторых, с чего я вообще взяла, что все это вот происходит на самом деле? Может... может, демоница решила развлечься? Что я вообще знаю о её способностях?

И о зеркалах.

И... и может быть, Ричард спокойно спит. Время-то позднее... именно. Поэтому... поэтому мне надо включить голову. Даже если она

включаться не хочет. И губы перестать кусать. С обгрызенными губами я буду так себе невеста.

Вот.

Думать надо о хорошем... о свадьбе, например. О том, как он вернется и...

Корабль качнулся, будто в яму нырнул.

— Убери, — приказала я, шлепнув по зеркалу ладонью. И то послушно погасло. Интересно... так... а... а если... если попробовать... — Так. Покажи мне принцесс.

Зеркало издевательски молчало.

Может, оно не понимает?

Я поднялась. Походила по комнате.

— Покажи мне... Мудрославу Виросскую, — попробуем так. А то вдруг да принцесс по всему городу раскидало, и зеркало просто не знает, с которой начать.

Несколько мгновений ничего не происходило. Потом тьма чуть дрогнула, и поверхность треклятого зеркала пошла мелкой рябью. Как испорченный телевизор. Но сквозь помехи пробился истошный крик. А потом где-то там мелькнула зубастая пасть.

Ага.

— Превратилась, стало быть, — сказала я вслух, разглядывая матерую тварюгу. Драконы... кто сказал, что они прекрасны? Это летающее нечто было огромно, что ощущалось даже через отражение, когтисто, клыкасто и чешуйчато.

В общем, на любителя, так сказать.

Тварь кувыркнулась в воздухе и издала еще один низкий воющий звук. Мать твою... а ведь сложно девушке в личной жизни придется с такой-то ипостасью.

С другой стороны... жизнь вообще штука тяжелая. И порой дракон очень даже в тему.

— Хорошо, — я почесала рог. Интересно, зеркало надо как-то... подпитывать? Или пока держится. — А... а Брунгильда где?

Брунгильда сидела на каком-то обломке, слишком изысканно-белоснежном, чтобы счесть его обыкновенным валуном, и какой-то тряпицей чистила секиру. Губы островитянки двигались, но на сей раз зеркало решила, что я и картинкою обойдусь.

Обошлась.

Хорошо.

Две из пяти живы...

— Летиция Ладхемская?

Тоже на камушек забралась. Хотя... кажется, это остатки древней скамьи. Резной. С виноградом вон даже, пусть и потрескавшемся. Забралась она на скамью с ногами. С босыми, что характерно, и теперь пыталась закутать бледные ступни в обрывки ткани.

Ничего не понимаю. Но выглядит она живой.

— Ариция?

Зеркало снова мигнуло. Кажется, я начинаю ценить такую замечательную вещь.

Ариция... была. Где-то. Не понять, где именно, потому что там было сумрачно и, кажется, немного пыльно. Ладхемская принцесса кралась, явно настороженно вслушиваясь в то, что происходит вокруг. Она то и дело останавливалась, замирала, напряженная и готовая то ли бежать, то ли драться.

Но живая.

Хорошо.

Осталось... нет, я не буду смотреть на море. И на корабль. И на тьму. Я... я просто буду верить, что он справится.

— Теттенике, — выдохнула я. — Покажи мне Теттенике.

Зеркало потемнело как раз в тот момент, когда ладхемская принцесса потянула на себя что-то... в общем, что-то большое и грязное.

Несколько мгновений ничего не происходило. И я просто любовалась собственным отражением. Потом появился замок. Далекий. Скорее даже силуэт замка, хотя и вполне узнаваемый.

— Что за...

Дорога.

И огромный конь, который нес на спине чумазого и совершенно точно незнакомого мне мальчишку. Так... спокойно. Если зеркало показывает, то... то или оно сломалось, или что-то произошло.

Я погладила раму.

Сломалось оно вряд ли. Шанс есть, конечно, но вот что-то мне думается, дело не в поломке. Если вместо Мудрославы мне показали дракона и я не удивилась, то почему удивляюсь сейчас?

Этот конь, я ведь видела его. Такого не забудешь и не спутаешь с другим конем.

И мальчишка...

Кто из них Теттенике?

Выясним.

— Спасибо, — сказала я зеркалу. И все-таки удержалась.

Пока удержалась.

Я встала.

Оглядела комнату. И тихонько вышло. Конь, человек... на месте разберемся.

Глава 10 Где тьма встречает тьму

«В море том множество обретаются созданий преудивительных, редкости превеликой. Но паче прочих, коих я имел честь приобрести для коллекции музейной, поразил меня череп существа, про которого местные дикари говорили, что сие есть — змей морской, дитя самого бога моря. Мне же представляется сей зверь реликтом, что чудом, не иначе, дошло до дней наших. Сам череп огромен, семь человек способны встать в развернутой пасти его. Зубы оного змея длиной с руку взрослого мужчины. Кость же была белой, словно каменной. Я желал выкупить сию диковинку, однако и вождь племени, и шаман воспротивились, полагая череп и даром моря, и защитой от него»

«Повествование о дальних землях и существах, на них обрецающих», писанное магом Силезиусом Великолепным

— Это ведь не нормально? — поинтересовался Светозарный, глядя, как медленно, неспешно поднимается над бортом вода. Тонкою струйкой, нитью даже, вокруг которой собирались крохотные капли. Они блестели, что жемчужины. И сама эта водяная нить тоже казалась драгоценною.

— Абсолютно не нормально, — Ричард наблюдал, как нить тянется.

Выше.

И еще выше.

— Соглашусь, — Лассар тоже смотрел. — Вода не должна течь вверх. Это, в конце концов, противоестественно.

А водные твари отступили. И это тоже внушало определенные опасения. Их то ли вой, то ли свист доносился откуда-то издалека. И Ричарду в нем чудился страх.

Не перед кораблем.

Не перед Легионерами.

— Плаваю я хреново, — заметил массивный рыцарь, который стоял, опираясь на чудовищных размеров меч.

— Я неплохо, — отозвался степняк, щуря узкие глаза. — Но что-то подсказывает, что это ничего не значит.

Еще нить.

И снова.

Корабль вдруг замер. А потом нырнул в невидимую яму, ударившись о дно её. И судно затрещало, а люди покатились. Палуба ушла из-под ног.

Протяжный хруст предупредил, что все не просто плохо.

Все очень плохо.

И надо было сушей...

Додумать не успел. Первая из нитей разлетелась с тонким нервным звоном, обрушивая на корабль сонмы капель. И те, вспыхнув, словно звезды, устремились на людей. Кто-то закричал, протяжно и тонко.

Кто-то выругался.

Молча взметнулись щиты легионеров. Но как можно остановить звезду?

Никак, только...

Ричард с трудом, но поднялся. И сказал:

— Глаза закройте.

Его тьма выплеснулась наружу, навстречу обжигающему, рожденному водяными глубинами, свету. Он не знал, как подобное вообще возможно. Но вот... возможно, выходит.

И звезды увязли.

Они обжигали.

Они взрывались, разрывая тьму искрами. А та спешила зарастить раны, и обиженная, живая, тянулась к Ричарду. Надо держатся. Что бы это ни было, если убрать щит, то полягут люди.

— Огонь! — голос рыцаря прорвался сквозь тишину. — Тушите пожар, мать вашу...

Дальше заговорил попугай.

От души.

И стало легче. Только звезды... нить за нитью они поднимались из глубин... не только они. Тьма там тоже была. Давно. Спала.

Предвечная. Мудрая. И отозвалась Ричарду легко. Стоило потянуться к ней, и она сама хлынула навстречу.

— Что за...

— Меч убери, придурок. Не мешай своим благословением...

Ксандр.

И рядом. Держится. Держит. Он тоже слышит, что свет, что тьму. Лица не разглядеть. И оборачиваться нельзя. Ничего нельзя, лишь щит держать.

— Вперед...

— Да ни хренища не видать!

— Не важно, главное, что вперед...

Кто это?

Тьма тревожится. Тьма боится людей не меньше, чем люди боятся её. Она знает, что люди бывают жестоки, особенно, когда у них в руках огонь и сталь.

Ричард не позволит обидеть.

— Да мы на скалы сядем и тогда...

Тьма послушно растекается вокруг корабля. И отступает, позволив выжить звезде. Не той, что рождена морем. Иной. Эта появилась на свет там, где и положено звездам — в небесной вышине. И когда-то она, яркая, ярче прочих, венчала Корону.

Старое созвездие.

Моряки его знают. И корабль, издав еще один протяжный стон, заскользил по волнам. Если повезет, то... они доберутся до берега. Если повезет.

— Убирай, — рядом с Ксандром встал Лассар. — Убирай её, дитя проклятого мира...

Это он о ком?

— Мы уже в безопасности.

Ложь. Но Ричард позволил тьме отступить. И та, окутав корабль мягким облаком, — он был слишком ранен, чтобы просто его бросить — впиталась в борта. А Ричард покачнулся. Но устоял.

— Что это было? — поинтересовался Светозарный, щурясь.

— Понятия не имею, — Ричард коснулся лица. Почему-то кожу жгло. И на пальцах кровь осталась. Это... это плохо. Особенно, если кровь — черная.

Он сглотнул.

И подавил совершенно непристойное желание — завизжать. Или потребовать, чтобы его спасли. Тьма... тьма ощущалась. Близкая. Родная. И в то же время — опасная. Она все еще была здесь, руку протяни.

И Ричард протянул, чтобы коснуться её, такой... теплой?
Холодной.

Кто-то плачет. Громко и навзрыд. А где-то в небесах одиноким фонарем висит звезда. И Ричард смотрит. Он... он слышит людей вокруг. И мат то ли старого пирата, то ли его попугая, главное, душевный, побуждающий.

Он чувствует движение корабля, который не столько идет, сколько крадется по гладким водам. И бездну тоже чувствует, ту самую, где прячутся чудовища.

— Тише, — он шепчет.

Кому?

И наверное, это забрало бы остатки сил. И наверное, он бы упал на грязную палубу, но его удержали. Поддержали.

— Может... помочь ему как?

Степняк. Сейчас, в этом странном состоянии, в котором пребывает Ричард, люди выглядят другими. И от степняка пахнет жарким летним ветром. Зноем. Камнем. Землей. Лошадьми. Он кажется сплетенным из этих запахов.

Наверное, стоит удивиться.

Не выходит.

— Как? — это Светозарный. И внутри него действительно огонь горит. Белый-белый. Яркий. Как лампа... старая лампа.

Такая была в хижине.

В какой? Память. Так и не вернулась окончательно. Но здесь и сейчас Тьма милосердная подарила Ричарду осколок. И он не стал отказываться.

Старая хижина.

Она спряталась в узкой расщелине, что раскрывалась такой же узкой тесной пещерой. Вот в пещере и стоял топчан. А у стены приткнулась печь. Или это не печь? Сооружение из камней и серой глины. Печь дымила, отчего на глаза наворачивались слезы. И Ричард плакал. Там, в полутьме, слез не было видно. И неживой уходил.

Он точно знал, когда надо уйти.

А Ричард смотрел. На огонь вот. Или на угли. Рыжие. На белое пламя под колпаком старой лампы. Почему оно было таким белым?

— Давай, давай... он долго не удержит...

— Кровью?

— Только крови нам тут не хватало... он же не тварь какая, а человек.

— Не похоже. Глаза вон... светятся.

Слова проходят сквозь Ричарда, почти не задевая. Только тьма вздыхает горестно-горестно. Ей всех жаль. И людей. И чудовищ. Она, если подумать, вовсе не делает разницы.

Да и есть ли та разница?

Главное, корабль идет.

К берегу.

И тьма, повинувшись желанию Ричарда, а она рада ему, безумно рада, потому что и тьме надоедает одиночество, осторожно приподнимает корабль. И тот, роняя сквозь черный туман капли воды — Ричард слышит, как со звоном разбиваются они — ползет по-над хищными пастями скал.

Так.

И... и дальше. Туда, где сияет северная звезда.

Держать... силы ушли. И вернулись. Тьма сама делится. Если Ричард готов принять. А он принимает. Он знает, что нельзя впускать тьму в себя, что это опасно, что она никогда-то не оставит то, чего коснулась единожды. И это значит, что он обречен.

Жаль.

Себя. И тьму тоже. Она ведь не специально. Она... она устала. Да. Корабль содрогнулся и Ричард мысленно проклял себя. Нельзя отвлекаться. О том, что он обречен, он подумает позже. А пока... пока надо держать. Тьму. И корабль.

Проход.

— Давай... почти уже... вон, видишь?

— Хрень какая-то...

— Да не хрень, а остатки старого порта...

— А что за...

— Статуи!

— На кой ляд в порту статуи?

Ричард тоже хотел бы знать. И тьма готова ответить. Она знает, если не все, то очень многое. И помнит. Она с памятью обращается куда бережнее Ричарда. И пожелай тот... он не желает.

Пещера.

И топчан. Шкура медведя на полу. И на стене — еще одна. Здесь много шкур и от них пахнет.

— Ты как, малыш? — рука у неживого ледяная. — Меня узнал? Нет? Ничего. На вот. Поешь. Тебе полезно. Ложечку...

Густое тягучее варево. И кислый хлеб. Где Ксандр его брал? Так ли важно. Главное, что он заставлял Ричарда пить это варево. Или скорее просто не позволял забыть о еде.

— Вот так, жуй... потихоньку. Ничего. Все как-нибудь... не замерз тут? На вот, накройся. На меня не смотри. Я уже мертвый. Мертвым холод не страшен.

— А что... — собственный голос похож на шелест. — Что страшно?

— Безумие, — неживой смотрит с кривоватой усмешкой. — И живые. Впрочем... не только мертвым надо этого бояться.

Знал ли он?

Знал, знал... тьма вдруг поняла, что скоро придется расстаться. И заволновалась.

— Я вернусь, — пообещал Ричард. И тьма вздохнула. А потом корабль заскрежетал. И звук получился на редкость мерзким. От него Ричард и вздрогнул. И скривился.

И пришел в себя.

Кровь по прежнему текла. Из носа. На палубу. Кап-кап... неужели никто не слышит? Или этого звука не существует? Или он существует, но исключительно в воображении Ричарда? Как понять?

Надо ли?

Он зажал нос пальцами.

Кап...

Отца злило это.

Нет, не это... он тоже что-то знал. И наврал. Там, в дневнике. Снова. Все лгут, выходит... интересно, хоть кто-нибудь...

Демоница.

— Живой? — его развернули и встряхнули. — Ну-ка, что видишь?

— Фигу, — просипел Ричард, окончательно приходя в себя. Голова слегка побаливала. А кровь... да, кровь текла. Черная. Или это потому как луна белая? А в лунном свете все кажется не таким, какое оно на самом деле. Именно.

— Вот, значит, все в порядке, — Лассар ободряюще похлопал по плечу. И только Светозарный, свет которого теперь спрятался, помог Ричарду устоять на ногах. — Ты погляди, какая красота-то!

И будь живым, вдохнул бы полной грудью.

— Знаете, — заметил Артан с легким упреком. — Лично у меня другие представления о прекрасном.

— Да что ты понимаешь, — отмахнулся Командор. — Ты просто не видел, каким оно было...

Не видел.

И Ричард не видел.

А тьма... тьма видела. И потому отползала, освобождая черную-черную воду. Зыбкою тропинкой протянулась нить лунного света. Она легла, скользнув меж черных скал и остатков статуй, что выглядывали из воды. Огромные головы их белые казались почти живыми. И Ричард не мог отделаться от ощущения, что эти вот мужчины, и женщины, одинаково прекрасные и величественные, сейчас возьмут и оживут.

Осколками зубов выглядывали колонны.

Высилась белым треугольником крыша какого-то здания, некогда украшенная статуей, но теперь от той остались лишь уродливые обломки.

Главное, тихо.

Слишком уж тихо.

Отстал водяной народ, не рискнув коснуться тьмы. Даже они боятся, а люди вот... Ричард шмыгнул носом и потрогал переносицу. Кажется, кровь остановилась.

Хорошо.

В таком месте не стоит дразнить.

— Сейчас попробуем подойти от туда, — дэр Гроббе оглядывался. На лице его застыла маска абсолютной сосредоточенности. — Надо ближе к берегу бы... тут хрен знает, что может быть.

И словно отзываясь на слова, в черной толще воды мелькнула черная же тень.

— Не нравится мне здесь...

— Когда-то давно отсюда приходило солнце, — Лассар смотрел на город. Но... видел ли? А если и видел, то что? Мертвые развалины, страшные в своей пустоте? Или великий древний город, который готовится возродиться?

Вот уж не было печали.

— Гот-вь...

Донеслось откуда-то с кормы.

— Кошками зацепимся, — пояснил дэр Гроббе. — Паруса тут не поставишь, да и вовсе... «Магда» — кораблик хороший, да не для таких мест.

Он огляделся и в глазах мелькнуло что-то этакое.

Как тень на воде.

Правда, сколько Ричард в воду не вглядывался, больше ничего не увидел.

Заскрежетали лебедки. И массивный шлюп пополз вверх. От мысли, что придется с одного кораблика пересаживаться в другой, еще более ненадежный с виду, подурнело. Вот шлюп коснулся воды. Раздался тихий всплеск... и снова тишина.

Тьма любезно держится в стороне.

Она гладит влажные гривы рифов, она укрывает воду. И немного — небо. Она расплзается рыхлыми пустыми облаками, сквозь которые угадываются остатки древних то ли статуй, то ли домов.

— А доспехи лучше снять, — заметил дэр Гроббе. — Раза за три перевезем, коль боги...

Тень снова поднялась, и теперь тварь не спешила, позволяя увидеть себя. Длинное змеиное тело пробило водную гладь и, словно играясь, коснулось борта. Раздался тихий шелест.

И всхлип.

— Интересно, — промолвил брат Янош, оглаживая доспех. — Оно хищное? Или как?

— Тут все хищное...

— Морской змей, — Ксандр проводил существо взглядом. — Правда, мелкий еще...

— Мелкий?

— Мелкий, — Лассар даже перегнулся и свистнул. — Они еще когда появились... берегли корабли. Да и в целом... Империя была,

пусть и велика, могуча, но все же враги имелись. И на море в том числе. Те же пираты. Вроде и шваль...

Дэр Гроббе явно насупился. Обижен?

— ...на утлых лодчонках, но тоже порой умудрялись доставить неприятности. Вот и вывели змеев. С пиратами они справлялись отменно.

Из воды показалось серебряное кольцо толщиной... да с колонну будет, если не больше.

— Так они домашние? — а вот Светозарный глядел на змея едва ли не с восторгом.

— Были. А теперь вот одичали...

— А питаются чем? — уточнил брат Янош, явно будучи человеком более приземленным.

— В основном рыбой. Раньше. Ну и пиратами... тоже мясо.

Дэр Гроббе крикнул.

— Лодку он как...

— Расшибет, — меланхолично отозвался Лассар. — А потом в воде всех и половит.

— И... что делать?

Все задумались. А змей, описав круг, высунул голову. Та была узкой и совершенно не рыбьей. И не змеиной. Длинный с горбинкою нос, узкие ноздри, что раскрывались и закрывались. Выпуклые глаза. И грива тончайших перьев, которые вяло шевелились.

Не перья.

Жабры.

Точно. Ричард видел рисунок. Давно. И еще мечтал, что однажды встретит змея. Вот и исполнилась мечта... мечта фыркнула и, приоткрыв пасть, в которой блеснули тонкие острые зубы, издала скрипучий звук.

— Своих зовет, небось...

— Лодка отменяется, — дэр Гроббе отер руки. — Пойдем на берег... и боги с нами. Корабля жаль...

На звук ответили. Только на сей раз скрежет раздался с другой стороны. Ногтем по нервам.

— Вперед, мать вашу! — заорал попугай и крыльями хлопнул. — Не посрамим...

И содрогнувшись всем телом, заскрежетав прежалобно, корабль повернул к берегу. Или к тому, что могло условно считаться берегом. А слева черную гладь воды вспорола змеиная спина.

— Этот покрупнее будет, — заметил Лассар. — Признаться, думал, что они вымерли.

— Это мы тут сейчас вырем, — ворчание дэра Гроббе вдохновляло, правда не понять, то ли на подвиг, то ли на подловатое желание спрятаться от этого самого подвига. — Если дальше будем языками чесать.

— Мать, мать, мать... — поддержал попугай и, встрепенувшись, добавил. — Акулу тебе в...

Глава 11 Где принцессы пересчитывают друг друга

«И увидел тогда странствующий рыцарь стену из колючего шиповника. Плотные ветви переплелись друг с другом, выставив длинные шипы. Среди них виднелись цветы — алые и белые. И белые были белы, а алые — окрашены кровью малых пташек, что пытались свить в стене сей гнезда. Тогда-то и понял рыцарь, что не простая эта стена, но зачарованная. И воздел он к небесам меч свой, и взмолился».

Сказ о подвигах странствующего рыцаря и спящей ведьме.

Мудрослава осматривалась. Чувствовала она себя... да странно, честно говоря, чувствовала. Следовало бы в слезы удариться или там в панику. Это же нормально, паниковать, когда на тебя ведьма нападает, а потом в зеркало утаскивает.

И оказываешься ты не где-нибудь, а в месте, некогда виденном.

Нехорошем таком месте.

Главное, с полным осознанием, что выбраться будет непросто. Если вообще получится. Только почему-то не было ни страха, ни слез, которые пришлось бы сдерживать, но лишь одно любопытство.

И не только у нее.

Яр вон весь извелся. Сидит, шею тянет, головой крутит, кончик косы в рот засунул и грызет.

— Она у тебя вообще нормальная? — шепотом поинтересовалась Летиция Ладхемская, разглядывая грязные ноги. Шелковый чулок на левой съехал, а на правой — порвался, причем на колене. И из дыры выглядывало это самое колено, которое, если подумать, мало чем отличалось от собственного, Мудрославы.

— Местами, — честно ответила Слава. — Это просто... удивление.

— А... — Летиция вздохнула и юбку одернула.

Огляделась.

А чего глядеть? Двор. Похожий на тот, в котором Мудрослава уже была, пусть даже в драконьем обличье. Может быть даже тот же самый. Вон, кусок какой-то стены висится.

Но пахнет от воды иначе.

И вообще... драконом смотреть — одно, человеком — другое.

— Куда она подевалась? — Брунгильда уже трижды обошла двор по кругу. И на улицу высывалась. И даже кричать пробовала, но почему-то на крик откликнулись где-то там, в сплетениях улиц, не голосом, но жутковатым воем.

— Ушла, — спокойно ответила Летиция, снимая тряпки. Ноги под ними оказались грязными.

— Чушь.

— Нет. Если подумать, это все объясняет.

— Что объясняет? — секира уперлась древком в землю. А Брунгильда нависла. Рядом с хрупкою ладхемкой она казалась совсем уж огромной.

— Она была. С нами. У ворот. Так?

— Так.

— Потом мы решили идти. И шли. Так?

— Да.

— Вместе?

— Я тебе сейчас затрещину отвешу.

— Знаешь, тебе стоит поработать над манерами, — Летиция пошевелила пальчиками. А Мудрослава вздохнула. Вот только поругаться им еще осталось.

— Мы шли вместе, — Мудрослава старалась говорить спокойно. — Не бежали. Напротив, у Летиции ноги...

— Неужели, — не удержалась островитянка. — Как удивительно! Летиция слегка покраснела.

— Я имею в виду, что отстать при всем желании было бы сложно, — примирительно продолжила Мудрослава. — Мы то и дело останавливались. Оглядывались. На нас никто не нападал... стало быть, она просто ушла.

— Или попала в ловушку.

— Мы бы заметили, — впрочем, Летиция сказала это несколько неуверенно. И почесала кончик носа. — Если бы она была мертвой, я бы точно сказала от чего она умерла, но...

— погоди, — Брунгильда уставилась на секиру. — А есть вещи? Её? Какие-нибудь? Просто... не совсем может и выйти, но...

Летиция задумалась, но покачала головой.

— Нет. Извини.

За что тут извиняться.

— И у меня, — вынуждена была признать Мудрослава. — И вообще...

— Надо возвращаться, — Брунгильда решительно забросила секиру на плечо. — Если с ней что-то случилось, то... нехорошо бросать.

И это было правдой.

Нехорошо.

— погоди... — Ариция упала на грязную траву. Если эти бурые стебли можно назвать травой. — Во-первых, дело к вечеру, а стало быть, бродить по улицам — это не самое разумное.

И она тоже была права.

— Наоборот, нам бы в дом заглянуть.

Летицию передернуло.

— Там умерли, — сказала она. — Тут... везде умерли. Умирали. И...

— И мы тоже умрем, — Ариция отрезала жестко. — Если будем торчать тут. Я не знаю, что вообще здесь водится, но... но вот что-то подсказывает, что будет оно голодным. А Слава до дракона так и не дозвалась.

Мудрослава почувствовала, что краснеет.

— Я пыталась! — сказала она. — И один раз даже получилось!

Ненадолго.

Только и хватило, что глянуть на кипящую зелень леса где-то там, внизу, поймать ветер крыльями и... снова оказаться на земле.

— Верю. Не в тебе дело. Дар — штука нестабильная. Главное, что если мы сейчас пойдем искать Теттенике, — имя степнячки Ариция произнесла с нескрываемым раздражением. — То, может статься, и сами потеряемся. Нам от этого легче не станет. И ей, что характерно, тоже. Нам надо заглянуть в дом.

— В этот?

— Можно и в этот. Не важно. Тот, который поцелее. Поискать там... не знаю. Одежду какую-нибудь, а то это... — она подняла подол

платья, некогда роскошного, но теперь похожего на большую тряпку. — Скоро развалится. И вообще неудобно в платье.

И Мудрослава подумала, что ладхемка-то права.

— А...

— В доме мы найдем комнату. Чтобы без окон. И дверь покрепче. Чтобы запереть её на ночь. И там уже ты попробуешь опять позвать дракона. Или кого-нибудь еще? Тут ведь будет... кто-то. Кто-то, кто умеет... знает... в общем, тварь какую-нибудь. А она уже пусть ищет след степнячки.

— Это долго, — возразила Брунгильда, впрочем, на дом, развалины которого начинались по ту сторону пруда, поглядела задумчиво.

— Думаете, самим будет сильно быстрее? — возразила Мудрослава. — Во-первых, лично я дорогу не найду. Тут все такое... такое похожее!

Прозвучало на диво беспомощно.

— Во-вторых, даже если найдем, то... вряд ли она сидит и ждет нас. И следы. Кто умеет читать следы?

— Я, — Брунгильда закинула секиру на плечо. — Я пойду и найду.

— Одна?!

— Погодите, — Летиция все же поднялась, не сдержав стога. — Я ноги совсем... сбила. Одной нельзя. У тебя, конечно, секира, но много ли она поможет, если вдруг дракон или еще какая нежить? Они правы. И... и можно попробовать не с живыми. То есть... Ари, мертвая собака, она ведь будет как живая?

— Да как тебе сказать... — вторая ладхемка ненадолго задумалась. — Но попробовать можно. Они и вправду сохраняют свойства, только любой собаке запах нужен.

— Вот, — Яр протянул свитый косицей платок. — Если, конечно, хватит, а то давно ношу... ну, так получилось.

И плечами пожал. Мол, не виноватая я.

— Подойдет, — решительно сказала Ариция и потеряла руки. Потом осмотрелась так, с прищуром... сразу стало как-то не по себе.

— Может, все-таки сперва в дом, — Мудрославе было стыдно признаться, но грядущее появление мертвой собаки её пугало.

И вообще некромантия.

Но руки принцессы взлетели. Бледные. Тонкие. И широкие рукава, съехавшие к самым локтям, лишь подчеркивали эту кажущуюся хрупкость ладхемки.

Ничего не произошло.

Земля не содрогнулась. Небо осталось тем же, мутноватым, синим, уже отравленным грядущей ночью. Ни грома, ни молний... с другой стороны у Мудрославы тоже вот так, без грома, молний и прочих небесных знамений.

К счастью.

— Собак тут нет, — с закрытыми глазами произнесла Ариция. — Люди есть. В доме. И еще чувствую, что здесь... закопаны. Злые. Нет, эти пусть лежат. Лежать, я сказала! А вот...

Бурая земля пошла трещиной, выпуская создание... ну, скажем так, кости Мудрослава видать случалось. И готовилась она морально. Насколько возможно такое. А потому и не завизжала, когда из земли показался череп.

Череп себе и череп. Желтенький. С бурым. В глазницах земля. Зато зубы блестят.

Здоровущие какие.

— Ух ты! — восхитился братец. — Кто это?

— Понятия не имею, — не открывая глаз, сказала ладхемка. А у Мудрославы появилось желание топнуть ногой и сказать, что не время сейчас для всяких там представлений.

Череп повернулся влево.

И вправо.

Он сидел на нити белесых позвонков, которые переходили в гибкий хребет. От него раскрывались полудужья ребер. А уж к ребрам крепились лопатки, лапы... в общем, скелет был.

И жил.

И даже рыкнул так, удивленно.

Плюхнулся на зад и уставился на собственную лапу, украшенную длинными изогнутыми когтями. А потом и вовсе ткнулся в эту лапу мордой.

— Котик! — всплеснула руками Летиция. — Я всегда хотела котика завести!

— Не разрешили?

— Ай... то шерсть на платьях, то у папиной фаворитки от котов сопли, то у матушки нервы... — отмахнулась Летиция. — И никаких тебе котиков. Даже живых...

Котик, как прикинула Мудрослава, некогда имел размеры весьма немаленькие. Он, если подумать, побольше рыси будет.

— Ну так... у этого шерсти нету, — Яр глядел на котика... нехорошо так. Жадно. Словно примеряя, как тот в собственных Яра покоях глядеться станет.

Бояр удар хватит.

Хотя... их и так хватит, когда Ярова авантюра на свет божий выползет. Правда, есть все шансы до того светлого момента не дожить.

Котик все-таки поднялся.

И поглядел... в черных глазницах вспыхнули огоньки. А потом... потом земля потянулась к костям, оплетая их тонкими нитями. И нитей становилось больше, больше... они сливались одна с другою, создавая тело зверя.

Скрылись кости.

Обросли земляным мясом. А поверх легла шкура, бурая, с подпалинами и торчащими травинками.

— Вот так оно лучше, — сказала Ариция с чувством глубокой удовлетворенности.

— Д-думаешь?

Котик теперь... котиком и остался. Зверем. Точно поболее рыси будет. И пошире. Могучая грудь и тяжелые лапы. Задние чуть больше передних, отчего тело кажется наклоненным вперед. Длинная шея с куцей гривой. И массивная голова.

Лоб выпуклый.

Глаза чуть раскосые, как у степнячки. А влажный нос подрагивает. И... и у мертвых кошек, кем бы они там ни были, не может быть влажных носов.

— Хороший, — Ариция безбоязненно протянула руку. И зверь сделал шаг. Ступал он мягко, но как-то так, что было видно — ему непривычно вновь быть живым. — Знаете... а здесь это много легче, чем там. То есть силы... столько сил у меня никогда не было.

Услышанное Мудрославу нисколько не обрадовало.

Вот только могучего некроманта им и не хватало для общего счастья.

Но зверь ткнулся лбом в ладонь и заурчал, громко, а еще обыкновенно, будто говоря, что времена временами, некромантия некромантией, а котики — они котики и есть.

— Хороший... совсем как живой получился. Давай свой платок.

— Ты... уверена? — поинтересовалась Мудрослава. Сама-то она уверена не была ни в чем. Вот... вот если со степнячкою беда, то... то такой котик, клыки которого из-под губы выглядывают, скорее дожрет, чем поможет.

— Нет. Но вариантов, согласишься, немного, — Ариция взяла платок и, насупившись, уставилась на кота. А тот на неё. — Иди. Найди. И... и посмотришь, что с нею. Ладно?

— Посмотрит? — уточнила Брунгильда.

— Пусть посмотрит. Не приближайся. И будет лучше, если она вовсе тебя не заметит.

— Ари!

— Что? Мне одной это исчезновение подозрительным кажется? А еще... не знаю, как у вас, но у меня эта тварь чернокнижная лицо украдала.

Тут Мудрослава не очень поняла.

— Когда я... в общем, она стала мной...

— А я встретила тебя, — поддержала Брунгильда, глядя на котика презадумчиво. — Но я поняла, что это не ты...

— Повезло. Хотя... какая разница, если мы здесь. Главное, что ни в чем нельзя быть уверенным.

Зверь потоптался, повернулся кругом и, коротко рыкнув, исчез в проломе.

— Знаете, — Ариция прикрыла глаза. — А ведь я его продолжаю чувствовать... хотя я всегда их чувствовала. Своих созданий, но как-то сейчас четче, что ли?

— Думаешь, найдет? — Брунгильда произнесла это с сомнением.

А Яр подскочил и поинтересовался:

— А еще одного сделать можешь?

— Зачем?

— Не знаю... дракона нет, так пусть хоть котик будет!

Мудрослава ткнула в бок кулаком.

Предатель!

Она тут... а этот на ладхемку глядит! И ладно бы... вот старшая, если приглядеться, вполне себе приличная девица. Скромная. Тихая. Даром, что некромант-смертогледец. А он на эту... с котиком. Того и гляди глазки строить начнет.

Государь называется.

Никакого понимания.

— Что? — удивился Яр, бок потирая. — Тут же ж это... небезопасно. Сама говоришь. А с котиком таким как-то даже спокойнее.

— А ведь и вправду, — Брунгильда перекинула секиру на второе плечо.

— Я попробую, — Ариция, кажется, несколько смутилась. И потому поспешно добавила. — Но я не уверена, кто вылезет... это же всегда так! Зовешь одного, а вылезит... не пойми что.

И ведь как в воду глядела.

Когда земля заколыхалась, пошла складками, что старая жесткая ткань, Мудрослава еще подумать успела, что идея-то была не самую разумной. И не только она. Но вот из трещины, что обрушила остатки стены, выглянула узкая костистая морда.

Дракон.

Мать его, дракон...

Правда, судя по скелету, маленький. Но почему-то это не успокаивало.

Глава 12 В которой происходит встреча, но не сказать, чтобы судьбоносная

«Если размышлять отвлеченно, то нельзя со всею определенностью заявить, будто бы некромантия — суть искусство богопротивное. Ведь нигде-то в свитках Светлого Пути, кои Храм полагает определяющими истину, нет ни слова о запрете некромантии. Более того, отдельные моменты могут быть истолкованы весьма двояко. И возникает закономерный вопрос. Не потому ли оригиналы свитков и объявлены святыней неприкосновенной, владеть которой имеет право лишь Храм, а остальным приходится довольствоваться списками, причем сделанными монахами Храма в виде том, который Храм одобряет. Более того, сравнение более древних списков, ныне признанных ложными, с современными выявляет совершенно удивительные вещи: многие моменты исправлены, а некоторые вовсе исчезли и из свитков, и из памяти людской...»

«Взгляд на историю религии и некоторые размышления о сути силы» магистра Визериуса, объявленного отступником и по этой причине вынужденного переехать из Баххары в Ладхем.

Что сказать... я вышла во двор. Потом со двора на дорогу, благо, никто не пытался остановить. Замок усиленно притворялся обыкновенным сооружением. Легионеры молча следовали по пятам. А люди и вовсе исчезли.

Пускай.

Я запахнула шаль, пытаюсь унять непонятную дрожь. Я ведь... я ведь правильное решение приняла, оставшись. Разумное.

Поступать нужно разумно.

А я... ни плавать не умею, ни драться. И получается, что буду тем самым грузом, который задержит всех. Если не хуже.

Но почему на душе кошки разыгрались.

Скребут и скребут.

Скребут...

Ночь была светла и тиха, должно быть, чтобы кошкам драть душу в ключья удобнее было. Кособокая луна висела над горами. Свет её ложился на дорогу, и потому коня я увидела издали.

Шел он неспешно. Так показалось. Потом-то я поняла, что эта неспешность — не более, чем иллюзия. Ну и что. И стояла.

Ждала.

А когда конь остановился, со спины его скатилось... скатился... в общем, не знаю, какого оно полу, но лохматое, грязное и злое.

— Ты? — спросило меня это существо, рукавом нос вытирая. Рукав был драный, нос — сопливый.

— Я, — сказала я. — А ты изменилась.

— Я... я... — оно хлопнуло ресницами и разревелось. Громко так. С подвываниями даже.

Ну вот и дальше-то что?

Утешать? Обнимать? Не хочется. Да и не умею я.

— Сопли подбери, — сказала я строго. — И рассказывай.

Она и рассказала.

Или он?

Сбивчиво. Путано. Порой размахивая руками, но тут же спохватываясь. А за спиной этого... этой... в общем, темную горой возвышался конь. И в голове моей дурноватой мелькнула мысль, что как же Ричард на подвиг пошел да без коня.

Без коня подвиги совершать никак невозможно.

— И что делать-то будем? — сказала я вслух, испытывая огромное желание — взять и переложить все проблемы на чьи-нибудь плечи. Чтоб, желательно, помогучее.

И понадежнее.

Но за спиной только Легионеры, спящий замок и люди, которым некуда идти.

А я где-то посередине всего этого бедлама с беспокойной душой и полным непониманием ситуации.

— Не знаю, — шмыгнула носом принцесса степей, более похожая на мелкого оборванца. А ведь главное, что у меня и сомнений нет, что это Теттенике.

И не в зеркале дело.

Просто... я вижу.

Ощущаю?

Не пойму, как назвать. Но это точно она.

— Там старик был, — она опять нос вытерла.

— Сопли?

— Да... где-то простыл. И... и я свое тело хочу! Я... вот доберусь до этой твари и... — она кулачки стиснула, а черные глаза нехорошо блеснули. — Старик сказал, что раньше дорога была. Короткая. Тайная.

Такая, о которой знает старик в городе, но не знает Ричард? Будь тут дорога, он бы не стал рисковать и идти морем. И каковы шансы её найти?

То-то и оно.

— Ясно... — я подумала, что опять же, самое разумное — забрать эту... этого... в общем, оборванца в Замок. Отмыть. Накормить. И отговорить от подвига. — Идем, тебе одеться надо.

— И тебе, — сказала Теттенике, снова шмыгая носом.

Потом выругалась.

И еще раз.

— Что? Иногда с людьми бывает, — проворчала она. — Но в юбке неудобно верхом.

— Я не собираюсь никуда ехать! И... и вообще! Мы их просто не догоним. Да к тому же... ты и я... и вот они еще, — я ткнула в легионеров, что не собирались вмешиваться и вообще притворялись, будто их тут нет. — Этого же мало. Там ведь всякое встречается...

Вспомнилась книга, которую мне случилось полистать.

А еще слово, Ричарду данное.

Он ведь...

Зеркало.

Зеркало, которое способно показать многое. Демон по ту его сторону. Стоит ли верить демону?

— Идем, — решительно сказала я. — Только с лошастью чего делать?

В лошадях я понимаю лишь, что они огромные, живые и нуждаются в уходе.

— На конюшню отведу. И растереть надо. А еще накормить. Он, бедный, совсем застоялся...

— Ты, — я обернулась и решительно ткнула пальцем в ближайшего Легионера. — Слышал?

Зеркало.

Зеркало никуда не исчезло. А ведь с него стало бы. Но нет. Висит. Или стоит? Главное, что есть оно, темное, наглое, отражающее меня и...

— Это я, — Теттенике коснулась щеки. Здесь, рядом со мной, стоял смуглокожий оборванец. А в зеркале отражалась прекрасная дева.

От такого несоответствия я слегка нервничала. Особенно в свете того, что я в зеркале вообще не отражалась, а это, помнится, не самая хорошая примета.

— Ты...

— Оно... волшебное?

— Еще какое, — мрачно сказала я. И потребовала. — Покажи тайную дорогу.

Зеркало просьбу проигнорировала.

Так... спокойно. Это все нервы и... и я ведь хочу увидеть Ричарда. На самом деле. И понять, что с ним все в порядке, что...

Чернота расплзлась столь стремительно, будто с той стороны кто-то сдернул полог.

— Это...

Город.

Белые строения, дымкою подернуты. Статуя... странная какая-то. Дома кажутся игрушечными, но это потому что статуя огромная. Она наполовину затоплена, и из воды выступают лишь плечи и голова. Причем не понять, мужчина это или женщина.

— Они... они там? — шепотом спросила Теттенике и за руку меня схватила.

— Там...

На корабле.

Он вовсе выглядел крошечным. Этакая скорлупка, которая покачивалась на волнах. Паруса опущены. Но вот один раскрылся, чтобы повиснуть грязною тряпкой. Ветра нет. Корабль бессилен без ветра. А люди... людей не разглядеть, но они есть там. Как и чудовище с серебряной чешуей.

Длиннотелое.

Сперва я решила, что это змея, просто очень и очень большая. Кольца её тела появлялись из воды то тут, то там, вращаясь и вновь уходя в черноту.

— Что это за... — Теттенике стиснула мою руку, но боли я не ощутила. А потом вдруг лицо степнячки дрогнуло, и черты на нем изменились, будто сквозь один облик другой проглянул, настоящий. И в этом уже облике я её почти узнала.

— Надо... дорога... там... идти... иначе умрут. Все умрут. Она не знает. Не понимает. Она спешит исполнить договор, но ошибается! Она все сделает не так! И мы... мы умрем!

Слышала. В страшных муках.

А тварь, подняв из воды длинную узкую харю, раззявила пасть.

И главное, даже здесь я услышала протяжный крик. Мерзкий крик. Крик, заставивший Теттенике содрогнуться. Она вдруг закатила глаза и осела на пол.

Вот ведь.

И что мне делать?

Я обернулась к зеркалу, а то, словно издеваясь, погасло.

— Ну ты и дрянь! — не удержалась я.

А она лишь рассмеялась.

Та, что скрывалась по другую сторону.

Ничего. Хорошо смеется тот, кто...

— А теперь послушай меня, — внутри клокотала ярость. Это была очень холодная ярость, которая сделала мои мысли ясными. А планы — безумными. — Ты, конечно, древнее создание. И сильное. Но это ничего не значит. Сколько ты там сидишь? Много. Сотни лет. Тысячи. За это время мир изменился. Империи не стало. О ней забыли, как забыли и о тебе.

Я никогда не умела говорить вот так. Спокойно. С показным равнодушием.

Учусь?

Зеркало молчало.

— Не знаю, зачем, но тебе нужна я. Иначе ты не начала бы игру. Что ж, я готова. Пусть это будет глупостью, но... я приду. И она вон тоже. Две дуры.

Темнота.

— Только, чтобы мы успели вовремя, нужно постараться. Тебе. Ты ведь управляешь этим зеркалом, так? Стало быть, посмотри, есть эта самая зачарованная дорога, о которой девочка говорила.

Я выдохнула.

А зеркало... зеркало осталось неподвижным.

— В противном случае мы просто останемся в Замке. Может, конечно, ты и сумеешь обойтись без нас. Может... освободишься. Уничтожишь мир. И нас заодно. Что тебе нас жалеть.

Нечего.

Я бы не пожалела.

Зеркало вздохнуло.

— Но тебе ведь не этого хочется, так?

— Злая ты, — она появилась из темноты. И не одна. Младенец на её руках сидел тихо. И было в нем что-то донельзя неправильное. Я не сразу поняла, что именно.

Пропорции тела.

Слишком маленькая голова. Слишком длинные руки и ноги. Слишком худые и... и сам он похож на взрослого. На маленького взрослого.

— Мой сын. Ему надо. Отсюда. Мы долго ждали. Долго-долго. И он прятался. Но он умрет. Тут. А там... — она махнула рукой. — Там ему будет хорошо. Нам будет хорошо.

— Ясно.

Я ничего не поняла и поскребла рог.

— То есть... ты хочешь уйти из этого мира. Верно?

Демоница кивнула.

— И если я помогу...

Ребенок смотрел на меня синими-синими глазами. Ясными такими. И... и видел. Куда больше видел, чем хотелось бы. А потом он улыбнулся, и моя душа не то, что в пятки ушла. Она в подвалы замка провалилась. Сердце окаменело.

Демоны видят силу?

Я видела.

И... и этот младенец был не просто силен.

Младший бог.

— Хорошо, — я сглотнула, хотя рот пересох, и высохший, драл горло. — Я... постараюсь... помочь. Но и ты тоже. Что ты можешь?

— Мало, — демоница не задумалась с ответом. — Смотрю. Смотрю. Мало. Дорогу не знаю. Раньше... давно...

Она задумалась ненадолго.

— То место, где ты, оно было другим. И раньше. Он приводил. Показывал. Старый замок.

Это я и без неё знала.

— Что еще он говорил?

— Сюда приходили не просто так. Здесь... гробница. Древняя.

Кажется, я начинаю догадываться, какая именно.

— И первый Император. У него еще корона была. Такая. Страшненькая, — демоница похлопала себя ладонью по макушке. А я подумала, что вот она сильна, но рогов у неё нет. И как это понимать? Может, они вовсе не обязательны? И если так, то избавиться от них... надо попробовать.

Правда, как?

— И еще меч. Он показывал... говорил, что тот, кто возьмет этот меч, он станет настоящим Императором. Но у него не вышло. Да и как могло, если меч каменный? — она сказала это с немалой убежденностью. А я спорить не стала. Каменный, так каменный.

Зато теперь понятно.

Гробница сперва была тайной, а потом нужда в тайне отпала, зато появилась необходимость в символе. Вот её и рассекретили, а заодно уж и антураж соответствующий создали. Статуи. Ворота золотые.

— По обычаю Император проводил там три ночи. Перед тем, как венец примерить. Настоящий, — уточнила демоница. А ребенок сунул палец в рот. И... и пусть страшненький до ужаса, в том смысле, что всякий раз, как на него смотрю, сердце останавливается, но ведь все равно ребенок.

А они с ним вот так.

— Новый Император приносил дары. И добавлял летописи.

На дверях.

Ну... в моем мире тоже некоторые летописи добавляли, причем большею частью бестолковейшие. А тут целый император. И сомневаюсь, что самолично.

— Сам должен был, — уточнила демоница, словно подслушав мои мысли. — На золоте. Силой. Есть такой способ, когда сила находит материальное воплощение. И еще карту правил. Говорил, что

раньше каждые десять лет надо было. Чтобы память потомкам. И летопись величия. Да...

Летопись, чтоб их...

— Я сама не видела. Нельзя. И он тоже. Потом. Признался. Что у ворот был. И в зале славы — тоже. А потом... потом его кровь не пустила. Там не любят тех, у кого кровь. Демонов. Но если тайный путь где-то и начинался, то там.

Логично.

Наверное. Или нет?

Демоница чуть поерзала.

— Он любил её.

— Кто и кого?

А то я совсем запутаюсь.

— Ричард. Первый Император. Это... отец, правда, не верил. Сказал, что это глупости, но ведь рассказывали.

Ничего не понимаю, но слушаю. Как-то... вдруг и пригодится. Заодно уж время подумать будет.

— Он был великим. Он создал Империю. И женился.

Равноценные события.

— Но он не любил жену. Только убивать почему-то не стал. Наверное, родственники её бы обиделись. Я так думаю. Сивеллы тоже обиделись, когда я вырвала сердце их наглой девке. Но она сама виновата! — поспешила заверить демоница.

А я кивнула.

На всякий случай. Виновата, так виновата. В чужие разборки лезть — себе дороже. Особенно, если отношения выясняют две демоницы.

— Вот. И от жены у него были дети. Старший стал вторым Императором.

Пока версии сходятся.

— Только у Императора. Первого. У него была еще одна женщина. Не знаю, почему он на ней не женился.

— Потому что уже был женат? — предположила я, покосившись на ступеньку, которая так и лежала, не подавая признаков жизни.

— И что? — искренне удивилась демоница. — Кому это мешало?

Действительно.

— Наверное, тоже побоялся. У отца были три жены, но он привязался к одной рабыне, так её отравили. Отец очень сильно ругался.

Да уж. Сложные жизненные обстоятельства.

— Это старшая, — выдала демоница. — Мама бы не стала. У мамы свой любовник имелся. Зачем ей?

Еще более сложные, оказывается, чем я предполагала.

— Так вот. Он там умер. У тебя.

— У меня еще никто не умер, — огрызнулась я и на всякий случай степнячку потрогала. А то мало ли. Но та вроде дышала. Притворяется? Спит? Или и вправду что-то...

— Ты поняла, — демоница обиженно отставила губу. Правда, обижалась она недолго. Кажется, одиночество и вправду изрядно ей надоело. — Он поставил для нее неприступный замок. И поселил. И ездил к ней. Часто. Однажды поехал и умер.

Печалька.

Но молчу. Молчание — оно золото.

— За ним явились. Сыновья. Хотели увезти. Похоронить в другом месте. Достойном. Чтобы все могли увидеть и восхититься.

Ну да, есть и у нас подобные привычки.

— Но оказалось, что они не могут. Что... тело не выносятся!

А это стало неприятным сюрпризом, я полагаю.

— Тогда они и устроили здесь погребальницу, — демоница поскребла себя за ухом. А уши у нее были полупрозрачные и слегка вытянутые.

— А та женщина, что с нею стало? — тихо спросила я.

И почему это важно?

История ведь... не просто древняя. Она к нынешним делам отношения не имеет. Почти.

— Не знаю. Может, убили. Может, в жертву принесли. Какая теперь разница?

Никакой.

Зато... дорога.

Есть одна дорога, на которую не способны ступить ни живые, ни мертвые, если они не принадлежат роду Архаг. Она ли это? Или нет? Та дорога ведет в пещеру с покойниками. И... и не логично.

— Отец говорил, что никакой женщины не было. Но тогда для кого построили замок? И почему Ричард сюда ездил? И... и похоронили его тоже здесь. Поэтому всем остальным тоже пришлось сюда ездить. А это долго. Неудобно. Да! А еще он ездил так, что никто не знал, как!

— То есть, тайная дорога все-таки может быть?

Такая, о которой не сохранилось данных, но лишь сказки, легенды, щедро приправленные выдумкой. Вот только выдумка порой недалеко от правды.

Думай, Жора.

Думай.

— Ты... поищи, хорошо? — попросила демоница. — А то и вправду тяжело здесь.

— Извини.

Мне почему-то было стыдно.

Она кивнула.

— Я... я никого не хочу убивать, — добавила демоница, обнимая ребенка. Тот не шевелился, и если бы не эхо силы, до меня долетавшее, я бы вовсе приняла его за игрушку. — Но он — это другое... он тоже устал. И ждал, ждал... и верните нас! Верните нас домой!

От внезапного её вопля стекла зазвенели.

А замок содрогнулся. Вдруг взметнулась пыль, закружила серым облаком и... и исчезла.

Твою же ж...

Глава 13 О том, что животные любят ласку

«И запела тогда лесная дева. Голос её предивный весенними ручьями разлился по лесу. И на песнь её откликнулись птицы. Вышли к деве звери, поклонились. А последним выступил могучий бык черной масти с рогами огромными, меж которыми дом поставить можно. Коснулась она быка ладонью, и пал тот, где стоял. А дева тогда обратилась к охотнику так: «Добыл твой старший брат лося огромного. Добыл твой средний брат медведя могучего. Но вот тебе бык, равного которому не осталось в лесах королевских. Возьми его голову и отнеси своему отцу. Тогда-то и он, и прочие, восхитятся удалью твоей. Ты же в награду проси лишь право привести в дом жену по своему выбору». Поклонился дева молодец. Да так и сделал».

Сказ о деве лесной и королевском сыне.

Когда зубастая пасть зависла над палубой, Ричард подумал, что древние картографы не так уж и заблуждались, рисуя тварей морских. А ему-то казалось выдумкой. Ну не могли создания сии быть больше корабля.

Оказывается, могли.

— Интересно, сразу сожрет или как? — брат Янош разглядывал змея с философской обреченностью. — А шкура у него крепкая.

— Еще какая, — подтвердил Лассар с немалою охотой. — Некогда её по-всякому пробить пытались. И баллисты ставили, и жидким огнем кидались. И маги даже...

Змей, правда, отчего-то не спешил обрушиваться на корабль. Он выполз из воды, и теперь голова его покачивалась на тонкой шее, плавно переходившей в уже не совсем чтобы тонкое тело.

Ноздри раздувались.

И складывались.

И раздувались. А корабль полз к берегу. Медленно. Ветра нет... весла бы, но «Магда» — не весельное судно. От шлюпки уже и щепок

не осталось.

И...

— Что они любят? — поинтересовался Ричард.

А змей тоненько засвистел. И в том свисте примерещился вопрос.

— Они часом не разумны?

— Не особо, хотя, конечно, умнее многих... попробуй поговорить.

С тварью, которой Ричард на один зуб? И о чем говорить? О погоде? Тиха сегодня ночь, самое оно для охоты... так. Успокоиться надо.

— Красивый, — сказал Ричард громко первое, что в голову пришло. И змей радостно свистнул, повернувшись другим боком. — Ты здесь давно?

Рядом с первой головой показалась вторая.

Потоньше. Поуже. И вообще было в ней что-то донельзя женское. И чешуя розовым отсвечивала. Или просто показалось?

— Я здесь никогда не был. Предки мои родом отсюда...

Голова наклонилась.

И опустилась. Опускалась она медленно. Очень, очень медленно. И Ричард застыл под взглядом ярко-желтых, словно из янтаря выточенных, глаз.

— Возможно, когда-то подобные тебе им и служили, — слова давались с трудом. А люди отступили. Куда-то взяли и... и может, пока Ричард отвлекает тварей, они попытаются спастись? Должны быть еще лодки. Или вплавь... нет, плавать здесь — так себе идея.

Помимо змеев может водиться что-то.

Тварь приоткрыла пасть и выдохнула. Зеленое облако полетело к кораблю, накрыло его. И кто-то закашлялся от зловония. Ричард задержал дыхание, надеясь, что облако это не ядовито.

Просто...

Где ему зубы чистить-то? Змею?

А корабль качнулся. И рядом с бортом из воды поднялся влажный бок чудовища. Серебряная чешуя переливалась в лунном свете. А кольцо росло, росло...

— Вот же ж...

— Угомонись, — буркнул Лассар. — Пока они просто интересуются.

Морда наклонилась.

Ближе.

И еще ближе.

И Ричард решился, выпустив на ладони тьму. Мягкий пуховой клок её заставил змея радостно заскрежетать.

— Тихо ты, — сказал Ричард, уже почти успокаиваясь.

Ему бы не помешал повелитель разума... или кто-то, кто разбирается в животных. Ричард заставил тьму подняться. Еще немного выше. И больше. Он скатывал из нее шар, черный, как нынешнее небо. А змей смотрел, радостно посвистывая.

А когда шар сорвался с ладони, змей вытянул длинный тонкий язык и слизал его.

Зажмурился.

Из ноздрей его вырвалось облачко тумана, а Ричард все-таки прокашлялся. От дыхания водного чудовища драло глотку.

А змей качнулся.

И ушел под воду, но слева с требовательным свистом появилась еще голова.

— Ты их того... подкорми пока, что ли? А то ветра нету и вообще... хрен его знает, сумеем ли подойти.

Дэр Гроббе смотрел на змеев.

И на берег.

И на Ричарда. Впрочем, все смотрели на Ричарда. Кажется, даже Легионеры.

Второй змей, проглотив сплетенный из тьмы шар, тоже исчез под водой. А вот третий нырнул, чтобы показаться с другой стороны.

— Молодой, любопытный... — проворчал Лассар, когда змеиня морда, которая была покрупнее конской, показалась над кораблем.

Теперь было отчетливо видно, что круглые глаза твари слабо светились, как и чешуя, от которой на досках оставался тонкий перламутровый след. Заскрипел и опасно накренился корабль.

— Тише ты, — сказал Ричард и, решившись, хлопнул по морде ладонью. — Потопишь сейчас.

Змей свистнул и приподнялся.

А чешуя у него сухая. И горячая, как не бывает у рыб. Крупная. Каждая чешуйка — с ладонь Ричарда, и не гладкая вовсе, а шероховатая.

С узором.

И дыхание тоже горячее.

И сам он... нет, Ричард далек от того, чтобы понять мысли змея, если они вообще имелись. Но вот сейчас он четко понимал, что зверь не опасен.

Что он и вправду молод.

Любопытен.

Что здесь, в закрытой бухте, ничего-то не происходит, а потому большую часть времени змеи спят, там, внизу, зарывшись в теплый мягкий ил. Иногда их сон тревожат, что люди, что твари.

Но змеи давно научились справляться и с тем, и с другим.

Стражи.

Вот, пожалуй, именно, что стражи. Созданные для этого в незапамятные времена, змеи и ныне помнили о том, что должны делать.

Охранять.

Не пускать.

Никого. Никого из тех, кто не знает, как обозначить себя. А Ричард, выходит, знает... или просто повезло.

— Послушай, — почему-то не отпускало такое же ясное ощущение, что змей превосходно понимает человеческую речь. Или не совсем речь? Тьма тоже умеет говорить. И если так, то это шанс, которым стоит воспользоваться. — Во-первых, нам надо туда.

Ричард указал на берег, который был близок и недоступен, потому что змеи змеями, а вода водой. Вплавь он все-таки не рискнет.

Змей свистнул, и на свист его отозвались. Из моря поднялись еще две головы. Старший... старший смотрел на Ричарда. А Ричард теперь смотрел на него.

Тепло.

Давно.

Он пытается рассказать, этот змей. И Мудрослава точно поняла бы все, таков её дар, а потому жаль, что Мудрославы здесь нет. Сам Ричард тоже пытается... слушать?

Город.

Корабли. Картинки ясные. И сменяют друг друга. Город другой. Змеи тоже видят разницу. И тот, что поднялся из вод, тогда был очень-очень молод. Его только выпустили в бухту, чтобы он здесь набрался сил, перед тем, как отправится в открытое море.

Он помнил.

И город. И море, которое имело совсем другой вкус, чем там, где змей рос. И корабли.

И погонщика, что приходил, садился на старую лестницу. Он приносил бараньи туши, потроха и тьму. Тьма была иной, не такой, как у Ричарда, но змею нравилась. Погонщик иногда разговаривал. Он знал, что Змей должен понимать речь.

Речь понимал.

Людей нет.

Но потом однажды что-то случилось.

Тьма.

Она пришла из города, она спустилась по каменным лестницам в море, и отравило их. И само море поднялось. Была буря. Такая сильная, что море вышло из берегов и взобралось по старой каменной лестнице, чтобы затопить улицы. А вниз спустилась тьма. Она была злой, как и создания, что её несли.

Картинки менялись быстро.

Странными они были. Очень. Змеи все же видят иначе, нежели люди.

— Хороший, — сказал Ричард, постаравшись говорить мягко. Змей... он тоже понимал.

Город. Море. Корабли.

Чудовища.

Огонь, который разливался по бушующим волнам. И это было противоестественно, а потому страшно. Змей спрятался. Он давно нашел пещеру, там, под городом, в которую и забился.

И сидел.

Долго.

Даже голод не заставил его выйти. Сперва. Потом уже, когда тьма пропитала и воды, а голод сделался невыносим, змей все же покинул убежище.

Города не стало.

Но память... память была.

И теперь Змей был рад, что дождался. Чего? Кого? Человека, который умеет ловить тьму. Раньше её было много. А теперь море почти очистилось.

Плохо.

Для змея.

Тьма нужна.

— Я понимаю, — Ричард протянул руку, и её осторожно коснулись. Эта голова была огромна. Пусть бы корабль и не поместился в пасти змея, но... удара могучего тела хватило бы, чтобы расколоть его.

Теплый.

И гладкий.

— Они голодали, — сказал Ричард для других. — Они так привыкли к тьме, что в море им плохо. Вот и держатся поближе к городу... но сейчас... ты сможешь? Добраться до берега? И корабль...

Наверное, не самая здравая идея, но других нет.

Змей свистнул.

И приоткрыл рот. А Ричард создал еще один клубок. Тьма... тьма чувствует, что нужна. Странная она все-таки.

— Поможешь?

Змей покачулся.

Да.

Он сделает.

Он все сделает, только бы снова не оставаться в одиночестве. Долгие сны. Долгие дни. Много долгих снов и долгих дней. Он так больше не хочет.

— Спасибо. И еще... где-то здесь должен быть еще корабль.

Ричард попытался представить ладью островитян, надеясь, что змей поймет хоть что-то.

— Если они еще живы, их тоже надо принести сюда. Мои люди. Мои, — он повторил это вслух и приложил ладонь к груди.

Змей медленно погрузился в воду. И остальные.

Несколько мгновений ничего не происходило. А потом корабль вдруг задрожал, и медленно плавно начал подниматься.

— Что за... — дэр Гроббе обеими руками вцепился в борта. — Держитесь, мать вашу! Сейчас прокатит!

«Веселая Магда» многое повидала на своем пути. Она ходила по мертвым водам, куда честные корабли, если и заглядывали, то лишь волей случая. И пробиралась по затянутому зеленой морскою травой

пути. Она доходила до Огненной земли, воздух над которой кипел от жара, и до далеких, мало кому известных Северных островов.

Она спасалась бегством.

Играла в прятки в зыбком предрассветном тумане, что часто поднимался на рифовых отмелях. И сама уже искала хитрых крутобоких купцов, что надеялись на спасение.

Она... стреляла.

Горела.

Дважды садилась на мель. Но еще никогда за долгую для корабля жизнь свою не поднималась по-над морской гладью на спине сказочного чудовища.

— Кому сказать, не поверят, — пробормотал дэр Гроббе, глядя вниз. Внизу было черно и странно. С боков «Магды» летела вода, и капли разлетались с глухим чавкающим звуком. А где-то далеко блестела змеиная чешуя.

Если тварь повернется...

Если тварь...

Ричард сглотнул. Нельзя выказывать страх. Или сомнения. Змеи, похоже, обладают ярко выраженными эмпатическими способностями, что хорошо. Без них было бы сложно что-то приказать.

Услышать.

И...

И все равно жутко.

Мимо проплыла белоснежная статуя. Бородатый человек в короне вытянул руку, указывая куда-то в сторону моря.

Внезапно воздух задрожал. Лицо обдало холодом. И бухта, еще недавно открытая, словно отодвинулась. Корабль же, слегка покачиваясь, надежно опутанный кольцами чудовищного тела, прополз меж двух белесых колонн.

— Призрачные ворота... — дэр Гроббе выдохнул. То ли с восхищением, то ли с суеверным ужасом. — Вот, стало быть, какие они...

Никакие.

Огромные, само собой.

— Что за... — Светозарный дернулся. — Будто шкуру живьем содрали.

— Это тебе лишь кажется, — отмахнулся Лассар. — Поверь, если бы содрали, ощущения были бы иными.

— А ты откуда...

— Да вот, пришлось... из чего, думаешь, доспех делается?

Все замолчали, обдумывая каждый свое. И лишь Командор усмехнулся.

— Призрачные ворота... некогда их называли Великими. Империя умела защищать свои земли. И города. Особенно этот... они возникли после Великого Нашествия. Слышали?

— Нет, — честно ответил Ричард. И Ксандр покачал головой. Остальные и вовсе промолчали.

— Ну да... в мое время это было то ли еще историей, то ли уже легендой. На юге появилась еще одна держава. Несколько кочевых племен объединились, к слову, не без помощи Империи.

— Зачем?

— Кочевые племена постоянно совершали набеги. Грабили, жгли, пакостили по-всякому. Приходилось воевать в ответ, а что с них взять-то? Из них и рабы-то выходили дрянными. Вот кто-то умный и решил, что если одно племя подомнет остальных, то станет всем не до наших границ. И вообще проще договориться с одним правителем, чем с сотней мелких вождей, каждый из которых мнит себя великим.

В этом имелась своя логика.

А бухта... она оказалась огромной. И еще точно такой, как и была. Те же статуи. Те же обломки зданий. Дома, ушедшие под воду, только там, вдалеке.

— Сперва так и было. Потом Ишхан разросся, набрал силу. И решил попытать счастья. Людей там было много, вот и подумали, что этого хватит. Они пришли с моря. И высадились. И даже сумели пробиться ко дворцу, что очень разгневало тогдашнего Императора. В те времена еще жила память о Ричарде, и с демонами, если дело и имели, то весьма осторожно. Но тогда-то и произошел перелом. Я так думаю. Император вызвал демона, а тот уничтожил степняков. И Великое нашествие захлебнулось, а Ишхан перестал существовать. Да... но тогда встал вопрос, как защитить город. И Совет Магов предложил создать преграду. Призрачные ворота. Это по сути иллюзия, но весьма умелая. Добавим, что помимо всего прочего, чем

ближе корабль подходит к воротам, тем больший страх испытывают люди. Считалось, что этого довольно.

— А как...

— Корабли останавливались по ту сторону и ждали лодку с проводником, а уж тот помогал кораблю преодолеть преграду. Или не помогал. Известны случаи, когда проводника пытались принудить пытками... в общем, змеи жили тут всегда.

Серебристые кольца распались, бережно опуская корабль на водяную гладь. Змей остался один, самый крупный, самый старый.

Вздых его вновь заставил закашляться. И Ричард зажал нос. Вот интересно, как раньше, во времена Империи, решали эту проблему? Хотя... нет, не интересно.

Совершенно.

Корабль все-таки потрянуло. Но разваливаться он не спешил.

— Назад, — сипло произнес брат Янош. — Пойдем по суше.

— Там горы, — заметил Ксандр.

— Да насрать... лучше уж горы, чем вот это вот все...

Показалось, что остальные с ним согласились. И не только братья. Легионер, молча стоявший за спиной брата Яноша, и тот кивнул.

Ну да...

В горах оно как-то привычнее, что ли.

Глава 14 Где принцессы занимаются раскопками, а заодно изучают особенности некромантии

«Также настоятельно рекомендую избегать женщин, как чересчур глупых, так и чересчур умных. И если от глупости понятен вред, то многие удивляются и спрашивают, как же так, чем же плоха разумная жена? Ничем, кроме того, что станет она полагать себя во всем равной мужу, а, быть может, даже стоящей над ним».

Трактат «О мужской и женской сути», писанный премудрым Лараком на склоне лет его, основанный на личном опыте и многих беседах со столь же премудрыми мужами.

Дракон вылезал медленней. Ариция чувствовала его. И не только его. Все вокруг было пропитано силой, той, которую дома приходилось собирать по крупицам. А тут...

Другое.

Но смотрят. На нее. И на кости. Главное, что без страха. Не хватало, чтобы кто-то заорал или там чувств лишился. Сестрица дорогая поднялась вон даже. Мудрослава морщится, а рыжая её родственница даже подпрыгивает от нетерпения.

Кости...

Кости сохранились хорошо. А ведь от состояния их многое зависит. Как ни странно, свежие трупы поднимать сложнее всего. А вот кости... с костями — дело иное. И надо всего-то...

— Ты уверена? — Летиция глядела хмуро.

Не нравится, что в кои-то веки все на Ари смотрят? Сестрица ведь привыкла быть самой-самой... самой красивой. Самой очаровательной.

Ариция помотала головой, пытаясь избавиться от злых мыслей.

Она ведь не виновата!

Просто... просто так все сложилось.

Меж тем зверь отряхнулся от земли, чтобы в следующий момент застыть. Да, вот так... а ведь анатомию Ариция читала. Тайком. Когда все книги вывезли из покоев сестры, то... кое-что удалось припрятать. А потом и вовсе вынести из той комнаты, в которой их оставили.

Но знания были абстрактны.

Да и не особо нужны. Какой во дворце толк от знания анатомии? Там куда важнее правильно прочитать присланный букет или мушку в нужное место поставить. Тоже, если подумать, искусство.

Мертвая земля сама складывалась. В дракона? Определенно, дракона. Только мелкого какого-то.

— Ужас до чего красота! — хлопнула в ладоши Яра. — Какой он...

— Я думала, что они покрупнее, — Брунгильда не выпускала из рук секиры. — Или этот просто недоросток?

— Я его чувствую, — Мудрослава застыла, прижав ладони к вискам. Тоже... а ведь брату приглядывают невесту. Он, конечно, моложе будет, но кого и когда это смущало?

— И чего?

— Ничего. Он и вправду молодой. И раздраженный. Не понимает... так, спокойно. Ариция!

Зверь потянулся к Мудрославе лапой и, зацепив когтями за подол, подвинул ближе. Пыльная, еще не до конца сформированная голова, уткнулась в живот. А зверь издал низкий рокочущий звук.

— Он просто мурлычет! — возвестила Яра. — Почеши его за ушком!

— Я тебя сейчас почешу, — сдавленно просипела Мудрослава. — Так почешу... у него нет ушей! Он вообще рептилия!

Но зверя погладила. Осторожно так.

— Он не понимает, что мертвый... он думает, что спал. Он был тут. Охранял дом. Он и тот другой, как понимаю. Теплый. Тот другой был теплым.

— Теплокровным, — подсказала Ариция, хотя её-то как раз и не слушали.

Мудрослава прикрыла глаза. Стало немного обидно. Выходит, что она, Ариция, способна поднять из земли вековые кости, вдохнуть в них жизнь, но все равно она... да, чувствует зверя. И того первого тоже. Но

вот не настолько хорошо, чтобы взять и рассказать, что у него там в голове творится.

— А потом что-то случилось плохое. Запахло кровью. И... да, тут был демон.

— Тут везде были демоны, — Летиция поднялась. — Мне так кажется...

Зверь повернул к ней тяжелую голову. Сейчас он выглядел, пожалуй, необычно, но не страшно. Вот то ли дело тот кот из дворцового парка, который наполовину разложился... нет, кости Ариции определенно нравились больше.

— Ладно, — Брунгильда к зверю приближаться не стала, да и поглядывала на него с сомнением, явно не слишком доверяя. — Так куда пойдём-то?

Интересный вопрос.

И ответа нет.

— Надо найти дом поцелее, — предложила Яра, почесывая дракона по длинной шее. Тот жмурился и урчал, как-то по-кошачьи. Хотя, кто его знает, как драконам урчать положено. — И побольше. Побогаче.

— Грабить будем?

— Да нет... выше шансы, что там что-то уцелеет. Тут всем бы одежду сменить. Да и оружием каким-никаким обзавестись надо.

И это было разумно.

— Богатые дома ближе к центру будут, — заметила сестрица. — А там демон.

— А в бедных искать нечего, — Яра оглянулась. — Но можно с этого начать, тем более смеркается.

Небо и вправду посерело.

И звезды на нем пробивались, то тут, то там. Тоже какие-то мелкие, мутные, словно смотришь на них сквозь старое стекло.

— Теттенике...

— Он нашел след, — заметила Мудрослава, снова глаза прикрыл. И опять кольнула обида. Когда только успела?! А главное, виросска поспешила пояснить. — Я чувствую его эхом... и далеким, хотя он и не сказать, что далеко. Но если сосредоточиться, то можно выделить. Вот.

И ладонь возложила на морду. Не боится, что дракон эта руку отхватит? Нет, не боится. И не отхватит. Он почему-то воспринимал Мудрославу... да как и Арицию.

Своими?

Нет, своими были все. Тогда... главными? Старшими?

Не понятно.

— А дракон твой где? Тот, который живой? — спохватилась Брунгильда. И Ариция мысленно присоединилась к вопросу. Занималась бы своим драконом, что ли? А то лезет к чужим.

— Не знаю, — Мудрослава нахмурилась. — Нет, пока не выходит, чтобы одновременно... она где-то рядом, но ускользает. А если пробовать захватить, то этих теряю. Странно, конечно. Но если в городе, то... то рано или поздно зацеплю.

Главное, чтоб не слишком поздно.

— А вот степнячка сама ушла. Там нет других следов.

— Может, заморочили? — Ариция потрогала языком зубы. От воды во рту остался тухловатый привкус. — Там... почудилось что?

— Может.

— Так мы идем? — подпрыгнула рыжая. — А то же ж вечереет!

И пошли.

Сперва зверь, который больше не воспринимался мертвым, хотя и полностью живым его нельзя было назвать. Он и вправду оказался не слишком большим. Длинным, да. И пусть горбил спину, с которой поднимались ободранные костяки крыльев, но узкий хвост волочился по земле, оставляя след. Дракон споро переставлял когтистые лапы, покачивалась голова на длинной шее. И прорехи в земляной шкуре гляделись настоящими ранами.

Силы все же не хватало.

Немного.

За драконом пристроилась Мудрослава. И шла она, опираясь на зверя. Следом сестрица её.

Летиция.

Сама Ари.

И Брунгильда.

— Злишься, — сказала сестрица и за руку взяла. Вот ведь нежности. К чему? И захотелось руку забрать, а саму сестрицу оттолкнуть. Напомнить ей все... все обиды.

Несправедливости.

И...

— Злюсь, — призналась Ариция, хотя и с трудом. — Что-то здесь... не так?

— Не так, — Летиция прикрыла глаза ненадолго. — Здесь все пропитано смертью. Болью. Как будто... понимаешь, когда я заглядывала... в общем, души уходили, а тела оставались. И память они хранили. Но тело живет недолго, а память с ним. Здесь же такое чувство, что они просто-напросто не ушли.

— Кто?

— Мертвые. Все они, — Летиция обвела рукой двор, который, надо признать, был немаленьким. В нем и пруду место нашлось, и сухим кустарникам, что его огородили. Ломкой траве.

Деревьям.

Дорожкам. Серые. И трава тоже. И сами деревья. И... и злость накатывает, чтобы отступить.

— Это все они. Злятся. Умерли, а все равно злятся, — Летиция выдохнула. — Не поддавайся.

Если она права... а она права?

Разве может быть она права?

Она же бестолковая. Глупая, что пробка. Над ней даже фрейлины смеялись, конечно, втихую, но Ариция точно знает. И обсуждали. Впрочем, они всех обсуждают. Жизнь во дворце довольно скучна.

Не о том она думает.

— А... они? — Ариция поглядела на вироссок. Те о чем-то тихо переговаривались.

Если все начнут злиться, то... то ничего хорошего не выйдет.

— Я думаю, что мы ощущаем острее. Из-за дара. Все-таки некромантия связана со смертью.

— Ты думать начала.

— Мне тоже хочется высказаться, — Летиция выдержала взгляд. — Не поддавайся. В доме я попробую... поговорить. С мертвыми. Я, конечно, не имела дела с душами, но... вдруг да выйдет?

Она вздохнула.

— Иначе мы не выживем.

— Мы вообще не выживем, — огрызнулась Ариция.

Надо дышать.

Вдох. И выдох. И шепоток. Едва слышный, на самой грани. А может, и не шепот даже. Может, это ветер шелестит, перебирает иссохшие листья, которые за тысячи лет так и не нашли в себе сил расстаться с деревом.

Или все-таки...

...дай, дай, дай... уже не шепот, а почти плач. Детский? Женский? Не важно. И мужчины плачут. Ариция знает. Голоса. Их так много, они мешают друг другу. И хотят одного — быть услышанными.

Вернуться.

У нее ведь получилось! С животными. А люди чем хуже?

Ничем.

Она ведь может поднять и человека. Дать, если не жизнь, то хотя бы подобие её.

Надо отвлечься. Дышать. Ртом. Или носом. Или и тем, и другим, смывая еще горячим воздухом мерзкое послевкусие.

— Помнишь леди Фионель? — зачем-то спросила Летиция.

— Нет.

— Такую вот... такую, — она подняла руки над бюстом. — Она еще светлые парики любила. С кораблями.

— Да.

Не слушать тяжело. И главное, они теперь знают, на что Ари способна. И не отстанут.

А леди Фионель она помнила. Громогласную. Какую-то совершенно нелепую в пышных своих нарядах. И корабли на волосах. Каждый день — новый. Поговаривали, что она все состояние мужа на эти корабли спустила. Врали?

Правда, тогда это было не интересно.

Теперь тем более.

Леди Фионель ненадолго задержалась у трона. Отец, увлекшийся было, остыл, хотя леди всячески пыталась вернуть его расположение. Но потом ей намекнули, что её усилия тщетны.

— Говорят, её муж отравил.

— Да?

— Нет. На самом деле она сама. Я видела. То есть, не то, но... она сделала это в своих покоях. И я попросила... позволили.

Вот почему Летиция снова мямлит?

Раздражение нахлынуло. И схлынуло. Надо дышать. Глубоко. Спокойно. И не слушать.

Дом выглядел... странно. Открытая терраса с колоннами и обвалившейся крышей. Темная черепица расползлась, и сквозь прорехи в ней проглядывало что-то белое, уродливое.

Стены светлые, но в пятнах, будто плесенью побиты.

Окна... пустые. Стекло в одном осыпалось, в другом — трещинами пошло, будто паутиной затянато.

— Она любила отца. На самом деле любила. И когда он ответил на её любовь, она решила, что так будет всегда. А потом он отвернулся. И она поняла, что жить больше не за чем. У нее в покоях я чувствовала тоску. Глухую такую. И потом я долго думала. Когда еще могла... вот, думала, думала и не могла понять. Как же так? Она ведь молода и красива. И муж у нее не самый худший. И... и дети тоже были. А она взяла и умерла. Понимаешь?

— Нет, — совершенно искренне ответила Ариция.

— Ты тоже готова умереть.

— Я?

— Ты же сказала, что мы умрем.

— Скорее всего, — Ариция покачала головой. Все-таки то, что сделали с Летти, даром не прошло. Может, память и вернулась, но и романтическая труха никуда не исчезла. — Но это — объективная реальность. Посмотри!

Ариция указала на дом.

И двор.

— Вокруг древние развалины, в которых прячутся не менее древние твари. У нас ни оружия, ни еды, ни даже одежды нормальной. Скоро ночь и нас, скорее всего, сожрут. А если не сожрут, то мы умрем от голода. Или отравимся, пытаюсь голод этот преодолеть. А коль чудом не отравимся, то до нас доберется тварь, что скрывается где-то там.

Она махнула рукой в сторону улиц.

Сестра вздохнула.

— Мне кажется, — сказала она задумчиво. — Тебе нужно поработать над позитивным восприятием мира.

Глава 15 В которой прошлое оживает, пусть и не без посторонней помощи

«Юности присущ романтизм и некоторая возвышенность чувств, людям старшим кажущаяся смешною. Они-то, прожившие и повидавшие жизнь, понимают, что в оной нет места подобной возвышенности, однако же юность не желает верить тому. Сие и есть основа величайшего конфликта, что пролегает меж прошлым и будущим»

«Размышления о высоком магистра Вацуса, записанные с его слов и дозволения»

В доме пахло пылью.

И нежилым помещением. Такое случается, когда о домах забывают, и все-таки Летиция остановилась. Ненадолго.

— Нам не обязательно соваться туда всем, — Ариция, выглядевшая еще более мрачной, чем минуту назад, поглядела на сестру. — Это и вправду может быть не безопасно.

— Разделяться тоже, — возразила Мудрослава.

— А если ловушка? И попадем все? Кто вытаскивать будет?

Брунгильда кивнула.

— Дракон? — предположила Яра. — Что?

— Ничего, — Мудрослава поглядела на всех. — Хорошо. Здесь мы хотя бы услышим, если что-то не так... кто пойдет?

— Я! И дракон, — рыжая повисла на мертвом творении Ариции. А Летиция ощутила острый укол... зависти? Пожалуй.

Странно это, завидовать младшей сестре.

Она ведь всегда была... такой невзрачненькой. Неудачненькой.

И матушка так говорила. Точнее не она, а её давняя подруга и статс-дама, но матушка не возражала, стало быть, и сама так считала. Да.

Некрасивая.

И одеваться не умела. Лицо пудрила, да, но как-то так, что от этого становилось лишь хуже. У нее не было ни вкуса, ни чувства

стиля.

— Останусь, — Брунгильда опустилась на обломок колонны. — И ты. Двоих хватит.

— Но... — Мудрослава явно хотела возразить, однако передумала. И вправду, к чему споры? У Ариции ведь зверь имеется.

...имеется, имеется...

Некромантка.

Проклятый дар. Но благодаря ему Летиция ощущала себя особенной. И раньше, и теперь вот. А получается, что не такая уж она и особенная, что... что сестра может больше. Кому нужны потерянные души? Или вот знать, как человек умер? То ли дело поднять из земли некогда мертвую тварь и вдохнуть в нее жизнь?

Летиция так не сможет.

А что она умеет стихи составлять, кому это здесь надо?

...никому, никому...

Эхо.

— Только кричите, если что! — Мудрослава тоже опустилась на камень. — Боги, я так устала... домой хочу.

— Кто не хочет, — Брунгильда и глаза прикрыла. — Ночью караулить надо.

— Кого?

— Чего. Чтоб не сожрали. По очереди.

Смысла в том было немного. Допустим, увидит Летиция что-то этакое? И дальше? На помощь звать? Или тряпками в нежить кидаться? Но она промолчала, а никто не стал спрашивать. И... и вообще впервые, пожалуй, на Летицию не обращали внимания. Нет, они не специально, они устали, как устала сама Летиция. Но ведь раньше... стоило ей показаться, и Летицию тотчас окружали.

Кавалеры.

И дамы.

Первые — желая рассказать о том, сколь она прекрасна. Вторые — завидуя, но тоже пытаюсь погреться в лучах её славы. А была ли слава? И обратил бы кто на Летицию внимание, не родись она дочерью короля?

Смех.

Над ухом. словно колокольчики. И тянет обернуться, но нельзя. Это... знакомое ощущение.

— Здесь что-то произошло, — она слышит свой голос со стороны. И видит тоже. Не себя, нет. Сад. Кусты. Тонкие гибкие ветви и золотые листья. Плющ? С белыми листьями. Красиво, будто снегом дом укрыло. И алыми мазками выделяются цветы.

Пахнет.

Летом. Солнцем.

Девушка в длинном платье сидит у пруда. Он вовсе не черный. Вода прозрачна, и видна мозаика на дне. Синие волны. Красные рыбки. И желтые тоже. Живые рыбы плавают, лениво шевеля плавниками. И поднимаются к поверхности тонкие стебли водяных лилий.

Красиво.

И девушка красива. Точеная, хрупкая... платье не скрывает этой хрупкости. Да она вовсе голой кажется. Смотреть стыдно. Но Летиция смотрит.

Выбора у нее нет.

— Ты пришел! — девушка отрывает взгляд от водяной глади и поворачивается навстречу юноше, который тоже прекрасен, столь прекрасен, что это просто-таки невозможно.

Он же смеется и подхватывает её на руки.

— Ждала?

— Конечно.

— Я говорил с отцом. И он не против, — глаза юноши сияют. И Летиции больно. Она знает, что эти двое скоро умрут. — Завтра он придет к твоему.

— И он тоже будет не против.

Девушка захлопала в ладоши, и тонкие браслеты на её запястьях зазвенели.

— Как я рада...

Нехорошо подсматривать за чужими поцелуями. Летиция отвернулась бы, если бы могла. Но она не может, и просто сглатывает вязкую слюну.

— Ты идешь на праздник? На площади обещали...

Это похоже на цветок. Огромный цветок огня, что поднимается где-то далеко, но Летиция чувствует жар его. А эти двое... они даже испугаться не успели.

Они умерли быстро.

Повезло.

Но... почему не ушли?

— Эй, — что-то полилось на лицо. — Ты как?

Как, как... мокро, гадко и домой хочется. Но Летиция только вяло руку выставила, пытаюсь как-то спрятаться от воды.

— Живая, — сказала Брунгильда. — Видение.

— Да.

— Кто-то умер?

— Все умерли, — Летиция кое-как поднялась и потрогала волосы. Мокрые. И грязные. Если она так и дальше будет проваливаться в видения, то этак и вовсе голову расшибет. А это нехорошо. Голову ей было жаль.

— Это я заметила, — Брунгильда глядела с сомнением. — А хотят-то они чего?

— Хотят?

Мертвые не то, чтобы вовсе не имели желаний. Скорее уж их желания были просты. В основном им нужна была справедливость.

А тут?

Какая может быть справедливость?

Это убийцу можно к суду привлечь. А демона?

То-то и оно.

— Ты ртом дыши, и глубоко.

Летиция хотела было огрызнуться, что сама знает, что ей делать. А потом... потом просто кивнула. Нельзя поддаваться злости.

И с ответом нашлась.

— Не знаю.

— У нас на Островах в духов верят, — Брунгильда села рядом. И вовсе не потому, что места не хватало. Как раз-то места было с достатком. Опасалась, что Летиция сама того... опять в обморок? Со стороны, должно быть, это на обморок и похоже. — Однако старики говорят, что ежели душа тут задерживается, стало быть, что-то ей надо. Скажем, закопал кто клад и помер, не успевши детям рассказать. Или вот убили кого, а убийцу не нашли. Или мать, которая в родах отошла, частенько задерживается, чтоб за детьми приглядеть. Потому никто не рискнет сироту обидеть. На земле духи не сильно-то на что способные, а вот на море всякое случается.

Эта мысль была не то, чтобы нова, но...

А и вправду, почему Летиция это все видит? Раньше она не больно задумывалась. Дар такой и все. Но... почему?

— Попробуй позвать их, — предложила Брунгильда.

— Сейчас?

— Можно и потом, но все одно делать нечего.

И все повернулись к дому.

— Эй, — крикнула Мудрослава, которая явно нервничала. — Вы там как?

— Как, как, как... — отозвалось эхо с другой стороны.

— Мально... — голос донесся из дома.

— Нормально, — перевела Брунгильда. — Сейчас посидим и подыдемся. А ты подумай, добре?

Летиция и подумала.

Потом опять подумала. И еще раз. Но ничего-то в голову не приходило. Звать? Как звать? Раньше она никого не спрашивала, если напрямую. И трупы имелись. Прикоснись к трупу, вот тебе и связь. А тут что делать?

Сосредоточиться.

Еще когда наставник говорил, что сосредоточенность на деле — залог успеха.

И все-таки жаль, если Летиция погибнет, так с ним и не повидавшись. Но эту мысль она тоже решительно отодвинула в сторону. Итак... девушка. Летиция запомнила её хорошо. И теперь представила. Узкое лицо. Тонкие черты. Нос с небольшой горбинкой. Пухлые губы. Красками в Империи или не пользовались, или девушка была для того слишком юна.

— Не пользовались, — прошелестело над самым ухом. И Летиции пришлось собрать всю силу воли, чтобы не вскрикнуть. — Слышишь?

— Слышу.

— Ты с кем... — Мудрослава, заговоривши было, смолкла. Или сама сообразила, или Брунгильда, прижавшая к губам палец, подсказала.

Пускай.

— Как тебя зовут?

— Эония. Эония из рода Нахияр.

Красивое имя.

— Спасибо.

Выходит, её слышат, даже когда Летиция вслух не говорит.

— Да. Ты очень сильна. Когда-то отец гордился моей силой, а я могла различать лишь тени духов... а ты видишь.

Не совсем. Не видит. Скорее уж ощущает. Хотя... если осторожно, вбок.

— Ты умерла, — сказала Летиция. — Давно. Мне жаль.

— Мне тоже. Я собиралась замуж.

— Я видела.

— И он умер. Но не ушел. Он остался со мной, — тихий вздох. — Только...

Она его не видит. Плохо. И Летиция старательно представила юношу. Так... так будет правильно. Может, не совсем по канону романов, где герои жили долго и счастливо, но хоть что-то она да может сделать.

— Спасибо, — это уже сказала вторая тень.

Тень.

И две тени. Теперь Летиция их видела отчетливо. И не только она. Рука Брунгильды стиснула рукоять секиры.

— Скажи ей, что мы не желаем зла, — девушка протянула руку, но так и не сумела коснуться юноши. — Мы... мы просто здесь. Заперты. Ты наспустишь?

— Я не знаю, как.

— Это все знают! — в голосе юноши послышалось раздражение.

— Не я, — Летиция покосилась на Мудрославу, которая внимательно следила за происходящим.

— Тебя не учили? — Эония постепенно обретала краски, хотя фигура её еще оставалась размытой.

— Нет.

— Почему?

— Империи давно нет, — вступила в беседу Мудрослава. — И многое забыто. А кое-что считается незаконным. В том числе некромантия.

— Умение беседовать с духами — не некромантия, — возразила Эония.

— Ты это жрецам скажи, — Летиция сцепила пальцы. — А лучше объясни, что нужно сделать? И почему вы вообще здесь.

— Она не пускает, — сказали духи, указав куда-то в город. — Она держит... всех держит. Она выпила жизни, но душа — творение богов. И она не может взять то, что благословлено ими. Однако и отпустить не желает. И мы все тут! Все!

Крик их отозвался в ушах.

— Тихо, — Брунгильда приподняла секиру. Вряд ли она поможет от творений нематериальных, но на душе стало как-то спокойнее.

— Простите, — Эония прижала прозрачные руки к груди и поклонилась. — Отпусти...

— Отпущу. Если скажешь, как, — Летиция сдержала вздох. — И если у меня получится.

— Получится! У вас получится! Ты видишь нас, а она... — призрачный палец коснулся Брунгильды. — Открывает пути! И любой открыть может!

— Даже из города?

— Для нас — да. Для тех, кто жив... сил надо. Много. Столько нет, — дух юноши развел руками. — И чтобы вы не могли обвинить нас в неблагодарности. Мы слышали ваши беседы.

— Слышали, слышали... — донесся шепот.

— И понимаем, что вам нужно.

— В доме моего отца есть одежда.

Которая наверняка за тысячи лет превратилась в прах.

— Нет, — Эония улыбнулась и протянула руку, и та замерла в волоске от другой раскрытой руки. — Мой отец был великим мастером...

И наверное, это что-то да значило.

У Летиции голова заболела. А еще в животе заурчало, так вот... по-простонародному. Почему-то представились не нежные профитроли с кремом, но кусок черного хлеба и шмат буженины, брошенный сверху. Её как-то угощали подобным... сооружением.

Еще к нему были соленые огурцы.

Тогда она пробовала с опаской, исключительно чтобы не обидеть пожилого, но такого печального капитана городской стражи. А теперь вот...

— С едой сложнее, — дух чуть склонил голову. — Конечно, если заклятья не развеялись...

— А они не должны развеяться! — перебила Эония. — Мой отец был гением!

— Не что не длится вечно, тем более заклатья. Если не подпитывать...

— Дети, прекратите спорить, вы утомляете нашу гостью. Прошу простить, благословенная, — третий дух соткался из вечернего тумана.

Мужчина.

И... и мужчина. Обыкновенный. Правда, в какой-то хламиде, вроде ночной рубашки, у папеньки похожие имелись. А вокруг хламиды обернули длинное полотенце. Но Летиция смутно подозревала, что дело просто в моде.

Мода — штука такая. Нужно будет — не только полотенце вокруг себя навернешь.

— Доброго дня, — вежливо поздоровалась она.

— Доброго, — присоединилась Мудрослава, да и Брунгильда кивнула.

А мужчина изобразил поклон, но тоже странный. Одну руку он прижал к груди, а другую отставил в сторону.

— Алоний Марциус Капитул Третий, — сказал он. — И прошу вас, господа, пройти в дом.

В дом, в котором исчезла Ярослава, а с нею и Ариция?

Это как-то...

Летиция поглядела на дом. Серый. Каменный. Правда теперь, в сумерках, он кажется будто бы больше. А вот двор — темнее.

— Здесь не безопасно, — Алоний Марциус Капитул Третий разогнулся и руку поднял. — Клянусь посмертием, что не умышляю против божественной крови...

— А вот поговорить нам надо бы... — задумчиво протянула Мудрослава и прищурилась этак, аккурат, что матушкина любимая левретка перед тем, как вонзить клычки в чью-то слишком самоуверенную руку.

Глава 16 О том, что иногда женщины делают глупости, но они не специально

«И воскликнула тогда ведьма: «Да будет слово мое крепко! Пусть станут свидетелями ему и лес темный, и река глубокая, и гора железная, что в самое небо вершиной упирается». Поверил ей Вольга-королевич, а зря. Ибо не прошло и года, как обмелела река, сгинул лес, а гору, которая вершиной небо подпирала, сожрала ржа»

Сказ о ведьмином слове и Вольга-королевиче

Мы ели.

Сидели на полу, жевали что-то и пилились друг на друга. Говорить...

— Ты точно ничего не видишь?

Теттенике покачала головой.

— Из-за тела?

— Не знаю, — она сидела на пятках в позе, которую я точно не рискну повторить, уж больно сложную, а еще неудобную та кажется. — Я думала, что да. Мне так казалось. Но... матушка, она когда-то говорила, что любой дар — это свойство души. Душа ведь осталась.

Правда, сказала она это как-то неуверенно.

Тоже вот не понятно.

Почему она?

И почему это тело? Мальчишка... обычный мальчишка. Тощий. И возраста непонятного из-за этой вот неестественной худобы. Взгляд голодный. Аппетит... имеется, пусть даже принцесса изо всех сил пытается держаться подобающе роду и высокому происхождению. Но этому вот на происхождение плевать.

И...

И дальше что?

Опять к зеркальцу обратиться? Нет, не вариант.

— Ладно... причины — дело третье. Нам бы понять, ты не видишь будущее, потому, что дар ушел вместе с телом, что плохо,

потому что в этом случае видеть будущее будет ведьма.

Как-то корявенько получилось, но как уж есть.

— Или же дар не ушел, но...

— Но?

— Просто видеть нечего.

— Как?

— Скажем... скажем, будущее стало глобально неопределенным, — я призадумалась, правда, не сказать, чтобы надолго. Во-первых, в теории вероятности я понимаю чуть больше, чем ничего. Во-вторых... как проверить? — И если так, то... это, наверное даже хорошо?

Мальчишка прищурился.

— Смотри, раньше все умирали. А теперь вот просто будущего нет.

Прозвучало, правда, не слишком оптимистичненько.

— Вообще-то можно попробовать и проверить, — я поерзала, потому что мысль, пришедшая в голову, была на диво логичной. — Смотри... давай ты попробуешь заглянуть не туда, где далеко, а вот... вот, скажем, в то, что произойдет в ближайшее время. Со мной.

— Ты демоница!

— Это, между прочим, нетолерантно.

— Чего? — удивились и мальчишка, и принцесса. Я же рукой махнула и приказала:

— Пробуй. Настройся.

Она закрыла глаза и наморщилась, старательно так, явно настроенная прозреть немедля.

— Ты... ты булочку уронишь! — воскликнула Теттенике с непонятною радостью. — И еще хвост загорится!

Я поглядела на булочку.

На хвост.

Не буду я ронять. Я... я её съем. И в доказательство, я вцепилась в булочку зубами. Правда, внутри оказалось почему-то не варенье, а что-то до того едкое, что я подавилась.

Закашлялась.

И выронила треклятую булочку. Горечь же расползлась по языку. От нее онемели губы. И язык. И... и хвост сам собой вспыхнул. Не

только хвост. Развернулись огненные крылья, и... и огонь пополз по рукам, по коже...

— Этого я уже не видела, — задумчиво произнесла дочь степей.

Или все-таки сын.

Я замычала.

А она подала воду.

— На вот... — и подняв надкушенную булочку, понюхала её. —
Ведьмина трава.

Вода заливалась внутрь, но горечь не отступала. И онемение. И... и куда охрана смотрит! Тут меня едва не потравили, а они там за дверью бдят.

— Гадость невероятная. Если лошадь хоть стебелек съест, то все... случилось, что в дурной год, когда луна высокая, табуны целые травились.

Я не лошадь. Но соглашусь, гадость.

Прислушавшись к себе, я поняла, что, возможно, хорошо, что я не лошадь. Падать и погибать в страшных мучениях не собираюсь. Вот в животе как-то подозрительно урчало.

— У нас, если найдут, что коня нарочно ею потравили, то отравителя свяжут и в степи оставят, — на меня глядели... с сочувствием. — Ты не помрешь?

— Н-не знаю, — просипела я.

Немота проходила.

А ведь... кто? Я поднялась. Ноги подгибались, да и пошатывало слегка. Я выглянула в коридор и поманила ближайшего Легионера.

И остатки булки ему сунула.

— Ведьмина, — горло еще драло, как при хорошей ангине. — Т-трава... кто?

Тот булку взял. Поднес к шлему и явно разозлился. Тоже странность. Что я вижу? Доспех? А точно знаю, что разозлился.

Он прижал раскрытую ладонь к груди, а потом указал на комнату.

— Мне там сидеть?

Кивок.

— Ты... выяснишь?

Еще один кивок.

Я вздохнула. Есть перехотелось. И до того не сказать, чтобы вовсе все плохо было. Нет. Кусок в горло очень даже неплохо лез. Раньше.

До того, как эта гадость попалась. Но вот совесть все-таки мучила.

Слегка.

— Хорошо... мы тогда...

Я не нашлась, что еще сказать, и вернулась в комнату. А ведь погано. В собственном доме, считай, покоя нет.

— А если человек съест? — спросила я. — Эту траву?

Теттенике задумалась.

— Ну... вроде ничего. Может, животом помается. Или вот еще голова болеть будет.

Стало быть, человека травить ею бессмысленно. Для людей есть много других, куда более подходящих трав.

— А вот против нежити её вешают, — добила Теттенике и прищурилась.

Я села на пол.

Вздохнула.

А что тут... вздыхай или нет, но искать дорогу надо.

Теттенике подняла руку, словно упреждая вопрос. И я послушно промолчала. Потом взяла пирожок... и тоже задумалась. Ладно. Идти надо. Демоница тут высказалась однозначно, да и вся моя суть требует действия. Ричард, конечно, не обрадуется.

Ко всему слово я нарушу.

Но... лучше так, чем тут сидеть. Еще дотравят ненароком.

Если идти, то... то стоит переодеться. И сумки собрать. Еду там. Воду. Что еще в поход берут? Если на неизведанные земли, нечистью кишасие, то оружие надо хоть какое-нибудь.

Какое?

На стенах в Замке много чего висит. Только я пользоваться не очень умею.

— Мы её нашли! — Теттенике подпрыгнула. — Я видела!

— Ага, — только и выдавила я. — Где?

— Не знаю. Этого видно не было. Мы... мы перед камнем стояли каким-то. А потом... потом...

Потом — суп с котом. Хотя имеется у меня одна мыслишка.

— Потом ехали... — выдавила Теттенике, покраснев. — Вдвоем на одном коне.

Так, стоп. Конь туда не пройдет. Ну, в подземелья.

Я вспомнила узкую лестницу, что ввинчивалась в скалу, и кивнула. Точно не пройдет. Если еще лестницу преодолет — что я, собственно говоря, о конских способностях знаю? — то там, дальше, застрянет. А застрявшую лошадь выковыривать из каменной трубы — так себе занятие.

Значит...

Значит не та дорога?

А какая?

— Что ты еще видела?

— Мало. Ночь ведь. просто... дорога. И мы ехали. Там за спиной скалы были.

Спокойно, Жора. Дышим глубже.

— За спиной слева или справа?

Теттенике задумалась.

— А Замок? Замок ты видела? И с какого ракурса?

И... и быть может, хоть так получится получить направление. Приблизительное. Если дорога есть, то... то это же дорога, а не махонькая кладовка, которую можно взять и потерять в огромном замке.

— Видела... тут, — палец ткнулся в стол, рядом с блюдом. — Он был тут, а мы... мы тут...

И обе уставились на тарелку с булочками.

Нет, так у нас ничего не выйдет.

У нас.

Я поглядела на дверь. А Теттенике кивнула:

— Зови!

Легионер выслушал.

Покачал головой, а потом ушел.

— Куда он? — тихо спросила Теттенике.

— А я знаю?

Отсутствовал он недолго, вернувшись со свитком, который раскатал прямо на столе, потеснив и блюдо, и булочки, и остальное все. На свитке обнаружился план.

Легионер ткнул в него пальцем, а затем в стену.

— Это замок? — догадалась я.

Кивок.

— Ты понимаешь? — это я уже у Теттенике поинтересовалась.

— Конечно. Меня учили читать карты, — сказала та, отчего сразу захотелось сделать ей гадость. — Правильно. Надо было с нее начать. Здесь, правда, вряд ли будут обозначены тайные тропы... их никогда не обозначают, потому что тайные.

Логично, что тут скажешь.

— Но вот если... — она прикрыла глаза. — Да... замок был виден... виден... вот отсюда.

Тонкий пальчик уперся в карту, в ту её часть, где были нарисованы треугольники. Горы?

Дороги на карте не было.

— Смотри... вряд ли её бы делали слишком кружной, — Теттенике склонилась над картой, почти столкнувшись лбом с легионером. — Дороги строить тяжело.

Особенно в горах.

И... ладно, позже были демоны, которым, что горы, что нет, все едино. Особенно если демоны сильномогучие, а не такие, как я. Но когда строили замок, демонов еще не вызывали. Значит... значит, было что-то другое.

Вот сомневаюсь, что без чуда чудесного можно соорудить дорогу, особенно тайную.

А где тут чудо...

Кроме гробницы, в которую конь не спустится.

Стоп! Конечно! Гробница! Но не та, массовая! А другая!

— А... а ты, случайно, не знаешь, — спросила я у легионера. — Где этот... глава светлого рыцарства гробницу нашел?

— Думаешь?! — Теттенике закрыла глаза и кивнула. — Да... там пещера... теперь вижу.

Видит она.

Много пользы от этих видений? Нет, я понимаю, что злюсь иррационально, и даже усмиряю раздражение. Почти.

— Там много пещер... и ворота такие... они не хотят открываться. А потом все, — с сожалением сказала Теттенике.

— В смысле «все»?

— Видение закончилось.

— Тогда ладно, а то мало ли... может это глобально «все». Пещера... ворота... знаешь, где это?

Легионер кивнул.

Хорошо.

— Тогда... погоди, нам собраться надо. В поход. Еду там. Воду. Оружие.

На меня поглядели, кажется, с умилением. Еще немного и это неживое чудовище по голове погладит. А ведь... а ведь они Ричарду подчиняются.

И что это значит?

А то, что меня могут просто-напросто не пустить. Если им указания оставили. Будем надеяться все-таки, что не оставили. Обманывать нехорошо, но я ведь... он ведь без меня погибнет.

И мир тоже.

Гибнущий мир — достаточно веский повод, чтобы нарушить слово.

Я поглядела в черноту, что скрывалась за забралом шлема.

— Послушай... — мысли выветрились, да и никогда-то не умела я произносить проникновенных речей. — Я понимаю, что здесь остаться безопаснее. И что я обещала. Но... мир погибнет!

Кажется, Легионера это не впечатлило.

А может, на мир ему было давно и глубоко наплевать.

Я вздохнула и поглядела на Теттенике. Ну, её ведь должны были учить не только карты читать. Ораторское мастерство принцессам преподавали. Там, в моем мире. Но она лишь развела руками.

Я же смотрела.

И... смотрела.

Я, может, и не принцесса. И дара у меня нет. Никакого. Кроме рогов, хвоста и огненных крыльев, которые, слава всем местным богам, хотя бы одежду не испепеляют. Но я почти чувствовала его, человека...

...человека.

Когда-то у него было имя.

Давно.

Так давно, что он бы и забыл, если бы, конечно, имя не забрали. Это часть ритуала. Душу лишают всех привязанностей, оставляя лишь одно — служение.

Кому?

Тому, кто стоит на страже мира.

— Мне жаль, — мне было действительно жаль, потому что я слышала слабое эхо боли. Его смерть не была спокойной. А посмертие стало не лучше смерти. И он привык. Люди ко всему привыкают, даже к такому. Но это не значит, что он забыл все.

Ветер.

Горы.

Дом.

Дом поставили на склоне, в стороне от деревни, слишком близко к пропасти. И местные промолчали. Местные приглядывались к чужакам, а те, самоуверенные, не умели слушать горы. Им казалось, что они все предусмотрели.

Есть ведь амулеты, способные укрепить породу.

И другие, защитные.

Есть просто руки. Сваи. И опыт.

И есть горы...

Почему я это слышу? Потому что он помнит? Тот дом и девушку с волосами цвета темного меда. Помнит её смех, такой веселый. И то, как запрокидывала она голову.

Венок из белых цветов.

Закрой глаза и угадай...

...горы коварны. Не было ни оползня, ни лавины. Незыблема осталась каменная подложка. Но из трещин выползли твари. Однажды. Мелкие. Юркие.

Злые.

И дом остался. Может быть, он по сей день стоит, держится старыми сваями за гранит, а может, истлел, рассыпался, пожранный мхом да лишайником. Тогда местные обходили его стороной. Несчастливый. В том доме пахло кровью. Тогда. И отец говорил, что случается, что людям в местах подобных надобно держаться вместе. А чужаки не поняли.

Не сумели.

Вот и вышло.

Отец был зол, когда он решил уйти. В Замок. В Замке принимали людей охотно, особенно тех, кто соглашался служить и после смерти. Платили. Золота хватило бы, чтобы не только новый дом поставить, хотя и старый, дедом сложенный, был хорош. Но были сестры.

И братья.

И пшеница, которую выдавали в замке. Живой настоящий хлеб.

Учеба.

Служба.

Ничего сложного, такого, о чем шептались там, в деревне. Обыкновенная. Разве что требовали, но так и понятно... походы. Другие земли, мертвые, полные диких тварей. Сперва они пугали и вызывали в душе ярость, а после... после привык.

Как-то.

Приспособился. И смерть стал воспринимать иначе. А потому, когда пришел его час, то просто шагнул за порог. Без сожалений. Без сомнений. Шагнул и вернулся, отдав имя, оставив себе редкие клочки памяти, которые до того дремали.

Теперь вот проснулись с чего-то.

— Прости, — мне было страшно отвести взгляд. — Прости...

Я не виновата. Ни в его жизни, ни в смерти, ни... ни в чем. Но теперь, кажется, я понимаю, почему они молчат. О подобном не рассказать словами.

Легионер склонил голову набок.

— Послушай, ты ведь хочешь, чтобы все это прекратилось? — я сцепила руки, как делала всегда, когда нервничала. — Чтобы... и люди перестали умирать. Такие, как она. И как ты... другие. Их ведь много гибло? Раньше, в те времена, когда ты был живым? Сейчас уже меньше. Благодаря тебе и твоим...

Братьям?

Пожалуй. В какой-то мере.

Кивок, осторожный такой. Недоверчивый. Или я вновь придумываю то, чего нет?

— Тьма еще жива. И... и вот-вот вырвется. Если мы не придем, она вырвется. Она тоже устала. Понимаешь? Хотя и я не очень. Но просто... чтобы мир жил, весь мир жил, мы должны пойти туда.

Вздых.

— А ты нам поможешь.

И пусть скажут, что я не оставила выбора. Можно подумать, у меня он имелся.

Глава 17 Где герои ступают на проклятые земли

«И на пути к возвышению, совершил он превеликое множество подвигов, восславивших его имя. А паче всех иных — поверг демона, что вселился в царя Ассизского, завладевши разумом его и волей. И тогда-то, когда рухнул царь, и все-то, кто был пред ним, воочию узрели, как тьма исходит из тело его. Поняли люди, кто был истинным источником бед мира. И возрадовались они освобождению от зла, и пав на колени, в один голос молили, дабы благословенный Ариян принял и трон, и царство. Так и случилось. Взошел он на престол, взявши в жены прекраснооую Нишияр, дочь царя, и правил девять десятков лет с великой мудростью».

«История царства Ассизского, изложенная для детей и юношей в назидание и воспитание».

Берег.

Влажный блеск чешуи. И огромная голова морского змея, который не желает уходить. Он выбрался, пусть даже телу этому огромному тяжело на берегу. Но змей приоткрыл пасть и дышал. Дыхание его зловонное окутывало берег, мешаясь с обыкновенной вонью, которой пропитаны, казалось бы, все порты мира. Артан дышал ртом, но помогало слабо.

И место это...

Теперь он чувствовал тьму. Именно такую, о которой предупреждали святые книги. Внимательную. Осторожную. Готовую проникнуть внутрь, завладеть и разумом, и душой.

Артан сжал рукоять меча.

И огляделся. В очередной раз.

Берег.

Условный берег. Когда-то море, выбравшись из берегов, заполонила и пристань, и улицы, и теперь из темной глади выступали

развалины. Кое-где виднелись статуи, заросшие плесенью, уродливые в своем одиночестве.

Море принесло запахи.

И вылизало камни мостовой. Оно не решилось заглянуть слишком уж далеко, и потому где-то меж высоких стен виднелись улицы, не тронутые водой.

Надо...

...шепот в ушах мешал. Будто кто-то звал его.

Кто?

Артан знал. И знание пугало, заставляя вновь и вновь читать про себя слова молитвы. Правда, помогали они слабо. Должно быть, веры не хватало.

— Чего мы ждем? — нервы были натянуты до предела, и это вызывало злость. И вправду, чего ждать? Кого ждать?

— Островитян, — спокойно ответил Повелитель Тьмы.

А голос внутри зашептал, что не по праву он носит столь высокий титул. Повелитель? Кем он повелевает? Тьма велика. Тьма слишком сильна, чтобы подчиниться человеку. Так откуда это нелепое именование? И по праву ли оно?

Род Архаг?

Род предателей...

Что?

Странная мысль.

Виновны, виновны...

— Не слушай, — Ричард заглянул в глаза, и Артан с удивлением понял, что голоса стихли. — Она любит играть с живыми. А уж если разумные, так и вовсе.

— А ты... слышишь?

Тьма смеется. И снова шепчет, на сей раз иное.

Островитяне? Зачем их ждать? Да и стоит ли. Корабль скорее всего где-то там, в глубинах морских. Ему не пройти было... или эти твари, полурыбы, сожрали. Заморочили и сожрали.

— Слышу, — ответил Ричард, не отрывая взгляда от темной глади. И видит ли он хоть что-то? Или просто на Артана смотреть брезгует?

Или это не брезгливость, а... зависть? Конечно. Ведь Артан нашел тот склеп. И мертвеца.

Он хихикнул и сам удивился мерзковатому звуку голоса.

— Командир, может, тебе того? — брат Янош нахмурился. —
Отдохнуть чуток?

Отдохнуть? Когда он, Артан, стоит в шаге от мечты?

Какой?

Путается. Тьму нельзя слушать, но не слушать не выходит. И Артан стискивает зубы. Мечты... он ведь мечтал о подвиге, о таком, чтобы о величии его слагали баллады. И чтобы в храмовых книгах остались записи. А лучше не только в них.

Чтобы все человечество узнало...

Голову обожгло болью.

— Надо же, светится, — заметил кто-то. А кто — Артан не понял. Боль... боль жила внутри. В голове. Будто тонкие спицы пробили эту его несчастную голову. Насквозь. И боль... боли много.

— Дыши, — приказали ему.

Артан пытался. Но боль...

— Ричард, не трогай!

Кто-то зашипел от боли.

— Все-таки артефакт... мало ли чего ждать от старинного артефакта. Тут и близко не угадаешь, какие у него свойства.

Свойства? Боль... боль в голове. И в груди тоже. Сердце комом. Окаменело. И каждый удар дается с трудом. А оно все равно стучит. Стук-стук. Упрямое какое. А боль... боль уже почти терпима. Главное, шепот исчез и мысли дурные.

По лицу что-то течет.

Кровь?

Его кровь? Змей рычит.

— Назад! — окрик Ричарда заставляет тварь сдвинуться с места. Все-таки она невообразимо огромна. Под тяжестью змеиного тела крошатся старые камни, да и земля стонет, покрываясь сетью мелких трещин. Вот зверюга развернулась, и остатки дома, задетые ею, рассыпаются.

— Тише... он не причинит зла...

Повелитель Тьмы положил ладони на голову змея. Какая нелепица... человеку не удержать подобное создание. Человек даже не муха, нечто куда более мелкое, но змей вдруг издает низкий рокошующий звук. И этот звук отзывается в камне. А человек улыбается.

— Ты тьма. Он свет. Но воевать не обязательно.

Кому он это говорит?

— Командир, — брат Янош прижал к лицу Артана платок. — Да не дергайтесь вы так... ваше величество.

Кто?

— Что за...

— Это вы расскажите, что за...

— Мать, мать, мать, — поддержал брата Яноша попугай и, слетев на могучее плечо того — только когти заскрежетали по доспеху, добавил. — Твою.

— Маму не трогай, — сказал Артан, чувствуя, что боль почти ушла. Но и стало легче.

— Вы сперва того... побелели. Потом покраснели. И эта штука засветилась. И вы тоже того... засветились.

Светозарный.

Засветился.

Смешно.

— И меч. Вона, поглядите.

Артан послушно поднял клинок, убеждаясь, что его не обманули. Меч и вправду светился. Слабо. И как-то неоднородно, но все-таки.

— А...

— А этот хотел корону снять, но полыхнуло... изрядно. И змеюка забеспокоилась.

Обеспокоенная змеюка медленно сползала в пучину морскую ко всеобщему немалому облегчению. Все же тварь была слишком огромной и зубастой, а потому слегка нервировала.

Корона...

Корона сидела плотно. Так плотно, что снять не вышло, будто... будто в голову вросла. Но мысль эта Артана не испугала. Скорее наоборот он испытал огромное облегчение.

Корона его.

Только его.

И меч.

Он мотнул головой и потрогал нос. Кровь идти перестала, а та, что была, упав на камни, оставила на них белесые пятна. Странно.

Хотя... место такое.

И кровь тоже.

— Идут! — заорал кто-то. — Живые, мать их...

— Мать, мать, мать...

— Заткнись уже, — брат Янош прикрыл попугая огромной своей лапицей. И тот затих. — Вот и ладно...

В кольцах змеиного тела корабль островитян казался игрушкой. И сердце обмерло. Живые. И... и сколько выжили? Не все.

Вот кольца распались, а корабль упал на воду, качнулся, но устоял. Затрещал барабан, и тонкие спицы весел взлетели над кормой. Красиво. Думалось о красоте и вообще обо всем отстраненно.

Взлетели кошки, цепляясь за каменные развалины. И матросы дэра Гроббе — а ведь, судя по рожам, пираты закоренелые, из тех, за чьи головы обещаны награды — поспешили на помощь. Не прошло и нескольких минут, как корабль выполз на берег.

Потрепало его знатно.

— Живы, чтоб вас всех... — прогудел седовласый северянин, оглядываясь с интересом. — Мать всех островов... да мне в жизни не поверят! Но оно того стоило.

Пахло от него кровью и железом.

А по сходням спускались люди. Грязные. Уставшие...

— Раненых придется оставить здесь, — сказал Ричард. — Хотя бы на время. Змеи... присмотрят.

— Еще скажи, что позаботятся, — пробурчал виросец, оттирая с лица кровь. Рукавом. Рукав был рваный, лицо — грязное, причем грязь эта отчетливо воняла рыбой.

И величия в после не осталось.

— Это вряд ли. Но никто из тварей соваться не рискнет. А если с собой тащить... — Ричард замолчал. Но и без того понятно.

Скорость.

Раненые не смогут идти быстро, если вообще смогут идти, не говоря уже о том, чтобы драться. И...

— Это разумно. Идите. И возвращайтесь, — сказал степняк, чьего имени Артан не знал. Да и вовсе были они похожи друг на друга, разве что старший выделялся и то не лицом, скорее уж яркостью убранства. Этот степняк стоял на одной ноге, другую держа на весу. И сквозь тряпки, которыми та была обмотана, проступали темные пятна крови. — Мы будем ждать.

И косматый островитянин весьма зверского вида кивнул.

— Корабли он... займемся...

— Может, лучше по суше? — робко предложил кто-то. Артан мысленно присоединился к вопросу. А Ричард ответил:

— Посмотрим. Сперва нужно найти девушек. Тогда и будет видно, что дальше.

Он поглядел в круглые глаза твари и убежденно повторил:

— Сюда мы вернемся.

Артан же подумал, что раздавать подобные обещания — крайне неосмотрительно. А с другой стороны, если сдержать не выйдет, то... то какая разница?

Город.

Город раскрывался узкими улицами, зажатыми меж стен. Некогда белые, те со временем не утратили этой вот белизны. Напротив, в темноте казалось, что и от стен исходит свечение.

— Это припортовые кварталы, — Лассар как-то сам встал во главе, что было разумно. Если кто и помнил город, то это он. — Здесь жили бедняки.

Надо же.

И в Империи были бедняки. Хотя... чему удивляться. Разве что каменным домам. В том мире, который Артан помнил, бедняки ютились в хижинах, землянках, а порой и просто в темных переулках, в развалинах и под открытым небом.

— Дальше пойдет квартал мастеров, тут надо бы осторожнее...

Тень мелькнула на рассыпающейся стене, заставив Артана покрепче сжать рукоять меча. Странно. Тьму он по-прежнему ощущал, но... не слышал? Именно. Голоса внутри смолкли, а с ними ушли и злость, и раздражение.

Хорошо.

— И куда мы направимся? — поинтересовался посол ладхема, который, впрочем, выглядел точно таким же оборванцем, как и прочие.

— А есть варианты? — даже в темноте было видно, что Лассар усмехается. — Во дворец. Она ждет... и она рада, что здесь появились люди.

Подумалось, что в нынешних обстоятельствах не стоит так уж доверять командору.

Тот же, словно почуяв эти мысли, медленно повернулся. Взгляд его был полон перевозданной тьмы, но Артан выдержал. И Командор усмехнулся. А потом сказал:

— Но это все утром. Сейчас соваться туда — сущее безумие. Даже для таких ненормальных, как мы.

Мелькнувшая где-то среди развалин тень ответила резким свистом. И смолкла, растворившись в темноте. Артан же подумал, что вряд ли эта тварь одна.

И... ночь.

Темна.

Плотна. Готова ко встрече. А вот готовы ли люди?

В сад мы выбрались вместе.

Я, Теттенике, которая переделалась в одежду, благо, в замке нашлась и таковая. И Легионеры. Ну... что сказать. К делу ребята подошли серьезно. Помимо одежды для Теттенике, нашлось и для меня платье, случаю подходящее. Та же юбка, но покороче прежних, а главное, сделанная из плотной, жесткой ткани.

Куртка.

Плащ.

Сумка, которую легионер перекинул через плечо. А вот оружия не принесли. Точнее я спросила, меня молча развернули к ближайшей стене, этим самым оружием украшенной. Мол, выбирай, что душе угодно. Я и попыталась. Честно. Но грозные с виду мечи оказались невероятно тяжелыми, булаву я уронила, чудом, что не на ногу. Копье... попыталась удержать, но оно все равно упало.

— Извините, — сказала я Легионеру. — А... чего-нибудь поменьше? Попроще?

Лук.

Стрелы. Арбалет. Снова мечи. Кинжалы... вот один я и сняла, потому что идти вовсе без оружия было неразумно. Нет, я сполна отдавала себе отчет, что... в общем, не поможет оно мне.

С ним же еще что-то делать надо.

Или поискать какой меч-самотык, но... но сомневаюсь, что найдется. Они, если и есть, то там, внизу, в родовой сокровищнице. А без Ричарда туда спускаться я не рискну.

Вот и обойдусь кинжалом.

В конце концов, у меня когти есть. И крылья. И рога. Кого не сожру — того забодаю, демон я или нет?

Настроение, к слову, было на диво приподнятым. Наверное, так чувствует себя ребенок, который со всей определенностью и полным осознанием собирается сделать гадость любимому родителю.

Я не специально.

Честно.

Но замок и тот одобрил. Я чувствую. Жаль, что зеркальце с собой захватить не вышло. Ничего. И так обойдемся.

В общем. Сад. Темный сад. Ночь на дворе все-таки. Луна вон в небесах бултыхается печальной рыбиной. И звезды тоже высыпали, желая посмотреть на пару самоубийц. С сопровождением.

Коня мы тоже взяли.

Коней.

И вот такой дружной, готовой к подвигу толпой, встали у скалы. Легионер клялся — во всяком случае именно так я интерпретировала громкий стук железной руки о железную грудь — что скала та самая, в которой побывал пресветлый рыцарь. Оснований не верить не было. Но...

Дальше-то что?

Кони вздыхали. Легионеры ждали молча, подозреваю, надеясь, что ничего-то у нас не выйдет, а я буравила взглядом камень.

— Может... сказать что-то надо? — робко предположила Теттенике.

— Нет. Он про кровь рассказывал.

— Чью?

— Свою, — я почесала рог. Знала бы, попросила бы оставить баночку. Так, на всякий случай. Оно, конечно, может и подозрительно, но вот можно было бы что-то да придумать.

— И что теперь?

— Будем пробовать, — решительно сказала я. И скалу погладила. — Откройся, пожалуйста. Нам очень надо.

Скала осталась неподвижной.

Зато руку кольнуло и... и проколело. Вот, стало быть, как. Черная капля крови выкатилась и растеклась по камню, впитываясь в него.

И?

И ничего. Впиталась, на миг выделив странного вида символы, и исчезла. А где тайный ход? Я ранку лизнула и засопела от обиды.

— Наверное, — осторожно заметила Теттенике. — Твоя кровь не годится.

Сама вижу.

— Может, потому что ты демон?

— Может.

— Тогда... я попробую?

— Попробуй.

А что еще оставалось? Не легионеров же... хотя не уверена, есть ли у них кровь в принципе.

Теттенике тронула скалу пальчиком и тотчас одернула. Нет, так мы до утра возиться станем.

— Ты... не бойся, — сказала я. — Это не больно.

— Я не боли... просто... есть в этой скале что-то такое... такое... не знаю.

— Страшное?

— Нет. Другое, — она решительно прижала ладонь к камню. А вот её кровь даже в темноте выглядела красной, да еще яркой, как будто не кровь — сок. И текла по камню, быстро впитываясь. А на нем, один за другим, вспыхивали символы.

Древние?

Наверняка. Только археологов здесь нет. И... и беззвучно распахнулась скала, причем так, что я попятилась, а вот Теттенике решительно шагнула вперед.

Нет уж. Я буду не я, если отступлю. И... и вообще это мой замок!

Почти мой.

А значит, и сад тоже. И скала. И все, что в ней находится.

— Нет, — Теттенике остановилась и оглянулась. Глаза её нехорошо блеснули. — Не думай так. Иначе она не пропустит. А нам надо. Слышишь?! Нам надо пройти! Той дорогой пройти!

С потолка посыпалась крошка.

А потом... потом кто-то огромный и сильный, куда сильнее меня, чье присутствие я не замечала, взглянул. И увидел... что увидел?

Человека?

Демона?

Мысли? Все до одной. И зависть тоже. И ярость. И... и все остальное, сразу. Все мои благоглупости.

— Не бойся, — сказала Теттенике, взяв меня за руки. — Она справедлива.

А вот это как раз и пугало.

Глава 18 В которой сокровитое открывается

«Бросила тогда ведьма камушки, и поднялись пред королевичем горы. Первая была железной, вторая — серебряной, ну а третья сияла яркими огнями, ибо была она алмазною. Но не испугался королевич. Воззвал он к богам, и тогда напала ржа на гору железную, источивши в конец. Собрались мастера со всех земель и каждый взял себе по толике серебра, вот и не стало горы серебряной. А к алмазной сам королевич подошел и сказал: «Крепче всего в мире сущем алмаз-камень, но и ему не устоять пред силой веры моей». А сказавши, обрушил на гору меч свой, тогда-то и рассыпалась она на осколки драгоценные, высвободив деву кроткую...»

Нравоучительное повествование о королевиче Иноре, ходившим за тридцать земель и сразившим во славу богов многих ведьм, чернокнижников и иных чудовищ.

Теттенике больше не была слабой.

Надо же. Она, оказывается, никогда не была слабой. А слабость сначала придумала или, скорее, придумали для неё. Она же поверила.

Разве такое возможно?

Возможно.

Но кровь Архаг не бывает...

Кровь? Да, она помнит... о той девочке, что родилась в Замке и потом ушла. А её дочь стала женой великого кагана и... и Теттенике не то, чтобы не верила. Нет. Скорее уж эта история походила на сказку. Страшную? Сказки такими и бывают. Только такими и бывают настоящие сказки.

Нет.

Не то.

— У меня нет дара, чтобы видеть прошлое, — призналась она тому, чей дух был еще жив. И... и не только его.

Еще одна странная история.

О человеке.

И не человеке.

Давным-давно мир был другим. И в нем жили не только люди. Да? Она знает. Мать Степей... да, и она существовала. Нет, не божество, но почти. Великие. Бессмертные. Недоступные. Но и с ними случаются неприятности. Например, возьмет такая, великая и бессмертная, могучая, да влюбится в человека.

Глупость ведь.

Несусветнейшая.

Люди, они же... слабые. И живут всего мгновение. Но мгновение счастья многого стоит. А еще от этой любви рождаются дети. Но у тех, других, бессмертных, все иначе. Это люди могут размножаться бездумно, а они... нет, только поделив душу.

И жизнь.

И... и из этой жизни, отданной в любви к человеку, появляется иная.

Как её звали?

Это неважно. Её народ давно ушел. Куда? К другим мирам. Молодым. В которых кипит еще кровь и дикая первозданная сила рождения. Только так они могут жить. Все ушли. А она осталась. Ради него, того, кто позволил ощутить ей любовь. И ради детей.

Теттенике теперь знала.

И дар... прошлое — одна из нитей будущего. Как и наоборот.

Просто же.

Почему она не понимала прежде?

— Значит, не только Брунгильда так может?

Все могут. Каждая. Дар сложен. И люди не способны принять его целиком. Вот каждый и выбирает свою грань. Свою дорогу.

Хорошо?

Плохо?

Демоны плохо.

— Мне как-то здесь неуютно, — пробормотала демоница, и черные щиты сомкнулись.

Зря.

Та, что еще жила, пусть и давно стала тенью, рассмеялась.

И демоны ныне мелкие пошли.

— Демоны? — спросила Теттенике. — Кто они?

Просто существа иного мира, который отличен. Мир множество. И путей множество. Порой, что миры, что пути пересекаются друг с другом. По воле ли Творца? По случайности? Правда, где одно, а где другое никто не скажет.

Дышать стало легче.

— Она хороший демон, — Теттенике задрала голову, но ничего не видно. Темно. И все-таки... все-таки видно. Раньше. Она, та, которой не стало, смотрела.

В прошлое.

И... в будущее?

Будущего нет. Есть вероятности.

Нити?

Нити. Одни тоньше, другие толще, но и самые толстые можно разорвать.

— Как?

Эхо печали.

— Стой! — взвыла Теттенике. — Не уходи! Пожалуйста!

Она ведь знает! Наверное, только она, та, что была когда-то здесь, та... та, что не могла покинуть это место, ведь иначе зачем строить замок в забытых богами горах... она знает, как все было на самом деле! И чья там гробница...

...того, кто пришел умереть. Не сам. Человеческий век короток, но его отведенный ему сделали еще короче. Злою волей. Силой.

Ядом.

Он понял, что умирает, и пришел. К ней. Нет, он вовсе не надеялся спастись, хотя, наверное, когда-то она могла бы... давно... раньше... до того, как поделилась своей силой и жизнью. И поделилась бы снова, но он не принял дара.

Сказал, что она нужна будет детям.

Их детям.

Правда, не сказал, что память у людей такая же короткая, как жизнь. И да, после того, как его не стало, пришел сын. Старший. Он принял меч, венец и силу.

Силу?

Тело человека хрупко. На него сложно воздействовать. Другое дело — звездное железо. Оно готово было принять кровь. И ту же силу.

— Железо... — тихо повторила Теттенике.

Страшно.

И одновременно... она чувствует, что ей позволено прикоснуться к тайне.

Смешная девочка. И кровь жива. Это радует. Это значит, что, возможно, все было не зря.

Её сын, его сын, их общий сын построил гробницу, хотя кому это было нужно? Она не понимала.

Она была слишком другой.

И...

...и сын, многие годы спустя, привел своего сына. И передал ему меч, венец и силу. Так повелось. Правда, умирать они больше не приходили.

А потом, однажды, явился тот, в чьих жилах горела ядовитым пламенем кровь демона.

Это было оскорбительно.

Запоздалая вспышка ярости заставила демоницу упасть на колени.

— Нет! — взвилась Теттенике. — Не надо! Не убивай... пожалуйста. Она нужна! Не знаю, зачем, но... но я теперь все чувствую лучше. Она нужна! Без нее мир... их ведь связали, миры. Наш и тот. Демонов. И без нее не получится разорвать эту связь?

Ярость... полыхала.

И кажется, голова от нее заболела. И...

...не демоница. Просто кровь... древняя кровь... люди научились. Тот, кто пришел, он говорил. Много говорил. О силе. Им было мало тех крох, что получили они от творца. И тех даров, которые дала им она. Нет, людям хотелось больше.

И больше.

И они научились использовать чужую силу, приняв для этого чужую кровь.

Демоны?

Демоны злы. И полны ярости. Они пожирают слабых. Они несут огонь и разрушение. Они просто слишком другие, чтобы можно было терпеть их.

Но она попытается. Она верит.

И Теттенике стиснула голову руками. Картинки чужой жизни мелькали перед глазами её. Замок. Люди. Место. Они приезжали

зачем-то. И привозили людей, которые работали здесь.

Они вгрызались в тело скалы.

И делали фигуры из камня. Люди странны. Но они не слишком мешали. Да и смотреть было интересно. Главное, чтобы другие, в ком дурная кровь, не подходили близко.

Они и не подходили.

А те, что работали, оставляли и вещи.

— Дары, — тихо сказала Теттенике. — Они приносили дары.

Да? Еще одна человеческая странность.

Зачем?

Они хотели что-то взамен? Но сил у нее почти не осталось. Но и они молчали. Если бы сказали, что им надо, она бы помогла. Возможно. Или нет. Что тоже возможно.

— Они тебя боялись. Считали божеством. Скорее всего. Я так думаю. Древним. Очень древним. И пытались угодить.

Золотыми игрушками? Зачем ей, лишившейся тела, почти утратившей разум, золотые чаши? Или вот монеты? Или фигурки?

— Так... принято... это подношение.

Она не знала. Она бы поблагодарила. Но вещи просто оставляли, когда их становилось слишком много, она убирала их. В горе много места.

— И люди решали, что ты принимала их дары, — Теттенике улыбнулась. Надо же, как нелепо получилось. Может... может и Матери Степей не так уж нужны жертвы? Те, которые живые? Может, и она не понимает, для чего закапывать кого-то в землю?

Кого?

Это... это другое. Теттенике расскажет. И она вернется. Точнее она верит, что вернется... но ей нужно спешить. Дорога?

Дорога? Была дорога. Она сама создала её, тогда, когда еще окрестные горы повиновались не то, что слову, просто желанию. Она хотела быть рядом со своим человеком, а он хотел быть с ней. Вот она и помогла. Это... не совсем тот путь, который привычен людям.

— Но я смогу пройти? — спросила Теттенике.

Да.

Дитя той, почти забытой крови, последняя капля, прощальный лист. Как и тот мальчик, который не помнил, не слышал, но все-таки сумел принять наследство.

— Я не одна... если я, то и другие... ты просто их не видела. Я попытаюсь показать, — Теттенике стиснула голову ладонями, вызывая в памяти лица.

Мудрослава Виросская, спокойная и умиротворенная, как... как море, которое Теттенике видела. И взглянула бы вновь. Может, и получится.

И островитянка тоже похоже на море. А еще на грозу. Ту, что приходит с востока. Правда, Теттенике сама не знает, в чем сходство. Но бережно вырисовывает каждую черточку лица.

Летиция... и Ариция.

Сестры.

Теттенике хотела бы иметь сестру, но... не случилось. Зато эти двое похожи. Аккуратные черты лица, белая кожа, которая из-за пудры кажется неестественной белой.

Не один лист.

Уже не один. И... и если так, то, возможно, и само дерево живо? Теттенике ощущает прикосновение. Легкое, едва заметное. Благодарность?

Люди ушли.

А мир сломался. Там, далеко. Но сильно. Так, что она здесь ощутила этот перелом? Разлом? С мирами тоже случаются беды. И нынешний болел. Сперва она даже думала, что мир погибнет, а это было бы грустно, но болезнь задержали. Здесь. Она помогла. Пусть даже обратились те, в ком была проклятая кровь, она помогла. Не им. Миру. А потом...

...потом появилось дитя. То дитя, которое помнило её мужчину.

И это дитя дало надежду. Миру в том числе.

— Так все и получилось, — вздохнула Теттенике. — Но... что нам делать? Там? Когда мы доберемся?

Улыбка существа была снисходительной.

Как что?

Разве не понятно?

Всего-то и нужно, что убить демона.

Когда мы вошли в пещеру, я вдруг поняла, что умру. Здесь и сейчас. Не то, чтобы были для этого какие-то серьезные основания. Скорее уж собственные ощущения явно утверждали, что смерти быть.

И... воздух такой.

Густой.

Я в нем, что муха в янтаре. А на стенах медленно расползаются золотые письма. Светятся даже. По-своему это красиво, но ощущение жуткой жути не уходит.

Чего-то такого...

Такого донельзя древнего, опасного. И главное, я ему не нравлюсь.

Ей.

Женщина.

Час от часу не легче. Это заблуждение, что женщины мягче мужчин. Что полны они сочувствия. Что... вокруг женщин вообще заблуждений хватает. И я вздыхаю. Не страшно.

Умирать не хочется.

И еще Ричарда жаль. Он расстроится. А то, древнее и женское, смотрит в меня. Не только в меня. Теттенике застыла с приоткрытым ртом. Уставилась куда-то на стену. Иногда губы подергиваются. Не случился бы с нею инсульт.

Не случится.

С нею как раз ничего не случится. А вот я...

— Ты кто? — спросила я тихо, не сомневаясь, что буду услышана. И была, но до ответа не снизошли, только... навалилось сверху, словно невидимой простыней накрыло, такой вот, воздухомепроницаемой. И выходит, что не обманули предчувствия.

А умирать не хочется.

— Может, договоримся? — просипела я, хватаясь за горло. Сила внутри закипела. И... и кажется, я сама того и гляди полыхну.

С демонами не договариваются!

Им не место в этом мире.

— Я не демон! Я... так получилось, — объяснить вряд ли успею, а символы уже не светятся едва-едва — полыхают живым огнем. И воздух дрожит, воздух готов вспыхнуть. — Он ошибся, вызывая... и вот...

Мне позволили дышать.

А потом...

Ощущение присутствия этого... этой... в общем, оно начало таять.

— Погоди! — наверное, это глупость, но... — Как нам её победить?

Молчание.

— Или хотя бы... как выжить?

Опять молчание.

Не те вопросы? В сказках их только три задать можно. Но в сказках на вопросы хотя бы отвечают. А тут...

— Стой. Пожалуйста, — наверное, глупо вот так пытаться задержать бессмертное «нечто», которое ко всему не слишком дружелюбно к тебе настроено. Но и не воспользоваться шансом я не могла. — Извини... ты ведь видела её? Настоящую? Теттенике. Дочь кагана. С ней это сделали. Украли тело. И... и как ей вернуть свое?

Раз уж о глобальных вещах спросить не дает.

Как ни странно, существо... вновь появилось? Проявилось? Оно не уходило никуда, это я прямо-таки всюю шкурой чувствовала. И хвост нервно задергался.

Демон?

Демон, который беспокоится о других?

— Да не беспокоюсь я, — проворчала я, озираясь. Как-то опять стало ну очень не спокойно. — Просто... ну не ходить же ей так!

Теттенике потупилась.

А ответ прозвучал в моей голове столь ясно, что от этой ясности опять сделалось дурно.

— То, что принадлежит ей по праву, ей и принадлежит. Достаточно потребовать свое.

Ага. А у кого?

Существо вздохнуло. И кажется, печально.

Люди.

Люди странные. Даже когда они немного демоны.

— Извини, — искренне сказала я. — Я... действительно не хотела тебя злить. Или беспокоить. Но там они не справятся. Одни.

— Не справятся, — Теттенике зачем-то взяла меня за руку. — И если ты позволишь пройти по дороге... нам всем пройти... у мира появится шанс.

Сказала и замолчала.

Я тоже молчала.

И даже глаза закрыла, пытаясь смирить позорное желание сбежать. Стало тихо. Очень-очень тихо. А потом головы коснулась чья-то рука. Эта рука была невесома и в то же время тяжела, как сама гора, как все горы, которыми она и являлась.

Хозяйка медной...

— Уже нет, — сказала женщина нормальным голосом. — Уже не хозяйка. Да и меди в этих горах никогда не было. Идите, дети. И постарайтесь не разрушить этот мир окончательно.

Глава 19 О путях тайных и не очень

«И легли перед ним дороги, одна другой ровнее, а ведьма сказала так: «Выбери одну, но знай, что получишь, то и получишь, а иного не жди. Вот первая. Коль ступишь на нее, приведет она тебя к богатству великому. Злато, серебро, каменья драгоценные. Все-то у тебя будет». Хотел было юноша ступить, но удержала его ведьма. «Вот вторая, — молвила она. — Пойдешь по ней и добудешь славу, каковой нет ни у одного человека в мире сузем. Имя твое в века войдет. А вот третья. Принесет она силу. Четвертая — здоровье...» И спросил тогда юноша ведьму: «А где та дорога, что к счастью приведет?» И усмехнулась ведьма. И промолчала»

«Поучительная притча о мудром юноше и хитроумной ведьме, писанная монахом во назидание и воспитание отроков».

Что сказать... шли мы.

Молча.

Стараясь не глядеть друг на друга. И я шкурой чувствовала, сколь тяжело той, которая все еще была рядом, терпеть мое присутствие.

Ей было сложно.

Мне... мне хотелось убраться подальше. Потому и шли мы довольно быстро.

— Я это видела... — Теттенике заговорила, когда мы оказались в огромной пещере, заполненной статуями. — И там еще золото есть... много золота.

— Много золота — это хорошо.

Она кивнула.

Она держала коня, который вел себя куда приличнее многих людей. А может тоже ощущал что-то такое... иное.

Древнее.

Не злое. Не доброе. Иное. Как ощущала и я. И легионеры.

Теттенике.

— Я вот думаю... может, это тоже все зря? В Степи? Она ведь не понимала, зачем они все это носят. Ставят. Подарки...

Странноватые подарки. Я поглядела на статуи. Впечатляли. Размерами. Ну и искусством тоже. Силу искусства особенно остро осознаешь, когда это самое искусство может на тебя рухнуть и придавить. А статуи смотрелись достаточно старыми, чтобы рассыпаться.

В общем, из зала мы убрались, чтобы попасть в другой.

И третий.

И...

— Это, получается, он, — Теттенике подошла к саркофагу, чтобы поклониться. — Если я останусь жива, я... я приду сюда снова. И приведу своих детей. Если, конечно, у меня будут дети. Покажу их. Ему. Ей... ей будет интересно.

Молчу.

Мне в этом зале не просто неуютно, такое чувство, что кровь закипает. Или сила? Та, другая, демоническая. И... мутит. Но я сглатываю слюну.

— А дальше куда? — выдавливаю из себя слова, потому что молчание невыносимо.

Теттенике прислушалась.

Кивнула.

И обошла саркофаг. Ну и я тоже. И легионеры. И кони... в общем, конечно, в музей бы нас такой толпой не пустили бы.

А дорога...

Она просто была. Вот не было, не было, а потом раз и есть. И главное, нельзя сказать точно, в какой момент она появилась. А ведь пропустить исчезновение каменной стены, скажем так, непросто.

Но я умудрилась.

Я моргнула. Раз. Другой. Ущипнула себя за руку. Оглянулась. Нет, саркофаг никуда не делся, как и дорога. Что сказать... лежит себе такая. Ровненькая. Неестественно ровная. И прямая. По обе стороны её скалы возвышаются, и тоже такие вот гладкие, ровные, что жуть просто.

Будто кто-то взял и разрезал гору пополам, половинки раздвинул, а меж них дорога и осталась.

— Верхом, — решила Теттенике. — Умеешь?

— Нет, — я решила быть честной. Да и желания забираться на этого черного зверя, который поглядывал на меня с плохо скрытой насмешкой, вот не было.

Совершенно.

— Это не сложно. Залезай.

— Может...

По дороге полз туман. Белесый. Плотный. Он сгущался, скрывая и саму дорогу, и скалы.

— Надо, — Теттенике произнесла это строго. А я вздохнула. Надо. Нет, конечно, можно закапризничать и вернуться... но тогда снова придется встретиться с ней, с той, что живет в камне.

С той, что сама камень.

Нет уж. Лучше конь.

И я осторожно подошла к нему.

— Я хорошая, — предупредила я зверюгу. — И кусать меня не надо.

Он оскалился и клацнул зубами.

А в следующее мгновение меня просто подхватили и закинули в седло.

— Б-благодарю, — я вцепилась обеими руками в гриву. С высоты конской спины земля казалась далекой и твердой. — З-за проявленную инициативу.

Легионер молча отступил.

— Я тоже лошадей боюсь, — призналась Теттенике, ловко взобравшись на широкую спину драссара. — Маму такая затоптала...

— Мне жаль.

— Но этот умный. И... надо спешить. Время уходит.

Я знаю.

Я... я постараюсь справиться со страхом. Если она смогла, то и у меня получится. Лошадь... подумаешь, лошадь. Это же не мотоцикл, большую скорость не разовьет, а значит... значит, даже если свалюсь вдруг, то не очень больно.

Драссар пошел.

Мягко. Осторожно. Будто и вправду понимая, что всадница из меня так себе. Я закрыла глаза.

— Сожми бока коленями. И постарайся не ерзать. Ему это мешает.

Постараюсь.

Мать его... чего только ради любви не сделаешь. Что мир спасешь, что это вот все...

В доме пахло...

Пылью. Запустением. Камнем.

Ариция задрала юбки.

— Можно ободрать, — сказала рыжая Яра, почему-то уставившись на ноги. Чего ей? Чулок не видела? Может, конечно, и не видела, таких, чтобы шелковые и с бабочками вышитыми. Небось, в Вироссе подобного нет. Там, Ариция слышала, вовсе шелка не носят, а больше шерсть и медвежью.

Интересно, где они столько медведей берут, чтоб всем шерсти хватило.

Или специально разводят?

— И так сойдет, — проворчала она, оглядываясь.

Комната. Не сказать, чтобы большая. На стене ковер, правда, грязью зарос так, что узора не различить. И на полу другой. Столик низенький, костяными пластинами украшенный. Какое-то блюдо и прах на нем.

В животе заурчало.

Еды они не найдут и... и что делать?

Матушка, конечно, повторяла частенько, что воздержание ну очень полезно, однако проверять на себе правдивость сего утверждения не хотелось совершенно.

— И дальше куда? — Яра подняла с пола кубок. — Серебряный... Толку-то.

Кубок она поставила на стол.

— Туда? — Ариция указала на дверь. В конце концов, особой разницы, куда идти, нет. Да и вариантов. Кроме двери разве что пролом, через который они и пробрались.

И костяной дракон бесшумно скользнул в проход, благо, дракон был мелким, а проход наоборот даже. Ариция подумала и двинулась следом. Идти все одно придется, так чего тянуть-то?

За дверью обнаружился длинный узкий коридор.

И стоило выглянуть, как медленно, словно нехотя, налились светом камни, закрепленные в стенах. И ведь не просто так, а узором

сложены.

Красиво.

Сад будто. На белом мраморе — белые же деревья с тонкими ветвями. Меж них — птицы удивительные. Листья деревьев светятся, как и перья птиц.

Вот олень. Почти как живой.

Ступает меж деревьев. И оленуха с олененком.

— Жаль... — Ариция провела ладонью по стене. И переступила через кости. Кости, в отличие от зверья, были как раз настоящими. Одежда рассыпалась прахом, а они вот сохранились. — Красивый был дом.

— Ага.

Яра склонилась над человеком, которого смерть застала в дверях. И страшная.

— Смотри... ему голову оторвали... он пытался защититься, — человек до сих пор сжимал рукоять меча. И Яра, примерившись, осторожно потянула клинок. Пальцы мертвеца разжались. — С мечом мне как-то спокойнее.

— А ты обращаться умеешь? — уточнила Ариция.

Смерть... смерть и вправду была страшной. Изломанные ребра торчали в сторону, а хребет запрокинулся назад. Совершенно неестественная поза. И вот эти углы. Его сломали, этого человека.

Кто?

Ариция оглянулась. Но нет. Сумрак, слегка разбавленный желтоватым светом стены. И тишина.

— Умею, — Яра махнула мечом влево и вправо. Как-то хитро крутанула, поднесла к глазам и хмыкнула. — Изрядный. У нас такой не купишь. Заговоренный булат. Видишь, темный какой?

— Ему не помог.

— Это да... а нам, глядишь, и пригодится, — она пошла вперед. Ариция же... не стала возражать. В конце концов, у нее меча нет. А некромант из нее пока не особо толковый.

Правда, дракон опасности не чуял.

Ариция слышала его, смутно, далеко, скорее уж как эхо, но вот хоть как-то.

— В доме безопасно, — сказала она так, для поддержания беседы.

— Ага, — отозвалась Яра.

Они шли.

И заглядывали в комнаты. Разные. Большие и маленькие. Одна была вовсе белоснежною. Ни столов, ни стульев, ничего, только белые-белые стены и белый же потолок.

И для чего все?

Не понятно.

Зато другая понравилась. Не комната даже — зала, преогромная, да еще и такая, что пол неровный. Стены синею плиткой выложены, махонькою, да узорами. И выходит, что будто море вокруг, и рыбки плавают, красные да желтые. А над ними — корабли.

С парусами.

С веслами.

Пол тоже в плитке.

А в нем — ямины, то есть, сперва Ариция решила, что это ямины, а потом сообразила — купальни. Только вода давно ушла.

Вода ушла, а мертвецы остались.

Кости белели среди этой синевы.

Особенно черепа, сложенные аккуратной пирамидой в углу.

— Не нравится мне все это, — Яра, сперва очарованная кораблями, — очень они ей, судя по всему, глянулись, теперь хмуро озиралась. И меч держала крепко. — Как бы эта тварь тут...

— Нет, — Ариция вновь потянулась к своему созданию. — Он не слышит. Может... может, она и была. В доме. Летти сказала бы точно, как они умерли.

— Не думаю, что мне настолько интересно.

— Тогда она говорила, что людей убил демон. И... может, действительно, демон? Здесь тоже. Если демоны здесь были повсюду, а потом они получили свободу, вырвались, то... демон уничтожил всех в доме? А потом ему стало нечего есть. Или его сожрал кто-то другой.

— Посильнее.

— Вот...

— Тогда нам стоит опасаться того, который посильнее, — сделала свои выводы Яра. — А вообще надо бы вернуться. Дом такой, что ходить можем вечность. Ну и да, или нас сожрут вместе, или по отдельности.

— Знаешь, — Ариция поглядела на рыжую. — Мне кажется, что и тебе не хватает оптимизма.

— Зато у тебя с избытком. Ты... не думала, что слишком оптимистичный некромант — это как-то противоестественно?

Сама дура.

Но Ариция промолчала.

Возвращались... в общем, к пролому. А там уже и обнаружили, что Мудрослава, которая почему-то совсем не обрадовалась, а на Арицию вовсе поглядела с подозрением.

— Здесь... все умерли, — сказала Ариция, а потом подумала, что это все же очевидно. Столько времени прошло. — И не сами.

— Демон, — Летиция прикрыла глаза. И только тогда стали заметны тени за её спиной. Смутные, размытые. — Их убил демон. Не совсем настоящий...

Тихий вздох.

И всхлип.

Будто плачет кто-то. За спиной.

Но там никого нет.

— Она духов вызвала, — сказала Брунгильда. Она влезла в пролом и озиралась. И секиру держала обеими руками. Крепко так. Явно не доверяя окрестной тишине.

— Здесь давно нет живых, — Мудрослава подошла к столику и опустила перед ним. — Он не чувствует. И опасности тоже. Дом чист.

— Они тоже умерли. Демоны. Потом, — Летиция сделала непонятный знак рукой, и фигуры обрели плотность. Ариция ощутила укол ревности.

Снова она за свое!

Успокоиться. Дар. Просто дар. И...

Седовласый старик в белых одеяниях поклонился Ариции.

— Сколь радостен нынешний день, — теперь Ариция слышала и голос его.

— Офигеть! — воскликнула Яра, ткнув в старика пальцем. И когда палец прошел сквозь него, повторила. — Офигеть...

— Яра!

— Чего?! Я может всю жизнь мечтала духа увидеть! Всамделишнего...

— А мир мало изменился, — как ни странно, дух на это обращение не обиделся. — Мой внук был таким же обормотом. Я все

надеялся, что он вырастет и поумнеет.

Мудрослава вздохнула, как-то так, что стало очевидно: она уже не надеется.

— Ну извините, — пробормотала Яра. — Я и вправду духов... а, не важно. Демон, стало быть?

— Не совсем, — подала голос вторая тень, превращаясь в юношу. Вот был бы живым, Ариция влюбилась бы. Возможно. Но не точно. Она уже знала, что у нее с влюбчивостью дела обстоят плохо. Но в этого... красивый ведь. Такой весь возвышенный.

И полупрозрачный.

А смысл влюбляться в кого-то полупрозрачного, кого при дневном свете, может, и вовсе не разглядишь? Нет, для любой дамы из маменькиного двора это не стало бы проблемой, но Ариция...

Да, с влюбчивостью у нее было очень плохо.

— Сами по себе демоны, особенно низшие, весьма бестолковые существа. Они злы и вечно голодны. А еще ограничены.

— Туповаты, — подсказал старик.

Меж тем третья тень обрела очертания, и теперь Ариция испытала зависть. Таковую... такую вот напрочь завистливую зависть, которую даже к сестре не испытывала.

— И использовать их где-то довольно сложно, но был найден выход. Толика крови и силы демона меняли человека. А уж в какую сторону — зависело от умений мага, который проводил обряд, — голос у девушки тоже был мягким. — Сила. Или красота. Выносливость. Гибкость. Способности, которые тоже можно было развить. Конечно, не любого человека можно было использовать, да и далеко не все переживали обряд, но измененные рабы весьма ценились.

— К стыду своему, — взял слово старик. — И я не видел в том дурного. Никто не видел.

А вышло...

Вспомнились головы, сложенные пирамидой.

— Кто-то покупал охранников или бойцов... хорошие бойцы всегда ценились, особенно в дни больших Игрищ. И приносили неплохой доход. Кто-то брал наложниц. Дети рождались тоже слегка иные, но одаренные. Хотя здесь как раз я выступал за запрет. Слишком

часты оказались случаи безумия. Да... и Совет прислушивался. Не запрет, но ограничения ввели.

Только не для всех.

Хотя Ариция понимала. Ограничения, они всегда не для всех.

— Идемте, я покажу вам дом, — старик двинулся вперед, но стоило ему отойти от Летиции, как он вновь стал тенью. — Он не так велик, но его еще мой прадед поставил. Он был весьма одарен, что и позволило ему войти в круг Императора. Здесь была...

— Всего-навсего одна из гостевых комнат, — голос девушки звенел, вызывая стойкое раздражение.

Но это глупо, раздражаться на ту, которая давно уже мертва.

...коридор, знакомый Ариции. А вот остальные замирают.

— Это сделано еще моим дедом.

— И работает? — Брунгильда осторожно коснулась листьев. — Теплые.

— О, требуется лишь толика силы, а заклятье, лежащее в основе, просто, если не сказать, примитивно. Под домом же источник, а потому, пусть не все, но весьма многие артефакты сохранили свою работоспособность.

Из комнаты показался дракон. Увидев духа, он сел и заскрипел.

— Надо же... вы и его подняли, — старик смотрел на зверя, а тот на старика. И губа дернулась, обнажая клыки, и из глотки донесся протяжный низкий звук. — Изменяли не только людей. Животных даже чаще. Это малый виверн. Младший родич дракона. Их привозили откуда-то с юга, кажется, они обретались то ли в пустынях, то ли где-то дальше... весьма сообразительные существа. И довольно опасные. Их часто держали для охраны.

— Он разорвал меня, — сказала девица, отступая в тень. — И тебя...

Парень кивнул. Он не сводил взгляда с виверна, который широко зевнул, показывая пасть с мелкими зубами.

— Когда... все случилось, кровь демонов вдруг ожила. А ведь её сдерживали, имелись... способы.

И вряд ли приятные, судя по желанию зверя убить.

Снова.

Нет. Ариция покачала головой и положила руку на голову зверя. Вряд ли, конечно, получится удержать. Да и сомнительно, что

воскресший виверн способен навредить духу.

Но...

Спокойнее.

— И те, в ком она была, обезумели. Они вдруг обрели силу... — старик накрыл грудь ладонью. — Я защищал свой дом от врагов, которые могли бы прийти извне. А надо было от тех, кто скрывался внутри.

— Надо было, — проворчала Яра. — Не хрен тянуть в дом всякую пакость.

— А вот вежливости вам стоит поучиться.

— Яра!

— Это музыкальная комната, — голос девушки вновь зазвенел. — Здесь стены выложены алесским мрамором. Он позволяет ощутить всю полноту звучания...

Зеленые. И желтые.

Та же грязь. Пыль. И кости. Инструменты какие-то. И тень склоняется над ними. Вздыхает. Так жалобно, что хочется утешить...

— Трапезная... малая, для своих. Для гостей есть иная, приличествующих размеров...

Путешествие продолжалось.

Глава 20 Где город встречает гостей

«И вышла старуха кривонога и кривобока, с рукой костяною, с зубами железными да глазами желтыми, нечеловеческими. Вышла и поглядела на молодца. Спросила тогда: «Стало быть, невесты ищешь? Добре. Глянь на дочерей моих!» Хлопнула она в ладоши, и встали тогда пред молодцем девы, одна другой краше. Все стройны да статны, волосом богаты, ликом белы да румяны. «Выбирай!», — сказала ведьма: «Да гляди, не ошибись».

Сказ о том, как вдовый сын невесту искал

А ночь все-таки придавила город своей тяжестью.

Темнота.

Густая, чернильная. Факелы горят неровно, все кажется, что эта самая чернота давит на них, того и гляди погаснет косматое пламя, и люди, словно чувствуя неладное, сбиваются вместе.

Чернота пугает не только живых.

Нервно подрагивают ноздри Ксандра. Командор всматривается в развалины, он кажется невозмутимым, но Ричард чувствует беспокойство.

Эта темнота обыкновенная, естественная, природного свойства. Но и он сам вслушивается в звуки, доносящиеся откуда-то извне.

Цокот.

Скрежет. Сухой шелест, то ли листья, то ли чешуя.

Змей, выглянув из воды, тоже смотрит. И топорщит тонкие перья-жабры, и посвистывает. Ему не хочется отпускать людей, которым он рад, которых он почти считает своими.

— Ночью идти смысла нет, — Командор качает головой. — Заблудимся только. Да и...

— Они там.

— Моя сестра жива, — степняк сжимает в руке фиал, в котором дрожит, бьется искра.

Виросцы молчат.

— И хорошо, — голос Командора полон спокойствия. — Если так, то будем надеяться, что до утра она тоже дотянет. Ставим лагерь.

И получив приказ, люди вздохнули с явным облегчением.

Темнота пугала и их.

Хорошо.

— Я... пойду все-таки, — Ксандр качнулся. — Мне ночь не помеха, глядишь, и отыщу чего. Или кого.

— Это небезопасно, — Светозарный убрал-таки руку с меча. Тот перестал светиться, да и корона вела себя прилично.

— Для людей. Я уже мертвый, — Ксандр встряхнулся, как пес. — Ненавижу море. Воду. Она ослабляет. А здесь... здесь такое чувство, что я домой вернулся. Только верить нельзя.

Его щека дернулась.

— Зовет?

— Зовет, — согласился Ксандр. — И она знает, что мы здесь. Она... не будет нас трогать. Если я верно истолковал. Мы нужны живыми. Но... в общем, не все здесь в её власти, а потому сидите до утра. Я же пройдусь.

Сказал и сделал шаг, растворяясь в темноте.

— Ты ему доверяешь? — поинтересовался Артан. — Извини, но... он лич. Кровожадная тварь, в которую превращается маг после смерти. В хрониках пишут, что личи одержимы жаждой крови.

— Он на диете.

— Я уже понял. Вообще в хрониках, кажется... многое не совсем правда.

Мягко говоря.

— Я видел в твоей библиотеке книги. Из числа запретных.

— Читал?

Тьма была спокойной.

— Начинал. Сам понимаешь, интересно было.

— И?

— Страшные книги. Некоторые. И нужные. Сложно сражаться со злом, не понимая сути его. Но... в общем, Храм не одобрит.

Ричард пожал плечами. Ничего нового. Храм в целом не слишком склонен был к одобрению его, Ричарда, что уж о книгах говорить.

— Спать все равно не получится. Наверное... если он обезумеет?

— Ксандр?

— Да.

— Тогда его придется убить, — Ричарду не хотелось говорить о таком. И думать. И...

— А если не только он? Если все твои... их много. Больше, чем людей. Что тогда?

— Тогда мы умрем с честью. Но Легионеры бывали в городе. Кажется, еще мой прапрапрадед пытался изучить здешнюю тьму. И тварей. Тогда Легионы были больше, да и мы сильнее. Он надеялся добраться до сердца зла, закрыть... истребить. Очистить, в общем.

— Но не вышло.

— Он погиб при прорыве. В схватке с демоном. А его сыновья были малы, потом... как-то так повелось, что в город не совались. Иногда отправляли патрули, особенно, если из деревень посылали сообщение об очередных охотниках. Большинство она жрала сама, но вот кому-то случалось и выжить. Не важно. Главное, что на Легионеров здешняя тьма не действует. На Командора тоже. А Ксандр... он сильный. Куда сильнее меня.

— Тогда хорошо.

Светозарный отступил. Он ушел к людям, что уже успели разложить костры. И кто-то даже задремал у огня. Правильно, люди устали. Переход был пусть и недолгим, но напряженным. И похрустывали ветки в костре. А от огня веяло теплом и спокойствием.

Ричард отступил в темноту.

Почему-то показалось, что там, у огня, он будет лишним. А вот прислушаться ко тьме... тьма не злая. Но и не добрая. Как и свет.

Она сама по себе.

Она... наблюдает. За Ричардом. И она готова ответить ему.

— Не уходи далеко, — Лассар вдруг оказался рядом. А ведь Ричард даже не ощутил его присутствия. И кольнул страх. А если Светозарный прав? То, что прежде Легионеры не слышали тьму, не значит, что и сейчас они останутся к ней равнодушны. Или вот Командор... а если он обезумел?

Если он уже безумен?

Он ведь смотрит на город, но видит не развалины.

Что она пообещала ему? Бессмертному и могучему? Покой? Возвращение в прошлое? Возрождение былого величия? Тьма всегда найдет, что пообещать.

— Не собираюсь, — Ричард надеялся, что говорит спокойно.

— Боишься?

— Я?

— Ты.

— Да. Пожалуй. Они ведь могут погибнуть.

— Могут.

— И погибнут. Если не все, то многие.

— Верно.

— И я буду виноват.

— В чем?

— В том, что люди вообще появились здесь.

Тихо плеснула вода, выбираясь на камни. И где-то неподалеку лунный свет отразился от чешуи морского чудовища.

— Это было их решение.

— Нет. Ты понимаешь, о чем я, — Ричард вдохнул влажный, пахнувший тиной и морем воздух. — Если бы я не затеял эти выборы... если бы просто нашел жену...

— Она тоже сошла бы с ума. И твои дети. Душница обещала не трогать тебя. Тебя и не тронула бы. Ты бы сам свихнулся, естественным, так сказать, образом. А остальное... обычная дурь. Не ты один такой. Или думаешь, я был крепко умнее в твои годы?

Представить Командора молодым у Ричарда не получалось.

— Что произошло, то произошло. Не изменишь. Так что подбери сопли и думай.

— О чем?

— О том, что с демоном делать. Ты вообще с демонами встречался? С нормальными.

— А ненормальные — это...

Воспоминание о той, что осталась в замке, было неожиданно болезненным. И следом снова кольнуло чувство вины.

— Не встречался, — сделал вывод Командор. — Ничего... тут только один остался. Я так думаю. Одна. Та самая... но она опасна. Очень. Демоны, чтоб ты знал, терпеть не могут себе подобных. Если встречаются двое, то один другого всенепреренно сожрет. Или попытается. Хотя сожрет — это не совсем, чтобы верно. Демоны... они существа иного мира.

— Это я знаю.

Лассар кивнул. Да и говорил он не потому, что хотел рассказать что-то, чего Ричард не знал. Скорее уж, если говорить вслух, то шепот тьмы становится почти не слышен.

— И в наш они являются воплощенной силой. Энергией. Но та чужда нашему миру, а потому пребывание здесь, если верить некоторым исследователям, для демонов весьма и весьма мучительно. Поэтому и требуется материальное вместилище, если необходимо, чтобы демон задержался. Для низших. Высшие способны создать плоть, пусть та будет ненадежна весьма. Но и тем, и другим требуется питание.

А чем питаются демоны, лучше не уточнять.

— Так вот... демон, сожрав другого демона, забирает и его силу.

— Поэтому она...

— Она здесь давно. А потому сожрала всех, до кого дотянулась.

Это успокаивало.

В какой-то мере.

— И как её убить? — уточнил Ричард. В книгах ведь писали. Всякое. И про то, как демона одолеть, в том числе.

Ритуалы изгнания.

Ритуалы очищения.

Построение войск для блокировки демонов. Правильная тактика... стратегия.

— Понятия не имею, — Командор потянулся. — Твое наследие, ты и разбирайся.

Ну... спасибо!

Темнота упала на город.

И тот ожил. Брунгильда слышала... странное такое ощущение, будто её зовут, шепотом. Упрашивают. И не люди.

Вещи.

Она наклонилась и подняла зеркало в серебряной оправе. По оправе извивались тонкие нити змей, блестела чешуя их, украшенная мелкими камнями.

А вот само зеркало покрывала сеть трещин. Но это не важно. Стоило взять в руки...

...госпожа, только взгляните, что вам прислали! — смуглые руки держат резную шкатулку, столь изящную, что кажется она вовсе

воздушной.

Крышка откидывается.

— Просто чудо... — шкатулка отправляется на стол, а пальцы рабыни подхватывают тонкую нить ожерелья. Сделанное из белого металла, то тоже отличается удивительно тонкой работой. Несколько цепочек переплетаются, создавая сложный узор. И с них капельками свисают синие сапфиры.

— Вам так к лицу! Я уверена, что ваш отец даст дозволение... молодой господин и хорош, и из рода славного, и вас любит... жаль, конечно, что вам не позволили...

Брунгильда моргнула, освобождаясь от видения.

И вернула зеркало на столик.

Пальцы задержались над гладкой его поверхностью. Они дрожали, но прикоснуться Брунгильда не стала.

— Ты как? — Мудрослава Виросская заглянула в глаза. — Видела?

— Видела.

— Что-то...

— Ничего. Девушка ожерелье примеряла. Подарок жениха.

Говорить не хотелось.

Надо идти.

Призраки. Люди. Древний город. А ведь было время, и Брунгильда мечтала о том, как выйдет в море. Всенепременно выйдет. И встанет на носу корабля. И это будет её корабль, и её люди на нем.

Она пересечет море.

Достигнет неизведанных земель.

Достигла, что называется. Неизведанной некуда. Только радости никакой.

— Идем. Лучше не отставать. Если здесь хоть что-то работает, то и ловушки будут живы.

Да.

Наверное.

Конечно.

Но Брунгильда бросила взгляд на зеркало. Оно тоже умерло. Как и все здесь.

Они поднялись на второй этаж. Лестница из белого мрамора заросла пылью, но паутины не было, и это странно. В старых домах

всегда полно паутины. А здесь... здесь нет.

И жизни тоже.

Оживший виверн устроился на верхней ступеньке, и Брунгильда как-то спокойно переступила его. А вот Мудрослава не удержалась, потрепала по загривку. И виверн приоткрыл желтый глаз.

— Мы не выживем, — Брунгильда провела ладонью по перилам, отмахнувшись от многих образов. Смуглокожий мальчишка в набедренной повязке бежит, перепрыгивая через ступеньку. Он торопится... куда? Она может узнать, но зачем ей это? Или вот женщина стальных лет медленно поднимается. А за ней следуют три служанки, ибо госпоже может понадобится помощь.

Мужчина.

Мужчины. Женщины. Девушки. Дети... сколько их было? И почему они просто не ушли?

Принцессы обнаружились наверху, в просторной комнате, окна которой выходили в сад. И тот гляделся мирным, почти обыкновенным, разве что луна в пруду была чересчур круглой.

Ненастоящей.

Окна... открытые окна — это плохо. Мало ли, кто заглянет. Решетки есть, но старые, тронутые ржавчиной. Да и они скорее красивы, чем способны защитить. Человек не пролезет, а вот какая тварь помельче — вполне.

— Это мои покои, — призрак обрел плотность. — Здесь все так, как я оставила...

Постель на полу.

Истлевшие простыни. Шерстяной ком покрывала, на котором запеклись бурые пятна. И очередной скелет.

— Какая-то служанка, — дернула плечиком Эония. — Неприятно. Могла умереть где-нибудь еще. Вечно они норовят напакостить.

Брунгильда опустила на колени. Она... она мертвецов не слышала, но на белых костях темнел браслет. Простенький. Стекланные бусины, помутневшие от времени, и нитка. Нитка тоже истлела, и от прикосновения бусины рассыпались с громким звуком.

— Боги, Брунгильда, еще и ты! — Летиция вздрогнула. — Тут и так... нервов не хватает.

Она опустила на пол.

Пол... пол выложен плиткой. Узоры вновь же светятся, как и те, что на стене. Но свет их тусклый, а потому много разглядеть не получается.

— Они опять зовут, — пожаловалась Летиция. — Надо отдохнуть.

Яра просто обошла комнату, не преминув заглянуть в сундуки, что вытянулись вдоль стен. Сундуки были высокими и узкими, а еще, несмотря на прошедшие столетия, сохранили свой вид.

И содержимое.

— Вот, глянь, какая красота, — сказала Яра, вытаскивая бледно-голубую рубашку без рукавов. — Примеришь?

— Это?

— Это туника, нижняя, — Эония повернулась. — Поверх нужно надеть или столу, или паллию...

— Да ни в жизни, — Ариция попыталась обмотать остатки знакомого платья вокруг ног. — Это... это неприлично, в конце концов!

— Здесь все так ходили.

Не все.

Брунгильда вертела в пальцах холодную бусину. Темное стекло. И внутри искорки.

...её подарил Арен. Раб. Хозяева дали другое имя, потому что у них уже был раб с таким, но она все равно называла его Ареном. А он её — Хлои.

У них не было ничего, кроме имен.

А еще надежды.

Хозяева были добрыми. Хлои знала, что иные куда строже, а порой и вовсе... но об этом на рабской половине не говорили, а если вдруг, то шепотом и пока старшие далеко. Старшие преданы. Старшие... они другие. И пугают.

А хозяйка скоро замуж выйдет.

Так говорят.

И она уже не раз и не два заглядывала в сундуки, пересчитывая наряды и украшения, ткани и драгоценные масла, притирания, зелья. Все то, что нужно взять с собой в новый дом.

Рабов тоже возьмет.

Как без них?

Хлои... Хлои очень надеялась, что её оставят. Арен ведь служит при зверинце и принадлежит хозяину, а рабам из разных семей не позволяют жить вместе.

Он тоже боялся.

И подарил браслет.

Сколько им осталось? И... и быть может боги, которым Хлои молилась, а еще пожертвовала немного крови и хлеба, не украденного, но честно полученного, смилостивятся? Быть может, они отправят с хозяйкой других рабынь? Помоложе. Покрасивей. Хотя на кухне как раз и шепчутся, что красивых оставят при доме, чтобы не смущали они молодого мужа.

Она подняла простынь, которую следовало заменить. И разогнулась. Выглянула в окно. День сегодня был особым. Император женился. И значит, хозяин в честь праздника может пожертвовать рабам не только меда и белого хлеба, но и по паре монет.

На выкуп все равно не хватит.

Разве что кого-то одного. Арен скопил почти. Если отдать то, что есть у самой Хлои...

Мир изменился. Будто треснуло что-то внутри. Там, под сердцем. И больно стало. На мгновенье. А потом Хлои тряхнула головой, отгоняя и боль, и мысли. Простыни надлежало отнести прачкам, а здесь застелить свежие.

Она и вышла-то. Почти.

Когда перед Хлои появилась Луна. Луна была из Старших и обычно не покидала покоев хозяина. Про нее всякое говорили, но очень и очень осторожно.

Кажется, даже прочие старшие её опасались.

Луна улыбнулась.

И шагнула к Хлои.

Протянула руку. Коснулась щеки.

— Какая красивая...

А потом руки её легли на шею. И сжали. Осторожно. Она убивала очень и очень аккуратно. А в нечеловечески желтых глазах Хлои виделась печаль.

Почему?

— Тихо, — бусину забрали из пальцев. А Брунгильду усадили. Куда? На пол. Хорошо. Пол большой. Это безопасно. Она... она не

хочет больше видеть.

— Может, секиру убрать? — предположил кто-то. — А то мало ли, вдруг да свихнется.

— Сама ты... она просто опять увидела.

— Мы так далеко не уйдем, если она и дальше видеть будет.

— А нам далеко и не надо, — это уже Ариция. — Нам надо к ней... а другой одежды нет? Чтобы... я не знаю, не походило это на нижние рубашки!

— Мои туники изготавливали из самого тонкого полотна!

Хозяин, хозяйка... Эония. Брунгильда потеряла виски. И что делать? Этак она у каждой вещи будет видеть то, что... она не хочет!

— Видящая, — призрак наклонился, сейчас он выглядел почти плотным, разве что немного размытым. — Редкие дары... интересно.

— Что? — просипела Брунгильда.

И пальцами пошевелила. Пальцы занемели, да и сама она почувствовала себя... замерзшей. И несчастной до крайности. Будто принесла тоску из видения.

— Дарительница жизни, Видящая... и повелительница Разума, — призрак отступил, а с ним и чувство холода. — Кто еще? Та, что способна открыть путь... прозревательницы будущего не хватает.

— Для чего? — Брунгильда все же осмотрелась.

Ничего не изменилось.

Комната. Постель. Кости. Бусины на полу. И сундуки. А ведь тело лежало не на пороге, где его застала смерть. В постели. Стало быть, кто-то отнес мертвую девушку и уложил в постель.

Какая извращенная забота.

— Для создания круга, — сказал призрак и замолчал.

— А... — Яра почесала за ухом. — Если поподробнее? А то знаете, время прошло, знания утратились... и кругов у нас никто не созывает. Разве что Думу. Или Совет там.

Ладхемские принцессы кивнули.

— А вот кругов, так это нет.

Глава 21 В которой сказка сказывается

«Три дня и три ночи шел королевич по лесу темному да вышел к горе, что вершиной в самые небеса упиралась. Встал он на колени и помолился богам пресветлым, долго стоял, может, день, может всю седмицу, да только не отозвались боги, не подвинули гору. Пришлось так наверх карасться»

«Народная сказка, записанная студией Авелем со слов старухи Марыкоты из села Понятушки»

Что сказать... от древней и очень-очень тайной дороги, возведенной то ли божеством, то ли еще кем-то, от божества недалеко отошедшим, я ожидала чего-то более глобального, что ли.

А тут...

Дорога.

Вот такая себе, даже не совсем, чтобы пряменькая. То есть, поначалу как раз и пряменькая, а потом вихлять начала, пробираясь меж скалами. Те поднимались куда-то в поднебесье, и темное небо виднелось узкой полоской, слегка посыпанной звездной пылью. Луна влезала в эту расщелину разве что краем, но, как ни странно, было достаточно светло.

Это уже потом я сообразила, что светилась дорога.

И скалы.

И... и свет бледный полуразмытый. В нем и мы сами призраками кажемся. А еще звуков нет. Никаких. Я прислушалась, убеждаясь, что не мерещится.

Нет звуков.

Не гремят подковы по камню. Не слышно дыхания. Да и собственное сердце будто и не стучит. И... и ощущение странное.

До боли.

А еще спать хочется. Правильно. Сколько я уже на ногах? Нормальному человеку отдых нужен, даже когда он демон.

Именно в этот миг Теттенике, сидевшая впереди — а спина у коня была такой ширины, что мы вдвоем сели без особых проблем —

покачнулась и начала сползать. Подхватить я её успела.

— Что? — голос её прозвучал неестественно глухо.

Хрипло.

— Ты заснула.

— Да? Наверное... и вправду... надо добраться. Выбраться. Нельзя спать.

Сама знаю. А то мало ли чего от этой древней дороги ждать. Вдруг да сомкнуться скалы и... и как-то вот так неуютненько сделалось от этой мысли.

— Быстрее, — Теттенике шлепнула ладонью по конской шкуре. И драссар перешел с шага на... рысь это? Галоп? Понятия не имею. Но тряско и держаться приходится обеими руками. И ногами тоже.

А звуков все равно нет.

Зато туман появился. Он сочился из камня и дороги, накрывая её густым белым полотнищем. В нем терялась и без того слишком уж далекая земля.

— Что это? — мне туман нравился еще меньше, чем дорога.

— Не знаю. Я такого не видела... — Теттенике легла на конскую спину. — Держись!

Что?

Держусь! Но это же не значит... кони, стало быть, машинам уступают в скорости? Ага... но в машине ты внутри сидишь, на мягком кресле, а тут... я, наверное, только чудом не рухнула, когда драссар рванул вперед. Сквозь туман, который медленно, но верно поднимался, грозя накрыть нас с головой.

И камень слева застонал.

А справа — откликнулся. Что-то заскрежетало, жутко и предупреждая, что дорога-таки ну очень древняя. И не пользовались её давненько. И... и как знать, не даст ли сбою божественный механизм. Её ж тысячи лет не обслуживали! Я вцепилась в коня, думая лишь о том, что, если упаду, то в таком тумане меня весь Легион не сыщет.

Шалтай-болтай сидел на стене...

По ушам вдруг ударил грохот, породивший эхо, и туман, почти коснувшийся наших ног, сделался вдруг темным, серым, будто и не туман, но пыль. Горы... горы тоже изменились.

Свечение погасло.

И дорога... дорога теперь стала дорогой.

Обыкновенной.

С нее оползали клочья тумана, чтобы истаять словно серый снег под ночным солнцем. Драссар сам перешел на шаг и остановился, тряхнувши гривой. А я оглянулась.

Скала.

Темная.

Огромная. Она поднималась куда-то вверх, грозя вершиною проткнуть луну. И в черном теле её не было изъянов.

И дороги тоже. Позади.

А вот Легионеры были.

— Мы... выбрались, — озвучила мои мысли Теттенике, сползая по конскому боку. И нервно хихикнула. — Мы... мы же выбрались!

А потом вовсе рассмеялась, так весело и задорно, что и я не удержалась от улыбки. Нервной.

И вправду ведь... выбрались.

Правда, понять бы еще, куда.

— Утром, — сказала я самой себе, поглядев вниз. Земля по-прежнему была далеко, но никаких таких туманов... а вообще интересно. Ладно, с той стороны дорога открывалась с усыпальницы, точнее тогда, когда дорогу создали, усыпальницы еще не было. А была... было... что-то другое. Может, покои этой Хозяйки гор? Или её мужа? Не мужа?

Сложно с ними, с древними.

Главное, там понятно, что было место и дорога открывалась, тайным ли словом, рычажком каким или просто по желанию. А тут?

Мы обе вперились в... дорогу.

Только обычную.

Теперь при свете луны были видны камни, порой просевшие, а порой наоборот выглядывающие из полотна. Обочина. Щетка травы. И горы.

Начинаю их тихо ненавидеть.

— Утром, — решительно сказала Теттенике. — Разберемся. А то и вправду надо отдохнуть...

Наверное.

Но...

— Они тоже, если добрались, ночью не пойдут, — она поглядела на меня, и в узких глазах мне привиделся блеск зачарованного

зеркала. — А отдых нужен. Мне так точно. Я ничего не знаю про демонов, но мало будет пользы, если мы свалимся в пропасть. Или еще куда.

Да. Она права, но... на душе не спокойно.

Рядом Легионеры молча расседывали лошадей. Кто-то кинул на землю попону, прикрыв плащом. Походы... все-таки я ненавижу поход.

Теттенике прилегла и сказала:

— Ложись рядом. Ночью холодно. А вдвоем теплее, — и глаза закрыла, проваливаясь в сон. А я... я кивнула и села.

Рядом.

Потом легла.

Посмотрела на черные тени, что застыли слева и справа. Им не нужен отдых. И сон тоже. И... и за Ричардом пошли его легионы, а стало быть, волноваться не о чем.

Но не получалось.

Я закрыла глаза и...

...зеркало. Я снова оказалась в Замке, в той комнате, которая, казалось, застыла во времени. Я сидела, глядя в черную муть.

Видела.

Город. Красивый. Я... я ведь не то, чтобы бывала в подобных. Все-таки зарплаты моей на путешествия немножечко не хватала, но это не повод не мечтать. Я и мечтала.

Собирала маршруты.

Старые маленькие города Германии, суровые, помнящие еще цвет рыцарства и войны. Испания. Франция.

Рим.

И готическое кружево Праги.

Не знаю, меня почему-то не тянуло в музеи, хотя каталоги я время от времени полистывала, в рамках, так сказать, самообразования. Но картины — это просто картины.

А вот города...

Там, дома, не было ничего подобного. Ни сейчас, ни прежде. Белый камень. Много белого камня. Хрупкого. Такого... воздушного. И строения здесь же, сахарное кружево, которое и тронуть-то страшно.

Я... стояла.

Смотрела. И понимала, что сон этот — не просто сон.

— Ты, — я ощутила её спиной. И не стала оборачиваться.
— Я, — голос у демоницы был звонким. — Ты идешь. Я слышу.
— Иду.
— Хорошо. Он готов... уже готов... и я тоже. Здесь красиво было.

Я помню.

— Покажешь?

Не стоит просить древнее зло о таком, но оно оказывается рядом.

— Не оборачивайся, — шепчет на ухо. — Просто смотри.

И руки касаются ледяные пальцы. Холод обжигает. Проникает в кровь. Но я сдерживаю крик.

Смотрю.

Улицы... если сверху смотреть, то на звезду похоже, в центре которой возвышается сооружение одновременно прекрасное и уродливое. Не понимаю, как такое вообще возможно, но... оно словно создано безумцем. Хитросплетения колоннад. Балконы ласточкиными гнездами приклеились к стене, а та поднимается, поднимается, превращаясь в круглую башню.

А башня возвышается над морем неестественно яркой зелени.

Шаг.

И мы внутри.

Здесь много золота и белизны. Одно вполне сочетается с другим. Но пусто.

— Почему так пусто? — шепотом спрашиваю я. Мы идем, один коридор сменяется другим, а тот третьим. Их здесь бесконечное множество, коридоров, и все они глядятся одинаковыми.

Те же ковры.

Та же белизна. Массивные золоченые рамы. Картины. Картины разглядеть не получается, но я принимаю это, как данность. Во снах часто бывает, что все немного искажено.

— Это мои покои, — она выпускает мою руку. А я вижу девушку, которая сидит на полу. Она нага, и нагота прикрыта тончайшим прозрачным покрывалом. То стекает с плеч, словно крылья. На руках и ногах девушки посверкивают золотом браслеты.

Она просто сидит.

Смотрит.

На руки.

На пальцы, измазанные чем-то темным. А когда поднимает взгляд — я знаю, что это лишь воспоминание, и то чужое — в её глазах мелькает безумие. Она поднимается... и покрывало стекает с плеч, укрывая еще одно тело. Оно видится темной размытой фигурой. А девушка икает.

И слегка пошатываясь, идет к золотой чаше.

— В тот день, когда я поделила с ним ложе, меня напоили. Особое зелье, чтобы я могла принять его силу и семя. От него я словно утратила разум. Мне тогда показалось, что душа моя отделилась от тела. И я смотрела. Вот как ты сейчас.

Сон.

Просто сон. О чужом прошлом.

Вот рядом с девушкой возникли тени. Её окружили, отерли чем-то, расчесали волосы, закрепив в них нити драгоценных камней. Камни мы видели ясно, а вот тех, кто служил, нет.

— Я не хотела никого убивать, — печально сказало древнее зло. — Я... я просто делала то, что говорил отец. А оно оказалось сильнее меня.

Её кожу покрыли маслом.

И нанесли узоры.

— Напиток помог мне выдержать его. Он... кровь демона делает людей очень злыми. И редко какая невольница доживала до рассвета. А я выдержала. Я... сумела ответить. И меня сочли достойной.

Чтобы принести в жертву?

Сомнительная честь.

— Зачем ты мне показываешь это?

Все-таки кто я ей? Еще одна игрушка? А если и я не справлюсь? Если...

— Не знаю. Не оборачивайся, — предупредили меня. — Если ты меня увидишь, я не удержусь.

— От чего?

— Занять твое место.

Внутри меня все заледенело.

Это возможно? Думается, что вполне и... и не так просто, иначе она уже попробовала бы.

— Идем, — меня потянули прочь. Я только и увидела, как исчезли, словно истаяв, тени, а в покоях девы появился мужчина. Во

сне он был черным, что уголь, и мало походил на человека.

Мы же оказались в городе.

В старом городе, полном людей.

— Давно, когда... когда еще было не ясно, сочтут ли меня достойной зваться дочерью, я жила с другими детьми. И сбегала в город. Часто. Я просто гуляла по улицам. Смотрела. Мне все казалось таким... таким удивительным.

— Понимаю.

Он изменился, этот город. Нет, никуда не исчезла сахарная его белизна и кажущаяся хрупкость. Скорее уж он наполнился жизнью, став немного более настоящим.

Теперь я видела торговцев. Кто-то сидел, разложив товары прямо на земле. Кто-то бродил, как та женщина с шестом, на который она повязала разноцветные ленты. Время от времени она встряхивала шест, и тогда ленты начинали шевелиться, словно змеи из шелка. К женщине то и дело подходили другие. Спрашивали. Трогали. Щупали. Иногда торговались.

А вот торговец цветами.

И чем-то еще. У него маленький деревянный поднос, привязанный к шее веревочками, и на нем разложены цветы. И кусочки чего-то желтого, комковатого.

Люди...

Людей было много. Но когда раздался хриплый рев рога, они замерли и поспешили прижаться к стенам. Не зря. Впереди показался человек в серых одеждах. Он был... пожалуй, красив. Той неестественной совершенной красотой, которая выдавала наличие демонической крови.

Еще подумалось, что кровь у меня есть, а вот с красотой как-то не заладилось. Но может, оно и к лучшему?

Он шел не спеша, в одной руке держал короткую плеть, а в другой — поводок. И поводок казался тонким, сплетенным из нитей. На таком и курицу не удержишь, не то, что серую уродливую тварь с бугристой кожей.

Та походила на человека. Очень большого человека. Слишком уж большого. Его грудь выдавалась вперед, а плечи выгибались и почти смыкались друг с другом за спиной. Вяло свисали длинные руки,

поросшие седым волосом. Круглая голова, отчего-то покрытая чешуей, почти утопала в складках кожи. И казалась неестественно маленькой.

— Демон? — спросила я почему-то шепотом.

Не испугалась, нет. Смешно бояться собственного сна. Но смешно мне не было. Совершенно.

Демон шел, переваливаясь с боку на бок. И я смотрела дальше. На изогнутые колесом ноги, на узкие, какие-то несоразмерно маленькие ступни. На людей, что держались чуть в отдалении, но следовали за этой парочкой.

— Демон, — согласилась демоница. — Истинный. Вызванный. Сильный. Круг третий, не меньше.

— Круг — это...

Я и запах ощутила, характерный запах тухлых яиц и сероводорода.

— Первый круг — мелкие твари, их способен был призвать более-менее обученный маг. И призывали. Их кровь хорошо принималась людьми, а сил хватало для изменений. Мне было семь, кажется, когда я призвала и поглотила первого. И доказала, что достойна носить имя отца. Потом были еще. Меняться надо потихоньку.

— А...

— Второй круг готовит тело и разум к принятию большей силы. Но тоже твари мелкие, хотя уже и способны существовать в этом мире. А вот демоны третьего круга и выше достаточно сильны, чтобы не нуждаться в материальном сосуде.

Наверное, это полезная информация.

Только что мне с ней делать?

— И вызвать их, и удержать, и подчинить куда как сложнее. Но зато их можно использовать. Этого повели на арену, я помню... я тогда тоже пошла. И не только я.

Тихий вздох.

— Тот демон, сердце которого я съела, принадлежал к числу высших.

Я почувствовала, как ледяные пальцы разжимаются.

— И другие... потом... я не знаю, мы стали сами демонами? Но теми, что способны удержаться в этом мире, или же это они свели нас с ума?

— Ты у меня спрашиваешь?

— Не спрашиваю. Я... я просто...

Осторожное прикосновение.

— Я постараюсь их не убить. Но вы поспешите. Вы нужны мне... нам нужны... здесь очень плохо. Теперь я понимаю, насколько мучительно было им... и...

— Мы придем.

Я все-таки нашла в себе силы не оборачиваться.

Просто закрыла глаза, позволив и городу, и горам истаять. И... и вернулась в комнату. В ту самую заклятую ли, проклятую ли комнату, что осталась в Замке.

К зеркалу.

— Свет мой зеркальце, скажи... — пальцы коснулись глади, а трещинка-то разрослась. Я помню, она была совсем крохотной, сейчас же протянулась вдоль рамы, выпустив нити-побеги. — Да всю правду... покажи, пожалуйста. Я просто хочу знать, что он жив.

Жив.

И... и Ричард смотрел в зеркало, даже показалось, что сейчас он поймет. Нахмурится. И скажет:

— Ты же обещала.

А мне станет невыносимо стыдно.

И я отвечу, что да, обещала, но... женщинам порой сложно держать слово. Особенно, когда мир вот-вот погибнет. А это недопустимо. Как позволить миру погибнуть, когда у тебя личная жизнь почти наладилась?

Глава 22 О том, что некоторые тайны имеют обыкновение выходить на свет божий

«В любой из наук важна последовательность. И тот, кто ищет знаний, не может разом обрести все. Ему предстоит долгий путь от малого к великому, ибо так заповедано богами»

Лекция о сути науки и пути познания, читанная почтеннейшим магистром Алозиусом студиозусам первого года обучения.

Кости Брунгильда вынесла. Не то, чтобы этакое соседство кого-то смущала, скорее уж как-то... неудобно было перед покойницей, что ли.

Мудрослава коснулась простыней, и те рассыпались прахом.

— Сундуки открой, — рядом появилась полупрозрачная тень. — Сундуки были зачарованы на нетленность. Правда, давно уже, но мало ли.

— Спасибо.

Мудрослава крепко сомневалась, что в сундуках этих сохранилось хоть что-то, все-таки любые чары свой предел имеют, но подошла к ближайшему.

— Здесь ткани, — Эония не собиралась исчезать. — Лучше тот. Там наряды.

Сундуки были узкими и с покатыми крышками, покрытыми резьбой. Медные накладки потемнели, как и серебро, украшавшее сундук, а вот дерево со временем обрело насыщенный вишневый оттенок.

— Это каменный дуб, — произнесла вторая тень. — Когда-то весьма ценился. Он и сам по себе крепкий, и силу способен принять. А потому его часто использовали, особенно в сочетании с серебром и кровью.

Мудрослава с трудом удержалась, чтобы не одернуть руку.

Крышка поддалась не сразу. То ли прижавели все же петли от времени, то ли заросло все грязью, но Мудрослава не справилась бы.

— Погоди, — Брунгильда отодвинула в сторону. И крышку подняла легко.

Пахнуло лавандой. И запах этот показался отвратительно резким.

— Надо же... и вправду, — пробормотала Брунгильда.

— Это из шерсти, — Эония вздохнула и мечтательно прищурилась. — Из мягчайшей шерсти горных коз. Они легкие и теплые... бери вот эту, голубую, тебе к лицу будет.

Мудрослава осторожно коснулась ткани. Не отпустило чувство, что та вот-вот рассыплется. Но нет. Мягкая... и легкая... таких она в жизни не видела.

— А как это носят-то? — поинтересовалась Брунгильда, поднимая за плечики платье, больше похожее на нижнюю рубаху.

— Обыкновенно. Берут и надевают. Сюда просовываешь голову, а туда — руки...

— Нет, это я поняла, но... — Мудрослава поняла, что краснеет. Это... это ж она почти голою будет. — Оно же... оно же тонкое совсем!

И представить себя в таком непотребстве...

— Это туника, наверх можно еще столу, но если не замужем, то и не обязательно... вон там, дальше. Вы смешно одеваетесь. Как варвары.

— Я... — Брунгильда протянула рубаху ладхемской принцессе. — Пожалуй, что и так останусь. В своем.

И ладонью по штанам провела.

— Я... — Летиция покраснела густо-густо, верно, представив себя вот... в этом. — Пожалуй... тоже.

— Не дури, — покачала головой островитянка. — Твое платье только на лохмотья годится. А мужская одежда тут есть?

Нашлась и мужская, пусть и в другой комнате. Вот только с виду она мало от женской отличалась.

— Я... — Яр пощупал плотную ткань и вздохнул, верно, не слишком готовый к преобразению. — А как они в этом вот... как вы в этом вот... воевали?

И платье к себе приложил. Хмыкнул и поглядел на сундуки.

Те стояли в другой части дома, но от виденных прежде отличались мало.

— Империя жила в мире, — наставительно произнес призрак. — Давно уже... говорят, что во времена далекие её построили на крови и мечях, что тогда-то каждый вольный человек умел обращаться с оружием, но то — история. Перед падением Империя была велика. И если случались войны, то где-то на границах. Да и... воевали солдаты.

А они вряд ли носили платье в пол.

Ладно, не в пол, мужское было чуть ниже колен.

— А...

— А солдаты принадлежали Совету. И Императору. Они создавали их, как и многое иное, на чем держалось величие Империи.

И когда не стало Императора с Советом, то и величие куда-то ушло.

Точнее...

Костей в доме хватало. И Мудрослава осторожно обходила их, отчего-то опасаясь тревожить. Она чувствовала смерть, как и тех, кто оставил жизнь, но не сумел уйти.

Некромантам приходилось сложнее.

— Так что, если вы и найдете доспех, то во дворце. А там... там есть, кому вас встретить.

— Понятно, — проворчал Яр.

— Переодевайтесь, молодой человек, — вот теперь в голосе призрака явно звучала насмешка. — Я, конечно, не знаток варварских обычаев, но в мои времена женскую одежду носили или фигляры, или извращенцы.

— Сам ты... извращенец, — огрызнулся Яр.

— Мужчина? — робко поинтересовалась Летиция Ладхемская и прищурилась. Нехорошо так прищурилась.

— От же... — Брунгильда перекинула секиру на другое плечо. А мертвый виверн Ариции плюхнулся на зад и уставился круглыми глазами, в которых тоже читался вопрос.

Не вовремя.

До чего же не вовремя.

И...

— Это... не то, о чем вы подумали, — поспешил заверить Яр, поднимая тунику, которая за тысячелетия не рассыпалась прахом, но

лишь слегка утратила исконной кипенной белизны.

Ну, про белизну Мудрослава наверняка не знала, но догадывалась, что вот этих пятен и заломов раньше не было.

— Мужчина, — как-то обреченно произнесла Летиция. — Она... она... и вправду?

— Вправду, — призналась Мудрослава и закрыла глаза.

В конце концов, это должно было когда-нибудь случиться. Так почему не сейчас.

— Мужчина... надо же... мы должны были догадаться.

— Как?!

— Таких страшных женщин просто не бывает!

— Я не страшная! Не страшный! То есть... — попытался было возразить Яр. — И вообще бывают!

— А зачем? — осторожно уточнила Брунгильда. — И вправду... извращенец?

— Нет!

— Любовник! — возвестила Ариция Ладхемская с немалой радостью. И даже в ладоши хлопнула. — Помнишь, папенькина фаворитка, которая в позапозапрошлом году была, такая... ну, беленькая вся... она тоже в мужское платье переодевалась, чтобы в походе сопровождать. А он в женское!

— Я не...

— Он не любовник, — Мудрослава открыла глаза. Сначала левый. Потом и правый.

Яр так и стоял, прижимая к себе чужое платье.

— Да, да! — Летиция хлопнула в ладоши. — И матушка еще возмущалась, говорила, что у нее совсем ни стыда, ни совести! Чтобы женщине и в мужское платье... но с другой стороны, наверное, удобно.

И поглядела на Яра.

Сестрица её тоже поглядела, этак, оценивающе.

— А помнишь, нам рассказывали про деяния этого... Тах... Тас... Великого?

— Тархиния Великого?

— Точно! Он еще балы устраивал, и мужчины переодевались в женщин...

— Какие утонченно извращенные увеселения, — почти восхитился призрак. — В мое время мужчины переодевались в

гладиаторов. Или еще в варваров.

— Сами вы... — Яр обиделся. — Я просто сбежать хотел, вот и...

— Куда?

— От кого?

— Зачем?

Когда они говорили одновременно, у Мудрославы начинала болеть голова.

— Это мой брат, — сказала она, слегка поморщившись. — Он... государь Вироссы и прочее, прочее...

Молчали принцессы недолго.

— Не похож, — сказала Летиция Ладхемская. — Мне портрет показывали. Посол ваш. Он такой вот... кругломордый.

— На портрете, — зачем-то уточнила Ариция Ладхемская. — И глаза пучит.

— Ага.

— Это для солидности, — Яр вздохнул. — Государь должен солидно выглядеть, а не все это вот...

И коленку почесал.

Голую.

Все вежливо отвернулись, потому как одно дело, если коленки девица непонятная скребет, и другое — коль государь. Да еще всей Вироссы.

— Вы на свои тоже мало похожи. Особенно теперь.

— Это да... — Летиция коснулась лица. — Белила там остались.

— И румяна...

— Мушки.

— Краска для лица.

— Парики.

Яр закатил глаза.

— И все-таки, — подала голос Брунгильда. — Я не понимаю, зачем?! Ну, только если он не извращенец...

— Я не...

— Он просто влюбился, — перебила Летиция Ладхемская. — Как в романе... я читала один роман, и там прекрасный юный наследник влюбился в портрет неизвестной девы. А его хотели женить силой.

Яра передернуло. Из сочувствия к несчастному?

— К-как я его понимаю.

— И он бежал, переодевшись в одежды собственного пажа. А потом долго скитался, испытывая всякие тяготы. И еще к разбойникам попал. Она же его спасла... и они потом в конце поженились. Счастливо.

— Если поженились, то это совсем даже не счастливо, — возразил Яр. — Что? Я вот... пока избегал счастья.

— От счастья не убежишь, — Летиция Ладхемская вздохнула. — Значит, не любовь?

— Чернокнижник, — призналась Мудрослава. — Да и в целом... он хоть государь, а...

— Дурноватый? — предположила Ариция. — У нас такой же... наследник... только еще совсем молодой. И матушка уверена, что он дурость перерастет. Со временем.

На щеках Яра выступили красные пятна.

— Дурость — не сопли. С возрастом не проходит, — Брунгильда секиру сняла и в пол уперла.

— Приключения любит, — Мудрослава наконец нашла правильные слова. — А тут вот... и с невестами познакомиться. Потенциальными. Поближе. Ему ведь тоже жена нужна.

Судя по сопению, братец не был согласен, что жена ему так уж нужна. Скорее наоборот.

— Расскажешь, — постановила Брунгильда, с трудом подавивши зевок. — А теперь разобраться бы со всем вот... и с одеждою. И поспать, раз уж ночь на дворе. А то...

— И поесть бы...

Летиция снова вздохнула. А за нею и Ариция, и... у Мудрославы же просто заурчало в животе, выразительно так.

— Может... на кухне чего осталось?

— За тысячелетия?

— Ткани же сохранились, — Летиция кивнула на тунику, которую Яр до сих пор держал в руках. — А на кухне тоже сундуки будут. Должны быть. И... мед вот может годами храниться, только затвердеет. Еще зерно, и орехи.

С каждым словом в животе урчало все сильнее.

— Ты... переодевайся, — сказала Мудрослава брату и подхватила ладхемку под локоть. — И мы пойдем. Сперва переодеваться, потом на кухню, а там... там нам расскажут, что за круг и вообще...

Ричард не думал, что получится уснуть, но стоило закрыть глаза, и он провалился в зыбкий сон, полный теней.

Мама...

Мама перед зеркалом. И смотрит, смотрит. Его не замечает. Она застыла, будто не живая, и расческа выпала из руки, а пальцы некрасиво скрючились. Но вот она отворачивается от зеркала и взгляд её пугающий задерживается на Ричарде.

Губы растягиваются в улыбке, но это не мамина улыбка.

— Иди сюда, дорогой, — она раскрывает руки. — Обними меня.

Он делает шаг. Назад.

— Вредный мальчишка, — улыбка становится шире. И это не мама. Это... — Хочешь поиграть? Давай. Но я тебя все равно найду.

И Ричард бежит... бежит и падает в очередную мусть.

Он барахтается в ней. И...

Огонь.

Огонь яркий и теплый. А ему почти постоянно холодно. Жаль, что огонь далеко. Надо бы подвинуться ближе, но сил нет. Совсем. И когда тот, кто уже не жив, поднимает Ричарда, он тоже не сопротивляется. Но тот, кто уже не жив, пересаживает ближе к огню. И на плечи падает тяжелая шкура. От шкуры плохо пахнет, но она собирает жалкие крохи тепла, которые остались у Ричарда.

— Так-то будет лучше. Ничего, малыш. Скоро ты совсем поправишься, и мы с тобой вернемся. Ты точно.

— Я... — его голос слаб, слабее ветра, который воет где-то снаружи. — Не хочу.

А тот, кто не жив, замирает. И Ричард чувствует его хорошо, почти также хорошо, как тьму, что живет в углах пещеры.

— Вот видишь, — голос вздрагивает. — Ты уже и заговорил. Всего-то пару месяцев ушло. Есть будешь? Давай. Вот, держи.

Ричард держит. Миска кривая. И тяжелая. В замке остались другие, но эта лучше фарфоровых, расписанных диковинными птицами. Она горячая. И Ричард вновь же тянет тепло.

— Молодец... ложечку за... за кого-нибудь.

Тьма подползает ближе. Ей тоже холодно, и Ричард поделился бы теплом, но его осталось так ничтожно мало. Нечем делиться. Но потом, когда тот, кто не жив — странно, что его присутствие не

внушает страха — уходит, Ричард приподнимает шкуру, позволяя тьме забраться под неё.

И она окутывает.

Успокаивает.

Она... всегда рядом.

Сны.

Просто сны. Или память все-таки возвращается? Но почему здесь, в Проклятом городе? Совпадение? Или... здесь тьмы больше, а значит, и сил у неё.

У Ричарда?

— Смотри, дорогой, — матушка позволяет сесть перед зеркалом. Это другое. То, которое подарил Ричард, лежит на столике. И оправа потускнела. Оно кажется некрасивым, даже жалким. То ли дело новое. Откуда оно взялось?

— Откуда? — спрашивает Ричард, осторожно касаясь темной глади стекла. Надо же, какое оно холодное! И пальцы убирает. А холод все равно не проходит. Подушечки немеют.

— Секрет! — матушка прижимает палец к губам. — Наш с тобой. Хорошо?

Зеркало Ричарду не нравится. Неправильное оно.

— Ты ведь не скажешь отцу? — матушка чувствует его неуверенность. — Пообещай.

— Но...

— Он отберет его у меня. И твой подарок тоже. И мне будет очень плохо. Очень-очень. Я заболею. Ты ведь не хочешь, чтобы я опять заболела?

Нет.

Ему страшно. Одинаково страшно промолчать и сказать. Получается, что бы он ни сделал, он кого-то предаст. Но матушка обнимает его.

— Ты мой защитник... ты такой умный, такой сильный... если ты скажешь, он отошлет меня. Понимаешь? Он только говорит, что любит, а на деле лишь ищет повод. И я уеду. Далеко. А потом умру, потому что сердце мое разорвется от боли. В конце концов, это просто зеркало.

Откуда оно взялось?

Этот вопрос не оставляет Ричарда и утром. Он просыпается незадолго до рассвета и лежит, вперившись невидящим взглядом в небо. Небо серое. Сизое. И с проплешинами. Солнце где-то там, оно не видно, но тепло ощущается.

Он знает, кто он. И где находится. В Проклятом городе. Но вот память не отпускает.

Откуда?

Он вспомнил про то, маленькое, но... большое? Как оно появилось в Замке? Его привезли? Или... сделали? Как? И кто? Матушка? Она не была магом, в этом-то и проблема.

Но...

Голова опять болит.

Надо подниматься. В дневном свете город кажется мертвым. Впрочем, он и мертв, давно уже, только старые развалины не желают принимать этого. Вот и тянутся к серому небу гнилые стены.

Люди...

Люди у костров. Людям страшно, но они сильны и, пытаясь справиться со страхом, находят себе дело. Ричард поежился, но принял кружку с горячим варевом.

Надо поесть.

Это разумно. Поесть и решить, куда двигаться. Хотя выбор невелик, в отличие от самого города. Никто и никогда не заходил дальше внешнего кольца. А внутри? Разве что Лассар бывал.

— Скажи, — Ричард хлебнул густого сытного супа, который закусил пресною лепешкой. — То зеркало, оно было в Замке раньше? Большое?

Лассар задумался.

— Замок большой.

— Но не настолько, чтобы спрятать... подобное.

— Зеркал тоже хватало, но этого не помню. Прости.

Ричард прощает. Надо... надо с памятью разобраться.

Рога трубят сбор.

Люди...

Раненые. И те, кого оставят рядом, потому что нельзя раненых бросать, даже под присмотром огромных змеев. Те ушли под воду, но Ричард слышит их. Они недалеко. И они рады возвращению.

Людей?

Ричарда?

Не важно. Главное, десятка два остаются. А вот легионеров он всех забирает. В схватке с демоном людям не выстоять. Да и легионерам тоже, но они уже мертвы.

— Хороший день, — в руках Светозарного такая же мятая кружка, как у Ричарда. Он щурится, словно солнечный свет слишком ярок. Хотя солнце еще не выбралось на небосвод. — Для подвига — самое оно. Не жарко.

— Это да, — Ричард рад отвлечься, хотя получается не слишком хорошо. Все же, откуда оно взялось? Оно большое. И тяжелое. Даже если отбросить то, что в нем скрывается, зеркало само по себе имеет изрядный вес. И стекло, и рама. Матушка не притащила бы его одна.

Кто тогда?

— По жаре в доспехе тяжело, — на голове Светозарного поблескивает старая корона. Выходит, он в ней спал. — А так... дойдем и не заметим.

— Сомневаюсь.

— И я, но... как-то не хочется о плохом думать.

А кому хочется?

Но и он ушел.

А вот люди собрались. Вместе и врозь. Островитяне держатся наособицу. Вироссцы ревниво поглядывают на ладхемцев, и степняки явно не слишком верят ни тем, ни другим. Легионеры выделяются густой чернотой, и словно в протовопоставление им ярко сияют доспехи Ордена Света.

Плохо.

Слишком их много. Слишком разных.

Дэр Гроббе почесывает шею попугая, который для разнообразия молчит. А вот Лассар машет рукой. И легко представить, как когда-то давно... очень и очень давно он командовал армией.

Тут же не армия, так...

— Ты сегодня особенно мрачен, — Командор, словно почуяв сомнения, появляется рядом, и внутри возникает острое желание сказать что-то...

— Сны, — Ричард давит гнев.

И тьму.

— Зеркало. Не могу выкинуть из головы, — он допивает варево, хотя уже не чувствует вкуса. — То, большое. Откуда оно взялось? Когда?

Лассар задумывается, но ненадолго.

— Я и вправду не знаю. Я ведь проспал пару сотен лет, да и до того в замке если и бывал, то уж точно не в той части, что для живых. Но ты прав, вопрос интересный. И не понятно.

— Что?

— Почему он не заметил. Твой отец должен был заметить. Даже одурманенный, ведь не сразу же он подпустил душницу. Его ведь готовили. Должны были. И если он дожил до своих лет, то готовили его хорошо. И не заметить такое...

— Снова?

— Снова. Допустим, то зеркальце, что ты поднес матери, его можно было как-то упустить из виду. Да и она всегда могла сказать, что купила его. В конце концов, твой отец не требовал ведь у торговцев отчета. Да и вряд ли следил за всеми её приобретениями.

Звучало вполне разумно.

— Раньше ты говорил другое. И Ксандр...

— Все врут, — меланхолично отозвался Лассар. — К тому же раньше ты готов был взвалить на себя всю вину мира. Хотя... опять же, одно дело, когда зеркальце где-то там валяется, и совсем другое, когда твоя женщина начинает высидывать перед ним часами. Это, как понимаешь, должно бы вызвать некоторые подозрения.

Ричард дернул шеей. Голова опять заныла.

Воспоминания. Скребутся. Мешают.

Надо что-то делать с ними.

Или нет?

— Выходим, — он поморщился, пытаясь справиться и с болью, и с тошнотой. Вот почему именно сейчас? Несвоевременно.

До чего же... несвоевременно

Глава 23 О кругах, квадратах и прочей прикладной геометрии

«И тогда станет жена вздыхать да сетовать, жаловаться, что, мол, оскудела она нарядами, обеднела украшениями, пенять на черствость мужа и на его жадность. А паче того приводит в пример иных мужей, которые не забывают жен баловать. Однако след помнить, что, сколь ты женщине не дай, ей все равно мало будет. И благодарность ея таеет стремительней снега позднею весной. А стало быть, нет нужды искать её, ибо, что ты ни делай, а все одно обернется женщина злою мегерою».

Трактат о коварстве женщин, писанный трижды покинутым магистром Ульбрехтом, специалистом по начертательной магии, после побега четвертой жены.

Темнота... темнота заглядывала в окна, и Летиция слышала в ней... шепот. Пожалуй. Многие голоса. Они звали, звали... и Летиция пыталась не слушать, но голоса повторяли её имя снова и снова.

Это было совершенно невыносимо.

Почти столь же невыносимо, как само это место.

Город.

Проклятый.

Недаром он проклятый. Летиция заткнула уши пальцами и зажмурилась. Стало легче. Ненадолго. Стоило расслабиться, и перед внутренним взором раскрылась картина чьей-то смерти. Ужасная. Кровавая. Но странно, ныне эта кровавость оставила Летицию почти равнодушной. Во всяком случае, испытала она не ужас или отвращение, как следовало бы, но лишь глухое раздражение.

Когда же это прекратится?!

Или не прекратится?! Может, её заставят увидеть смерти всех, кто когда-либо жил в этом городе? Нет, она состарится раньше. Сколько здесь людей?

Десять тысяч?

Сто?

— Дитя, если позволите совет... — дух держался рядом, что тоже злило просто-таки невыносимо. — Вам следует научиться контролировать свой дар.

— Как? — выдавила Летиция, смирив раздражение.

В конце концов, она ведь не только лицо белить училась, а еще улыбаться. Всегда и всем. Не важно, что на душе, дама благородная никогда не допустит, чтобы кто-либо догадался о смятенном её состоянии.

Именно.

Надо... надо просто взять нужное.

Вдох. И выдох.

Улыбка.

Улыбка — это... это почти броня.

А в комнате снова сумрачно. И... и ушли. Брунгильда. А с нею Ариция, которая решительно сменила наряд на местный, совершенно неприличный, особенно в нынешних обстоятельствах. Летиция покосилась на обстоятельство, которое тоже переделось и...

У государя всей Вироссы, про которого шептались, что он весьма могуч, а паче того богат, оказались волосатые коленки. И не только коленки. Тощие ноги его были покрыты густым рыжеватым волосом. На левой виднелся шрам. Правая же была без мизинца.

Как можно вот так... с голыми ногами?

И...

И платье он сменил на... платье?

Или скорее рубашку с коротким рукавом, да и сама она не была длинной, доходя до колен. Поверх ложилась еще одна, из яркой ткани. Эта была подлиннее, но ненамного. И вышивка её украшала, как и алый плащ, который государь всей Вироссы перекинул через плечо, скрепивши крупной золотой булавкой. Смотрелось это все... странно.

Очень странно.

И на портрет он не похож совершенно. На портрете если, он Летиции совсем даже не понравился. Хотя и тут не особо.

Тощий.

И наглый. И... и очень наглый! Человек воспитанный не станет притворяться кем-то другим, особенно, женщиной, даже в исключительных обстоятельствах. А он... сидит вон, ноги вытянул, пыхтит, пытаюсь завязать ремешки местных сандалий.

— Примерно так, как вы сейчас делаете. Будь вы обучены, вы бы простым усилием воли отсекали то, что полагаете лишним. Сейчас же попытайтесь сосредоточиться на чем-то важном.

— На чем? — вздохнула Летиция.

— На одежде? — Мудрослава держалась чуть в стороне. Нет, рассказать она рассказала, если не все, то очень многое, но видно было, что ей неуютно. Стыдно? — Переодеться тебе все же стоит.

Летиция молча покачала головой.

— Не глупи. В своем ты замерзнешь и вообще... оно уже грязное, и мокрое.

— А сама?

Мудрослава вздохнула и повернулась к сундукам.

— Наверное, тоже, но... ты права, как-то оно не привычно. У нас, надень я такое, точно бы решили, что умом тронулась.

...помоги...

Отпусти.

Нет. Думать. Об одежде. Одежды много. А еще на кухню отправились. Ариция. И Брунгильда. И мертвый зверь.

Призрак, взявшийся проводить.

Они вернутся и, если повезет, с едой. Хотя, конечно, вряд ли... тысячи лет прошли со времени падения великой державы. Про нее даже учителя не рассказывали.

— И у нас... ты же видела.

— Юбки.

— С фижмами проще. А еще маменьке одну конструкцию представили, которая вроде бы как от юбок спасет, — Летиция говорила нарочито бодро. — Кринолинус. Это такие круги, которые с собой скрепляются. Снизу большой, с колесо, а сверху маленький. Надеваешь его прямо на нижнюю рубашку, а сверху одну юбку или, может, две укладываешь, а потом уже платье.

— Как неудобно! — Эония сплелась из воздуха. — У вас там, наверное, очень холодно.

— Почему? — удивилась Летиция.

...смотри, смотри...

И кровь течет по стенам, складываясь причудливыми узорами. Её очень много, этой крови. И если Летиция позволит себе...

Нет. Не позволит.

Платье. Фижмы. Думать надо о них.

— Потому что зачем тогда? Столько всего?

— Просто красиво...

— Неудобно, — возразила Эония.

Хныканье. Дети ведь были в городе... много детей. Нет, Летиция не хочет... она и видела такую смерть лишь однажды. И снова... ни за что.

Не думать.

Не слушать. Не смотреть даже в окно, за которым тьма, а в ней — тени.

— Примерь, — дух встал перед Летицией. — Тебе пойдет. Ты слишком... не такая какая-то. Поломанная. Сейчас я плохо вижу. Живой быть лучше.

И тут Летиция с ней согласилась.

...смех. И площадь какая-то. Видна она смутно, и не стоит вглядываться. Люди. Веселье. Бочки. Кто-то разливает вино. Горят костры, хотя день и светло. На кострах доходят бычьи туши, и Летиция почти ощущает аромат жареного мяса.

В себя приводит пощечина.

— Извини, — в глазах Мудрославы читается беспокойство. — Ты просто... как будто...

— Спасибо, — Летиция прижала ладонь к щеке, которая ныла.

Её никогда не били.

Даже когда матушка узнала, когда... все равно не били. А тут вдруг... обидно. Но обида спасает.

— Давай переодеваться, — Мудрослава протянула тунику. — В целом, если подумать... тут не сказать, чтобы холодно.

Длинная.

И никаких коленок никому видно не будет, пусть даже у Летиции они совсем не волосатые. Зато мягкая. И... и можно ведь рубашку нижнюю оставить?

— Яр?

— Пойду... постою за дверью, — он молча поднялся.

А коса рыжая осталась. Смешная. Лежит таким мышинным хвостом. И тянет потрогать, убедиться, что настоящая она. Но разве мужчины носят косы? И вовсе... вовсе глупость.

Но лучше так, чем площадь, на которой все вот-вот умрут.

— Вы... — Летиция поглядела на тени. — Выйдите. Пожалуйста. Духи исчезли. А вот понять, ушли ли они вовсе, не получалось. Страшно. До чего же страшно.

— Возьми, — Мудрослава вытащила из сундука темное платье из тонкой ткани. — Шерсть... теплое и легкое.

И... неприличное.

Совершенно.

Рубашку она все-таки сняла. Та пропиталась потом, вымазалась, да и запах от нее исходил неприятный.

Ткань скользнула по коже, ластясь. И пахло от нее лавандой, сухими веточками которой одежду переложили. Мудрослава также молча накинула другой наряд. Тоже странный. Горловина есть, и плечи сшиты, но такие... большие.

Широкие?

И ткани много, хватило бы на несколько туник, а прихвачена она только по бокам.

— Странные ощущения, — Мудрослава вытянула тонкий поясок. — Наверное, тоже привыкнуть надо. Так, а теперь, если я правильно поняла, то вот это...

...смех. Дорога.

Широкая.

Ко дворцу.

Балкон. С него все хорошо видать, а потому места на балконах продавали. Но свое эта женщина оставила. Она была достаточно богата, чтобы позволить себе любоваться процессией.

Нет.

Летиция усилием воли отодвинула чужое воспоминание. А чьи-то руки бережно завязывали тонкие веревочки. Поверх ярко-зеленой туники легла другая, светлая, но расшитая золотой нитью и камнями.

Жемчуг?

Богатый наряд. Но все равно непривычный. Ткань льнет к телу, ласкает, и не покидает чувство, что она, Летиция, голая.

Почти.

Додумать не получилось.

— Мед, — Брунгильда поставила круглый бочонок, с которого кое-где свисали клочья пыли. — Затвердел, но есть можно. Еще вот, лепешки.

Лепешки несла Ариция в подоле, и выглядели они листами желтоватой грязной бумаги.

— Еще мясо вот. Там что-то такое... не знаю, все вроде есть. И даже вино не прокисло. Зерно так вовсе нормальное, но так же ж есть не будешь. А для варки вода нужна.

Мешочек с орехами.

И... и Летиция настолько голодна, что рука сама к ним тянется. Но стоило коснуться, и она проваливается.

Кухня.

Жар.

Печи раскалены. В огромном котле закипает вода, и пар от неё поднимается к потолку, мешаясь с темным дымом. Травы. Мясо.

Суета.

Кто-то покрикивает, и толстая женщина с кожей темной, лоснящейся, смотрит на прочих. В руке её поварешка...

Нет.

Она не станет смотреть. Она...

Женщина поворачивается к Летиции. И видит?! Видит! Желтые нечеловеческие глаза её прищуриваются, а маслянистые губы растягиваются в улыбке. А потом верхняя задирается, и становятся видны мелкие острые зубы.

Из горла женщины вырывается рык. И Летиция знает, совершенно точно знает, что сейчас произойдет.

Что-то холодное льется на волосы, на лицо.

— Я ж говорил, водою надо, — раздался мужской голос. — Водою из обморока выводить — самое оно.

Чтоб его самого... водою.

Из обморока.

— Это не обморок. Видения. Слишком сильны души, почувывшие близость той, которая способна даровать свободу.

— И что делать? — это уже Мудрослава. — Должен же быть способ...

— Даровать свободу? Он и есть. Необходимо провести ритуал, как я уже говорил. Он не сложный и потребует лишь силы воли и пару капель крови.

Сила воли?

Никогда-то у Летиции её не было.

— Для всех? — уточнила Ариция мрачным голосом. Надо было бы глаза открыть, но... страшно. А если Летиция снова провалится.

Крови не жаль.

— Увы, но даже сильный дар не способен освободить всех. Но вы отпустите тех, кто заперт в этом доме. И станет легче.

Ненамного.

— А если... остальных? Или этот ваш ритуал нужно повторять в каждом доме?

Не только в доме.

Домов много, но кроме них были ведь еще улицы и улочки, площади, сады... на всех крови не хватит.

— Боюсь, что не только, — дух подтвердил опасения Летиции. — Разве что...

Она открыла-таки глаза.

Надо же. Ничего не изменилась. Темнота за окнами. Тени в ней. И стены, что светятся, правда, кажется, немного ярче.

— Говорите уже.

Ариция.

Ей несказанно идет местный наряд, хотя, конечно, неприлично... но кто их здесь увидит? Ни фрейлин, ни статс-дамы, ни слуг, которые рады бы разнести слухи, только повод дай.

Нет-нет.

Хорошо. Наверное. Все-таки слегка мутит. Но Летиция справится. Она помнит, что дама благородного происхождения не имеет права демонстрировать слабость.

Чушь какая.

Она, может, очень даже благородного происхождения, если по батюшке, но ведь не железная.

Ей подали руку, а потом подхватили, поднимая на ноги.

— Круг, — провозгласил дух так, словно это что-то объясняла.

А Летиция поняла, что её так и не отпустили. И... и правильно, иначе она определенно упала бы. Голова кружилась, тело и вовсе было словно чужим.

— Садись, — сказал кто-то на ухо. — Давай, вот так... мы тут одеял принесли, не замерзнешь.

Её усадили на мягкую кучу, да и сверху набросили что-то, пахнущее пылью и запустением, но зато теплое.

— А если подробнее? — рядом уселась Ариция и прищурилась.

На кого она...

Ах да... государь всей Вироссы смутился и отступил, вовсе за сестрою скрывшись. Хотя, конечно, он был и выше, и в плечах пошире.

Все равно не солидно.

Особенно коленки.

Как можно выйти замуж за мужчину с волосатыми коленками? Даже если он государь?

— Круг... круг есть единение сил, эти силы многократно преумножающее, — ночью призрак гляделся почти материальным. Это пугало.

Немного.

Наверное потому, что вовсе не пугаться призраков было как-то неприлично, что ли.

— А разве это не легенда? — Эония устроилась у окна. И смотрела она вовсе не на людей. Нет, взгляд прекрасной девы был устремлен на возлюбленного.

Красивая история.

И... умерли в один день. В сказках всегда так, живут долго и счастливо, а потом умирают в один день. Раньше это казалось правильным, что ли. Правда, Эонии и этому, второму, долго и счастливо не досталось. А вот в один день умереть вышло.

Жаль их.

— В какой-то мере... в какой-то мере... видите ли, любезнейшие, так уж вышло, что происходил я из рода весьма древнего, некогда известного, но после... жизнь сложна и непредсказуема.

И древним родам случается оскудевать.

В Ладхеме таких множество. Древних. Славных. А ныне ничего-то не представляющих. И если подумать, то и папенька тоже ведь. Что у него есть, кроме крови и короны? Долги и обязательства.

Обязательства и долги.

Когда-то это казалось таким... ничтожным. По сравнению с древностью рода.

— От былого могущества остались крохи. И кое-какие родовые умения, которые позволили сохранить, если не славу, то хотя бы память, — призрак говорил с горечью.

Память.

Вереница имен, которые Летиция заучивала наизусть. И раскидистое родовое древо. Его тоже нужно было знать, не понятно только, для чего.

— И кое-какие хроники, которые, скажем так, шли вразрез с современными... с современными мне, — поправился призрак. — Взглядами.

— Ты из-за них поругался с Советником? — Эония попыталась коснуться возлюбленного, который был молчалив и вовсе прозрачен. А от прикосновения этого и вовсе осыпался светящеюся пылью. Хотя вскоре восстал.

— Отчасти. То, что они затевали, было опасно... демоны... нет, начинать лучше от истоков. Ричард Великий, ставший Императором, был обыкновенным человеком. Воином. Одним из многих. В те далекие времена войны шли, не прекращаясь. Множество городов существовали сами по себе, и каждый норовил установить свою власть над прочими. Ричард был наемником. Как и его люди.

— Мне ты этого не рассказывал, — обиделась Эония.

— Извини. Но это ведь давно... однажды он встретил ту, что изменила все. История не сохранила её имени, но в наших архивах её называют Древней. Полагаю, она была из числа тех, кто некогда населял наш мир. Она и наделила Ричарда силой. А тот передал её своим детям.

— И при чем тут Круг? — поинтересовался государь Вироссы. — Что? Я ж это... сразу к делу. А вообще пожрать бы.

— Опять?

— Ей вон, — он указал на Летицию. — Вы-то поели, а она в обмороке лежала.

Живот тотчас очнулся, намекая, что в словах этих есть своя правда.

— Действительно, — явно смутилась Мудрослава. — Как-то оно... неудобно вышло.

Орехи.

И мед.

Мед твердый, но не настолько, чтобы нельзя было выковырять. Летиция сунула кусок за щеку и зажмурилась. Сладкий какой... а орехов ей отсыпали в руки, целую горсть.

— Сила Древней была столь велика, что тело человеческое оказалось не способно вместить её полностью. И тогда-то разделилась она меж людьми, связанными кровью.

— Погоди...

— У Ричарда были братья. Уж не знаю, родные ли, названные, но они приняли часть этой силы. И дети их. И вышло так, что разделенная, сила давала многое. Одни обрели способность понимать животных и птиц, другие — прозревать сокрытые пути, третьи — заглядывать в будущее. Четвертые — наделять мертвое жизнью, а пятые — даровать смерть.

Призрак замолчал, правда, ненадолго.

— И также научились они сплести дары воедино, возвращая тот, первоизданный. И тогда-то обретали воистину великое могущество.

— А потом что?

— Потом... потом вышло так, что кто-то погиб, не оставив потомства. У кого-то в крови дар уснул, а кто-то и вовсе отрекся.

— А такое возможно? — удивилась Эония.

— Отчего нет? Тогда уже начали призывать демонов, и выяснилось, что кровь их и дар не способны ужиться в одном теле. Вот и пришлось делать выбор. Кровь демонов давала силу, а дар... прошли многие годы, а через поколения от дара мало что оставалось, — призрак развел руками. — Так вот, в последний раз Круг собирался лет этак за семьсот от Падения. И то был неполным.

— Неполный — это...

— На самом деле я не уверен, что есть полный. Все же записи многие были утрачены, а то, что осталось, порой вызывало сомнения. Отдельно стоит упомянуть, что достоверно не известно, что есть полный Круг. Мой прапра... не важно, дед в своих записках оставил заметку, что суть есть в дарах, а не в людях. Дары разума. Дары сердца. Дары силы. А вот какие и что...

Понятно.

То есть, ничего не понятно.

— Еще один предок, весьма давний, утверждает, что для круга нужны хотя бы трое.

Летиция поглядела на пальцы. Она, конечно, умела считать до трех и так, и даже не до трех, но почему-то сейчас хотелось смотреть на пальцы.

Она. И Ариция.

Мудрослава.

— Однако чем полнее исходный дар, тем больше сила круга.

Брунгильда опять же.

А вот Теттенике потерялась, если это вообще она была. Жаль-то как... с нею Круг был бы больше.

— А... как его создавать-то? — поинтересовалась Мудрослава Виросская, которая тоже пальцы загибалась. И вряд ли потому, что без них не могла сосчитать до трех.

Глава 24 Где наступает рассвет, а демоница спешит на помощь, только пока не знает, кому

«И в году тысяча двести тридцать третьем от воцарения, в местечке, называемом Нест или же Нестье, случилось братьям стать свидетелями страшного: подлый чернокнижник, да будет проклята душа его черная, предчувствуя, что весь о деяниях его мерзопакостных дошла до Храма, совершил жертвоприношение и призвал в помощь демона. Была тварь велика, больше самого высокого человека. Шкуру её покрывала чешуя, а на голове поднимались рога. И завидев братьев, заревел демон страшным ревом, выдохнул зловонно и бросился на них, повергнуть желая»

«Повествование о деяниях ордена Пресветлых дев, многие пользы людям и миру принесшего»

Рассвет.

Я ощутила близость его шкурой и проснулась, но лежала, закрыв глаза, уговаривая себя отдохнуть. Рядом сопела дочь кагана, от которой пахло цветами и конским потом. Было не холодно, скорее неуютно. Жестко. И страшно.

Еще хотелось плакать. Ну или убить кого-нибудь. Последнее желание было на диво острым, но я его подавила.

Зевнула.

Села.

Рассвет.

Наверное, рассвет в горах — это красиво. Но это если горы нормальные. И вообще. Здешние поднимались к небесам темными тушами, меж которых расплзлось сизое марево. На побелевшем небе таяла последняя звезда.

— Я сон видела, — сказала Теттенике.

— Про то, что мы все умрем?

Неожиданностей от её снов я не ждала.

— Сначала да, — она тоже зевнула и потянулась. — А потом маму.

На маму, наверное, смотреть приятнее.

— И как...

— Она красивая. Была. Очень. И... знаешь, я теперь многое вижу, хотя не очень понимаю. Если я вижу будущее, то это одно. А прошлое? Оно настоящее или нет?

— Наверное, зависит от восприятия.

Надо вставать.

И дорога видна, старая, древняя даже. Туман впереди, расщелина, а за нею — город. Тот, в который мне нельзя, но и не пойти я не могу.

— Может, и так... я видела, как они познакомились. Мама и отец. Она гуляла... её редко выпускали на прогулку. Но там особый случай. Они ждали гостей. Но не отца. Маме выбрали жениха, то есть... не совсем. Её бы не отдали замуж, — Теттенике потеряла глаза. — Странно все. Там казалось таким правильным. Единственно возможным. Город...

Я поднялась и подала руку.

— Оказывается, дар... он у нее был слабый, а я вот... — Теттенике осторожно коснулась пальцев и встала. — Ехать надо.

Ну да.

А то еще подвиг без нас совершат. Или умрут. Тоже без нас. Последнее почему-то было особенно обидным.

Драссар сам подошел, вздохнул и, глядя на меня, покачал тяжелой головой.

— Мне кажется, — поделилась я опасениями, а не опасаться огромной тварюки было бы неразумным, — Я ему не нравлюсь.

— Конечно. Ты же демон.

Ну да, можно подумать, я выбирала.

Теттенике погладила жеребца.

— А я уже и не боюсь. Почти. Меньше, чем раньше... знаешь, брат говорил, что мне не обязательно замуж выходить, что мир велик, что я могу найти в нем место. И я думала, что он действительно велик.

— А разве не так?

— Ты просто не видела. Тьма... не важно, какой он, большой или маленький, она весь поглотит.

— Тогда поехали, — я опять зевнула. И сумку подняла. Где-то в ней было сушеное мясо, и хлеб. И еще что-то. — Пока не начала.

И мы поехали.

Нет, не сразу, потому что... хватило мелких насущных дел. Но все-таки собрались быстро. И драссар, пусть косился на меня недобро, но не делал попыток сбросить. Спасибо ему за это.

Я сидела на широченной спине коня.

И думала.

Думала...

Я тоже ведь видела сон.

Красивый.

Я в белом платье, том, из свадебного каталога, что попался как-то в руки, то ли в парикмахерской, то ли еще где. Главное, места не помню, а вот каталог — очень даже. И то, что страницы были мятыми, одна даже надорванная, и что пахло от него химической ванилью. И... многое иное.

А еще помню платье.

И тоску, потому что платья были воздушными и волшебными, а я — обыденной.

Но во сне на мне было это вот платье. Воздушное. Волшебное. Такое, которое сидит именно так, будто для меня сшито. Длинные перчатки.

Фата.

И букет в руках.

Храм.

Молчаливый и торжественный. Ожидание... оно тянулось, тянулось. Я была одна, в том храме, и стояла, ждала его. А он все не шел и не шел. И в какой-то момент я поняла, что меня бросили.

Понимание было острым. И боль.

И...

Тоже кошмар, если подумать. Или не кошмар, а предупреждение? О том, что не стоит строить планов? И вовсе не потому, что мир поглотит тьма. А потому что... потому что кто я? И кто Ричард? И... любовь? Мы знаем друг друга пару недель. Какая любовь?!

Просто... обстоятельства.

Проблемы.

Проблемы всегда сближают, это вам любой психолог скажет. И в журналах то же пишут. А еще мы одиноки, оба. Вот и... приняли симпатию за нечто большее.

Вообще, конечно, странно сидеть и думать о таком, когда мир на краю гибели, и когда вправду того и гляди все умрем. Но не думать не выходит.

Женская душа — дело такое.

Ей только дай повод пострадать.

А сизая хмарь, окружавшая нас, развеивалась. И в ней-то, в пустой, проступали все те же горы, только какие-то более обыкновенные, что ли? Камни громоздились на камни, поднимаясь выше и выше. Иногда сквозь них пробивалась сизая трава или тонкие штыки деревьев.

Мертвых.

И дорога была мертвой. И... и город. Он появился как-то вдруг, будто пелена сползла, выставляя на свет божий ломаные колонны. Колонны стояли некогда вдоль дороги и, наверное, это было красиво, а может, и смысл какой тайный имелся. Но теперь от них остались куски. Дальше дорога уходила вниз, и колонны сменялись развалинами домов.

А еще дальше, за ними, в лучах предрассветного солнца, белел сам Проклятый город.

— Дошли, — тихо сказала Теттенике. И голос у нее был обреченный. — А умирать-то как не хочется.

— Кому хочется. Постараемся выжить. Как-нибудь.

Как-нибудь...

Странно, что страха не было. Того, глубинного, который сковывает по рукам и ногам, мешая дышать, думать, делать хоть что-то.

А ведь она видела.

Снова.

Или это все-таки был сон? Про город-то нет. Город существовал. Там, в Степях... надо будет отцу рассказать. И остальным тоже. Поверят ли?

Добрые ахху.

Благословенные. Они ушли от людей, пытаясь сберечь это благословение, отчего-то решив, будто закончится оно, если делиться.

Вот и выстроили.

Или нашли?

Город был старым. Может даже его построили задолго до того, как степь заселили золотые табуны кагана. Теттенике не знала. Матушка её тоже.

Она просто жила.

Там, внизу, поднимаясь наверх очень и очень редко. И нет, она не страдала. Нельзя тосковать по тому, чего не знаешь. А она не знала. Ни простора, ни свободы. Только камень, украшенный сложными рисунками, которые давно перерисованы на пергамент, сокрыты, спрятаны даже от своих.

Глупость какая, хранить ради хранения.

Но Теттенике не могла отделаться от мысли, что ей позволили увидеть больше, чем стоило бы. Зачем? Если они и вправду...

Нет, не стоит думать о смерти.

А город все ближе... интересно, а здесь её дар вернется? А тело? И если да, то что она сможет? Ничего по сути. Ей позволено видеть и только-то.

Она и видела. Во сне.

...ночь. И луна тонким серпом, даже не серп — нить, что едва-едва растворяет свет. Пение сестер, которые готовят к важному. Сегодня ей предстоит разделить ложе с мужчиной.

Страшно.

Наверху ветер. И запахи. Много и разных. От них кружится голова. Или от зелья, которое ей поднесли? Страх ведь велик, но и долг тоже. Она не имеет права осиротить добрых сестер. Она должна родить.

Дочь.

Обязательно дочь.

Так заведено.

Драссар прибавляет шаг. С горы идти легко, да и дорога ровная, будто полотно расстелили.

...белые простыни. И приказ ждать. Она и ждет. Долго. Так ей кажется, а потом встает все-таки и уходит. Куда?

Видение.

Они случались очень редко, и сестры шептались, что благословенная кровь слабеет. И потому надо бы жертву поднести, а то и вовсе обряд.

Над дочерью.

Силу ведь тоже можно передать. Соединить. Две силы — это больше, чем одна. А она слышала. Просто не думала, что это о ней. Но случилось видение, и она поняла.

Нельзя ждать.

Бежать надо.

Куда?

Вокруг степь. Также мир. Большой и страшный, и все внутри требовало остаться, подчиниться судьбе, как она делала это прежде. Нашептывало, что сестрам лучше знать, а...

Она решила.

Встала. Сделала шаг. Потом другой. А потом и вовсе побежала. Просто вперед. Не зная, куда идет и что ждет её там, за краем. Спеша просто уйти. Понимая, что некуда, да и как... кто её отпустит?

Кто укроет?

Тот, кто способен был поспорить с ахху.

У матушки, выходит, получилось. Пусть недолго, год или два, но она была счастлива. И у Теттенике появился шанс. Благодаря тому видению.

Дару.

Так может, и она способна на что-то? На что-то большее, чем дурные предсказания? И решившись, снова решившись, она толкнула бока коня пятками. И драссар, недовольно фыркнув, пошел еще быстрее.

— Эй, — демоница вцепилась в бока. — Ты... мы так шею свернем!

— Держись крепче, — Теттенике пыталась проморгаться. Почему-то из глаз текли слезы, но это тоже не имело значения.

Главное — город.

Город, который приближался. А в нем та, что ждала Теттенике.

И не только её.

Улицы.

Узкие. Извилистые. Они реками пробивались сквозь стены, огибая острова роскошных строений. И Ричард мог бы представить, сколь прекрасен был город некогда.

А еще многолюден.

На улицах лежали кости. Им бы истлеть. Рассыпаться прахом. Сгинуть, унося с собой боль живых. Но они лежали таким молчаливым упреком, пробуждая совершенно непонятное, чуждое чувство вины.

Лассар вел.

Люди шли. Молчали. Сжимали оружие. Им было не по себе, да и не только им. Ричард тоже ощущал внимание. Тьма... она менялась, медленно, но явно. И чем ближе подходили к центру города, тем сильнее становилось ощущение инаковости, чуждости.

И голова опять болела.

...слева в пустых воротах, створка которых повисла на одной петле, мелькнула тень.

Справа другая.

И Лассар остановился, подняв руку. Он замер, прислушиваясь, хотя город по-прежнему был выразителен в своем молчании.

Шорох.

И шелест. Снова тишина. Рука сама тянется к оружию. И рядом трясет головой рыцарь. Имени его Ричард не знает, но вот он делает шаг в сторону. И еще один.

Замирает.

Хмурится.

— Ребенок плачет, — говорит рыцарь удивленно. — Слышите?

— Нет, — Светозарный тоже хмурится.

— Но как же... плачет ребенок. Там!

— Здесь нет детей.

— Но я слышу... — он попятился, а потом вдруг развернулся и, отбросив меч, бросился прочь.

— Стой!

— Оцепить, — рявкнул Лассар. — Морок... молитвы знаете? Вот и читайте. И приглядывайте друг за другом.

— А...

Из развалин донесся протяжный крик.

— Стоять! Уже не поможешь.

Окрик подействовал.

— Примите, боги, душу его грешную, — пробормотал брат Янош. А потом встряхнулся. — А ну, запевай...

И над развалинами грянул мощный бас, который подхватили иные голоса.

...морочницы — суть мелкая нежить, обретающая на старых кладбищах или в местах захоронений, — сухой голос отца доносится со стороны. Скучно.

В кабинете.

Солнце пробивается сквозь витражи, выкладывая на столешнице узор из желтых и голубых пятен. Солнца много. И на улицу бы.

Его ждут.

Он обещал прийти, ведь столько дел еще. Лед сошел, берега просохли, самое время на рыбалку сбегать. А потом еще костер сложить можно, прямо на берегу.

— ...как правило морочницы не опасны для взрослого сильного человека. Даже женщина отобьется от них, не говоря уже про мужчину. Ричард!

От этого окрика Ричард вздрагивает.

— Ричард, — отец укоризненно качает головой. — Опять отвлекся?

Наверное, надо было заверить, что нет, что думал он... да об этих самых морочницах и думал. О чем же еще? Вот. Но врать отцу почему-то не получалось.

— Ричард, тебе давно пора стать серьезнее. Ты — мой наследник. Посмотри вокруг.

Ричард посмотрел. Библиотека. Книги. Стол. И окна витражные, сквозь которые свет проникает. Пыль слегка кружится, пусть даже в библиотеке убирают. Но пыль вездесуща. И почему-то особенно любит книги.

— Со временем это все ляжет на твои плечи. И ты должен быть готов. Слышишь?

— Да, — он снова чувствует себя виноватым.

— Так о чем я говорил?

— О морочницах. Я читал про них, отец. А правда, они внушать могут?

— Внушать? Не совсем. Воздействовать на разум — да, в этом они мастера. И чем старше морочница, тем сильнее она влияет. Слабые могут, скажем, усилить страх. Или гнев... бывали случаи, что в доме, где заводились морочницы, люди начинали ссориться. По любой мелочи. И чем больше они злились, тем сильнее становилась морочница...

...а они не только это могут.

Старые.

Они появились здесь задолго до падения Империи. Где, как не здесь? Здесь хватало слез. И боли. И страха. Всего того, что так манит. А потом...

— ...морочницы не имеют материального воплощения, но это не значит, что их нельзя уничтожить. Ты слышишь, Ричард?

— Да.

Приходится смотреть отцу в глаза. И значит, вряд ли он сможет сбежать. А Каллен обидится. Решит, что Ричард забыл. Он не понимает, что иногда просто нельзя уйти.

Каллена отец любит. Его отец. И все-то ему позволяет. И потому Каллену легко сбежать, что от отца, что из замка.

— Как ни странно, но защита от них проста. Необходимо очистить разум от мыслей, сосредоточиться на том, что ты хочешь сделать. Именно поэтому важна медитация. И не стоит на ней спать.

Ричард вздыхает.

Тоска смертная... он же читал. И знает. Про разум. Про... про остальное тоже.

— Ладно уж, — отец вдруг улыбается. — Иди. Только, если на речку соберетесь, возьми сопровождение. Весна ведь.

Откуда он... хотя чего тут. Отец, он ведь такой. Всегда и все знает.

— Матушка у себя? — голос отца догоняет на выходе из библиотеки, а с ним и укол стыда. Ричард опять не убрал тетради, но ведь это долго.

Ждать, пока чернила просохнут.

Потом еще складывать.

— Да, — он застывает, боясь, что отец передумает. Нет, за ним такого не случилось, но мало ли.

— Как она сегодня?

— Не знаю. Молчит, — почему-то вспоминать об этом неприятно.

И больно.

В голове.

— Беги уже... и будь осторожен.

Будет.

Он будет.

В тот день — непременно. И на реку они сходят. Каллен притащит с собой пару ломтей хлеба, а потом, уже после, на берегу они разложат костер. И будут до самой ночи сидеть, жарить рыбу и говорить...

— Морочницы, — выдохнул Ричард, возвращаясь. — Древняя нежить, но ослабевшая.

Тварям тоже нужна еда.

— Постарайтесь не думать ни о чем, — звучало это на диво смешно. — Они не способны приказать, но воздействовать на людей могут. Хотя...

Пение оборвалось.

— Продолжайте, — Ричард подумал, что пение — не самый худший способ отвлечься от мрачных мыслей. — Пойте...

— Так... я того... слова забыл, — признался брат Януш с какой-то растерянностью. — Забыл. Представляете?

— Ну... мы тогда свою, — дэр Гроббе откашлялся: — Вечер путнику стучался, достучался и вошёл...

В голове раздался тихий смех.

Не поможет, Ричард.

Ты же знаешь.

Ты плохо учился, а потому они все погибнут. И ты будешь виноват. Только ты.

Глава 25 В которой город встречает гостей

*«Мы шли, шли и шли. И наконец, пришли»
Из одного очень жизненного рассказа*

Копыта грохотали по камням. Так себе звук. Оно, может, с грохотом перфоратора о стену и не сравнится, но все равно отдается в голове тяжелым эхом. А главное, чем ближе город, тем сильнее раздражение.

И страх.

Может... может, не стоило вовсе соваться?

Мир погибнет? Так еще не факт весь. А вот я теперь вполне могу погибнуть. И главное, еще до того, как, собственно говоря, к совершению подвига приступлю. Это даже если отвлечься от печального факта, что я слабо представляю, чего именно совершать.

Демона повергнуть?

Чем?

Тем ножиком, который я с собою прихватила? Не тянет он на Повергателей демона. Вспоминаю сокровищницу замка и понимаю, что категорически не тянет. И туда надо было соваться, за каким-нибудь супер-оружием.

Потом найти супер-учителя, который бы прям на коленке научил бы меня с этим супер-оружием управляться. И... и преисполниться отваги. Силы. Чего там еще надо?

А не вот это вот все.

Я вздохнула.

Да и... если не демона, то... Ричарда найти? А где его искать? Указателей ждать не приходится.

— Что? — Теттенике обернулась, и показалось, что лицо её немного изменилось. Стало более знакомым, что ли? — Ты очень громко думаешь. Мешает.

— Ну извини, — знакомое раздражение вспыхнуло с новой силой.

Так.

Успокоиться.

Никто не требует подвигов. Во всяком случае, прямо сейчас, а дальше... дальше видно будет. Нечего бежать впереди паровоза. Поэтому дышим глубже. И пытаемся отыскать внутри себя точку равновесия.

— Демоническая кровь, — Теттенике отвернулась. — Надеюсь, ты не захочешь меня убить.

— Надейся.

Город.

Что сказать... огромный. И пустой. И такое вот ощущение, что пустота эта — иллюзия, не более того. Что... смотрят на нас. Из пустых окон. Из темных провалов. Что видят.

Следят.

И...

— Чувствуешь? — тихо спросила я.

— Да.

— Это... кто?

— Не знаю, но...

Драссар замедлил шаг. Теперь он ступал осторожно, и уши прижал, явно чувствуя неладное. И... и мне тоже было страшно.

Очень.

Сердце заколотилось, как сумасшедшее. А рука сама потянулась к оружию, хотя умом я продолжала осознавать, что оно здесь не поможет.

— Погоди, — я попыталась привстать, хотя затея так себе. Сложно это, сидя на конской спине-то. — Надо... надо решить, куда... ехать.

— К храму, конечно.

— А... Ричард? Остальные? Ты можешь их увидеть?

— Нет, — Теттенике покачала головой. — Я пыталась, но опять все темно. Наверное... наверное, будущего и вправду больше нет. Но это хорошо. Это значит, что мы, возможно, и не умрем.

Или умрем, но не все.

Не слишком весело, но по сравнению с прошлой перспективой явный прогресс.

— Да и они тоже к храму будут идти. Там и встретимся.

Где-то сверху раздался протяжный сиплый рев, заставивший меня содрогнуться. Да я с конской спины едва не сверзлась. И драссар

замер.

Я тоже замерла.

Так, на всякий случай.

И вот чего мне в Замке-то не сиделось, спрашивается?

Над головой скользнула темная тень. Далекая такая. Но спокойнее от того не стало. Сразу вот даже вспомнилось, что орлы и из поднебесья способны мышь увидеть. А мы-то, чай, покрупнее будем.

Тень заложила круг.

И...

Легионеры спешились.

Мы... мы тоже. Точнее Теттенике спешилась, а я вот сползла, едва не грохнувшись лицом об очень древние камни.

Тень снова завизжала.

И...

— Туда, — я дернула Теттенике за руку. — Под крышу надо, пока нас не увидели.

Благо, в заборе из белого камня виднелась такая себе, вполне удобная, дыра, в которую влезли бы не только мы, но и драassar.

— Это дракон, — Теттенике приложила руку к глазам. — Настоящий!

— Радость-то какая, — проворчала я.

— Мудрослава могла подчинить дракона.

— Могла. А могла и подчинить. И вообще может быть, это какой-то посторонний дракон. Или проверить хочешь?

Очередной вопль вызвал у меня приступ зубной боли. И Теттенике решилась.

— Но если он... сунется.

Будет плохо.

Все.

Тварь определенно опускалась, еще немного и она окажется слишком уж близко. Как-то вот не готова я к подобной встрече.

Совершенно.

В провал первым полез Легионер, а за ним уже и мы. И кони. И... и все. Благо, с той стороны двор оказался довольно-таки просторным. И пустым. Серый камень, в котором мне мерещился полустертый рисунок, серая земля.

То ли пыль, то ли пепел. Или и то, и другое разом?

Не важно, главное... главное, что дом есть.

А в доме стены.

И крыша.

И... и может, потеряв нас из виду, тварь успокоится?

Я потянула коня за собой, и тот, глянув так, предупереждающе — демонов он все-таки не любил — все же сделал шаг.

— Идем...

Драконий рев уже оглушал. И прибавлял желания двигаться. Куда-нибудь подальше от дракона. В доме... в доме пахло пылью.

И смертью.

Я отшатнулась, едва не наступив на кости, которые белели в сумраке коридора. Твою ж...

— Это... это ведь человек? — тихо спросила Теттенике.

— Был когда-то. Давно.

А ведь она тоже боится. Как я. И может быть, даже сильнее меня, хотя в это верится слабо. Главное, что я не одна в своем страхе. Это странным образом успокаивает.

Успокаивало.

— погоди, — я удержала Теттенике, явно готовую отступить. — Это просто кости. Лежат себе и лежат. Давно. От них вреда не будет. А там дракон. Понимаешь?

Она уставилась на меня темными глазами, в которых...

— Возьми меня за руку. Вот так. И глаза закрой. И... вот, на коня обопрись. А вообще, конечно, странно... чтобы такие вот коридоры, в которых конь пройти способен. У меня вот в прошлой жизни, той, которая раньше...

Я говорила, чтобы говорить. И тянула её за собой, а она шла.

— Вот так... переступай. Молодец. И не мы убили этого человека, кем бы он ни был. Он умер давно. А теперь вот... кости же — это не то, что целый мертвец. Белые и чистые.

— Ты глупости говоришь.

— Глупости. Что в голову приходит. Уж извини. Какая голова, то и приходит.

Теттенике слабо улыбнулась.

Но шла.

И... и мы все. Легионер впереди. И конь за ним ступал осторожно, едва ли не крадучись, хотя никогда не видела прежде крадущихся

лошадей.

Но тихо.

Там, снаружи. И... и может, дракон отступил? Потерял нас из виду и убрался?

Именно в этот момент где-то там, наверху, раздались скрежет и хруст. Твою ж... от неожиданности Теттенике открыла глаза.

Зря... костей здесь было много.

— Тихо, — я успела зажать ей рот рукой. — Ну вот что ты... подумаешь, кости. Ты же видела, как мы умираем. Это страшнее.

Она замотала головой.

— Ну... тут жило много людей. Наверное...

Говорила я шепотом, потому что кто его знает, какой у дракона слух. И... и как понять, он Мудрославин или сам по себе дракон? Высунуться и помахать рукой? Не самая лучшая идея. Этак и без руки остаться недолго, если вовсе не без головы.

— Идем, — я потянула Теттенике. — Он сюда точно не пролезет.

— А если...

— Дом каменный. Крышу, может, и проломит, но стены здесь толстые, — я старалась говорить уверенно. — Пересидим. Он ведь что? Животное. А ни одно животное не обладает долговременной памятью.

— Чего?

— Он нас не видит. Не чует. А значит, скоро вообще забудет, что мы тут были.

Теттенике поглядела на меня с уважением.

— У вас водятся драконы? — уточнила она. — Ты много о них знаешь.

И все же руки моей не выпустила.

А мы... мы шли.

Куда-то.

Все-таки здешние дома были не чета тем, привычным мне. Просторный коридор.

И комнаты. Огромные просто-напросто комнаты. Не комнаты даже — залы. Красивые когда-то. Теперь... серая пыль затянула стены, почти стерев краски. И не понять, синими те были или зелеными. Мебель еще не рассыпалась, но даже с виду казалась столь хрупкой, что я не решилась к ней прикоснуться.

Да и...

Пыль эта, покрывшая все здесь, кроме костей, которые резали глаз своею неестественной белизной, внушала подспудное отвращение. Что-то было в ней... не такое.

Неправильное.

Правильная пыль, она ведь лежит себе спокойно, а не... не собирается в пушистые клочья, которые вздрагивают при твоём появлении, чтобы рассыпаться на более мелкие. И собраться вновь.

— Мне это не нравится, — сказала я, и в очередной пустой комнате, на сей раз темной, лишенной окон, голос прозвучал глухо.

Вспыхнули огни на руках Легионера.

А дом снова вздрогнул. Дракон, чьим бы он там ни был, оказался на диво упертой тварью. Но... мне здесь все равно не нравится.

— Что это было? — Теттенике так и не выпустила моей руки.

— Где? Там? Дракон, наверное.

Но он все равно не пролезет. Пусть здешние коридоры и просторны, но... но дракон ведь побольше лошади. А значит, не пролезет.

Если повторять это себе почаще, то, глядишь, и поверить можно.

— Здесь, — шепотом произнесла Теттенике. — Что здесь было? Это... это что-то... не знаю.

Я огляделась.

Огни... огни есть. И свет какой-никакой. И... и я предпочла бы все-таки окна. Хотя с другой стороны... в окно и дракон сунуться может.

Сполохи огня ложились на пол.

На стены.

Помещение, что бы здесь прежде ни располагалось, было огромным.

Своды его поднимались куполом, опираясь на какие-то слишком уж тонкие колонны. Я отметила мелкую плитку, почти полностью затянутую слоем грязи, и глубокие ямы в полу.

Ступеньки.

— Бассейн? — ассоциация возникла сразу. — Или большая ванна...

— Купальни?

— Может, и они, — я поежилась. — Тебе не холодно?

Теттенике кивнула и прижалась к конскому боку. А вот драссару явно не нравилось. Он стоял, то и дело вздрагивая всей шкурой, и вовсе не потому, что я к этой шкуре прижималась.

А что? Конь теплый, в помещении же явно похолодало.

И... и скалится.

Головой трясет. Уши прижал.

— Тут... — постепенно глаза привыкали к свету, и я могла разглядеть чуть больше... к примеру, узкие и длинные лежа, украшенные той же плиткой.

Сундуки.

Столы.

И... и кости. Много костей. Слишком много костей. То ли в момент смерти половина обитателей дома решила вдруг помыться, то ли...

Я наклонилась, подняв череп.

— Что ты... — Теттенике закрыла глаза.

— Смотри.

— Не хочу!

— Тогда не смотри, но слушай. Череп здесь. А остальное? — я сделала шаг, чувствуя, как рука сама к клинку тянется. — Где остальное?

— Где? — послушно повторила Теттенике и все-таки приоткрыла глаз. — Там?

Она указала на груды костей.

— Возможно, но... помнишь? В доме они лежали отдельно. Кости. А тут... тут словно кто-то их взял и стащил.

Зачем?

А главное, пыль... та самая пыль, покрывавшая все здесь. Она собиралась комками, а те... шевелились.

— Ты... это тоже видишь?

— К-кости? — переспросила Теттенике.

— Там, в углу. Пыль... много пыли. Очень много пыли.

Она икнула.

И опять закрыла глаза. А потом с уверенностью сказала:

— Это не пыль. Это что-то... оно нас сожрать попытается.

Вот что за мир, а?! Даже пыль тебя попытается сожрать.

— Отходим! — рявкнула я, пытаясь справиться одновременно и со страхом, и с раздражением. Только хвост щелкнул.

А дом содрогнулся и визг дракона намекнул, что отходить-то особо и некуда.

Пыль же зашевелилась. Медленно. Сперва поползла она со стен, спеша сбиться в сизый ком, к которому устремились комки поменьше.

И в углу заворчалось что-то большое, тяжелое.

Со скрипом шелохнулась дверь, а в проеме повисли тонкие с виду нити, но почему-то сама мысль о прикосновении к ним вызывала дрожь.

Назад... не выйдет.

Вперед?

К костям.

— Что... эт-то т-такое? — поинтересовалась Теттенике, вскарабкавшись на конскую спину.

Вокруг нас пытались сомкнуть кольцо Легионеры, но я откуда-то знала, что не получится.

У них.

Что пыль эта, она... она тем и страшна, что текуча. И ныне ползет, меняется, спешит добраться до темных фигур, оплести их, забраться под доспех.

— Стоять! — рявкнула я так, что даже драссар присел.

Надо же... умею, оказывается.

Пыль тоже замерла. На долю мгновенья, а потом движение возобновилось. По кругу. Чем бы оно ни было, оно обжило и этот дом, и эту комнату. Оно зародилось здесь... из чего?

— Как с ним справиться?

— Н-не знаю! Но если оно... если оно вцепиться, мы умрем! Мы все...

— Хватит! Эту часть я уже слышала.

Не надо на меня панику нагонять, и я так уже паникую... будто в водовороте находимся. В огромном пыльном водовороте. И где-то там, за стенами, гневно завопил дракон.

Думай, Жора.

Думай!

Мечом...

— Можешь тыкнуть? — спросила я у ближайшего Легионера, и он молча разрубил ближайший клубок, который рассыпался... да пылью и рассыпался, а потом собрался снова, чтобы слиться с соседним. И тот — с еще одним. С...

Так.

Меч не поможет. Что остается? Ну, кроме надежды на чудо... думай, Жора...

— Да сделай ты что-нибудь! — взвизгнула Теттенике, крутясь. — Пока оно не добралось...

— Что?!

— Не знаю! Ты же... ты же демон!

Ну... условно говоря да, но... хвост сам прыгнул в руки, а я уставилась на искорки, что пробежали по нему. А ведь... пыль горит.

Нормальная.

А эта?

Я поглядела на неё... кошмар любой хозяйки медленно, но вполне успешно воплощался в нечто огромное и уродливое до крайности.

— Станьте теснее, — что-то я там такое помнила. — И лошадей держите.

Крылья сами собой развернулись. И пыль зашипела.

Бойтся?

Мать твою... попугая мне на плечо... она бойтся!

— Убирайся...

Монстр все же потянулся ко мне... лапами? Ложноножками? Что бы это ни было, но щелкнул хвост, и искры, упав в скопище пыли, вспыхнули. А потом... потом... я, конечно, слышала, что огонь — это опасно и... и все может загореться очень быстро. Но не настолько же! Тварь вдруг полыхнула и вся. Меня окатило жаром, а потом воздух вдруг вспучился, развернулся, ударив в грудь.

И я полетела.

Кажется.

Куда-то.

И что-то затрещало. Стало жарко. Страшно.

Больно.

Глава 26 Где ночь все-таки проходит

«А паче сластей и цветов, тканей дорогих или же каменье, злата-серебра, масел и иных малых радостей, любят женщины зверушек всяко разных, особливо, ежели те пушисты и милы с виду. Покажи такую, и самая хмурая улыбнется, а то и вовсе растает, весеннему солнцу подобная»

Совет умудренного жизнью торговца сыну, по младости лет не постигшему сложное женское суги

Мудрослава уснула.

Она не хотела. Она сперва сидела и слушала, потом думала сразу и обо всем, а потом все-таки уснула. Но ровно затем, чтобы проснуться...

В небе.

То было сизым и холодным, и этот холод подстегивал, заставляя махать крылами. А крыла болели после долгого перелета.

Крыла?

Точно.

Черные. И знакомые.

— Здравствуй, — сказала Мудрослава, решив, что вежливость точно не помешает, пусть даже в общении с драконом. — Я скучала.

И это было правдою.

Пусть... пусть не лебедь, пусть огромный и страшный, но все одно скучала. И волновалась, как она тут. И в ответ пришла волна тепла.

Радости.

Дракон тоже скучал.

Скучала.

Теперь Мудрослава чувствовала её куда лучше. И тело, такое огромное и неповоротливое, еще окаменевшее после ночи. Ноющие крылья.

Бок, когда-то продранный, но ныне раны затянулись.

И главное...

Всю-то её. Мудрослава мысленно погладила зверя, и тот заурчал, пыхнул дымом. А потом... нет, это не походило на разговор в обыкновенном его понимании. Скорее уж менялись одна за другой картинки перед внутренним взором.

Храм.

И шипы.

Демоница, что встала на краю круга. Страх. Ужас даже. Звери тоже способны испытывать ужас. И теперь дракон кувыркнулся в поднебесье, пытаюсь смыть его.

— Она тебя отпустила, — сказала Мудрослава. — Значит, не такое уж она и зло.

А ведь и вправду...

Она там давно. И проголодалась. Правда, Мудрослава не была уверена точно, едят ли демоны драконов, но потом спросит.

Когда вернется.

Именно страх погнал зверя прочь. От храма. От города.

К горам.

В пещеру, которая греется изнутри. И там даже в самые холода тепло, и дракон лежит, греясь, не замерзая, как прочие.

— Хорошая моя...

И там она ждала.

Кого?

Мудрославу.

Одна.

Страшно.

Всегда одна. Давно. Были другие. Маленькие. Прятались. В камнях. В трещинах. Охотились. Росли. Но потом подевались. Куда? Драконица не знала. Зато одиночество было ей отлично знакомо, пусть даже драконица не понимала, как назвать это острое душасщее чувство. И потому, когда появилась Мудрослава, она обрадовалась.

Не сразу.

А потом Мудрослава ушла, и одиночество вернулось.

— Больше не брошу, — пообещала Мудрослава и тут же уточнила. — Постараюсь.

А под крылами лежал город.

Так... надо как-то... сориентироваться, что ли? И драконицу поближе позвать, потому как мертвые звери, конечно, неплохо, но

рядом с драконом всяко надежнее. Интересно, а она вообще сможет отнести их к скалам? Или к людям? Скажем, верхом? Всех точно не возьмет, но вот если по одному...

Правда, что-то подсказывало, что так просто из города не выбраться.

Сверху он гляделся не таким уж и большим.

Растекались в стороны реки-улицы, разделяя каменную плоть его. Часть города вовсе скрывалась в туманах, и драконица помнила, что туманы, и те, кто в них обретаются, опасны.

Очень.

И вода тоже. От воды надобно держаться подальше. Да и от города.

— Извини, — Мудрослава пыталась понять, кудой они вошли.

Ворота!

Нужно отталкиваться от них. И... или от собственного тела? Она способна оказалась дотянуться до драконьего разума, так может, получится и наоборот? Понять, где лежит собственное тело и туда...

Мудрослава сосредоточилась.

Вот... вот дракон.

Вот город.

А между ними... должна же быть связь! Должна! И она есть тонкою ниточкой, едва заметною. Возможно, этой нити и вовсе не существовало на самом деле. Но стоило к ней потянуться, и дракон закричал.

Мудрослава же поняла, что падает!

В город.

В этот вот огромный белый, похожий на треснувшую чашу, город. Она тоже закричала. И захлебнулась криком. И зажмурилась, чтобы спустя мгновенье осознать себя.

Человеком.

Вот ведь... доигралась!

— Славка! — её трясли. — Славка, очнись... Славка...

— Этак ты из нее всю душу вытрясешь, — мрачно произнес кто-то.

— Воды надо... на лицо полить.

— А может, пощечину... маменька говорила, что если нюхательных солей нет, то можно пощечины...

— Н-не н-надо! — зубы клацнули друг о друга. — Пщчины.

— О! Живая! — восхитился кто-то.

Ариция. Ариция Ладхемская. От нее пахло смертью и еще чем-то, острым, раздражающим. Мудрослава поморщилась. Она никогда не ощущала запахи настолько ярко.

— Да отпусти ты её уже, — это вторая ладхемка. — Или хотя бы перестань трясти. Того и гляди, голова оторвется!

— Да я так... просто... испугался.

— Полный круг... почти полный круг... — это уже дух и сколько восхищения в голосе. — И Воздвигатель границ!

— Чего двигатель?! — возмутился Яр. — Я вам тут...

— Древняя кровь собирается воедино! Предсказание будет исполнено.

Еще и предсказание.

Правильно. Куда в таком деле и без предсказания-то.

Мудрослава опять закрыла глаза, пытаясь представить, что она — это не она, а дракон. Драконица. Та, небось, опять тоскует. Или нервничает. А нервничающий дракон где-то поблизости — вовсе не то, что нужно.

Но вернуться не получалось.

А вот трясти её перестали.

— Извини, — сказал Яр, укладывая её обратно. — Просто... я вот... а ты вот...

— Ты уснула и не просыпалась, — пояснила Летиция. — Мы и заволновались. Немного.

— Я — много!

— Он — много, — подтвердила ладхемка. — А мы вообще спали. Не должны бы... сначала говорили вы что-то про круг. А потом раз и спим. Сплю... я сон видела. Чтоб его.

— Хороший? — Мудрослава протянула руку, и братец помог ей сесть. Воды подал, которая все еще пованивала тухлой рыбой, но раз уж выбирать не приходилось, Мудрослава была согласна и на такую.

— Если бы... души. Тут их столько!

— Более миллиона.

— Что?! — Летиция тихо застонала. — И они все мне будут рассказывать, как умерли?! Да я свихнусь раньше, чем...

— Круг, — настойчиво повторил дух. В свете дня он казался слабым, едва заметным. — Вы должны построить круг. И отпустить их. Жаль, конечно, что нет той, которая прозревает грядущее...

— К слову, а Теттенике сожрала нежить! — пожаловалась Ариция, которая забралась на подоконник и теперь длинной щепкой выковыривала грязь из-под ногтя.

— Она сожрала? — уточнила Брунгильда, после ночи выглядевшая еще более грозною, должно быть оттого, что коса её растрепалась, и волосы облаком окружали голову. — Или её сожрали?

— Она. Котик видел. Но подойти побоялся. Она... она притворилась слабою, села посреди дороги. А когда из дома выползло что-то... очень мерзкое. В общем, она это взяла и сожрала.

— Жуть какая, — Летиция содрогнулась.

— Тогда это не степнячка, — Мудрослава все-таки справилась с головокружением. И с желанием немедля вернуться к дракону. Жаль, конечно, но... тут она нужнее. — Они, конечно, дикие, но не настолько, чтобы нежить жрать.

Ладхемки переглянулись и пожали плечами.

— Еще немного и мы сами её жрать станем, — мрачно заметила Брунгильда. — Одним медом сыт не будешь.

Нежить почему-то стало жаль.

— А я в детстве лягушек ел, — зачем-то признался Яр. — На спор.

Вот ведь...

— И она тоже!

А мог и промолчать.

— Это было один раз! — Мудрослава смутилась. — И... и вообще я только лизнула!

— Значит, нежить тоже пойдет, — сделала вывод Летиция. — А лягушки... у соседей это вовсе деликатес. Еще и улитки. Они нам присылали. Маринованных.

— Маринованными лучше огурцы, — Яр вздохнул.

— Огурцов не присылали.

— Выберемся — пришлю, — пообещал он. — Целую бочку. Или две.

— Хорошо бы...

— Так, — Мудрослава тоже попыталась отогнать видение. Бочка маринованных огурцов. Дубовая. С железными ободами. А внутри те самые огурцы, чтобы махонькие, с пальчик, и переложенные смородиновым листом, для запаха...

— Так... — повторила она, сглатывая слюну. — Нам нужно думать не про огурцы.

— Про нежить? — не удержалась Ариция, тоже сглатывая. — Та жирною была... такую вот, мясистою.

— Про круг! — рявкнула Мудрослава. — Извини. Нам... чем раньше мы тут разберемся со всем этим, тем раньше выберемся. Ты.

Она ткнула пальцем в духа, который развеялся, правда, ненадолго. А остальные где?

— Где остальные? — она чувствовала злость и желание сделать что-то этакое, недостойное государевой сестры. — Духи?

— Я отпустила их, — махнула рукой Летиция. — Зачем нам все... духов тут... больше, чем клопов.

— А у вас клопы водятся? — поинтересовался Яр.

— Чего у нас только не водится... и клопы, и фрейлины. Даже два хироманта есть.

Мудрослава затрясла головой. Вот не хватало еще клопов обсуждать. С хиромантами. Надо... надо сосредоточиться. Если не на драконе, то на круге.

Но уж точно не на том, как мягко облегают ткани ладхемок. И... и выглядят те, конечно, не голыми, но и не сказать, чтобы очень уж одетыми. И главное, братец-то косится.

На старшую.

Хорошо бы...

Нет, потом. А то и вправду... клопы, хироманты и одна государева невеста.

— Круг, — повторила Мудрослава более настойчиво. — Мы должны собрать круг. И отпустить духов. Так?

Дух радостно кивнул.

— Хорошо... а потом что?

— Открыть врата и изгнать демона! Можно, сначала демона, а потом духов. Сила его держит нас на краю, а если демон уйдет, то и мы получим свободу.

И наверное, это будет хорошо.

Для духов.

Откуда-то издалека донесся протяжный вопль.

Яр выглянул в окно.

— Что за...

— Дракон, — Мудрослава потеряла щеку, почему-то не отпустила мысль о клопах, которые заводятся на раз, а поди-ка попробуй выведи. — Я с ним... он тут... в общем, где-то теперь тут. В городе, стало быть. Но он хороший! Она! И не тронет.

Почему-то показалось, что не поверили.

— Круг! — рявкнула она, и задумавшиеся было ладхемки вздрогнули, братец подскочил, а вот островитянка только головой покачала, то ли с укоризной, то ли наоборот, одобрительно. — Что нужно для него?

— Вы!

— Еще что?

Потому как сомнительно, что их одних хватит.

Жаль, что степнячки нет... хотя, конечно, тоже странно. Они есть. Тут. В городе. А её нет. И подозрительно. Может... может, с самого начала её не было? А была чернокнижница.

Или нет. Черникнижник, точнее чернокнижница, хотя кто их там разберет, если они облик легко меняют, главное, что был он в Вироссе. Или была. Дурила голову Яру, опутывала чарами Думу и Древояра. А чтоб одновременно в Вироссе и в степях?

Нет, это как-то чересчур.

Как и два чернокнижника сразу.

— Славка...

— Тихо, — цыкнула Мудрослава на брата. — Я думаю. Круг... итак, нас тут... сколько должно быть, ты не знаешь. Но сколько бы ни было, круг все равно состоится. Однако, чем больше... даров, тем он полнее. А что за дары быть должны...

— Известно о некоторых, — поспешил выступить дух.

За окном окончательно рассвело, и нежить, какой бы жирною ни была, наверняка попряталась. Почему-то сама мысль о том, что придется есть нежить, не внушала более отвращения. Скорее уж наоборот, энтузиазм вызывала.

Должно быть, чувство голода виновато, то, которое поселилось в Мудрославе.

Или дракон.

Дракон нежить ел и жив остался.

— Дело в том... понимаете, что дары сии суть выше человеческого разума, а потому доподлинно не известно, сколько их существовало изначально. Так, те, кого именовали Повелителями разума, встречались разное силы. И если одни могли повелевать любым живым существом, то сил других хватало на куда меньшее. Да и сама эта... взять драконов, — дух явно оживился. — Мой прапрапрадед писал, что драконы в великом множестве населяли горные отроги. И поселились там во соглашение с Повелителем разума, коий и привел их в незапамятные времена.

— Откуда? — не удержался Яр.

— Кто ж знает... главное, что пока был силен род Урхат, драконы блюли договор. Дед пишет, что Урхат могли и оседлать их. Но после род ослаб... дед полагает отчасти потому, что дар их слабел, и Урхат побоялись утратить былое могущество. А чтобы сохранить силу, смешали кровь с кровью демонов. Силу они обрели, но дар утратили.

А вот у Мудрославы он был.

— Иногда тот вроде бы как появлялся... мой старый знакомый, младший из сыновей рода, имел способность влиять на животных. Он мог вызвать ужас у лошадей. А его брат созывал птиц. Это тоже дар, но слабый, грани его. Мне мнится, что дары сии были подобны драгоценным камням. Разбиваешь их, и мелкие суть часть большого, но слабая. Мелкие малы.

— А крупные — крупны... — подытожил Яр. — Чего? Я ведь тоже логику учил. Как-то. Однажды. На ночь глядя.

— О каких дарах тебе известно? Точнее, какие есть у нас, — Мудрослава с укоризной глянула на брата. Вот не может он промолчать.

А Летиция зачем-то взяла его за руку.

Как маленького.

Но... неплохой вариант, если подумать. На будущее. Представив, что у них все же есть какое-то иное будущее, кроме того, в котором все умрут.

Глава 27 В которой снова появляется зеркало, а еще инструкция по спасению мира

«И явится пред тобой демон. Обличьем своим он будет ужасен или же, напротив, прекрасен безмерно, но красота сия будет разум туманить, а потому след помнить, что демоны многолики и коварны. Станет он говорить. Сперва будет гневаться и грозиться многими карами. Но круг удержит его. Тогда переменится демон, сделается тих и покорен. Заведет он речь прельстивую, обещая исполнить все-то, что только пожелаешь».

«Введение в демонологию», книга, писанная известным чернокнижником Новеусом Отверженным, и сохраненная Храмом во назидание потомкам.

Я открыла глаза.

Я все-таки взяла и открыла глаза. То есть, сперва открыла, а потом вот сразу вспомнила все. Пылевых монстров, огонь.

Взрыв, мать его.

А в том, что я спровоцировала взрыв, сомнений нет. Это что-то там... замкнутое пространство и много-много горючей пыли.

И... я жива?

Определенно.

— Жива! — всхлипнул кто-то, и я окончательно убедилась, что мне не мерещится. Я бы даже, может, повернулась, поглядеть, кто там так по мне убивается, но тело было кисельным, голова словно ватой набита, а в ней одна-единственная мысль треплется, что после такого взрыва выжить невозможно.

Человеку.

— Ты... ты меня видишь? — перед глазами возникло слегка размытое пятно. Я моргнула, и пятно превратилось в круг.

Круг слегка отдалился.

Приблизился.

И обрел-таки резкость.

Надо же какое страшное все-таки лицо. Желтое, даже скорее коричневое. И глаз почти нет. И нос... нет, это не лицо. Это все-таки у меня со зрением что-то.

— В-в-шу, — просипела я. И пошевелила ногами. То есть, мне показалось, что я шевелила ногами, но удалось ли — не знаю.

Не больно.

Тоже еще странность. После взрыва у меня должно болеть, если не все, то очень многое. А я вот... спина чуть ноет. И голова. Но это, наверное, эхо... мозгов, судя по всему там все одно нет.

Были бы — подумала, прежде чем взрыв устраивать.

— Я так испугалась! — Теттенике снова всхлипнула, а потом вытерла нос рукавом и сказала. — Нельзя так пугать!

— Я не специально.

Слабое оправдание.

А вот восприятие все-таки возвращалось в норму. Надо же... потолок желтенький. Красиво. И цветы на нем. Причем потолок выложен мозаикой, как и цветы. Цветы красные. Синие. Яркие до того, что глаза режет. Или это тоже после взрыва?

— Мы... где?

— Там же... там... полыхнуло! И бахнуло. А потом как... над нами щит поднялся, но он хрустнул, когда бахнуло. И легионеры в стороны. И ты в сторону. Кони...

— Т-тоже в стороны?

— Н-нет. Закричали и побежали. И где теперь...

— Мне жаль.

Лошадей и вправду было жаль. Я со стоном села. Не сама. Теттенике сообразила помочь.

— И потом жуть... тварь верещит так, что... дом шатается. Камни сыплются.

Мда, натворила я... подвигов.

— Потом от тебя уже вынесли. Сюда. А оно как сторело, так и кости рассыпались. Везде. И чище стало быть.

— Понятно.

Точнее ничего не понятно, кроме того, что мы пока вроде бы живы и это, несомненно, хорошо. Даже очень хорошо. Я потрогала

голову, убеждаясь, что рога на месте. И вот честное слово, обрадовалась. Привыкла я к ним, однако.

— Драссар остался, — Теттенике снова носом шмыгнуло.

— А...

— Тут. Рядом. И Легионеры.

— И мы тут?

— Тут.

— А где это «тут»?

Я огляделась.

Пол тоже мозаичный и выглядит помещение таким продолжением купален. Разве что знакомая лесенка поднимается к потолку. И рядом из истлевшей печи рассыпаются камни.

Баня?

С окном.

С потрескавшимся, почти рассыпавшимся от старости и тягот бытия, но все-таки окном. Надо же.

— Идем? — спросила Теттенике, руку подавая. — Здесь... надо...

Её глаза слегка затянуло туманом. И я послушно встала. На ноги. Слегка покачивало, да и не отпускала мысль, что надо было все-таки с замковой библиотеки начинать. Убраться там. Книги расставить. Глядишь, и делом бы занялась полезным, и дождалась бы, пока все эти подвиги кто-то да совершил. Кто-то другой, более к тому подготовленный.

Я помотала головой и не сдержала стона.

— Идем... идем... надо... — тонкие пальцы вцепились в запястье и с такою силой, что захочешь — не вырвешься. Теттенике потянула.

Из комнаты.

Из... в общем, крепкие дома в Империи. Взрыв вот почти и не повредил. Так, кое-где плитку покрошило да затянуло копотью. Или это я просто силу преувеличиваю?

Я кивнула Легионерам, один из которых кивнул в ответ.

Кажется, их больше было?

Или кажется?

Или... спросить?

— Да погоди ты! На минутку!

Бесполезно. Меня тащили прочь, а главное, охрана в этом ничего-то странного не видела. Если кто и заволновался, так драссар, который

потянулся было ко мне, но потом фыркнул и отвернулся.

Что за...

Туман в глазах и черты лица снова поплыли, делаясь какими-то... непонятными?

Прочь.

И в коридор. И в комнату, где пахло тленом. Наверное, когда-то эта комната была красива. И снова плитка, на сей раз всех оттенков красного.

Длинная лавка.

Стол.

Множество флаконов и флакончиков, которые так и манят коснуться. И чтобы совсем не сманили, я руку за спину убрала. От греха... кувшины на полу.

Зеркало.

Вот что за...

Нынешнее было овальным и стояло, закрепленное на массивной треноге. В нем отражалась комната и... я. А взрыв-таки был. И неслабый.

Волосы мои торчали дыбом, но почему-то слева. Один рог выгнулся влево. Второй...

— Что за, — я потрогала обломок. Осталось две трети, и совсем даже не больно, но обидно просто-таки до слез. А еще и щеку обожгло, то ли огнем, то ли тварь та успела дотянуться.

Теттенике же опустилась на колени перед зеркалом.

И меня дернула.

Понятно. Внеочередной сеанс связи. Только с кем? С демоном? Или с мирозданием, чтоб ему...

На мысли мои зеркало отозвалось знакомым хрустальным смехом.

— Ты пришла! — демоница даже в ладоши хлопнула. — Ты пришла!

— Как видишь, — проворчала я, прикрывала обломок рога ладонью. — Что за...

— Это очень и очень хорошо!

— Для кого? — все-таки демона во мне было много, и сейчас он злился. Боялся, но все равно злился. Оттого и хвост дергался.

— Ты рог сломала? — заботливо осведомилась демоница. — Мне так жаль!

— А уж мне-то как... — я рог потрогала и все-таки убрала руку. — Отрастет?

— Конечно. Обычно отрастают, хотя и не сразу.

— А твои где?

— Да как-то... — она потрогала макушку. — Не получилось.

— Зовут тебя как? — я решила, что раз уж мы все равно встретимся рано или поздно, то стоит познакомиться.

— Зовут? — демоница нахмурилась и... потянуло жутью. — Зачем?

— Затем, чтобы знать, как к тебе обращаться. И вообще... слушай, — идея была внезапной и, как любая другая внезапная идея, наверняка дурацкой. — Мы ведь тебе нужны?

Демоница сделала вид, что не понимает, о чем это я.

— Нужны, нужны, иначе ты бы вот столько не маялась.

Она фыркнула и демонстративно отвернулась.

— Имя твое... просто придумай, как к тебе обращаться.

— Императрица!

Ясно. Придумано и давно.

— Хорошо, — я не стала спорить. — Так вот... Императрица...

Демоница счастливо улыбнулась. Все-таки как мало человеку... ладно, нечеловеку надо.

— Если мы тебе нужны, может, подскажешь, как до тебя добраться с наименьшими потерями? А лучше и вовсе... а то я тут... чуть того... не того. С такими приключениями точно не дойду. Или сожрут, или убьюсь в процессе.

Она вздохнула.

— Не могу.

— Чего не можешь?

— Ничего не могу. Раньше... раньше мы были сильными. Очень-очень, — она прикрыла глаза. — Давно. Время. Шло-шло...

И пришло.

— Я могу смотреть. Зеркала. Здесь. Любое. Возьми. Найди. Позовешь и я тут... и еще показать могу. Хочешь?

Хочу ли?

— Покажи, — я сдержалась, чтобы не запищать от радости. — Его покажешь?

— Он хороший... мой был другим, — демоница печально вздохнула. — Даже убивать жалко.

— Так не убивай.

— Тогда он меня. Он ведь идет меня убивать.

Логично, если подумать.

— А... другие варианты?

— Какие? — теперь в её голосе звучала тоска.

— Не знаю...

Я и вправду не знаю. А зеркало пошло рябью, и демоница исчезла. Зато появилась... улица? Похоже на то. Но какая? Проклятье, город все-таки большой. И подобных улиц в нем превеликое множество. А эта... дома. Стены. Остатки ограды.

И мелкие твари, что выбирались из окрестных домов. Они походили на крыс, только крупных. Очень и очень крупных.

Злых.

Страшных.

Их грязные шкуры пестрели пятнами язв. Голые хвосты скользили по стене с тихим шелестом, от которого у меня крылья норовили распахнуться. Рот сам скривился, а я... я поняла, что еще немного и не сдержусь.

Надо успокоиться.

Успокоиться надо.

Крысы... подумаешь, крысы. Даже если мутанты. У них там... у них там хватит людей. И не людей. А вот и они...

Ричард шел, словно не замечая тварей, которых становилось больше и больше. Он ступал неспешно, явно прислушиваясь к происходящему. И не только он.

Я видела и Светозарного, отвратительно яркого в сияющих его доспехах. И островитян.

Черные панцири Легионеров.

Лассара, который явно был чем-то обеспокоен, но... но тоже он не замечал! Как они могут этого не замечать?! Тварей ведь столько, что... они взобрались на стены, облепили скелет дерева, ветви которого расстилались над улицей.

Они залезли на крыши.

И перегородили дорогу.

А люди... люди просто шли.

— Осторожно! — я не удержалась, и этот крик заставил зеркало вспучиться пузырем. Нет, так не пойдет! Я вцепилась в раму, вдавила пальцами стекло. — Осторожно! Тут твари! Да оглянитесь вы же...

Пузырь втянулся, чтобы в следующее мгновение выплюнуть мне в лицо сонм осколков. Охнула Теттенике. И я закричала от боли.

Но Ричард... Ричард вздрогнул.

И увидел.

Я точно знаю!

Воздух.

Воздух был сухим, хотя от моря отошли всего-то ничего. Но стоило оглянуться и... за спиной пустая улица, точно такая же, как впереди. И эта пустота гнетет.

Небо.

Солнце поднялось достаточно высоко, но небо все равно сизое, какое-то измаранное. И чудится, что вот-вот не выдержит оно, исторгнет из себя то, что поглотило.

Тьму.

Тьмы тоже нет. То есть, она есть, но где-то там. Впереди. И в голове мечутся дурные мысли, что надо отступить, что... если Ричард не хочет погубить всех, надо отступить. Несложно ведь.

Сложно.

Он идет.

Шаг. И еще шаг. И шаги нужно считать, чтобы сосредоточиться хоть на чем-то. А в спину смотрят. Взгляд этот, внимательный, Ричард чувствует. Он обернулся.

Никого.

Ничего.

И улица пуста. Пуста улица. А откуда взгляд? И это чувство, будто... что-то не так.

— Лассар?

Ксандр так и не появился. Растворился где-то в недрах города, и с концами. Жив ли? Мертвые не могут умереть. Или все-таки... нет, это не смерть.

Покой.

Хуже, если он поддастся тьме. А он ведь дитя её и... и недаром отец Ксандру не доверял.

Или доверял?

Он ведь оставил с ним Ричарда. Больше не с кем было? Нет, в другом деле... но что-то неладно.

— Командор?

— Что?

— Что-то не так...

— Что?

— Не знаю, но что-то не так, — Ричард остановился. Снова. И люди недовольны. Люди... не чувствуют? Определенно. Люди боятся и в то же время страх подстегивает. Страх требует действия. Им кажется, что если идти быстрее, то они раньше доберутся до цели.

Цель.

Что есть цель?

Так. Сосредоточиться и...

— Ближе, — взгляд никуда не исчез, правда, теперь Ричард чувствовал, что смотрят не сзади. Не только сзади. — Сомкнуть строй, но спокойно. Медленно.

Он и говорил тихо.

Лассар поднял руку. Поднялись щиты. И люди шагнули друг к другу. Воздух задрожал и...

— Осторожно... — эхо крика истаяло в тишине, если оно вообще было. А тот же воздух, такой плотный, такой густой, вдруг стал прозрачным. И Ричард увидел.

Тварь.

Крысак.

Огромный жирный отвратительный крысак сидел на стене. Он был стар даже для нежити, ибо темная шкура его пошла складками, а в них скрывались мелкие явочки темной плоти. Из загибка торчали иглы. Остаток длинного некогда хвоста свисал со стены.

Крысак сидел и ухмылялся.

— Это мы его... — Лассар положил руку на клинок. — Боимся?

— Не его, — отозвался Ричард, озираясь. — Их!

Глава 28 О том, что размеры — не главное

«Воздел чернокнижник руки к небесам, простер их над землями, и тогда-то, слову его послушные, поднялись из земель тех мертвецы. Вставали и люди, и звери, великие и малые, одно другого страшнее. И видя то, наполнились страхом сердца людские. Но выступил пред войском юноша, какого никто-то прежде не видывал, и сказал он так...»

«Сказание о благочестивом Селиване, повергшем в прах подлого чернокнижника», писанное монахами храма для поучительных чтений детям великим и малым.

— Что за... — Светозарный покрепче стиснул рукоять клинка.

— Крысаки, — Ричард переводил взгляд с одной твари на другую. Сколько их здесь? Сотни? Тысячи? Возможно ли вообще, чтобы существовали стаи столь огромные?

— И?

— Нежить. Мелкая. Неопасная.

Ричард услышал чей-то нервный смешок.

— Считается не слишком опасной, — поправился он. — Обычно крысаки селятся где-то... в подвалах вот. Или в пещеры обживают. Они от крыс происходят.

— Заметно. В городе крыс хватало.

Ричард не мог отделаться от ощущение, что это — одно существо, просто разделившееся по недоразумению на малые части. И теперь части эти спешили снова слиться воедино. А потому слева, и справа, и сзади их окружала кипящая живая масса.

— Как их...

— Обычно. Сталью. Или огнем.

— Огня бы неплохо, — заметил дэр Гроббе, глядя куда-то поверх головы Ричарда. А попугай в кои-то веки промолчал. Он замер, раскрыв клюв от удивления, и только хохолок слегка подрагивал.

— Они... не нападают, если видят, что добыча слишком сильна, — зачем-то сказал Ричард и сделал шаг. Море крысаков

шелохнулась. — Сомкнуть ряды. Щиты поднять. Идем...

Он все-таки пропустил момент, когда под ноги шмыгнула мелкая юркая тварь. И захрустела под чьим-то весом. Издав тонкий писк, крысак скончался.

И... море качнулось.

Показалось вдруг, что оно отступит. Ричард даже почти успел убедить себя. Крысаки ведь умные. Сообразительные. Не станут...

Море отползло, а потом поднялось сизо-черной волной. Хрипящей.

Вопящей.

— Бей! — заорал кто-то, опуская клинок.

А кровь нежити пахла отчего-то свежескошенной травой, что было категорически неправильно. Додумать Ричард не успел.

— Круг!

Круг щитов. И клинки работают, рассекая уродливых тварей. И кровь, зеленая, яркая, льется на камни... а море снова и снова катит волны.

Одну за другой.

Одну...

— Ричард! — рев Лассара пробивается сквозь визги и хрипы. — Назад!

Его выдергивают, втаскивают в кольцо.

— Так мы их за неделю... придумай что-то.

— Что?!

Что он может придумать, неудачник и последний из рода. Могучего, славного рода, который... который виноват в том, что случилось.

И должен бы уйти.

Это ведь будет справедливо.

— Что-нибудь! Да очнись ты! — от пощечины, отвешенной Лассаром, лопнула губа. И вкус собственной крови отрезвил. — Они же давят... по мозгам. Поэтому мы их и не увидели. Пока еще держимся...

Человек в строю покачнулся и разжал руку. Меч его упал, чтобы исчезнуть под очередной живой волной. И человек готов был сам ступить на неё, но Легионер рывком убрал его за спину.

Морочат?

Крысаки не обладают ментальными способностями. Или... эта нежить жила здесь давно. Сотни лет, если не тысячи...

Думай, Ричард.

Думай, пока люди живы. Пока... ты что-то можешь. А можешь ли? Несомненно. Ведь есть то, что всегда было с ним. С рождения? Или позже?

Какая, впрочем, разница.

Он сделал вдох. А выдохнул на ладонь клубок тьмы. Крохотный получился, но...

— Иди, — Ричард подул на него, и клубок поднялся.

...белые пушинки одуванчиков танцуют в воздухе. И он снова и снова пытается поймать, собрать...

Нет. Не сейчас.

Потом.

Он со всем разберется потом. И повинуюсь воле его, тьма плывет, расползается, распадается на сотни нитей-одуванчиков, а те падают в живое море. И становится вдруг тихо.

Тихо-тихо, потому что тьма, рассыпаясь, множится. А с ней рассыпаются и крысаки. Они застывают, разом позабыв о людях. И садятся. И темные глаза их полны восхищения. В них, в этих выпуклых круглых глазах, видна и тень разума. Но лучше о таком не думать, иначе и вправду недолго сойти с ума.

А Ричард не может позволить себе безумия.

Тьму — может.

И её становится больше... они кружатся, эти крохотные черные пушинки. Кружатся, опускаясь ниже и ниже... и когда касаются шерсти крысаков, по той расползается кружево тлена. Это тоже красиво.

Очень.

Завораживает. И не только их.

Крысаки умирали без звука. Просто раз и рассыпались кучей пепла, а пепел подымался ввысь, оборачиваясь тьмой.

Раз за разом.

— Что это за... — Лассар выдохнул и стиснул меч. И посмотрел... со страхом? Нет, разве может великий Командор бояться? Да и кого? Ричарда? Нелепость какая. — Что это...

Море таяло.

Но не отступало. Наверное, они могли бы. Ведь оставались же крысиные норы. И ходы. И... мало ли. Они ведь как-то выживали.

Столетиями.

А теперь вот...

Когда крысаков не осталось, Ричард протянул руку, и тьма вернулась к нему. Сытая. Довольная. Она... нет, это не убийство. Она лишь взяла то, что когда-то ей принадлежало, а потом было утеряно. Разве это не справедливо?

Справедливо.

Наверное.

— Ты это... — Лассар похлопал по плечу. — В следующий раз, может, не жди, а?

Пепел.

Пепел остался. Правда, стоило сделать шаг, и он осыпался сизой мелкой пылью, а та смешалась с пылью другой и...

Надо идти.

— Ладно. Вперед... тут скоро площадь, а там уже и недалече.

— Помогите! Кто-нибудь... — женский крик ударил по нервам. — Помогите же...

— Стоять! — рявкнул Лассар. — Хрен его знает, что за пакость...

— Это не пакость! — степняк стиснул рукоять сабли. Клинок покрывала мутная зеленоватая жижа, да и сам степняк был изрядно ободран и грязен. — Это моя сестра!

— Хорошо бы...

Хорошо.

Она забралась на остов дерева и сидела, вцепившись обеими руками. А под деревом кружила тварь, из тех, о которых Ричарду только читать доводилась.

Длинное узкое тело.

Чешуя.

Тяжелые жвалы. И тончайшие нити, что поднимались меж чешуек, окружая тварь словно бы коконом. На концах нитей поблескивали капли яда. Капли переливались в солнечном свете. И выглядело это красиво.

— Кыш! — степная принцесса обламывала сухие ветки дерева и кидалась ими в тварь.

Та вздрагивала.

Отползала.

И возвращалась, чтобы, приподнявшись, тронуть ствол дерева тонкими ножками. И тогда раздавался призывный свист, капли яда срывались, растворяясь в воздухе, наполняя его тонким цветочным ароматом.

— Что за...

— Помогите! — увидев людей, Теттенике оживилась. — Я здесь! Я... я здесь!

Она и рукой замахала, словно боясь, что её не заметят. А от движения этого ветка, на которой сидела степнячка, опасно хрустнула.

Тварь же развернулась и снова засвистела. Правда, свистела она недолго. Взмах клинка и крупная голова покатила к корням. Тело еще дернулось раз, другой, и тонкие нити опали, а чешуя побурела.

— Яд могильщика — вещь дорогая, — заметил Лассар, поддев ногой обрубок тела. — Даже в мои времена... собирали его на живца.

— В смысле? — Светозарный подошел к дереву и любезно подал руку, но Теттенике лишь головой мотнула да сильнее вцепилась в дерево.

— Я боюсь...

— Они довольно примитивны. И туповаты. А еще имеют обыкновение впадать в спячку после охоты. Вот и ставили кого... кого-нибудь не очень нужного, но с меткой. Могильщики поглощали плоть, а потом возвращались в норы, — охотно пояснил Лассар и хлопнул по дереву. — Могу стряхнуть.

— Н-не надо!

— А в норах уже охотники яд и собирали...

— А если там не один могильщик?

— Тогда тоже собирали, но уже другие охотники. Может, все-таки... или дерево повалить. А то она там до заката торчать будет. Мало ли, кто вопль слышал.

— Нет! — Теттенике все-таки сумела разжать руки. — Я... я боюсь!

— Чего?

— Упасть!

— А... поймаем, — заверил Командор. — Во всяком случае, постараемся.

— Я... я сама...

Спускалась она весьма ловко, но все-таки упала и как-то так, что Ричард её подхватил. И поставил на землю.

— Вы... вы спасли меня! — тонкие руки вцепились в запястья. — Спасибо... я думала, что умру! Это было так... так ужасно!

— Ты жива, — степняк осторожно коснулся руки. — Тет, ты жива...

— Жива... только чудом...

Она громко всхлипнула и поглядела на Ричарда.

— Но вы пришли за мной!

— Не только, — уточнил Ричард, освобождая руки. — Но я безусловно рад, что мы нашли хотя бы вас. Расскажите, что случилось?

— Я... я не помню, — губы задрожали, а на глаза навернулись слезы. И одна, крупная, поползла по щеке. Почему-то вид её вызвал лишь глухое раздражение. — Я... помню... что-то случилось, но что? И я вот тут... туман. Я долго бродила в тумане. А потом вот... тут... оказалась. Как?

Она всхлипнула и прижалась к брату.

— Ты мне веришь?

Хороший вопрос.

Почему-то перед глазами предстало насмешливое, искаженное ненавистью лицо Анны.

Веришь?

Или нет?

Ответа Ричард не знал.

— Все будет хорошо, — не слишком уверенно произнес степняк. И поглядел на Ричарда. — А... ты больше никого не видела?

— Н-нет... — Теттенике покачала головой. — Но я слышала... кажется... только... не уверена. Там...

И указала куда-то вперед.

У Ричарда дернулся глаз.

Брунгильда почесала бок, отметив, что мысль об охоте на нежить в целом-то отвращения не вызывает, как и о том, что с этой нежитью-то делать. Нет, к чувству голода она еще когда привыкла, но то ли короткое пребывание в замке сказалось, то ли просто вот... но она с немалым интересом поглядывала на улицу.

— Так, — Мудрослава подняла было руки, и мягкие складки её платья обрисовали фигуру, отчего та сразу и смутилась.

Или не от того.

— Так, — повторила она. — Стало быть, нам нужно соединить наши силы... как? Через ритуал? Верно? Всегда и все случается через ритуал.

...а за окном мелькнуло что-то, мелкое и юркое.

Мелкого на всех не хватит.

— Но сперва о дарах. Допустим... я Повелительница разума, — она слегка покраснела. — И могу повелевать тварями неразумными.

— Полагаю, что и разумными, — подсказал призрак. А Брунгильда нахмурилась, потому как одно дело, когда на мир глазами дракона глядишь, и совсем, если кто-то в твою голову лезет. Ей категорически вот не хотелось, чтобы Мудрослава полезла в её голову. — Ваш дар видится мне ярким. Он подобен огню, что с каждым мгновеньем разгорается все сильнее.

— Как бы совсем не сгореть, — проворчала виросска и на брата глянула. А тот плечами пожал и, протянувши руку, потрогал голову.

— Не горячая.

— Иди ты...

Брунгильда поняла, что ей очень не хватает попугая. Бесстыдная птица, конечно, но вот высказаться о ситуации могла, как никто другой.

— Дарительница жизни, — призрак отвесил поклон Ариции, на который та ответила сдержанным кивком. И выражение лица у нее было презадумчивым. — Сей дар из числа редких. Мой благородный предок полагал, что лишь женщина способна обладать им, ибо сама суть женщины — есть жизнь. А потому кому, как ни ей, одарять иных рождением...

— То есть, — Мудрослава была явно лишена трепета. — Она может поднять мертвеца.

— Не поднять. Оживить. Вернуть душу в тело. А с ней и волю, и память, и все-то, чем обладало оно.

— Правда, — сочла нужным уточнить Ариция. — Тело большею частью... в общем, раньше оно оставалось не сказать, чтобы живым. Тело. Хотя вот если котика взять... или дракона... они не рассыпались. Это, наверное, хорошо?

Никто не ответил.

А Брунгильда подумала, что случись ей вдруг оживить чего там, на Островах... в могилу бы вернули обоих. Но хорошо, что Острова остались далеко.

Странно, впервые мысль о том не причиняла боли.

— Полагаю, — нарушил молчание призрак. — Что в мире вовнем ваш дар спал или был слаб, а ныне он получил пищу. И применение.

— Пищу?

— Силу. Вы разве не ощущаете?

Принцессы переглянулись.

— Нет, — ответила Мудрослава за всех. — Яр?

— Что? Я тут точно ничего... нет, не ощущаю. Разве что спина чешется, но это навряд ли от того, просто взопрел.

А ведь дома и его не приняли бы всерьез. Мужчина, который рядится в женское платье? Предложи кто отцу такое, тот бы... в общем, да, хорошо, что тут — не там.

— Излом мира. И сила межмирья просачивается сюда, питая и тьму, и не только.

— Погодите, — Мудрослава вскинула руки. — Я запуталась. Вы говорили, что кровь демонов заглушает силу даров. А тут тьма... разве это не то же самое?

— Конечно, нет, дитя, — это было сказано весьма снисходительно, и Мудрослава поморщилась. — Демоны — дети иного мира и несут в себе огонь его, хаос, все то, из чего были сотворены. И что чуждо миру нашему. Тьма межмирья — иное. Она, как воды, в которых в утробе матери пребывает дитя до рождения на свет, а потому она не чужда ни миру их, ни миру нашему. Она питает силами тварь, что обретается здесь, но и нам не позволяет уйти в небытие, развеяться, как было бы сие, останься здесь лишь демон. Она отчасти служит источником силы наших заклятий, в том числе и тех, что сохранили материю.

— Понятно, — Мудрослава потерла щеку, отчего та сделалась красна. — Значит, тьма — это не плохо. Но даже хорошо. Для нас.

— И для демона, — сказала Летиция, качнув ногой. И веки смежила. Глаза её двигались быстро, а губы иногда подрагивали, и казалось, что принцесса вот-вот заговорит. Но она молчала.

И кажется, снова видела чью-то смерть.

— Говорящая с духами, — очередной поклон был отвешен уже Летиции. — И дар её ярок...

— И бесполезен, — пробормотала сама Летиция. — Я... скоро свихнусь.

— Никто не может знать о пользе или бесполезности своего дара. Это не в судьбе человеческой... но есть еще одна. Та, что строит пути.

— Какие? — уточнила Брунгильда, раз уж речь зашла о ней. А то, может, она способна выстроить дорогу обратно, чтобы раз и все.

— Любые. Зависит от силы. Я читал, что у одного знатного ноймана была жена, женщина достойнейшая, происходившая из рода благородного и древнего. И она каждое утро открывала путь к побережью. А это несколько дней...

— Брун?

— Я, конечно, могу попробовать, — Брунгильда закрыла глаза, представляя пред собой побережье. Но ничего не произошло.

Ожидаемо.

А так-то да, полезно. Раз и дома... или в неведомых землях. Хорошо бы, чтобы не одна, а с кораблем. Это ж какие экспедиции устраивать можно-то!

— Боюсь, та, что сплетает судьбы, уже создала свой рисунок, пусть и не достоин видеть я её здесь...

— Теттенике... — проворчала Ариция. — Чтоб её... значит, дорогу отсюда мы не построим.

Призрак развел руками, но как-то вот... без особой печали.

Ну да, наверняка это весьма утомительно, быть призраком в пустом городе.

Тоска.

А тут хоть какое-то развлечение.

— Хорошо, а куда можно? — решила уточнить Мудрослава.

— Понятия не имею. Я вообще ничего не чувствую.

— А ты почувствуй! — не удержалась Ариция.

— Я и чувствую, — Брунгильда выдержала её згляд.

— Что?!

— Раздражение.

— Это не то, полагаю... не важно. А он тогда что? — Мудрослава ткнула пальцем в брата, который поморщился и от сестры

отодвинулся. Или скорее уж придвинулся, но не к сестре, а к все еще пребывавшей в некоторой задумчивости Летиции.

— Щит. Редкое умение. И исконно мужское, ибо в природе мужчины защищать семью свою. И земли.

— А как он... работает?

Природа, похоже, Мудрославу волновала постольку-поскольку.

— И вышел Великий навстречу войскам Саххад-Хана. И подивился тому, каковы те были, ибо со всех-то земель созвал блистательный Саххад-Хан людей. И текла, полноводной реке подобна, конница, а пехота, в панцири закованная, была землею. И поднимались к небесам желтые стяги, змеем украшенные. А за ними — дымы обоза. Застили они солнце, отчего казалось, что нет кочевникам конца и края...

— Это...

— Да тихо ты, Славка. А вы продолжайте...

— Послал тогда Саххад-Хан гонцов своих, а среди них — любимого сына Азыл-кыгея на жеребце лунной масти. И говорил тот так. Склоните головы. Признайте над собой власть степей. И тогда-то отступят войска, а Саххад-Хан окажет милости. Возьмет он малую дань, и брать будет раз в год, по договоренности. Многие слушали и сердца их, страхом переполняясь, готовы были поддаться. Но ответил Великий так. Высоки горы. Далеко небо. А боги помнят детей своих, и не оставят их милостями. И принес он в жертву матери своей трех быков белых с рогами золотыми, а после и всех посланников, среди которых и Азыл-кыгей. И тогда-то восстал из земли щит незримый, чрез который ни человек, ни зверь, ни стрела, ни копье, ни даже камень пытающийся пробиться не мог...

Призрак замолчал. А потом добавил:

— Так в хрониках написано было.

— П-полезное умение, — сказал Яр, несколько побледнев. — А можно вот так же, но без жертвоприношений?

Брунгильда же покачала головой. Может, оно, конечно и славен был тот воин, но нехорошо он поступил. Всем ведомо, что боги войны честь блюдут. И отвернуться они от тех, кто слово предал.

А посланники... неужто не нашлось никого другого, кого бы можно было в жертву-то?

— Не знаю. На самом деле весьма многие сомневались, что сие действие имело место быть. Случилось это на трехсотом году после смерти Ричарда Великого, во времена весьма смутные. В степи пишут о том, что путь Орды преградили горы, а Перевал, который купцы использовали, завалило.

— Нет... быки ладно-то, хотя тоже жаль... — Яр поерзал.

— Нет тут быков.

— Зато люди имеются, но... как-то вот я не готов, что ли. Внутренне?

— Это наиболее известный случай. Но некоторые из потомков Ричарда славились, скажем так, способностью выдержать удар меча и секиры, и говорят, вовсе любого оружия.

Брунгильда поглядела на мужчину, который поежился.

— А... а давайте проверять не станем? А то может, у меня тоже дар не открывается и вообще... быков-то нет. Нет быков, нет щита! Вот...

— Ладно, — Ариция поднялась и оправила складки платья, которое шло ей куда больше прошлых кружевных тряпок. — Это все, конечно, вдохновляюще, но... все равно, как круг-то строить?

— Все просто. Если верить хроникам. Вы должны собраться в месте силы, там, где первозданной тьмы больше всего, и соединить кровь и помыслы воедино. И тогда дары ваши сольются, и воля станет единой. И не будет никого, способного устоять пред ней.

— Чудесненько, — Ариция и в ладоши хлопнула. — Всего-то и надо... ну, тогда пошли, что ли? Чего время зря терять?!

Глава 29 Где путь куда-то продолжается

«И сказал купец, что среди товаров его есть меха разные, шкуры лисьи да куньи, а еще собольи, равным которых нет. Есть ткани найчудеснейшие из земель Хинда, шитьем да жемчугами украшенные. Есть каменья со дна кипящих озер. Есть золото и серебро. И по слову его выносили немые слуги товары, укладывая их пред юной герцогиней. А та глядела, не в силах выбрать. Купец же, видя то, усмехнулся. И сказал, что есть у него нечто совершенно особое. Зеркало, что сохранит красоту и юность».

Сказка о волшебном зеркале и ведьмином сыне, купцом привторявшимся

Зеркало все же треснуло.

А потом вовсе взяло и осыпалось. И следом открыла глаза Теттенике. Взор её был туманен, а на губах играла улыбка.

Захотелось отвесить пощечину.

— Ты... — она протянула ко мне руку, и смуглые пальцы, жесткие пальцы, коснулись щеки. Я с трудом удержалась, чтобы не оттолкнуть. — Ты знаешь...

— Что мы все умрем?

— Оказывается, я могу менять... они хотели уйти. А я не дала. Нельзя. Если мы уйдем, то все. Мир треснет. Я думала, что его демон уничтожит, а он просто раз и все...

Она моргнула, а взгляд обрел некоторую осмысленность.

— Знаешь. Вот то, что с тобой происходит, оно меня нервирует, — сказала я честно.

— Извини. Я просто... я взяла и связала. Ниточки. Если успеть собрать все, может, и получится.

— А может, и нет?

— Может. Но они там. Мы тут. Я еще не все понимаю.

Кто бы тут что понял-то.

Ладно, мы живы, и это уже хорошо. Ричард тоже жив, и это тоже хорошо. Остальные... буду надеяться, что и они живы. Очень надеяться.

Но дальше-то что?

Ничего хорошего.

— Ты... как вообще? — я поглядела на Теттенике.

— Нормально, — протянула она, в очередной раз носом шмыгнув. — Сопли только.

Ну да, сопли изрядно портят общую героичность момента.

— Надо идти. Пока светло.

А куда?

Ричард... где-то там. А где там? У меня ни плана города, ни вообще понимания, где находимся.

— Надо, — Теттенике попыталась высморкаться и пальцы вытерла о стену. — Что? Все равно грязная, но хотя бы без пыли...

Ну да. Пыли в доме не осталось. Подозреваю, что вообще... а вот зеркало поискать стоит. Небольшое. Такое, чтобы с собой взять.

— Площадь, — Теттенике прикрыла узкие глаза. — Надо выходить на площади. И к храму. Там все.

И всё. И все.

Демоница.

Младший бог, который, пусть давно уже не показывался, но стоило вспомнить эти вот ясные синие очи, и желание спасти мир пропадало напрочь.

Пентаграмма.

Шиповник, колючки которого похожи на мечи.

И... и остальные туда же придут. В этом я не сомневалась.

— Тогда... пошли, что ли? — Теттенике поглядела в окно.

— Пошли, — легко согласилась я. — Только ребят позвать надо... знаешь, а ты не видела, что с ними будет?

Теттенике открыла было рот, и я тотчас передумала.

— Лучше молчи. Они тоже умрут?

Она печально кивнула.

Надо же, а я и не расстроилась. Привыкаю, так сказать, к местным реалиям.

— Но ты — раньше, — уточнила степнячка.

Нет.

Не привыкаю.

На улице было светло, тепло и жарко. Дракон куда-то подевался, что только порадовало. Крыша дома просела, кажется, в одном месте и обвалилась. Стена и вовсе рассыпалась белыми камнями. И эта их белизна чем-то напоминала кости.

Кости... остались там.

Но и на улицах попадались мертвецы. Много... но не так много, как должно бы. Кости... лежали, зарастали грязью. Некоторые сохранили остатки одежды.

Однажды нам попался мертвец в серебряных доспехах, в которых отражалось солнце. И сам парень казался почти живым, будто только-только уснул.

Я было дернулась, но Легионер опередил. Мелькнул клинок, и голова мертвеца отделилась от тела.

— Оно тебе надо было? — спросила я тихо.

Почему-то разговаривать громко было страшно.

Легионер кивнул. Потом указал на тело. На хвост мой. На рога.

— Сжечь? — я как-то сразу и поняла. А он снова кивнул. И... и спорить я не стала. В самом деле подозрительно. Солнце жарит и не первый день, а он тут лежит нетленный.

В подобном месте нетленность — очень даже отягчающее обстоятельство.

И огонь, повинаясь моей воле, стек с ладоней на покойника. Сперва он расползлся по сияющему доспеху, но стоило коснуться плоти, и огонь зашипел.

А мертвец заорал и попытался подняться.

В общем... Легионеры — это не просто так сопровождение. Да... но честно, меня бы стошнило, было бы чем. Дальше... мы шли.

Легионер.

Я и Тетенике.

Конь, что ступал осторожно, с оглядкой. Умное все-таки животное. И снова Легионеры. А город все не заканчивался. Улицы выводили на другие улицы, а те соединялись с третьими. И...

— Погоди, — я остановилась, прижимаясь спиной к белому камню. — Мы вообще не заблудились часом?

— Не знаю, — Тетенике послушно остановилась.

Огляделась.

И присела. На пятки. Руки она положила на торчащие в стороны коленки и поморщилась.

— Устала?

— В степи тоже жарко. Но не так. Там... там дышать получается. А тут такое чувство, что если глубоко вдохну, то все это внутрь проникнет... понимаешь?

Не особо.

— Нам нужно зеркало, — я тоже прикрыла глаза. Солнце... солнце пробивалось сквозь сомкнутые веки. И внутрь. И да, было такое чувство, что еще немного и я вспыхну, сгорю на этом вот чересчур злом солнце.

Или рассыплюсь пылью.

— С ней поговорить хочешь?

— Да... план нужен. Хотя у меня еще тот топографический кретинизм, но... мы так до скончания веков бродить можем, а ближе не подойдем.

— Зеркала нет. Но есть дерево.

— Думаешь, заменит?

— Если забраться наверх. Погоди...

Теттенике поднялась и весьма ловко, куда там кошке, вскарабкалась на кривоватое дерево. Выглядело то не слишком надежным, да и похрустывало выразительно, но степнячка забралась на самую вершину.

— И что там?

— Ничего! — сказала она. — Улицы. Одни... а вон там, далеко, храм! Слушай... у тебя же крылья!

— И?

— Взлететь попробуй!

— Люди не летают, — мысль мне категорически не понравилась.

— Так то люди, — возразила Теттенике. — А ты демон. Демоны летают. Мне брат рассказывал.

Ну да, а он большой специалист по демонам.

— Храм там, — Теттенике поглядела вниз и поморщилась. — Я, между прочим, тоже по деревьям не лазала... в степи их вообще нет. Деревьев.

Но спустилась она без проблем.

— Храм мы не потеряем, он виден, думаю, отовсюду...

Вот только пойдика отыщи дорогу к этому храму.

— Даже если я взлечу, то... то тут драконы водятся!

— А ты быстренько! — посоветовала Теттенике. — Потому что не понятно, то ли туда, то ли туда.

Она показала влево и вправо.

— Там дальше они тоже как-то раскидываются, одна вроде вверх, а другая на тупик похожа или обходит во-о-он тот дом!

Я поглядела на степнячку.

На дом.

Улицу.

Легионеров. Даже на конской морде было такое прескептическое выражение.

— Я... попробую.

Выпустить крылья. При свете дневном они такие себе, прозраченькие... слегка кожистые. И нематериальные напрочь. А дальше что? Я старательно взмахнула.

И еще раз.

— Подпрыгни! — посоветовала Теттенике.

Да уж и сама догадалась... на третьем прыжке я поняла, что скорее шею сверну.

— А... может, пусть он тебя подкинет? Или вот со стены. Заберись на стену, а оттуда вверх. Или лучше на дерево? Крышу? Крыша высокая!

Именно.

Высокая. С такой и навернуться недолго и... и вообще сдается мне, что крылья мои больше для красоты, чем полетов. Но я, пыхтя и сопя от возмущения, позволила запихнуть себя на стену. Под ногами захрустели камни, да и сама стена оказалась не такой уж широкой, как я надеялась.

Зато высокой.

И... и храм впереди виднелся.

Или дворец? Такой... далекий, утопающий в дымке, словно акварелью нарисованный. Вот только перед этой акварелью лежал лабиринт из улиц, улочек и переулков. Домов, стыдливо скрывающих постаревшие лица за стенами. Высоких заборов и прочих, не внушающих оптимизма, преград.

Так, Жора... почему люди не летают как птицы? Да потому что анатомия неподходящая!

Надо расслабиться. Должны же быть инстинкты. Если не у меня, то у демона... крылья есть? Рога есть? Огонь вот тоже вызывать могу. Стало быть, и полететь способна.

В теории.

Но теория теорией, а...

— Да прыгай уже! — Теттенике забыла про усталость. — И повыше, а потом махай!

— Слушай, если такая умная, то давай сама.

— У меня крыльев нет!

А у меня есть. И хвост к ним... ладно, надо все-таки попробовать. Не буду же я на стене стоять до вечера. До вечера нельзя. Если тут днем так... недружелюбненько, то ночевать лучше где-нибудь в другом месте.

И Ричарда найти надо.

Надо найти Ричарда.

Эта мысль окончательно успокоила. Я... смогу. А если не смогу, то хотя бы попытаюсь. Не выйдет? Ладно. Тогда пойду в дом искать зеркало. И спрошу дорогу у той, кто должен бы город изучить.

За пару тысяч лет можно было бы.

Я оттолкнулась ногами, и крылья расправила, и почувствовала, как ложатся они на воздух.

— Вот так! — закричала Теттенике. — Выше! Выше давай...

Даю.

Пытаюсь.

Раз и еще раз. И... и нелегко летать, оказывается. Даже держаться нелегко. Тело тянет вниз, и норовит завалиться то вправо, то влево. Никакой красоты, изящества... так. Не о том думаю. Надо смотреть. Вперед. И искать дорогу... вот улица. Если прямо по ней, то мы... мы дойдем до какой-то площади, которая кажется небольшой, но от нее должны начинаться другие дороги.

Точно.

Площадей, закрытых наглухо, не бывает. Наверное.

Я оглянулась.

А вон и знакомые горы. И дорога. Это... это получается, что все время мы просто шли по краю? Не вглубь города, а просто по краю?

И... логично.

Крылья все-таки подломились, и я не слишком изящно плюхнулась на дерево. Ветки затрещали, ломаясь под моим весом, я кувыркнулась, пискнула и... была подхвачена на руки.

Легионер поставил меня на землю.

Еще и поглядел с укором. Мол, как охранять столь безголовую особу? Ту, что сама норовит вляпаться.

— Извини, — мне стало стыдно. Немного. — Я не специально.

Вряд ли мне поверили.

Фыркнул он весьма выразительно.

— Слушай... а давай тебе имя придумаем? — мысль была вполне себе бредовой, под стать ситуации. — Надо же вас как-то различать.

— А сможешь? — Теттенике тоже поглядела на Легионеров с интересом. — Они все какие-то... одинаковые. Не обижайтесь.

Ближайший покачал головой. А потом указал на улицу.

Ну да, надо идти.

Прямо.

И я бодро зашагала вперед, а за мной потянулась Теттенике. И остальные. Имя... и почему это вдруг показалось важным?

Костяной виверн с тихим шелестом скользил по улице. Ариция подумывала было забраться на спину, но потом от этой мысли отказалась. Выглядел дракон не настолько крупным, да и как знать, не развалится ли. Время от времени он останавливался и поворачивал в сторону Ариции голову.

Узкую.

С выпуклыми глазами, которые слабо светились. Тогда крылья разворачивались, и становилось очевидно, что ей есть еще над чем работать. Если скелет получилось облепить землей, а из нее сотворить некое подобие плоти, то с крыльями почему-то не вышло. Левое сквозило дырами, словно на кости накинули старую тряпку, правое вовсе то ли паутиной затянуло, то ли пылью.

С другой стороны, им же не лететь.

— Прошу простить меня, светлейшие, — призрак поклонился. — Но в силу сложившихся обстоятельств я заперт в доме своем и не смогу проводить вас, сколь бы ни велико было мое желание. А потому смею просить вас о милости...

Летиция молча махнула рукой.

И призрак исчез.

— Ты его...

— Отпустила, — сестра открыла глаза.

А ведь покраснели. И слезятся.

— А как мы дорогу найдем? — поинтересовалась Мудрослава. — Тут ведь... вроде и прямо надо, но вот что-то подсказывает, что все не так просто.

Летиция посмотрела куда-то и... пред ней выросла новая тень.

— Отведешь нас ко дворцу, — сказала она.

Тень была зыбкой.

И казалось, что стоит дунуть, и она рассыплется. Но ничего. Второй час пошел, а тень не рассыпалась. Вела. Виверна. За ним — Арицию.

Летиция шла, опираясь на руку рыжего виросса, и почему-то никто-то в том не усматривал нарушения протокола. Хотя... конечно... домой нельзя возвращаться, а вот если в Вироссу...

...там, правда, что-то подсказывало, что некромантам тоже не рады будут.

И в древний дар не поверят.

Или поверят, но веры преисполнившись, спровадят на костер. Так, на всякий случай. Ариция вздохнула и почти смирилась с мыслью, что ей-то замуж не выйти. Честно говоря, не слишком-то и хотелось. И даже, может, хорошо, что не выйти.

Матушка замужем не больно-то счастлива была.

Да и не она одна...

Так что... вот спасут они мир. Вернутся. В Замок. А там... там, глядишь, и попроситься можно будет. На работу. В Проклятых землях все же к некромантии отношение иное, без обычной предвзятости.

Наукой займется.

Ей ведь всегда хотелось. Замок большой, помещений свободных хватит. Можно будет и лабораторию создать. Только маменьке отписаться, чтобы приданое прислала. А то ведь наука — дело такое, дорогостоящее. Маменька-то сперва откажется, но потом поймет, что лучше так, чем в монастырь. В монастырь, чай, за бесплатно не берут.

Мысли эти странным образом примиряли с действительностью. И убаюкивали. А потому Ариция пропустила момент, когда появился

дракон.

Другой.

Настоящий.

Сперва на улицу легла тень. Затем раздался гневный клекот.

— Она меня нашла! — взвизгнула Мудрослава. — Она...

— Нашла, — Ариция прижалась к стене, разглядывая существо, которое явно было не слишком дружелюбно настроено.

Дракон, завернув круг, опустился ниже.

И еще ниже.

— Нам спастись или уже поздно? — поинтересовалась Брунгильда, снимая секиру.

— Лучше дорогу свою открой!

— Не выходит.

Дракон опустился на крышу. И с крыши — на стену, а со стены переполз на улицу.

— Ох... — Яр покосился на Летицию, что глядела на дракона с тем же отрешенно-задумчивым выражением, с которым и проснулась ныне. — Очень... удивительный зверь.

Черный.

С отливом.

Голова вытянутая, пасть огромная и зубы длинные острые, приятного желтоватого оттенка. Глаза круглые и чуть навывкате.

— Ах ты хорошая моя, — Мудрослава потянулась к зверю, и Ариция подумала, что если тот начнет жрать виросску, то у остальных будет шанс спрятаться. Но дракон тоненько свистнул, а потом мелко, жалобно заклекотал. — Ничего, теперь не потеряемся... точно не потеряемся... ах ты хорошая моя.

Тонкие руки гладили чешую, и дракон поворачивал голову то вправо, то влево, блаженно щурясь. Правда, с прочих взгляда не спускал.

Внимательного такого.

И тот, другой зверь, воскрешенный Арицией, тоже смотрел, пританцовывая, да еще и воротник на шее растопырил.

Смешной.

Был бы, если бы не все вот это.

— Так это, — предложила Брунгильда. — Может, если на него...

— Неё. Это девочка.

— Не важно...

— Не скажи.

— Донести нас она сможет?

Мудрослава поглядела на драконицу. А та на людей, и в желтых глазах появился скепсис. Носить кого бы то ни было ей явно не хотелось.

— Всех сразу нет, и... и не факт, что получится вернуться.

— Жаль... — Брунгильда вздохнула. — Придется идти.

— Уже недалеко, — нарушила молчание Летиция. — К закату доберемся. Они так говорят. И еще говорят, что мы не одни. Что есть другие.

Она подняла руку.

Выглядела сестрица жутковато.

— Там... по другую сторону. Они от моря идут.

На душе разом стало теплее. И получается, что не бросили, что... спасут. Во всяком случае, постараются.

— Но там плохие места. Много... разного, — Летиция шевелила губами, явно беседуя с кем-то, кого не видели прочие. — Там был зверинец. Большой. И звери. Всякие. Измененные. И люди тоже... вот с них и вышло. Они могут не справиться.

Она замолчала, а потом добавила:

— Сами точно не справятся.

Вот ведь...

— Это что, — Ариция обвела всех взглядом. — Нам теперь еще думать, как спасителей спасти?

— Можно, — Мудрослава нехотя разжала руки. — Отправить им кого-нибудь. На помощь.

— Кого?

— Дракона. Твоего или моего...

— А они поймут, что на помощь? — Брунгильда оперлась на секиру. — Если дракон просто прилетит, то... понимаешь, драконы, они как бы это сказать... хищные. А некоторые вовсе мертвые.

— Это виверн, — возмутилась Ариция. — Да и Legionеры тоже не живые.

— Так-то... но Legionеров они знают, а дракон вот...

— Она может кого-нибудь отнести, — предложила Мудрослава. — Только... и вправду... я могу что-то внушить, но если

связь разорвется... мало ли.

И руками развела.

Мертвый виверн сел на зад и шею вытянул. Может... может, он и мельче живого, и крылья у него драные, но вот...

— Погоди, — идея пришла в голову, и Ариция огляделась. — Для начала надо оправить не дракона, а...

— Котика?

— Нет, котик тоже... не очень дружелюбно выглядит. Кого-то помельче. Чтобы сразу не пришибли. И записку написать. Мол, что мы поможем, только помощь не прибеите. Или чтобы дракона ждали.

Она потеряла переносицу.

— А заодно чтобы шли ко дворцу. Что? Город большой. Тут друг друга искать можно вечность... а так понятно все.

— Ты... — Летиция слабо улыбнулась. — Только теперь постарайся понять, кого оживляешь.

Ариция вздохнула.

Понять... будто это просто. Будто она вообще понимает, как это делает. Но... маленькое. Надо что-то маленькое и с крыльями. Интересно, если так, то мироздание поймет?

Правильно?

Глава 30 Где случаются неприятности

«Средь всех тварей сущих беречься надобно не тех, что обличьем ужасны, ибо само это упреждает прочих об опасности, но тех, который глядятся обыкновенными или же, пользуясь силой проклятой, внушают людям очарование».

«Тысяча обличий или как распознать истинное лицо ведьмы»

Город.

Мертвый. Огромный. И величие его, тень которого жила в развалинах, давило. Или это тьма, что чувствовалась? Артан слышал эхо её, раздражающее, насмешливое, словно готовое бросить вызов.

Или...

Улица.

И снова.

Одна за другой. Они становились шире, и вот уже сапоги грохочут по каменной мостовой. Солнце взобралось высоко. Палит нещадно. И белый камень слепит глаза. То и дело приходится щуриться. Порой кажется, что они вовсе попали в жерло огромной белоснежной печи.

Со лба брата Яноша стекает пот.

Но он, упертый, шагает. А рядом с ним, бледный и хрупкий, идет кастрат, правда, теперь в руках его не лютня, лентами украшенная, а клинок. Хороший. С сизым плетением булатных узоров.

Мягко ступают степняки.

И островитяне двигаются почти бесшумно. А вот Legionеры грохочут, словно пытаясь звуком этим отпугнуть тварей. И все же... все же неладно.

В городе.

И... не только. Ощущение такое... недоброе...

— Я так испугалась, — рядом появилась Теттенике и тонкие пальцы осторожно коснулись рукава. — Когда оказалась здесь... я так...

Она красива.

Пожалуй.

Круглое лицо. Светлые волосы. На брата своего, который поглядывает недовольно, но не мешает сестре, она похожа, но...

Солнце слепит. И глаза слезятся от света, который порой куда более жесток, чем тьма.

— Я думала, что никто меня не спасет. А вы пришли и спасли!

— Я? — искренне удивился Артан.

Наверное, он должен был почувствовать себя польщенным, но вместо этого в груди шевельнулось раздражение.

Странное.

Дрогнули длинные ресницы.

— Конечно... вы... вы простите... это весьма нагло с моей стороны. Неосмотрительно. И дева не должна бы... говорить о таком... но это место... — она прижала руки к сердцу. — Оно заставляет смотреть на все иначе. И думать тоже. Я... я почти умерла!

— Вы выглядите живой.

— Спасибо. Но я поняла, что жизнь слишком коротка. И не стоит тратить её вот так... просто... и таиться. Таиться не надо.

— Не надо, — подтвердил Артан. А степнячка замедлила шаг.

— Мой брат... он недоволен. И сердится.

— С чего бы? Мне казалось, он наоборот рад.

— Сердится... теперь мне только умереть.

И вздох. Она все-таки красива. Почему Артан раньше этого не видел?

— Я оказалась здесь и одна... и теперь моя репутация...

— Думаете, крысаки и мертвецы могут нанести ущерб репутации? — не удержался брат Янош, глянув свысока. И нахмурился. Или устал просто? Доспех тяжел. Артан и сам чувствует, что с каждым шагом вес его увеличивается. Этак он скоро и вовсе выдохнется. — Извините.

Слезы в глазах девы заставили усовеститься.

Немного.

Все-таки она и вправду многое пережила. И испытания перенесла достойно. Вот Артан ночью почти не спал. Близость тьмы мешала. Да и в целом все казалось слишком уж иным.

И теперь вот злился.

С недосыпу. Определенно.

— Ничего. Это место... оно будит дурное в душе. Но и открывает многие двери, — взгляд девы слегка затуманился. — Раньше я видела смерть и лишь смерть.

— А теперь?

— Теперь — надежду...

— На что? — уточнил брат Янош, который не стесняясь, прислушивался к разговору. И упрекнуть его за лишнее любопытство было нельзя. В конце концов, предвидения — дело такое. — Ну, мне чтоб знать.

— На спасение. Для нас. Для мира... только... — она прикусила губу и остановилась. — Я не уверена, что имею право говорить... и вы мне не поверите.

Не поверит.

Артан понял это весьма отчетливо.

— Что вы, — сказал он, стараясь говорить именно так, как говорил жрец-инспектор, убеждая, что он всего-то взглянет на обитель. — Вы просто-таки обязаны поделиться... ибо если Пресветлые наделили вас даром, то грешно не пользоваться им.

У жреца явно получалось лучше. Искренней. Но Теттенике вновь вздохнула.

— Это так... так страшно на самом деле. Просто невыносимо.

— Сочувствую.

— Все время видеть смерть... если мы ошибемся, погибнет весь мир! — а вот это было сказано довольно-таки нервно.

— Тогда надо постараться, — Артан успокаивающе похлопал деву по плечу. Потом подумал, что надо было как-то иначе, без похлопываний, ибо в узких глазах блеснуло нечто этакое, вряд ли одобрительное. — Но нам легче будет стараться, если мы будем знать, что нужно делать.

Теттенике облизала губы.

Дернула за рукав.

И, поднявшись на цыпочки, сказала:

— Жертва. Нужно принести жертву...

— Какую?

— Великую... великая жертва открыла врата, призвав демонов. Великая жертва закроет их! — это было сказано с таким жаром, что Артан едва не отшатнулся. Но Теттенике впиалась в его руку. — Я вижу

кровь. Много крови. И сердце последнего из рода Архаг на алтаре! Отдайте его демону! И тот отступит.

Вот уж...

Не было печали. Да и последний из рода Архаг вряд ли согласится. Что-то сомнительно, чтобы у него вдруг появилась тяга к самопожертвованию.

Теттенике будто очнулась, моргнула так и потупилась.

— Извините. Иногда... находит... я еще не привыкла пророчествовать... и... и знаете, я еще когда вас увидела, я... я поняла, что вы единственный, кто может спасти.

— Вас?

— Меня. Их. Мир! Всех! Только... только надо, чтобы вы решились. Вы ведь верите мне?

Нет.

— Конечно, — сказал Артан.

И подумал, что врать у жреца-инспектора тоже получалось куда как лучше.

А улица вдруг закончилась. Солнце плеснуло светом, а тот, отразившись от серебра, заставил зажмуриться. И Артан вскинул руку, защищаясь.

— Твою же ж... — сказал брат Янош душевно. — Красота-то какая...

Умели строить.

Раньше.

Ричард остановился. Да и не он один. Застыл Легион. И тяжкий вздох Командора был полон печали. По Империи ли? Или по этому городу? По площади, что легла на пути их.

Огромная.

Замок бы встал.

Он и виднелся, не замок, а храм ли, дворец ли, но уже близко. Вон там, за хрупкой белокаменной пеной мостов, что опирались на узорчатые крыши. За стенами.

За мрачную шеренгой статуй, что издали казались одинаковыми. Беломраморные гиганты опирались на мечи. И щиты на руках их были отделаны серебром. Ему бы почернеть за столетия, ведь магия магией, а погода погодой, но щиты сияли все так же ярко.

— Императорская дорога начинается там, — указал Лассар, оглядываясь. — Но здесь держаться лучше рядом... место своеобразное.

Он оглянулся.

И Ричард тоже.

Поморщился.

Слишком много людей. Растянулись по улице живой змеею. И ведь опасно так. А они будто забыли о том, где находятся. Идут. Глядят. Разговаривают.

Проклятье.

Отправить бы их всех обратно. Да не отправятся. Как бы только хуже не вышло. Хотя... куда уж хуже. Над площадью воздух дрожит, то ли от жара, раскалившего и белый камень, то ли сам по себе, готовый обратиться новой тварью.

Пахнет...

Пылью. Цветами. Розами. Матушка любила розы. И в саду они росли. Ричард помнит. Огромные кусты, которые к лету покрывались крупными бутонами. Алые. Белые. И когда солнце припекало, воздух наполнялся вот таким же сладким дурманящим ароматом.

Нет.

Здесь розам взяться неоткуда.

Дым.

Туман. Газ? Или очередное проклятое создание, желающее заглянуть в душу Ричарда? Ничего-то там, в душе почти и не осталось.

Тоска только...

— Это не она, — сказал кто-то, вырывая из мыслей.

Степняк.

Крупный. Хмурый. И со шрамом. Шрамы украшают мужчину? Если так, то степняк определенно красив.

— Кто?

— Женщина. Другая. Она выглядит, как Теттенике. Она говорит её голосом. Она смотрит её глазами. Но это не она, — степняк почему-то глядел на туман. И говорил-то будто в сторону, тихо, но так, что Ричард слышал. — Она даже запах украла.

— Но тогда отчего вы уверены, что это не она?

— Не знаю, — честно ответили Ричарду. — Но это не она... однажды мне рассказали историю о древней старухе, которая ходила

по степи. От стойбища к стойбищу. Она просила воды и кусок лепешки, и многие делились. Тогда-то благодарила она и уходила дальше. Но однажды встретилась ей девица красоты невиданной. Была то Айшан, дочь великого воина. Славен был её отец и богат. И многие желали бы взять Айшан в жены.

Вот самое время слушать сказку.

С другой стороны, если слушать, то память заткнется, не вывалит на Ричарда очередной полупереваренный кусок из образов и запахов.

И розы...

Розами определенно пахло.

— Знала то Айшан и возгордилась сильно. Надела на пальцы золотые перстни, нацепила на шею ожерелья многие, а руки украсила браслетами. И увидав уродливую старуху, закричала, чтоб не смела та подходить близко. А после вовсе велела рабам гнать старуху прочь, чтобы видом своим та не оскорбляла прекрасную деву.

К чему все это?

...матушка сидит на траве, окруженная дамами. И кто-то рассказывает... сказку? Наверняка. Ричард мал. Он любит сказки. А матушка гладит тяжелый бутон розы, она задумчива и, кажется, вовсе не видит никого. Ричарда тоже.

А ему обидно.

— Ушла старуха. Но тем же вечером взяла Айшан серебряное зеркало, подаренное каганом, который слышал о красоте девы и пожелал привести её в свой шатер. Взяла. Поднесла. И увидела там старуху столь отвратительную, что не сдержала крик. Так и нашли её в шатре... старуху в одеждах прекрасной девы. А после в степях и деву, что сидела и плакала, и говорила всем, что её зовут Айшан, и что украла её злая ведьма.

— И чем все закончилось?

— Каган глядел на обоих. И велел поднести в дар Матери Степей. Она точно разберется, — степняк прищурился. — Я вижу свою матушку, но она давно умерла. Стало быть, это обман.

Руки легли на клинок.

— Так уж случилось, что род Чангай многие годы был проклят. Наверное... в этом есть свои преимущества. И я слышу, как тянет от этой женщины ложью.

— А её брат...

— Видит то, что желает видеть. Её нельзя убивать, — клинок свистнул, рассекая воздух, и степняк кивнул себе. — Пока нельзя. Если она здесь, то ей что-то надо. Если она забрала чужое лицо, она знает, где та, кому это лицо принадлежит.

И приведет?

Или нет?

Или это не имеет значения?

...смотри, Ричард. Внимательно смотри, — матушка шепчет на ухо, и дыхание её горячо. Это дыхание обжигает шею. Холодные пальцы давят на плечи, толкая к зеркалу, в котором колыхается чернота. — Не бойся, дорогой... ничего не бойся. Просто смотри.

И чернота расступается.

Он видит... площадь, укрытую легкой дымкой тумана. Белые камни. Белые стены. Белые статуи, которые возвышаются над домами.

Серебро щитов.

И суровые лица воинов.

— Что ты видишь? — матушкины руки причиняют боль. — Ну же, Ричард?! Что ты видишь?

— Ничего, — он заставляет себя отвернуться. — Ничего!

И вывернувшись из её рук, убегает.

— Врешь! Ты должен увидеть! Должен! Её крик летит в спину. И подгоняет.

Ричард задыхается от бега. И прячется. В старой башне. В древней башне. Под самой крышей. Крыша давно прохудилась, и в башне сыро. Даже летом. На камнях проступает вода, словно слезы, но это ничего.

Главное, матушка почему-то никогда не искала его там.

Не могла?

Снова морок. Нельзя верить. Воспоминания? А действительно ли это воспоминания? Тварей множество, и среди них найдутся те, что с радостью внушат Ричарду что угодно. Он ведь слабый.

Слабый... слабый.

— Нет, — это он произносит вслух. И возвращается.

На площадь.

Сколько времени прошло? Немного. Ничего не изменилось по сути... та же давящая белизна, в которой однако нет ничего от чистоты. Солнце.

Туман.

Или дым. Он едва-едва поднимается над камнем, словно сочится из него. И тает, не добравшись до края площади.

— Обойти можно?

Туман не выглядит опасным. Но... Ричард чувствует его жадное ожидание. Готовность принять людей. Провести... куда?

Для чего?

— Можно... — Лассар задумчив, и в голосе его слышится сомнение. — Но выйдет дольше.

Туман вздыхает.

И прижимается к камням.

— Прямо, — рядом встает посол Ладхема. — В конце концов, кто знает, что скрывается на других улицах. — Стоит рискнуть...

Стоит ли?

И Ричард взмахом руки отправляет пару Легионеров. Они ступают на площадь и... ничего не происходит. Туман по-прежнему клубится.

И расползается белесыми обрывками, которые просачиваются в камень.

Сквозь камень.

— Хотел вам сказать, — рядом оказывается степняк. Другой. Брат Теттенике, которая... которая повисла на Светозарном. Она что-то говорила, запрокидывая голову, вглядываясь в лицо. — Это... не моя сестра.

— Уверены?

— Нет. Боюсь, здесь я ни в чем не могу быть уверен.

Еще пять шагов.

Сквозь туман. И он приходит в движение. На поземку похоже. Зима в горах начинается именно с поземки. Мелкий белый снег, колючий, ледяной, сыплется из низких туч. А ветер подхватывает его, кружит, рассыпает на горных тропах, чтобы поднять сотней белоснежных змей.

— Моя сестра никогда не стала бы вести себя так.

— Как?

Смех Теттенике заставил туман заволноваться.

— Недостойно. Ко всему мне казалось, что у нее на сердце другой.

Тот ли, который со шрамом? Ричард не удивился бы.

Он и не удивился. Даже обрадовался. Если на сердце другой, то отказ не обидит. Ему бы не хотелось никого обижать.

— Я... не стал бы спорить с выбором сестры, — степняк тоже глядел на туман, на тонкие ленты его, что потянулись вслед за Легионерами, спеша прикоснуться к черным доспехам. И отпасть, и снова подняться, собраться из полупрозрачных клочьев.

Что же это...

— Но кем бы ни была эта женщина — она не моя сестра.

— Возможно.

Середина площади. И Легионеры кажутся такими... маленькими? Ненастоящими? Здешним расстояниям не стоит верить... а где-то с другого края доносится крик, полный боли.

Он заставляет степняка вздрогнуть. Смуглая рука сжимает рукоять сабли. А сам степняк пригибается, словно перед прыжком.

Легионеры...

Туман добрался до колен.

А они идут.

Шаг за шагом. Шаг... еще немного и они окажутся на границе статуй. Еще... шаг. И Ричард считает их про себя. А туман в какой-то момент теряет интерес. Ленты, что дотянулись почти до груди, сползают, да и сам он уходит в камень. Почти.

И пробирается к краю.

Встает.

Лепит...

— Мама, — выдыхает степняк.

— Нет, — Ричард на всякий случай положил руку на плечо человека. — Это не ваша мать. Вам кажется.

— Понимаю, но... проклятье! Это будет сложно.

— Может, — брат Янош кривится, и кажется, что он того и гляди разрыдается. — Может, опять споем?

...споем, споем, споем...

Площадь вдруг оживает. И туман поднимается, одну за другой вылепляя плотные фигуры. Люди... люди и снова люди! Сколько их здесь...

Смех.

Крик. То ли боль, то ли радость, не разобрать.

Белые одежды. Алые одежды. Одежды, расшитые золотом и драгоценными камнями. Высокие прически. Паланкины, поставленные на плечи обнаженных рабов, но и темные их кожи расписаны узорами. Всадник, что спешился, но коня не отпустил. Так и увяз на краю многоцветной, многоглазой, многорукой толпы, что смотрела на Ричарда из глубины времен.

— Что за...

— Слава императору, — глухо произносит Лассар, кулаком касаясь груди. И звук от прикосновения металла к металлу разнесся над площадью ударом колокола.

И опустился на колено человек в белой тоге, склонил голову, увенчанную венком из золотых ветвей. И хрупкая дева в алом платье с лицом, укрытым маской.

И та, что стояла за ней.

За ними.

Люди вставали на колени, один за другим. И это было безумием. Но оно отозвалось единым криком:

— Слава! Императору! Слава!

Глава 31 О том, что все дороги куда-то да ведут

«Сказала она тогда молодцу так: «Вот клубочек тебе, возьми его, брось на дорогу. Он покатится, а ты следом пойдешь. И выведет он тебя к мосту через реку огненную. За нею увидишь три горы — железную, серебряную и хрустальную, а уж на вершине и встанет дворец костяной, в котором и обретается тот, кого ты ищешь». Взял молодец клубочек зачарованный, поклонился, благодаря за ласку, а после вытащил меч свой и зарубил проклятую ведьму. Ибо крепким было слово его, аки и клятва, коия велела зло изничтожить»

Сказ об украденной невесте и королевском сыне, благословенном богами на великие подвиги.

Мы шли.

И шли.

И... и в общем, ничего-то интересного. Помнится, еще в студенческие времена случилось мне бродить по историческим развалинам, в рамках, так сказать, добровольно-обязательной экскурсии. Нет, ничего не скажу, экскурсия и вправду была интересной.

Развалины впечатляли.

Но это потому что я настоящих не видела. Местные... утомили. У меня гудели ноги, чесался обломанный рог, внушая противные мысли о собственном несовершенстве.

А если не отрастет?

Вот возьмет и... и что тогда? Так до конца жизни с ломаным и ходить? Дома я бы могла попробовать нарастить. Волосы же наращивают. И ресницы. И... и многое другое. Чем рога хуже? Хотя, конечно, дома рога — это несколько... чересчур.

Не поймут.

А тут наращивать не умеют.

В общем... такие вот мысли. Это от хождения. И ноги гудят. Теттенике взобралась на спину конемонстра, а когда я сунулась было, драссар весьма выразительно оскалился.

— Извини, — Теттенике смутилась, а я почти даже поверила в это смущение. — Но он демонов не любит.

— Кто их любит, — вздохнула я.

И от коня отстала.

Так мы и шли. Время от времени я как-то поднималась, пытаюсь разобраться в лабиринте местных улиц... Маринка, помнится, моя однокурсница, как-то в Риме побывала. И даже заблудилась. И потом громко рассказывала, как там все запутано.

Здесь, полагаю, ничуть не лучше.

Но...

Мы шли.

И улицы становились шире.

Дома солиднее. Заборы выше. А площадь — ближе. Впервые я увидела её после полудня, когда снова поднялась, бестолково хлопая крыльями. Чувствую, демонам они все-таки не для полету даны, но что ж тут теперь. Так вот, подняться пришлось выше обычного, потому как дома вокруг обзавелись вторыми, а некоторые и третьими этажами, а еще башенок вырастили, за которыми вообще ничего видно не было.

Вот я и...

Поднялась.

И увидела.

Огромную такую площадь, вымощенную камнем. Белым. Но белое тоже бывает разным. Кто пробовал попасть в нужный оттенок, тот меня поймет. Белый. И снова белый. И слегка другой белый. И вот уже по белой мостовой ползут белоснежные же узоры.словно... словно ветви вьются неведомого растения. И листья увидела.

И бутоны.

И... и такую хорошую прямую дорогу, что брала от площади начало, уходя именно туда, куда нам было надо — к Храму. Его громадина оставалась все так же далека, внушительна и незыблема.

В общем, ориентиром служить могла.

Потом. Как до площади доберемся.

В тот раз я стукнулась пятками о камень и зашипела от боли. Крылья сами сложились за спиной, хвост раздраженно затрясся, а я

испытала огромное желание оторвать Теттенике голову.

Просто так.

Чтобы раздражение унять. И... и сидит тут, смотрит черными глазами.

— Сила просыпается, — сказала она, жмурясь. — Если ты не справишься, мы все умрем.

— Да слышала я уже! — я справилась.

В этот раз.

И... и сама пошла. Туда. К площади. Зацокали копыта, подсказывая, что Теттенике двинулась следом. За нею, думать нечего, потянулись Легионеры, которые тоже несказанно раздражали.

Глубже дышим.

Представляем что-то хорошее... приятное... свадьбу, например. Себя... в белом платье. Или тут не белое?

— Слушай, — молчание давило на нервы, и я заговорила первой. — А невесты какое платье надевают? Белое?

— Белое? — удивилась Теттенике. — Белый для мертвецов. Невесту же наряжают красиво.

Она вздохнула.

— Когда я родилась, отец подарил ожерелье из солнечных камней. Когда мне исполнился год — серьги и браслеты. На два...

Я своего отца не знала. И стало вдруг обидно, а за обидой всколыхнулось подавленное было раздражение. Конечно, она ведь дочь кагана. Жила себе, ни в чем отказа не зная. И голодать ей не пришлось, и мерзнуть. И... и терпеть наглуую соседку, которая почти не стесняясь таскала из моей тумбочки косметику. А на претензии только фыркала. Она приходилась комендантше родственницей, а потому была уверена, что ничего-то я ей не сделаю.

И ведь права была.

Права.

— Так принято. Это приданое. Девушка не может уйти в чужой дом с пустыми руками. После я уже сама вышивала и ткала, и шила тоже. Отец купил трех умелых рабынь в помощь.

Злиться смысла нет.

Да и не моя это злость. Просто... просто накатывает. Мне мать и одежду-то покупала нехотя, обычно перебивалась тем, что знакомые отдавали.

Плевать.

Это было. И прошло.

— Когда приходит срок, то дева ночь не спит, молится Матери Степей. На рассвете её омывают кобыльим молоком и росой, собранной с трав. Волосы расчесывают и заплетают в семь кос. Надевают рубаху алую, потом золотую. И платье тоже нижнее золотом шито.

Она едва слышно вздохнула.

А я подумала, что вряд ли там живут столь богато, чтобы все могли позволить золотые платья. Ладно, дочь кагана, но остальные-то как?

— Семь должно быть. Рубашек и платьев. И шуба. А лучше две или три, чтоб все видели, что невеста богата.

А еще здорова, потому как, не знаю, чего там с климатом, но даже посеред зимы три шубы — это не для слабонервных. То есть, слабых здоровьем.

— Отец садит её на кобылицу. Хорошую. Её невеста заберет в новый дом. И еще лошадей, каких за ней дадут. Тут уж отец сам с женихом оговаривает. А тот отдариться должен. И чем больше за невестой дают, тем богаче ответные дары.

Логично, наверное.

Или нет.

Но злость уходит. Недалеко, нет. Я чувствую её, острую, горькую, под кожей. И то, что готова вспыхнуть... я себе представляла свадьбу. Наверное, каждая девочка хоть раз в жизни да представляет свою свадьбу. Самое смешное, что фигура жениха была абсолютной абстракцией, кто-то средний между Кеном, которым владела наша соседка, и маминым любимым певцом.

— Обычно дарят золото, и оно становится залогом того, что, если случится так, что... редко, но я слышала, бывает... возвращается жена в родительский шатер. И живет. За выкуп. Коль богатый, то хорошо живет...

А если бедный, то не очень.

У меня вот платье было бы белым. И кружевным. Пышным, как у принцессы. А еще непременно фата в три слоя. Теперь-то я не понимаю, зачем такая, но девочкой-подростком хотела именно её.

И до земли.

Шлейф.

Цветы.

Розовые лепестки... почему-то представились ровные шеренги Легионеров, мрачно-торжественных в черном своем доспехе, но с плетеными корзинками в руках.

Корзинками, полными розовых лепестков.

— Потом молитва. И еще благословения просят, чтобы все видели, что родители согласны.

— Чьи?

— И жениха, и невесты. Правда, невесту еще умыкнуть можно, но тогда благословение должна ахху дать, а они... — Теттенике придержала коня. — Я думала раньше, что они... ну... они такие... благословенные. А теперь и не знаю.

Я кивнула.

Бывает.

А дорога сделала очередной поворот, и мы оказались перед площадью. Перед огромной, мать его, площадью, вымощенной белым камнем.

— Как красиво...

— Охренительно просто, — отозвалась я, чувствуя острое желание убраться от этой красоты подальше. Нервировала меня такая белизна. Как будто... будто каменное озеро.

...на Байкал я только мечтала поехать.

Но это время.

И деньги.

И ни того, ни другого у меня не было. Но... но почему-то я представляла его себе таким. Необъятным. И чтобы дальний берег терялся в тумане. И дома — чем не горы, пусть даже из белого камня.

Солнце.

Шелест... не шелест — шепот.

— Демон... — выдохнул кто-то в самое ухо. И зачастил, повторяя. — Демон, демон, демон... демон!

Я закрыла уши ладонями.

— Нам... тут... мы не заблудимся? — Теттенике свесилась с конской спины. — Эй, ты как?

Они шепчут, склоняя это слово на все лады. С восторгом. И ненавистью. С ожиданием... чего? Кто это вообще?

Ветер коснулся волос, и я почувствовала, как они загораются. А огонь перетек на руки. И...

— Не заблудимся, — выдохнула я искры, что заплясали в воздухе. — Нам... туда...

Туман расступился, словно повинуюсь моему приказу, и я увидела, что площадь, конечно, велика, но вовсе не так необъятна, как представлялось прежде.

Белое на белом.

Белым по белому. Дорога сама ложится под ноги. И ступать-то на нее не хочется. И... возможно, если по краю, то можно площадь обойти. Но сколько времени это займет?

Впереди что-то блеснуло.

— Может... ты опять посмотришь? — предположила Теттенике, скатившись с конской спины. — А то как-то тут... не знаю... если дракон прилетит, то и спрятаться негде.

Я поежилась. Почему-то сейчас прилет дракона не казался такой уж серьезной проблемой. Не знаю, что с этой площадью не так, но...

Крылья распахнулись за спиной.

И шепот, замолкший было, вспыхнул с новой силой.

...демон, демон... демон!

Знаю, чтоб вас.

И вообще, наполовину только.

Взмах. Воздух густой, и крылья в нем вязнут. И взлетать тяжелее, чем раньше. Или это мне лишь кажется? Но я стараюсь. Еще взмах... туман клубится. Надо же, а я его и не заметила. Там. А сверху виден. Именно он и создает узоры.

Он живой.

Он перетекает, заставляя площадь оживать. И теперь уже не озеро, но ковер, удивительный каменный ковер, покрытый туманными узорами. А там, где-то впереди, из тумана вздымаются огромные статуи. В руках они держат мечи и щиты. Щиты покрыты металлом, и тот отражает свет.

А уже за ними и дорога.

И...

И ориентиром будут. Опускалась я нехотя. Интересно, а если попробовать перелететь? Добраться до тех же статуй со щитами. Там,

за ними, тумана, кажется, не было. Но... тогда пройду я одна. А Теттенике? Оставить здесь? Под присмотром Легионеров?

Мысль вполне здравая, но почему-то не нравится.

И я все-таки коснулась земли.

— Держаться надо их вон, видишь? — я указала на туман, сквозь который проблескивало серебро. — Там статуи. За ними дорога. Ну и дальше будет храм.

Будет.

Должен быть.

И... и не может быть, чтобы мы не дошли. Не может! И конь, будто ощутив мою неуверенность, качнул головой. Вздохнул. И опустился на колени.

Наверное, это было приглашением.

И я воспользовалась.

А уже потом, с конской спины, поглядела на Легионеров. Если... если драссар пойдет быстро, они отстанут. Если медленно, то... влипнем.

Не знаю во что, но ничего хорошего от тумана ждать не приходится.

— Мы... пойдём быстро. Или побежим. Он побежит.

Драссар шлепнул хвостом по боку. И по ноге.

Побежит. И никуда не денется. Подозреваю даже сам, потому что перспектива быть сожженным туманом не вдохновит и коня.

— А вы вряд ли сможете. Так что лучше остаться.

Легионеры молчали. Только один постукал пальцем по шлему. Выразительно так.

— Смысла немного. Всем умирать. А так... так вы вернетесь.

Он покачал головой.

Вздохнул. И ударил себя кулаком в грудь. Грудь загудела. Земля тоже. И туман качнулся. Все-таки странный он. Если смотреть прямо, то и не увидишь, а вот стоит скосить взгляд или вовсе поглядеть на что-то другое, и уловишь такие вот жемчужные переливы.

Движение.

— Не понимаю, — призналась я.

— Я тоже, — подтвердила Теттенике, подбирая поводья. — И ничего не вижу. Точнее вижу, но какую-то... ерунду.

Легионер сделал шаг.

Остановился, прислушиваясь к чему-то.

Второй.

Третий. А я... я не стала его удерживать.

Глава 32 В которой сложно смотреть на мир чужими глазами

«И встали пред ним девы. Были они полнотелы и мягки, с косами толстыми, с очами, небесной синевы полными, с губами алыми да щеками румяными, одна другой краше. И дивились все тому, сколь богата земля красавицами. И многие пожелали бы взять сих дев в жены, да не смели поперед королевича. Он же, ласково говорил со всеми»

Сказ о том, как королевич жену себе искал

Копыто коснулось камня. И Теттенике вздрогнула.

Она вдруг почувствовала, как уходит из-под ног земля, как... преобразается мир. Нет, нет и нет... не сейчас.

— Тихо, — её подхватили чьи-то руки, а перед глазами упала завеса из пламени.

Демоница.

Проклятое создание, которое... которое зачем-то пошло сюда, хотя могло бы остаться там, где безопасно. И это неправильно. Это только в сказках нареченная идет искать жениха по-за моря и окияны, через леса и болота. А в жизни...

В жизни иначе.

Откуда это...

Шепот...

...демон, демон, демон... шепот настойчивый, будто кто-то стучится в голову.

— Сосредоточься, что ты видишь, — пламя у демоницы не злое. Так горит огонь в очаге, нагревая и камни, и воздух. И вьется дым тончайшею нитью, уходит вверх, туда, где в пологе имеется специальное окошко. Через него еще иногда звезды видно. Одну так точно.

Если смотреть правильно.

— Ничего... и все сразу. Как будто то одно, то другое. Но слишком быстро. Не разобрать.

Теттенике сжала пальцы демоницы.

Страшно.

Опять страшно. Кто бы узнал, насколько устала она бояться.

— А ты попробуй сосредоточиться.

— Здесь?

— Ну... условия, конечно, далеки от идеальных, но... вот, знаешь, туман поднимается. И мне это как-то подозрительно.

Теттенике открыла глаза.

Туман... туманы случались и в степи. Разные. Одни плотные, густые, такие, в которых и руки-то своей не видать. Они скрадывали и звуки, и запахи, и в таких было легко потеряться.

Терялись.

Лошади. Овцы.

Рабы.

Свободные люди тоже, хотя все-то знали, что когда земля родит туман, нельзя выглядывать из шатра.

Бывали и другие, легкие, которые не туман даже, скорее уж дымка, что ложилась на травы, питая их росами и силой. По этому туману, наоборот, спешили прогуляться, ибо всякий знал, что только прибудет силы или вот красоты...

А этот?

Не сказать, чтобы плотный, вроде бы и не видать его, но переливается, сияет живым перламутром. И видно, но... что видно? Тень? Человека?

— А где...

— Где-то там, — мрачно сказала демоница и поерзала. — Нам бы побыстрее... и чтобы ты увидела. Сможешь?

Увидеть.

Будущее.

А у них есть будущее? У нее, Теттенике? Даже если жива останется... жить не хотелось. Совсем. Вдруг накатила тоска страшная. В конце концов, кто она? Никто... отец никогда не показывался. Не нужна она ему была. И братьям. Те и вовсе вряд ли помнили, как она выглядит.

Кроме одного...

И он... наверняка притворялся. А на самом деле ему было наплевать. Всем было наплевать.

Права была старуха, ахху ли, проклятая ли, но Теттенике не должна была жить. Ей бы умереть. Еще тогда. И желание стало почти нестерпимым. Копыта цокали по камню. Громко как. Вот бы упасть... на камень. Незаметно и...

— Куда? — огненные крылья вспыхнули куполом. И что-то зашипело, отползло, но недалеко.

А Теттенике сумела сделать вдох.

— Ты... как?

— Никак. Умереть хочется.

— И мне, — призналась демоница. А потом сказала: — Держись!

И щелкнул огненной плетью хвост, обрушиваясь на бока драссара.

— П-шел! — крик демоницы взрезал тишину. И конь, завизжав возмущенно, рванул вперед. Всколыхнулся туман. Поднялся и рассыпался жемчужными осколками.

Задрожал и...

...исчез.

Только мир едва слышно изменился. Стало тихо. Настолько тихо, что исчезли даже такие привычные звуки, как стук сердца и шелест дыхания. Будто... будто вновь она оказалась на изнанке.

А та...

Конь перешел на шаг.

— Слава... — вопль, который донесся откуда-то издалека, разорвал эту оглушающую тишину. — Слава Императору.

— Слава! Слава! — многие голоса подхватили крик. И он полетел над площадью, что вдруг наполнилась людьми. Они возникали из тумана, зыбкие, но в долю мгновения обретающие плоть. И все же бесплотные, ибо драссар двигался среди них.

А люди не замечали.

Хотя как можно не заметить огромного, что скала, жеребца?

— Слава Императору! — сонм голосов сотряс небо.

И загудели, оживая, рога. Хриплый рев их почти перекрыл толпу, следом прокатился гром барабанов.

Это...

Было?

Будущее и прошлое связаны. И если Теттенике открыто одно, то... то и другое тогда тоже?

— Ты это видишь?

— Что?

— Площадь?

— Нет, — демоница крепче стиснула Теттенике. — Только туман. Он поднялся. И кроме тумана я вообще ничего не вижу... проклятье, надо было в обход.

...статуи поднимались над толпой. Каменные воины в доспехе. Белый мрамор и серебро. Серебро на щитах, и солнце, отражаясь от них, словно от огромных зеркал, ложилось на толпу, обжигая благословением.

Это...

...Императоры...

Она вдруг видела статуи глазами... да, пухлой женщины, достойной матроны, матери семерых детей, ныне вдовы, благо, срок траура истек, и показаться на площади было прилично.

...императорская дорога названа так вовсе не потому, что ведет ко дворцу. Отнюдь. Кто и когда поставил первую статуи?

Старик. Сгорбленный и усталый, но тоже выбравшийся на площадь, ибо случалось ему прежде видать коронации. Он пережил троих Императоров. И трижды видел, как поднимались новые статуи. Жаль, уйдет раньше, чем поднимется четвертая.

Старик опирался на измененного, тоже старого, но достаточно крепкого, чтобы защитить хозяина.

...серебро сияло.

И было жарко. Очень жарко. Настолько, что не помогали ни веер, ни опахала в руках рабынь. Да и те больше глазели по сторонам, чем занимались делом.

Выпорет.

Вернутся домой и папеньке пожалуется... выпорет негодяек. А еще надо будет обиду разыграть, что папенька не купил билетов в храм, и пришлось выходить на площадь, как какой-нибудь простолюдинке. Разве это достойно любимой дочери самого Терция Нерона?

Их было так много.

И перед Теттенике мелькали чужие мысли. Чужие жизни, которые открывались спешно, мешая друг другу, сплетаясь воедино, в нечто огромное и неподвластное пониманию.

Это...

Конь замедлил шаг.

Надо... надо решиться.

— Я не вижу, — пожаловалась демоница. — И воздух тяжелый. Подняться на крыльях не выйдет.

Это не воздух — люди.

— Я... помогу, — Теттенике сползла со спины драссара и взяла его под уздцы. — Спокойно. Просто поверь мне.

Поверить кому-то как раз сложно. Но... иначе ничего не получится.

Камень.

Теплый. А от людей тянет холодом. И холод этот пронизывает одежду, заставляя тощее тельце вздрагивать.

— Слава...

Толпа подается вперед, чтобы отступить... хорошо, что этих людей нет.

...матушка будет ругать. Она запрещала приходить сюда. Зачем? Но ведь интересно же ж. Страсть, до чего интересно. Да и Юний пойдет, будет потом нос драть и поглядывать свысока, что он, мол, Императрицу видел. Обидно.

Говорят, красивая.

Теттенике просто шла. Сквозь людей. Касаясь. Собирая капли чужой памяти. Прошлого.

...говорят, она настолько красива, что мужчины от одного взгляда теряют разум. Но вряд ли правда, иначе весь дворец охватило бы безумие. Папенька уверен, что дело в демонической крови.

Все и так знают.

Лидия по секрету сказала, что её отец уже договорился на вызов. И скоро она примет демоническую кровь, а может, и сердце съест. А ведь Лидия младше! И слабее! Дар у неё едва-едва выражен. Но это пока. А потом? Не понятно, почему папенька так упрямится! Мама говорит, что ничего-то опасного нет, что если демона выбрать правильно, то только немного неприятно. Но потерпеть стоит.

Марций ведь заглядывал, но... понятно же, что он из первой сотни, а она? Что она может предложить, помимо приданого? И то не сказать, чтобы большое.

Надо будет маменьке поплакаться, пусть с папенькою побеседует... ради Марция она не только сердце какого-то там демона

съест, она и самого демона, целиком, с рогами вместе.

...ближе.

Еще ближе.

Драссар дышит. И его дыхание не позволяет полностью соскользнуть в прошлое.

Статуи величественны и все-таки... какие они одинаковые, эти великие Императоры прошлого.

...традиции сильны, кто бы что ни говорил. И варвары не посмеют потревожить покой Империи! Теперь, когда Император объявит имя жены своей, и вовсе невозможно даже будет подумать о таком. Он примет силу. И поведет легионы к границам. А может даже границы расширит.

Давно пора.

Эти миролюбивые ублюдки, заседающие в Совете, ничего-то не понимают. Империи нужны земли. Рабы. Золото. Власть и сила.

Кровь.

Выдохнуть. Избавиться от этого кипящего яростью человека.

На статуи смотреть. Статуи — единственный верный ориентир. А в толпе заблудиться еще проще, чем в тумане... но вот узкая линия солдат. Сияющий доспех. Шлемы. У кого-то из шлема торчит алая щетка. Это, наверное, главный. И смотрит он не на толпу, а вперед...

Теперь многое видно.

Дорога.

Широкая такая. Мощеная белым камнем. Как-то слишком много вокруг всего белого. И... нервирует. Определенно, нервирует.

...мальчишка сомневается, что плохо. А ведь она едва-едва держится. Разума осталось немного. Переборщил Униас с демонической кровью, но ничего, осталось недолго.

Толпа безумствует.

Чернь готова славить Императора. Пускай себе. Но утомляет, да... жарко сегодня. Как-то невыносимо жарко и даже амулет не спасает от этой жары. И злит... кого они славят?

Кого приветствуют?

Мальчишку, единственное достоинство которого — пара капель нужной крови? А так... ни ума, ни характера. Влюбился он. В кого, спрашивается? Разве не видит, чем она стала? Да и была... изначально... но он тоже хорош. Император. Сомневаться стал. Мол,

порталы обождут... как они обождать могут, если привычный мир трещит?

Прорывы случаются все чаще.

Ткань мироздания расплзается гнилой ветошью. И Совету давно пора закончить эту игру в Императора. Как будто он нужен кому-то, кроме черни...

Многоголосый вой заставил человека поморщиться.

Теперь Теттенике видела его, одного из немногих, стоявших по ту сторону охраны. Белая туника, алая тога, расшитая золотыми улитками. Седые волосы.

Широкая полоса, пересекающая лоб.

И узор на щеках.

Знаки Мастера. И Советника. Он походил на остальных, что держались с видом независимым, явно показывая, что присутствуют на площади лишь потому, что так принято.

А Император приближался.

Он... шел?

Пешком?

Вот просто... просто шел? Впереди тройка воинов в сияющих доспехах. И в руке среднего — высокий штандарт. Алое полотнище с белой птицей, что распахнула крыла, растянувшись от края до края.

Пара... жрецов?

Черные одеяния.

Бритые головы, смазанные чем-то, потому что слишком уж блестят...

Теттенике потянулась к ним. И коснулась. А один первый, совсем старый, с кожей смуглой и обвислой, изрезанной морщинами так, что казалось, тронь такого и рассыплется, обернулся. И поглядел.

Прямо в глаза.

— Боги, — шевельнулись губы. — Не оставят...

И Теттенике ничего не увидела. У него. А вот у того, что шел рядом, так да... тьма. И холод. Круг. Кровь. Тварь, что бьется, не способная пересечь границу. Девушка столь бледная, что того и гляди упадет в обморок. Маг, легким жестом успокаивающий тварь.

— Осталось немного. Думайте о том, что силы ваши возрастут после ритуала. Вот, возьмите клинок. Подойдите. Не бойтесь. Вы

должны собственноручно отворить демону кровь. И выпить её. Сперва кровь, а потом силу демона.

— Меня стошнит, — девушка взяла нож дрожащей рукой. — Я... я не смогу...

— Это будет печально. Ваш отец очень надеется...

Нет, Теттенике не хочет видеть этого! Ничего не хочет! Она не просила... она... будущее проще, чем прошлое. И... и надо идти.

На дорогу.

Их все равно нет, ни этих вот людей в черных одеждах, правда, чернота их какая-то приглушенная, будто пылью посыпанная.

Девы... тоже босые. И в полупрозрачных покрывалах. Но что-то с ними не то. Они ступают легко, танцуя, и кажется, что еще немного и они воспарят над дорогой.

Статуи.

Близко уже. Добраться надо. И не смотреть никому в глаза...

...что он в ней нашел? Стерва. Тварь. И не красивая. Глаза слишком выпуклые, как у коровы. Ничего, отец говорит, что нужно подождать. Набраться терпения. Что нынешний ритуал ничего не значит, и уже вечером Император будет свободен.

Но о таком даже думать страшно.

Она почти обезумела. И раздобрела. Живот огромный, ходуном ходит, того и гляди вовсе прорвется, выплеснув тварь, которая в твари сидит.

Нет, она не позволит сделать с собой такое, что бы там отец ни думал. Или придется? Если надевать венец, то придется рожать наследника. Не надевать? Позволить кому-то другому назваться женой, а самой остаться в тени? Ненадежно. Да и у отца планы.

Теттенике раздраженно взмахнула рукой, но та лишь прошла сквозь хрупкую деву, с лицом, расписанным алой и золотой красками.

Мысли её обжигали ненавистью.

Дорога.

Огромные постаменты, из которых вырастали статуи. И вовсе не белые. Пожелтевшие, одни больше, а другие меньше. И видятся на камне потеки птичьего помета. Почему-то это обстоятельство несколько примиряет Теттенике с жизнью.

Дышать вот легче становится.

Они почти уже...

Император.

Она как-то сразу и поняла, что это именно Император. Он был в алом. Как кровь. Алая туника, пурпурный плащ. И венец из золота. странный такой. Он начинался от затылка и поднимался вверх двумя крыльями. На крыльях поблескивали драгоценные камни, красные, и казалось, что венец окропили кровью.

Лицо...

Красивый. Пожалуй. Очень даже красивый. Правильные черты лица, в которых чудилось что-то женское. Но... это просто взгляд.

В прошлое.

И... и он шел медленно, опираясь на открытый паланкин, в котором возлежала девушка удивительной красоты. Она была бледна и по высокому лбу катился пот.

Вот...

В темных глазах её застыла боль, словно она знала...

— Эй, — голос демоницы почти разрушил видение. — Ты... все нормально? Мы дошли.

— Дошли, — губы девушки в паланкине дрогнули. — Вы... дошли.

А Теттенике уточнила:

— Еще нет.

До Императорской дороги, вдоль которой выстроились статуи — а ей казалось, что они стоят на границе площади — оставалось пару шагов.

И снова заорали рога.

Загремели барабаны.

А паланкин опустили. Император подал руку, сказав:

— Пора, возлюбленная моя. Народ желает приветствовать ту, которой ныне принадлежит...

И рев толпы стал ответом.

Глава 33 Где открываются пути

«Взяла тогда ведьма рушник расписной, расшитый бисером да нитями драгоценными. Молвила слово тайное и кинула наземь. Потекли тогда реки, поднялись леса дремучие, загудели над головой молодца дубы столетние. И небо сделалась темным, будто посередь дня ночь наступила. Ведьма же молвила: «Ищешь сокровище от глаз людских? Да ни одна тропа явная не ведет к горе зачарованной, к замку хрустальному, с вратами да золотыми. Вот тебе дорога сокровищная. Сумеешь пройти? Твоя сила. Твоя удача». Тогда-то ступил молодец на рушник, да поклонился ведьме, благодарствуя за помощь».

Сказ о том, как Вольга-молодец нареченную искал

Брунгильда погладила секиру.

Странно... место-то такое... слухи про него даже на Островах не самые добрые ходили, а тихо тут. Спокойно. И сожрать никто не пытается.

Преувеличивали.

— Не выходит, — с тоской произнесла Ариция и пот со лба смахнула. — Что-то... не получается.

— А ты старайся лучше! — Летиция стояла с закрытыми глазами.

— Я стараюсь!

— Девочки, не ссорьтесь, — попросил государь всея Вироссы.

Все-таки несерьезный он. То ли дело батюшка. Сразу видно, что и силен, и грозен. А этот хмурится, хмурится и коленку голую скребет.

Никакого величия.

— А ты дракона своего позвать не позовешь? — обратилась Летиция к Мудрославе.

— Не выходит... такое вот... то чувствую, то нет. Она где-то рядом, а пробиться не выходит. И с каждой минутой... будто что-то... не знаю, как сказать. Мешает? Как будто шепот в голову лезет. И такой сильный, что никак не отбиться. И того, другого, я тоже больше не

чувствую. Он шел за Теттенике, смотрел, а потом раз и... оборвалось все.

— Он жив, — сказала Ариция. — И прячется. Но и все.

— Оживает, — Летиция облизала потрескавшиеся губы. — Они оживают. Они... и город тоже. Надо спешить.

— Может, ты опять кого из местных поднимешь? Пусть дорогу укажет, а?

— Я пробовала. Но они тоже ускользают.

— И что делать станем?

— Я могу на дерево взобраться, — предложил несолидный государь. — Или на крышу...

Брунгильда покачала головой.

— Так мы далеко не уйдем, — сказала она. — Часто придется взбираться. Да и не все-то видно.

— Есть другие предложения?

— Можно... — она почувствовала, как щеки полыхнули румянцем. — Попробовать. Путь открыть. Раз уж я пути открываю.

А то получается, что никакой-то от нее пользы. Кто-то драконом управляет, кто-то с покойниками беседует, а кто-то поднимает мертвых тварей.

Брунгильда же...

Она дочь Островов, моря и ледяного ветра. Камня, из которого рождаются скальные сосны и люди, крепостью своей им не уступающие. Она... она должна сделать хоть что-то.

— Он ведь сказал, что я могу открыть путь, — она оперлась на секиру. — И если не из города, то туда...

Она махнула рукой.

— А получится? — с сомнением поинтересовалась Летиция. — А то ведь... мало ли где это «туда» будет.

Мудрослава просто кивнула.

Ариция задумалась.

— Я бы, пожалуй, рискнула, — сказала она. — Потому что сами мы тут можем блуждать до ночи. И потом еще столько же. И так до тех пор, пока нас все-таки не сожрут.

Она потерла руками и сказала:

— Давай.

— Что давать?

— Открывай. Путь. Я даже готова первой пойти, настолько все это... утомило, — она явно собиралась сказать что-то иное, но все кивнули, соглашаясь, что именно в усталости дело.

А Брунгильда вздохнула.

И подумала, что вот кто её за язык-то тянул? Могла же промолчать, раз уж все забыли. Шли бы себе... вон, на крыши есть кому взбираться. И на дерева.

И вообще...

Как-нибудь дошли бы.

А теперь чего?

— Я... не уверена, что выйдет.

— Поздно, — мрачно произнес виросец. — Если я чего-то понимаю, то лучше бы все-таки что-то да вышло... а то вон.

И указал куда-то вперед.

— Там... там...

— Мертвецы, — меланхолично отозвалась Летиция. — Только без душ. Я с ними не договарюсь.

— Я тоже... я в них вообще ничего не чувствую!

Брунгильда сглотнула.

Существо, которое заметил государь всея Вироссы, двигалось медленно. Издали оно походило на человека. Уродливого, перекошенного на один бок человека с чересчур длинной рукой, которая почти касалась земли.

— Там... еще один.

— Не один, я полагаю, — виросец нахмурился и уставился на свои руки. — Щит... как его ставить?

— Также, как путь открывать! — рявкнула Мудрослава. — Давайте... убежать от них не выйдет.

— Почему?

— Лично я долго не пробегу. Знаешь ли, не учили... царевнам бегать не по чину. А они вот могут долгехонько. Просто загонят.

Тварь была покрыта лохмотьями серой то ли одежды, то ли кожи.

И уродлива до крайности.

— У меня секира есть, — Брунгильда вцепилась в нее обеими руками. Но уже знала: не поможет.

— Ты лучше того... путь открой. Дверь. Чего-нибудь открой! Будь человеком!

Она и есть человек, но...

Путь.

У нее получалось... то есть, в прошлое получалось, но там Брунгильда была не одна. И... и кровь! Кровью Никас поделился. Так... кровь стала связующей нитью. А здесь?

Надо... надо представить себе место.

Какое?

Какое место она, мать его, может представить в городе, в котором никогда не была? Про который только и знает из рассказов Теттенике. А как понять, сколько в этих рассказах правды-то?

И...

Так, за первым мертвецом показался второй. На этом и доспех уцелел, правда, тоже какой-то мятый, словно жеваный.

— Надо решать... если не получится, в дом уходить и там... сидеть.

— Погоди... — Брунгильда попыталась вспомнить ощущения... да, зыбкого тумана.

Закрывать глаза.

Это... это и вправду туман. Туман приходил с моря. Он рождался где-то там, на западе, где скалы толпились тесно, выглядывая из воды кривыми зубами. Он расползлся, растекался по волнам. А после поднимался выше и...

— Что за...

— Тише ты, — шикнула на брата Мудрослава. — Если я правильно понимаю, она открывает эту долбаную дверь.

То есть, бегать царевнам не по чину, а ругаться, выходит, что можно?

Туман густел. Он укрывал небо со всеми звездами и луной, и часто был столь плотным, что даже яркое летнее солнце не способно оказывалось пробить сизую шкуру его.

— Возьми меня за руку, — Брунгильда вытянула её. И чьи-то теплые пальцы обвили ладонь. — Остальные тоже. Я... не уверена, что получится, но не хватало, чтобы мы еще и потерялись.

Туман приносил звуки, которым нельзя было верить.

Он любил играть с людьми и кораблями. Но Брунгильде уже случалось идти вот так... к дому? Нет, дом далеко. Сил не хватит. А вот... вот туда, где ждут.

Звездочка, звезда...

У отца имелся путеводный камень. А что есть у Брунгильды? Секира. И пальцы, не понять чьи, что стискивают руку. Она слышит человека, который рядом. Дыхание его. Стук сердца.

Тропа?

Если так, то пусть ведет. Куда? Туда, куда судьбой показано. У судьбы множество дорог. И вспомнилось вдруг, как мечтала она... да о чем только не мечтала, сидя там, в пещере, над обрывом. Глядя на бушующее море и греясь у огня.

Шаг.

И еще.

И тонкая нить протягивается сквозь колышашееся марево. Куда ведет? И так ли важно... от судьбы не уйдешь. Так говорили. Вот и будет повод проверить.

— Как-то здесь... — шепот Летиции пробивается сквозь тихий шелест волн.

Моря нет.

Ничего нет.

Только тропа, проложенная то ли Брунгильдой, то ли демоном. Но если так, то пусть. Дети Островов никогда не избегали сражений.

Но когда туман поредел и рассыпался, Брунгильда вздохнула с немалым облегчением. Получилось?

— Мы... где? — поинтересовалась Ариция. А Брунгильда совершенно честно ответила:

— Понятия не имею.

Туман отползал медленно. Сперва он выпустил именно её, виросскую принцессу, которая и в этом странном наряде не утратила красоты. Пусть она невысока и кажется вовсе хрупкою, несмотря на все округлости фигуры, но нашлись бы, несомненно, охотники...

Не о том мысли.

Вот показалась сестра её, все еще задумчивая, отрешенная. Наверное, тяжело это, постоянно видеть чужие смерти. И оттого стала Летиция Ладхемская бледна чрезмерно.

Рыжий виросец.

Мудрослава.

Хорошо. Все-то на месте...

...даже костяная мертвая тварь прошла.

Туман не спешил развеиваться. Наверное, следовало бы что-то сделать. Как-то закрыть проход, но Брунгильда понятия не имела, как. Главное... главное, мертвецы остались там. Это она чувствовала. И то, что туману жить недолго.

Вот показались белые камни.

И где-то там, в высоте, выглянули из тумана огромные головы. Потом стали видны плечи, что эти головы держали. Щиты, сияющие серебром, мечи... в общем, статуи.

— Это площадь, — прищурилась Мудрослава.

— Мертвецов, — поправила её Летиция. — Это площадь мертвецов... и их здесь много. Так много!

В её голосе звучало вполне искреннее удивление.

— А еще... еще они не помнят, что умерли. И... и нам туда, — она вытянула руку, указывая на статуи. Впрочем, Брунгильда тоже чувствовала. Пусть туман почти развеялся, позволяя разглядеть огромную, едва ль не с весь остров их, площадь, а еще статуи и дорогу, которая за ними начиналась, но нить никуда не исчезла.

Нить шла.

К дороге.

И дальше, туда, где купался в лучах полуденного солнца то ли храм, то ли дворец, то ли и то, и другое разом.

— Не нравится мне все это, — покачала головой Мудрослава и оглянулась. За спиной из тумана выползло каменное устье очередной улицы.

Дома.

Ограды.

— Идти все равно придется, — Летиция обняла себя. — Только... не знаю, но... постарайтесь не смотреть.

— Куда?

— Никуда. Пока вы не видите их, они не способны увидеть вас. И... идти придется быстро.

Очень.

А она никогда не умела бегать. Да и как научишься, если с малых лет твердят, что принцессы не бегают. Даже играя в салки. Даже пытаясь поймать ворону, тем паче что ловля ворон совершенно неподходящее занятие для принцесс.

— Стоять, — государь все Вироссы покачал головой. — Так нельзя. Если бросимся бегом все, то кто-то отстанет. И... выдохнетесь быстро.

В этом была своя правда.

Она ведь... она еще пыталась бегать, когда стало модно играть в теннис. Но потом батюшка счел это неприличным, и запретил.

Верховую езду тоже. Не из-за неприличности, а чтобы не свалилась.

Вдруг да покалечится.

Кому нужна калеченная принцесса? Летиция прикусила губу. Почему-то стало обидно и даже очень.

— Нужна веревка или вот... пойду впереди. Брунгильда, ты замыкающей.

Спорить островитянка не стала, чуть склонила голову, показывая, что понимает.

— Пойдем спокойно. Силы надо беречь. Пока... Лети, ты скажешь, когда станет по-настоящему опасно?

Лети?

Её никто так не называл прежде. Это ведь немислимая вольность. С другой стороны, какой толк от мыслимых вольностей?

— Если пойму, — ответила она сдержанно.

А в Вироссе холодно, говорят. И если так, то никто там с голыми коленками не ходит, а наоборот, все шубы носят. Наверное, очень холодно, потому что на представлении ко двору посол явился сразу в трех шубах. И очень потел. Его даже жаль было.

А матушкины фрейлины потом долго шептались, меха обсуждая.

Интересно, ей шуба тоже положена будет? И если так, то за счет казны её справят или из собственных средств? Папенька-то часто отказывал, когда Летиция просить на наряды приходила, что, мол, казна оскудела и за счет её никак купить ткани ли, ленты ли, иное что важное, не выходит.

А вот собственное содержание Летиция еще когда потратила.

...у королевы содержание побольше.

Должно быть.

В теории.

Кто-то засмеялся, таким вот на диво нехорошим, скребущим душу смехом, от которого все глупые мысли и вылетели из головы.

— Смотри, — сказали ей.

— Держимся крепко. Даже если покажется, что вы кого-то там видите. Или вас зовут. Или еще что... держимся. Ясно? — теперь голос Яра звучал строго и... жестко?

Пожалуй, что.

Летиция хотела было посмотреть на него, но поняла, что если откроет глаза, то увидит вовсе не виросского государя, а то, что ей покажут.

Но она не хотела.

Не хотела она...

— Я не смогу идти с открытыми глазами, — пришлось признаваться. — Извините. Если... тут умерли люди. Много-много людей. Понимаете?

— Чувствую, — мрачно отозвалась Ариция. — И они никуда не ушли. Как... там, в доме.

В доме тоже были тени.

И призраки.

И...

— Держимся, — сухо велел Яр. И взял за руку. Крепко так. А потом вложил в пальцы что-то мягкое и длинное. И даже этим мягким, руку опутал. — Так надежнее. Я первый.

— Виверн...

— Он мертвый, — Летиция облизала сухие губы. Нехорошо. Нельзя. Потрескаются. Плевать. — Мертвые мертвых не видят.

А вот живых — очень даже. И те, что были на площади, ждали.

— Все. Оттягивать дальше смысла нет, если только...

— Не получится, — голос Брунгильды был печален. — Я пробую, но как будто вязнет...

— Они не дают.

— Идем так быстро, как это возможно. И... Слава, поддержи её тоже.

Кого?

Летицию. Надо же, она снова беспомощна. И...

Шаг.

Ничего не происходит. Разве что шепот в голове теперь звучит громко, почти криком.

— Смотри!

Нет. Она зажмуривается.

Смех. И крик:

— Слава... Императору...

Этот крик доносится словно издалека. И тоже не стоит вслушиваться. Души... души не способны навредить живым. Так говорил наставник. И еще про то, что на самом деле Летиция не с душами дело имеет, а с их остаточным отпечатком. Что души в миг смерти уходят к Пресветлым Сестрам, дабы обрести вечный покой и благодать, а вот в телах остаются некие эманации.

Смерти.

Да, об этом стоит думать.

Идти и думать. Опираясь на руку, которая сильна и тепла. И он совсем-совсем не похож на кавалеров двора. А их ведь много. И тот, за которого Летиция едва не вышла замуж, он... как его звали-то? Надо же. Она едва не связала с человеком жизнь, а теперь получается, что и имени не помнит. Как такое вообще возможно?

Выходит.

Грохот какой...

— Слава Императору!

— Вы тоже это слышите? — нервно интересуется Мудрослава. — Будто... голоса какие-то... и кричат.

— Слава Императору! — повторила Летиция. Звук собственного голоса показался неприятным. И странным до крайности. Разве у нее такой вот, скрипучий, дерущий душу, голос?

Нет, конечно.

Это те, что ждут.

Давно... они так давно... ждали... и вот дождались.

— Туман поднимается.

Брунгильда. А ведь Летиция видит и с закрытыми глазами.

— Если так, то мы потеряемся...

Брунгильда светится изнутри ярким оранжевым светом. Как... нет, не свеча. Или свеча, но очень большая? Главное, этот огонь отпугивает прочих. А вот сестра — бледно-зеленая. И не пламя — марево... зыбкое такое, жутковатое, честно говоря.

Так выглядит некромантия?

Яр золотой.

...вироссцы предлагали ссуду, но что-то пошло не так. Они хотели концессий и льгот, но этого все хотят. Еще кораблей. Корабли у Вироссы есть, но какие-то совсем худые. И если с концессиями еще ладно, то корабли Совет не одобрил. А папенька слишком много Совету задолжал, особенно отдельным советникам, чтобы их не слушать.

Не сложилось.

Но золото красивое. Не яркое. Скорее уж... сестра его бледно-голубая, а вот сама Летиция — пурпурная, злой какой-то цвет, но насыщенный.

Пурпурные оттенки ей не шли, как и другие слишком яркие. Хорошо, что яркость давно не в моде.

— Слава, слава... — крик оглушил. И Летиция споткнулась. Она бы, может, упала, но её подхватили и удержали.

— Их так много...

— Туман выше нас.

— Брунгильда, — все еще скрипучий голос, как у старухи. А оперная дива, которую папенька иногда навещает, пила для голоса сырые яйца. Гадость. Но как бы самой Летиции не пришлось последовать...

— ...Императору!

Оглушили. Почти.

— Брунгильда, ты еще видишь статуи?

— Да.

— Запомни их. А потом... попытайся проложить дорогу.

— Я не открою её!

— И не надо! Просто проложи. Я вижу...

Огненная нить протянулась сквозь пустоту.

— Теперь и я вижу, — с удивлением сказала Брунгильда. — Я когда-то... маленькая еще была, не умела толком по звездам считать. Но уже в море выходила. Тайком. Все хотелось показать, что взрослая. Так вот... однажды лодку вынесло от берега и в открытое. Я не сразу поняла. Там же ж это быстро, вот вроде берег, земля, а вот уже и нет. И всюду, куда ни глянь, вода. Море. Те, кто давно ходят, они поймут. И по звездам вернуться смогут, и вовсе волну отличат.

— А там есть чего отличать?

— Конечно. У берега волны совсем другие. Но я сперва думала, что все уже. А потом вдруг поняла, куда править надо. И не ошиблась. Правда, все одно не успела. Хватились. Выпороли.

Нить была крепкой.

И хорошо.

Главное идти, не останавливаться.

Глава 34 О том, почему не стоит смотреть в бездну

«А из всех девиц искать надобно такую, чтобы хвалили её не за красу, но за скромность да нрав добрый, за руки умелые, ибо с того дому мужьему лишь прибыль станет. Краса же скоротечна и пагубна для души, ибо иная, услышавши от людей, что красива она, возгордится премного. И в гордости этой решит, будто бы стоит она надо всеми, и над своими родителями, и над мужем, и над семьею его. Станет она требовать от мужа покорности и восхищения, а еще даров всяческих, грозясь, что, ежели не станет он баловать, уйти к другому, тем позор немалый учинивши».

Сто советов о правильном выборе жены

Главное — идти. И держаться.

Не позволить себя закружить в танце... танце?

Грохот барабанов. Костры, которые разложили прямо тут, на площади. Барабанщики сидели на земле. Темнокожие. Обнаженные.

Неприлично-то как!

Их руки мелькали, то взлетая, то слегка касаясь натянутой шкуры. И алые, желтые узоры на лоснящейся потом коже оживали.

Кружились девы. Прекрасные ли? Летиция не знала. Не разглядеть. Главное, что летели крыльями прозрачные шелка, создавая узор за узором.

Кто-то смеялся...

— Идти, — повторила Летиция. — Быстрее... я не хочу, но вижу их.

Да, смех... и голоса, почти заглушенные грохотом барабанов. Дудки. И инструмент, похожий на огромное птичье крыло. Бледные и тонкие руки с неестественно длинными пальцами тревожат струны.

— ...сейчас бочки выкатят и начнется, — говорит мужчина, глядя на танец.

Все сдвигается.

Слегка.

Теперь видно, что площадь огромна, и танцуют... там. И здесь тоже. Огороженные огнями круги, а меж ними бродят люди. Их тоже много. некоторые уже пьяны. Некоторые ждут, когда ночь падет и начнется настоящее веселье. Бочки выкатывают, и они тотчас окружаются людьми.

— Чернь... — морщится другой. — До чего низко пала Империя!

— Можно подумать, раньше было иначе.

— Не скажи. Мне кажется, он заботится о благополучии черни больше, чем о действительно достойных людях. Этот проект его... строить школы. Для черни! Зачем? А искать одаренных? Снова среди черни? Обучать?

Мелькает рука.

Надо идти.

Вперед.

По нити. Туда, где дрожит слабый огонек. Пламя от пламени. Лишь бы не погас, тогда все заблудятся.

— Все просто. Мальчик понимает, сколь зависим от нас. По сути мы все зависимы друг от друга, — человек кивнул кому-то, чьего лица Летиция не разглядела. — Кто бы ни занял трон, он будет лишь одним из Круга. Ему просто нечего будет противопоставить магам.

— Чернь спасет?

— Не сразу... но подумай, среди них тоже есть одаренные. Пусть и слабые, но... усилить несложно. А еще дать понять, что они живы, пока жив хозяин. Он собирается вырастить собственных магов. Верных, как псы.

— Много ли толку...

— Свора псов способна и медведя завалить. А наши смотрят на это сквозь пальцы. Не понимают. Им главное, чтоб мальчик не лез в дела Совета... не мешался... а что этому Совету осталось недолго... еще пара десятков лет и...

У них их нет.

Они умрут. Не через пару десятков лет, а через несколько минут. Летиция знает. Она... она видит.

Нет, нельзя.

Видит она. Видят её.

И человек обрывает фразу на полуслове. Он оборачивается к ней, к Летиции. И ловит взгляд. Он... наверное, красив. Лицо правильное, как у одной из тех статуй, которые матушка велела поставить в золотой зале. Статуи были древними и обошлись в безумные деньги...

...взгляд у него нехороший, хоть и живой, в отличие от статуй.

Губы кривятся.

И рот...

Грохочут барабаны. Летиция отступает, прячась в этом грохоте. В кружении чужого танца.

— Надо возвращаться, — тот, второй, ничего не заметил, отыгрывая давно позабытую сцену. — Пока наше отсутствие не заметили. Мальчик честолобив и злопамятен. Хотя... ты, пожалуй, прав. Его игры с чернью ни к чему хорошему не приведут. Но пусть завершит проект, а там подумаем, кем его заменить.

Человек, тот первый, поворачивается.

А его лицо, искривленное, такое, будто смятое чьей-то огромной рукой, искажается еще больше.

— Ты умер.

— Я?

— И я. Мы все... ты умер! Я умер! Все умерли! — крик его обрывает кружение танцовщицы, и Летиция понимает: момент настал.

Она тоже поворачивается. Не к Летиции. К говорящим. Её лицо, невероятной красоты, вытягивается. Размыкаются пухлые губы, и черный язык скользит по нижней.

Грохот смолкает.

На доли мгновенья. И слышится чей-то вздох.

— Что за...

Встает чернокожий барабанщик. Он двигается медленно, словно во сне, словно не способный поверить, что способен двигаться. И палец сует под ленту ошейника. И та рвется.

— Что тут...

А где-то далеко, очень далеко, вырастает огненный цветок. До самых до небес.

— Бежим, — Летиции хочется кричать, но вместо этого она шепчет. И шепот тонет в гуле толпы.

Снова хмурится тот, говоривший.

— Ты... чувствуешь?

— Что? Твою ж... это сила... они не удержали демона... они... мать твою! Они не удержали демона!

Танцовщица скользит. Её движения по-прежнему завораживают, и бледно-синий шелк вьется, ластится к воздуху. А пальцы касаются белой груди.

— Поиграем? — говорит она.

И пальцы пробивают грудь.

Крик человека разрывает ночь. А кровь льется... первая кровь. Скоро её станет много. Так, что и не вынести.

— Бежим! — Летиция почти умоляет. И её слышат. Сначала дергают, и она бежит, вместе со всеми, но с закрытыми глазами бегать сложно, и Летиция спотыкается.

Падает.

Ссаживает руки о камень. Как же больно! Но заплакать не успевает. Её подхватывают.

— Держись! Шею обними...

Она бы и рада, но... как можно обнимать, когда вокруг столько крови?

Её трясет. И... держат.

Хорошо.

Никто и никогда прежде не носил её на руках.

— Славка!

— Я тут...

— Говорите, — Летиция вдруг обретает голос, слабый, потому что сил у нее не осталось. — Говорите... пожалуйста.

— Во поле береза стояла... — завопила Мудрослава. — Чего? Я не знаю, о чем говорить...

Кровь рассыпается в воздухе алым бисером. Переливчатым. Нарядная, она падает на головы людей, и те даже не понимают сперва, что происходит.

Люди веселы.

Хмельны.

И многие напрочь лишены дара, а потому не слышат, как трещит мироздание. Люди... поднимают головы к небесам.

И умирают.

— ...во поле... что-то там стояло! — у Ариции голос дрожащий. Сиплый. Пение никогда-то ей не давалось. — Что там стояло?

— Береза!

— Зачем?

— В смысле?!

— Зачем она стояла?

— Просто стояла и все. Это песня! У вас не поют?

— Про березу? Нет. У нас... о любви поют. Трагической.

— Не надо о трагической! — взмолилась Летиция.

Смерти... смерти было так много, что она перестала быть настоящей. Вот ломается пополам человек и демон прыгает на тело его, раздирая руками. Демон по-прежнему красив, пусть измаран кровью. И другой тоже... третий... крики радости сменяются криками боли.

— Еще есть про подвиги!

— Давай, — Яр слегка запыхался. А площадь... площадь все не кончалась. — Про подвиги я люблю!

— Я не знаю, — призналась сестрица. — Проклятье... мне кажется, или мы стоим на месте?

— Мы бежим, — уточнила Брунгильда. — Но и...

— Увязли, — Яр остановился. — Ты как?

Это он...

Летиции. Она открыла глаза, отметив, что ничего почти не изменилось. Или... нет. Слегка. Мир дрожал и двоился. В одном демоны, вырвавшись на свободу, убивали людей. В другом над площадью поднимался туман, в котором и собственной руки не разглядеть.

— Н-нормально, — призналась Летиция. — Я... я могу стоять. Сама.

— Хорошо.

Её отпустили. Правда, не сразу, лишь убедившись, что она и вправду способна стоять сама. И даже тогда взяли за руку. Как ребенка... конечно, когда она была маленькой и еще не понимала, что такое — быть принцессой — у неё имелась нянечка. Не одна, конечно, но эта гуляла с Летицией по саду и держала за руку. И... и тогда было спокойно.

Здесь спокойствия не доставало.

— Так... — Яр приложил свободную руку к голове. — Я... тоже вижу эту нитку. И вроде недалеко, но...

Их не пустят.

— Не пустят, — послушно повторила Летиция. А потом высвободила руку и повернулась к туману. В конце концов, она — принцесса.

Ладхемская.

А это что-то да значит. И... и вести себя она будет именно как принцесса.

— Эй... — окликнул её государь всей Вироссы... все-таки придворные живописцы совершенно ничего в искусстве не понимают.

Нарисовали бы нормальный портрет, может... может тогда бы Летиция еще и подумала. А они? Вот то-то же...

— Не мешай. Пожалуйста, — она поправила платье.

Не важно, что чужое. И что по моде тысячелетней давности. И... и что непривычно носить такие. Принцесса обязана быть принцессой.

Не имеет значения, что на ней.

И где она.

— Вы, — Летиция подняла голову.

И плечи расправила... шепот герцогини снова звучал в ушах. Вы, ваше высочество, должны помнить о том, кто вы есть.

Она...

Она есть.

Летиция Ладхемская.

— Я слышу вас, — сказала она призракам, которые поворачивались к ней. Один за другим. Один за... и было их так много, что сердце обмирало от страха. — Я вижу вас. Всех.

Спокойствие.

Даже когда сердце выпрыгивает из груди. Мягкая улыбка. Вежливая. С тенью сочувствия, ибо они не виноваты в том, что произошло. Впрочем, как не виновата сама Летиция.

— Вас много, — она подняла руку и коснулась тумана.

...женщины.

Мужчины.

Ребенка?

Демона? Демоны тоже умирали. Демоны... они ведь не хотели, не просили быть вызванными. Они дарили этому миру кровь, которая его травила. Но люди не понимали. Люди ошиблись. И пришло время исправить эту ошибку.

— Что за...

— Тихо ты, — шикнула на брата Мудрослава.

А туман обретал лица. Снова. В который раз? И рассыпался, чтобы вылепить давно ушедших людей. И не людей. Они становились рядами. И за рядами — другие. Третьи. Молчаливые. Ожидающие.

— Вы ждали, — Летиция видела их всех. И душа плакала от боли, эхо которой долетало сквозь время. — И я пришла. Я попробую дать вам свободу, но... не мешайте. Пожалуйста.

— Лети...

— Возьми меня за руку... погоди. Яр, есть что-то острое?

Ей молча протянули клинок.

А резать себя страшно. Едва ли не страшнее, чем умирать. Еще и больно. Но с болью Летиция справляется. Это... это малость.

— Теперь ты, — она протягивает клинок Ари.

— Это, между прочим, негигиенично! — сестра ворчит, но на ладони её расцветают алые пятна. И туман, чуя близость крови, приходит в движение.

— Стоять! Мудрослава...

— Ты...

— Они нас не пустят. У одной меня точно не хватит сил дать им свободу. А если вместе, то... то стоит попробовать. В конце концов, что еще остается, кроме круга?

Брунгильда.

И вироссцы.

— Давай я, — Яр берет сестру за руку. — Отвернись.

— Выдержу.

— Не сомневаюсь. Чтобы ты да... но лучше отвернись.

И себя режет. У него кровь тоже алая. И... и это ничего не значит.

— Дальше что? — Мудрослава смотрит на рану.

— Не знаю... надо... давайте за руки возьмемся, если круг. Так, — Летиция накрыла ладонь сестры своей. А сверху положила руку Брунгильда. И... и что у них получится?

Получится ли хоть что-то?

Должно.

Туман...

И сила. Теперь она видит, как сплетаются воедино... красный и зеленый, и еще огненный... золотой. Синий. Все вместе. Сила течет.

Летиция чувствует её биение. И биение своего сердца.

Не только своего.

— Свобода, — губы сами произносят слово. — Волей своей... я отпускаю вас... всех вас... на свободу.

Сила, которая стекала, мешаясь с кровью, падала на древние камни, пробуждается. Она создает кольцо, а кольцо растекается... и касается тумана.

Ничего не происходит.

Целое мгновение ничего не происходит... и Летиция ошиблась? Решила, что знает, что... а потом туман становится светом.

И света становится так много.

Слишком много, чтобы выдержать. И наверное, она бы в страхе отскочила, забрала бы руку, но кровь и сила не позволили. Сплели. Связали. И...

— Щит! — крик Мудрославы доносится сквозь обжигающий, ослепительно белый свет. А следом перед Летицией вырастает золотая стена.

— Охренеть! — в голосе Яра искренний восторг. — У меня получилось.

У него получилось.

И... и у Летиции тоже.

Кажется.

А в следующее мгновение волна силы, качнувшись, покатила по площади.

Глава 35 В которой подданные приветствуют Императора

«И собрал тогда он рыцарей, и молвил так: «Вот люди, достойнешие из достойных, силой своей заслужившие добрую славу. Так кому править, как не им? Да не будет отныне власти, высшей, нежели власть Совета!» И по слову его внесли в залу стол невиданный, круглый, а к столу — двенадцать стульев, красной тканью обитых, дабы каждый из рыцарей получил свое место. Так и стали с тех пор править, равные пред людьми и богами...»

Легенда о древнем короле Артаре и его сказочной стране.

Ричард... смотрел.

Не только он.

— Вы... видите? — тихо спросил Ричард.

— К сожалению, — глухой голос Командора донесся сквозь ропот толпы. — Их не существует. На самом деле. Это... это просто память.

— Чья?

— Людей? Города?

— Слава Императору... Слава...

— Идем, — Ричард мотнул головой. — Надо... добраться...

Как ни странно, но призраки не мешали. Они растворились, чтобы вновь обрести плоть, но уже чуть в стороне. И отряд двигался, оставаясь словно бы вовне.

Два времени.

Два времени не смешаются воедино.

— Вперед... — голос брата Януша на мгновение перекрыл прочие звуки. — Ишь, разглазелись... голых баб не видели, что ли?

— Таких не видели...

Помост возвышался там, у Императорской дороги.

Огромный, построенный для события великого, он сиял золотом. Груды цветов перед ним медленно умирали на жару. Перед цветами кружились в танце женщины.

— Тогда шагу прибавь! Подойдешь ближе, будет лучше видно.
Ать-два... ать-два...

— Слава Императору!

— Тьма беспокоится, — это уже Артан, в руку которого вцепилась та, что надела лицо Теттенике. И теперь это лицо было искажено мукой.

Притворство?

Или... тьма и вправду волновалась. Она ощущалась Ричардом этаким морем, безбрежным, бескрайним, хранящим в утробе своей ураганы.

— Невыносимо, — севшим хриплым голосом сказала Теттенике. — Так стучат...

— Не слушайте.

— Слава! — рев оглушил, и два времени едва не слились воедино. А на помосте показался Император. Странно, Ричард ждал чего-то... кого-то... более впечатляющего, что ли? Этот же... невысок. Сухощав. В золоченом доспехе, который тоже странен. Сияющий нагрудник. Алый плащ, закрепленный двумя фибулами в виде львиных голов. И короткая... юбка? Или как это называется.

Голые ноги.

Поножи, тоже золотые и со львиными головами. Львы скалятся.

Он кажется босым, но потом Ричард замечает веревочки, что опутывают голени. Веревочки тоже золотые. А на голове Императора — венец.

— Слава, Слава... — толпа беснуется.

И тьма с нею.

Ведьма шипит... и из носа, из ушей её идет кровь.

— Замолчите! — визг её почти не слышен. Но Артан хмурится и смотрит. На Ричарда. Надо что-то... что?

Ричард качает головой и протягивает ведьме платок.

Не сейчас.

...Император простирает руки над площадью, и крики стихают. Воцаряется тишина. Но ей веры нет. Люди смотрят. Жадно. С надеждой.

— Сегодня, — усиленный магией голос разлетается над площадью. — Особый день! День, когда я...

Он красиво говорит.

Завораживающе.

И руку подает, помогая деве выбраться из паланкина. Она вот прекрасна. И красота эта заставляет толпу податься вперед. А дева знает о своей силе.

Она стоит, опираясь на руку Императора, придерживая округлившийся живот.

— ...и уже сегодня Империя совершит прорыв...

— Пусть замолчит... пусть... не смотрит... она пусть не смотрит, — ведьма съеживается и не падает лишь потому, что Артан Светозарный подхватывает её. Во взгляде рыцаря видится недоумение.

Ричард и сам не понимает.

— Вперед, — он решается ступить на камни. — Смотреть можно долго. Идем. Плотнее. Теснее. Легионеры по краю.

Толпа остается вовне.

А они... идут.

Сквозь призраков минувшего, сквозь горький туман. К серебру щитов, которые кажутся обманчиво близкими. Но идут.

— ...веселитесь же! Славьте мою дорогую жену!

Толпа кричит.

А щиты...

Еще немного. Светозарный подхватывает сомлевшую ведьму, закидывает её на плечо. И корона вспыхивает злым светом. Ведьма же слабо дергается, но замирает.

— Она живая?

— Кто ж знает, — Артан держится рядом. — Не знаю... мне тут... такое чувство, не знаю... с одной стороны почти как там, будто я домой вернулся. А с другой... будто в этом доме кто-то нагадил.

Император подводит супругу к паланкину и заботливо помогает сесть. Он что-то говорит, не расслышать, что именно, но женщина смеется. Она запрокидывает голову, проводит пальцем по бледной шее, и кажется, что от этого прикосновения остается след.

Паланкин подхватывают.

И процессия удаляется. А на помост взбегают девы в полупрозрачных нарядах. И грохот барабанов спешит задать ритм.

Радуйтесь.

Веселитесь.

Немного осталось.

— Этот император, к слову, на тебя похож, — заметил Артан.

— Не удивительно, — Лассар рядом. Он все еще держит руку на мече, хотя с кем здесь сражаться. С призраками?

— Почему?

— Потому что Ричард — его прапрапра... в общем, какой-то там внук. Хотя крови и капля, но все же есть.

Ричард хмыкает.

Внук?

Пра-пра-пра-какой-то? Было бы чем гордиться. Да он и не гордится. Он просто... идет себе. К щитам. Вслед за процессией. Почему бы и нет? Призраки расступаются, повинуюсь Легионерам Империи. Тем, что живы и сильны. И... в них тоже почти ничего человеческого.

— Они ведь...

— Не люди, — согласился Лассар. — Но это личная гвардия Императора. В нее попадали избранные. Самые сильные. Самые быстрые. Самые... умелые. Вот и старались.

Одинаковые лица.

Одинаковые одеяния. Но... если подумать, то Легионы Ричарда ничем-то не отличаются. Или все же есть разница? Почему это так важно вдруг?

Легионеры... они соглашались служить. Добровольно.

При жизни.

Это... честно? Да ни хрена подобного. Никто из них не знал сути обряда. А если и знал, то знание — одно, понимание — совсем другое. Им рассказывали, да. Но в словах это не страшно.

Остаться.

Обрести силу. Неуязвимость. Защищать тех, кто дорог. Всегда были те, кто дорог.

— Ричард! — голос Светозарного выдергивает из мыслей, когда Ричард почти уже понял что-то невероятно важное.

Злит.

Как же он злит!

— У тебя глаза светятся.

— Это... просто...

...тьма смеется. Неужели Ричард и вправду думал, что она оставит свою любимую игрушку?

— Шаги считай, — посоветовал Командор. — И потом обратно. От сотни до единицы. Поможет держать концентрацию. А её не слушай. Все одно ничего хорошего не скажет.

— И тебе?

— И мне. Обещает силу. Возвращение. Что я смогу очистить город. Возродить его в былом величии. Только на хрен такое величие...

Смех тьмы похож на стекло, которое сыпанули за шиворот.

Или лед.

А граница близка. Вот поднимается к небесам первый постамент.

— Это Кассий Квартус Четвертый. Смешно, да... правил лет за сто до случившегося. Один из тех, кто верил, что можно вывести совершенного человека. Сильного. Быстрого. Умного. Ни в чем не уступающего демонам. При его правлении эксперименты, которые и раньше шли, стали массовыми. Он и создал гвардию в этом её виде. Да и вовсе... простые легионеры еще могли остаться людьми, но если желали большего, то должны были совершенствоваться.

Постамент высок. Выше Ричарда. И даже Лассара. А от некогда великого Императора остались ноги, уходящие в небеса.

— Почему он с мечом?

— Величие Империи держится на остриях её мечей. А Император первый из воителей. Как-то так... вообще когда статуи стали ставить, первым воздвигли Ричарда I. Он же был в первую очередь воитель, а потом властитель. Следующие пожелали не хуже. Так и пошло.

Статуи стоят не рядом. От одной до другой более сотни шагов. И тень императорского кортежа растворяется где-то впереди.

А сзади вдруг взрывается воплями толпа.

Но у Ричарда получается не обернуться.

— Дарий Второй. Его еще называли Мирным. Он и вправду не воевал, больше по науке. Сам маг и не из числа слабых. Кстати, был категорически против того, чтобы мешать демоническую силу с человеческой. Даже выдвинул теорию, что демоны разрушают наш мир, а потому следует отказаться от их призыва. За что и поплатился. Умер молодым.

— Убили?

— Сердце остановилось. Но статую поставили. Положено так.

— Марк Тулий Второй... — голос Лассара перекрывал гул голосов. Да и те с каждым шагом становились тише. Хорошо.

Люди... люди оборачивались.

Кого-то, кажется, стошнило. Протяжный многоголосый вой ударил в спину.

— Основоположник учения о прикладной демонологии.

Постамент.

И статуя, чьи очертания не разглядеть снизу. Рядом с каменным Императором Ричард самому себе кажется ничтожным.

— Считается, что именно он впервые потребил не только силу вызванного демона, но и его плоть, что позволило этой силе остаться в человеческом теле. Впрочем, полагаю, что эксперименты проводились и до того...

— Если... если все и вправду было именно так, — голос Светозарного звучал глухо. — То этот мир не имел права на жизнь.

— Не тебе судить, Светлый.

— Не мне. Но я и не сужу. Суд уже был. И даже приговор привели в исполнение.

Ричард оглянулся.

Площадь осталась позади. Белый камень. Сизый туман, что расплывался по плитам пролитой многие сотни лет тому кровью.

Но все-таки...

— Может, и так. Нерон Октавиан. Одержимый. Сильный маг, который стремился познать пределы человеческого разума... скажем так, он сумел подчинить себе половину Совета. Но сошел с ума.

— Какая досада, — проворчал брат Янош. — А вообще и вправду тут... у меня прям мурашки по коже идут. Кажется, что эти все... смотрят.

— Терций Кассий Нерон, — следующей статуе Лассар отвесил низкий поклон. — Был не столько магом, сколько полководцем. Сумел остановить вторжение варварских племен на восточных границах. Завоевал новые земли. При нем Империя выросла едва ли не вдвое. И в народе его любили. Когда на выборах Совет назвал другое имя, начались волнения... но правил, правда, недолго.

— Сердце остановилось? Или с ума сошел?

— Нет. Просто зарезали.

Действительно, если подумать, то обычная, заурядная даже смерть.

— А волнения?

— Начались. Но его пасынок, Октавиан Великий, — Лассар махнул куда-то в сторону, — призвал легионы, схватил, судил и казнил заговорщиков. После чего объявил себя императором. Выбрал новый Совет. И призвал могучего демона, которого полностью подчинил и поставил на страже короны.

Дорога...

Дорога была. И все-таки... Ричард снова остановился.

— Кажется, там что-то происходит, — сказал он

И чувствовал это не только Ричард.

— Бегом! — рявкнул Лассар. — Вперед, пока...

Туман, расплывшийся было по камню, почти невидимый, снова обретал плотность. А еще поднимался. Выше и выше. Он темнел, закручиваясь спиралью, на глазах создавая вихрь. И тонкие нити плыли в воздухе, свиваясь в огромную воронку. Та раскрывалась к небесам, и казалось, что еще немного и она расползется, поглощая и белесую горошину солнца, и небо, и весь мир разом.

— Бегом! — крик Лассара подгонял. — Давайте, мать вашу...

И не было никого, кто бы послушался.

А вихрь медленно, но с каждым мгновением все быстрее, раскручивался. И Ричард слышал, что дрожь мира, что любопытство иной стихии.

Тьма... волновалась.

И волнение подстегивало. И они ведь почти успели. Кто-то споткнулся и упал. Был подхвачен Легионером. Кого-то тащили. Кто-то, кажется, молился. А небо наливалось темнотой. Оно пульсировало, откликаясь на биение силы. И роняло стустки живой тьмы. А та падала туда, в черное-черное горло вихря. И сила, неведомая Ричарду, все-таки сорвалась. Именно тогда, когда впереди показались ступени, оплетенные мертвыми стеблями шиповника.

Он услышал этот взрыв.

И собственный крик, который доносился словно бы со стороны. Он упал, рассыпав руки, и тело привычно отозвалось болью. А их накрыло пыльным облаком силы.

Не силы.

Это было... нечто.

...Ричард.

Голос раздался совсем рядом.

— Ричард, сейчас не время играть в прятки, — шелестели драгоценные шелка, словно хвост змеиный. Змеи вовсе не мокрые, наоборот, у них кожа гладкая, как ткань матушкиных платьев. Отец словил ужа, и Ричард его гладил. А потом отпустили.

Если в саду появились ужи, то иных, куда более опасных тварей, в нем нет. Так сказал отец. И после этого Ричард долго ходил проверять ужа.

Тот жил.

А потом исчез... когда...

— Ричард, ты же не хочешь, чтобы я пожаловалась отцу? — матушка остановилась в трех шагах от его убежища. И сердце замерло от страха. — Он будет недоволен. Очень и очень недоволен.

Она не уходила.

Ричард так хотел, чтобы она ушла, а она все не уходила. Он видел её. Свет окна, напротив которого матушка остановилась, обрисовывал её силуэт. Это... это не она.

Другая.

Та, что украла тело матушки. Ричард понял. Давно уже. Он хотел было сказать отцу, но не смог. Матушка взяла с него слово. Раньше. У них ведь секрет, так? А значит, Ричард должен дать слово. Он и дал. Глупый.

— Ричард, не зли меня. Помнишь, что случилось в прошлый раз? А я ведь не хотела. Это ты меня довел.

Сердце бешено колотилось.

— Если ты выйдешь, обойдется без жертв. А нет, мне придется кого-нибудь убить. Придется, понимаешь? И виноват будешь именно ты.

Он... он не хотел, чтобы кто-то умер. Но ему было страшно. Так страшно...

Она медленно поворачивалась.

— Сейчас... вот сейчас, негодный мальчишка... я пойду и найду кого-нибудь. Или лучше не искать, а выбрать? Но кого? — она приложила палец к губам, делая вид, что раздумывает.

А отец не видел.

Не понимал.

С отцом была матушка, а когда тот уходил, появлялась другая. Когда уходила она, матушка оставалась, но тоже другой, какой-то... не

такой, неправильной. И она ничего не помнила.

А когда Ричард попытался сказать, ей ведь можно, если секрет общий, то она разозлилась.

Сильно.

Надо... надо что-то сделать...

...жаль, до библиотеки добраться не успел. В библиотеку она не любила заходить.

— Кого же мне все-таки выбрать? Ты не знаешь? Может, эту старую дуру Мэг? Мне кажется, она начала о чем-то догадываться. А разве надо? Не надо... еще откроет наш маленький секрет. Да, определенно, ею стоит заняться. Или подождать? Старики слабые. И сил у них немного... тогда придется кого-то еще выпить. Если, конечно, негодный мальчишка, который притворяется моим сыном, не поможет.

Нет.

И...

Да. Ричард уже вырос. А тот мальчик, который остался наедине с ожившим кошмаром, он... его больше нет. Он умер. И выжил. Странно, конечно, но... встать.

Выйти.

И поглядеть в безумные глаза той, которая не была его матерью. Тогда Ричард был слишком слаб, чтобы противостоять ей. И мал. И... и это было. Раньше. Давно. Все изменилось.

— Это ты так думаешь, — сказала тварь, улыбаясь. — Ты все еще ничтожество.

— Нет, — спокойно ответил Ричард. — Я человек. А ты... тебя не существует. И ничего не существует.

Он сделал вдох.

И выдохнул.

— Это все... выдумка.

— С чего ты взял.

— Не настоящее...

— Ошибаешься, — прошипела тварь. Она повернулась к Ричарду. Не удивительно, что он не справился тогда. У него и шанса-то не было. Какой ребенок сумеет противостоять матери? А она... она была ею. И не была.

Даже сейчас понять такое сложно.

— Ты глупый мальчик...

— Уже нет.

— Не глупый? — она протягивает руку. И до чего же реально это прикосновение. Он чувствует мягкость пальцев, и тонкий аромат крема для рук. Он видит капельки пота над верхней губой. Крохотные совсем. И саму эту губу, чуть влажную, с трещиной, которая все никак не заживала.

— Не мальчик. Тебя нет.

— Нет, дорогой. Я есть. А остальное... ты придумал. Ты всегда отличался неумной фантазией. И еще боязливостью. Что поделаться... такой слабый, такой...

Она убрала руку.

— Вечно ты жаловался, вечно...

Ричард вытащил клинок.

— Прости...

Тот вошел в живот... твари? Или той, кем она притворялась? Мама... мамы не стало в тот миг, когда она заглянула в зеркало. Или чуть позже, когда ответила этому зеркалу. Или...

— Вот... гаденыш, — выдохнула тварь и лицо её исказилось, теряя всякое сходство. — Думаешь, от меня так просто...

— Просто, — сказал Ричард. — Тебя больше нет. Там. В мире обычном. И здесь не будет. С собственными воспоминаниями я как-нибудь справлюсь.

— Это тебе так кажется, — её губы растянулись в издевательской улыбке. — Ты ведь только начал, мальчик... милый маленький мальчик, который однажды встретил демона... который...

Не договорив, тварь рассыпалась пеплом, а ветер, появившийся из ниоткуда, утащил этот пепел в никуда. Что тоже было правильно.

Глава 36 Где каждому предлагается по желаниям его

«Демоны опасны не силой своей, каковая известна многим, но коварством. И дар их таков, что способны заглянуть они в душу человека любого. А после уж заводят они беседы прельстивые. И жадным обещают они богатства всего мира, честолубивым — славу превеликую, жаждущим мести — отмщение. Каждому найдут они слова верные, а потому лишь истинно чистый духом, крепкий в вере своей сумеет устоять пред ними»

«Слово о демонах, сказанное жрецом Вазиусом в наставление прихожанам, записанное и одобренное Храмом к прочтению в числе иных душеспасительных проповедей».

Артан почувствовал, как натянулась ткань мира. И услышал голос тьмы, в котором звучал... страх. Пожалуй, именно страх.

А потом раздался гром.

И небо стало серым. Мир стал серым. И мир не стал. Он очутился в бездне, которая простиралась и вверх, и вниз, и во все стороны. И была она непроглядна. Артан же ощутил себя крошечным, никчемным человеком.

Он глядел в бездну. Бездна глядела в него.

А потом все вновь переменялось. Он вдруг понял, что пребывает в огромной зале. Белоснежные колонны устремлялись ввысь, упираясь в потолок, расписанный листвой. Будто он, Артан, оказался вдруг под сенью Благословенного леса.

Чушь какая.

В Благословенный лес попадают души праведников. Артан же... какой из него праведник? Такой же, как и рыцарь, совершенно никчемный.

Да и не лес это.

А... зала.

Удивительной красоты, невообразимо хрупкой, такой, что сердце наполнялось благодатью, но все же сотворенной человеком.

И для людей же.

Людей здесь было много. и появились они вдруг. Как во снах бывает. Дамы в ярких платьях. Мужчины... много женщин и мужчин, что выстроились в два ряда. И теперь приседали, кланяясь.

— Его Императорское Величество! — голос прозвучал, заставляя собравшихся склониться еще ниже. — Её Императорское Величество!

Это он...

— Улыбайся, дорогой, — сказали рядом. И голос был сладок, словно мед. — Иначе они решат, что ты снова гневаешься.

— Я?

На него смотрела самая удивительная женщина в мире. Она была прекрасна, как... как может быть прекрасна несбыточная мечта.

И Артан видел её...

Конечно.

Видел.

Раньше.

И...

— Вот так. Ты порой слишком серьезен.

— Что это?

— Где?

— Все это, — он обвел рукой залу. И людей, что замерли в поклоне. Сейчас они казались одинаковыми, как... как куклы. Огромные, в человеческий рост, куклы.

— Это твой дворец, дорогой.

Мраморная лестница.

Трон.

— Наш дворец, — поправила та, которая смотрела на Артана глазами цвета ночи. И в них жила все та же бездна.

— Как...

— Опять забыл? — теперь в голосе демоницы звучало сочувствие. — Случается... не волнуйся. Я все расскажу. Идем. Главное, улыбайся. И можешь милостиво кивнуть.

— Кому?

— Да какая разница. Сами разберутся. А во время приема послов постарайся делать вид, что тебе не слишком интересно. Хотя так и есть. Ничего нового не скажут. Ладхемцы будут просить о помощи, но пока не согласятся пойти под твою руку, не соглашайся. Можно будет

предложить этому их... герцогу должность Императорского Наместника. Думаю, согласится. Он понимает, что прав на трон у него никаких, да и сил, чтобы мятежников покарать, тоже нет.

Трон?

Герцог?

Мятежники...

Что произошло. Когда...

Мраморные ступени сияли белизной. Кажется, Артан начинает ненавидеть этот цвет. И собственную беспомощность. Но он идет.

Трон огромен. Он сделан из железа, как и корона, которая все так же держится на голове Артана. Он потрогал, убеждаясь, что никуда-то та не делась.

— Виросса, как мне донесли, потребует гарантий. Соблюдения привилегий, но им тоже деваться особо некуда. Их Дума уже трех государей выбрала, но ни один надолго не удержался, а они все рядятся... так что, если пообещаешь сохранить земли и титулы, тоже пойдут.

— Куда?

— Под твою руку, — в глазах демоницы мелькает тень сочувствия. — С островами сложнее, но пара змеев и от их кораблей ничего не останется. Также придут сами. А вот степняки... с другой стороны, смысл туда лезть? Границу они блюдут, а пока больше ничего и не надо. Ты и без того возродил Империю в былом величии.

Он?

Когда?

Но Артан опускается на трон. Все... так. Верно. Память приходит.

— Ты сумел это сделать. Ты одолел тьму...

Поход.

Тот безумный странный поход, который был изначально обречен на неудачу. Кровь. Смерть... люди, что падали под дыханием тьмы. И тот, кто вобрал эту Тьму, да удержать не сумел.

Он обезумел, последний из рода Архаг.

И...

— Ты освободил меня, — демоница склоняет голову. — И взял слово... я держу его, пока держишь ты.

Темная кровь на белых камнях. И крик той, другой, демоницы, которая вспыхивает алым пламенем. Она бросается и... старый меч

знает, как бить. Голова катится мимо... мимо мертвой виросской принцессы, из раскрытого рта которой вырастает белый цветок. Мимо двух ладхемок, что так и застыли, вцепившись друг в друга.

Мимо черных панцирей Легиона.

К ногам той, которая ждала Артана. Так долго. Так безнадежно. Ждала, но все-таки дождалась.

— Нет, — он отводит взгляд. — Тебя нет. И всего этого нет.

— Пока нет, — соглашается демоница. — Но будет. Обязательно будет. Если ты не струсил. А ты ведь никогда не был трусом, правда?

Был.

И остался. Кто бы знал, сколько страхов живет в душе.

— Посмотри, — она провела рукой. — Это будущее. Одно из возможных. В нем мир не падает во тьму, ибо жертва велика и сил хватает, чтобы открыть моему сыну путь в мир демонов. Он уходит и забирает часть моей сущности. А я остаюсь. И ты остаешься. Ты, законный Император.

Вот там, по другую сторону гор, обрадуются-то...

— И да, просто не будет. Город мертв. Земли опустели. Об Империи забыли. Но ты, Артан, ты заставишь их вспомнить! Ты бросишь клич, и многие отзовутся.

Ублюдки, которым больше некуда идти. Псы войны и дети смерти, готовые чужой кровью оплатить свое величие.

— Создателям никогда не бывает просто, — она смотрит не в глаза, в самую душу. И кажется, видит там что-то, самому Артану недоступное. — Но ты справишься. Ты. И я. Мы возродим Империю. И снова растянется она от края до края мира. И многие будут рады, ибо останутся войны, отступят болезни. Маги обретут прежнюю славу, хотя ты и запретишь им вызывать демонов...

Хорошо.

Настолько хорошо, что хочется поверить. Прости-таки...

— Два десятка лет... и тебя будут славить, как величайшего, мудрейшего из правителей. Всего два десятка лет...

Шепот стихает.

— И пара жизней. Невысокая цена, Артан.

— Смотря для кого.

— Для чего, — поправляет демоница. — Для блага мира... ты принесешь ему покой и благоденствие. Твои подданные забудут про

голод. И про чуму, холеру, черный мор, ибо твои маги обретут древние знания, а в Империи умели справляться с болезнями. Твои города станут самыми богатыми и многолюдными, твои...

Шепот её вползал в самую душу.

И Артан закрыл глаза.

А когда открыл, то понял, что её нет. Демоницы. И залы с белыми колоннами, похожими на стволы деревьев. И людей. И...

Ничего нет.

Кроме старой мраморной лестницы, ведущей куда-то под белоснежные своды то ли храма, то ли дворца. И только бездна осталась. Где-то за гранью восприятия. Но осталась. Она смотрела на Артана и ждала...

Чего?

Выбора.

Выбор у него по крайней мере будет.

Брунгильда поняла, что круг не удержать за мгновение до того, как сплетенный из силы — как такое возможно-то? — он разорвался. И было больно.

Так больно, что она закричала.

И крик отразился от стен, ударив по ней же.

— Тише, — её кто-то обнял. — А то разбудишь.

Кто?

Где? Что с нею...

— Тише, тише, — её держали крепко, но бережно, и кто-то большой, теплый, гладил её по спине, нашептывая. — Опять сон дурной?

Сон?

Разве... разве сон?

Она отстранилась. Темно. Но темнота не совсем, чтобы непроглядная. Вон, сквозь окно лунный свет пробирается, ложится на пол белесою дорожкой. И видны... где она?

— Где я...

— Забыла? Ничего. Случается. Надо было окно ставнями закрыть, — мужчина, чьего лица Брунгильда не видела, отстранился. — Но лето же... душно.

Лето?

Лето. Горячее, жгучее, какое на островах пролетает быстро. И Брунгильда вдыхает аромат — раскаленного камня, который почти остыл, вереска и моря.

Она... дома?

— Сейчас. На вот, возьми, — ей в руки сунули чашу. — Выпей. Погоди, все пройдет и вспомнишь.

— Расскажи.

— Чего рассказывать-то?

Вода оказалась теплою. За день нагрелась. И с утра надо будет к колодцу идти за свежую. А мужчина наклонился и вытащил из-под ложа свечу в плошке. Огонек вспыхнул быстро, и Брунгильда зажмурилась, до того ярким он показался.

— Когда... меня не было, когда ты ушла.

Свен? Младший внук Ворона? Он... он и вправду отправился куда-то на восток, искал новые пути и рыбу. И море чистое. Или еще что-то, одному ему понятное.

— Я вернулся, а мне говорят вон, что тебя в жены отдали. В Проклятые земли. И дед за тобой отправился. А на островах эти... пришлые. Козлятников понастроили, коз завезли и всеми командуют. Батюшка твой им едва ли не кланяется, да...

Разве это возможно?

Разве... Брунгильда погладила шкуру. Медвежья... и медведь белый. Правильно, не на восток он ходил, а к северу, туда, где море сковывают сизые льды. Верил, что меж ними есть тайный проход, который ведет к благословенным землям вечного лета.

Трижды ходил. И трижды возвращался с неудачей.

А потом пропал.

Конечно, он ведь...

— Ты пропал.

А шкура мягкая. Настоящая.

— Почти, — он усмехнулся и повернулся. — Видишь?

Половина лица его была расчерчена шрамами. И глаз вытек. Глядеть страшно.

— Попали мы. В ловушку. Прошли по протоку, а льды возьми и сомкнись. И думал, что уже все... жили... как-то выживали, но чудом. Еще зверь этот. Повадился ходить. Там белое все... — он замолчал,

Свен, который был героем, еще когда она, Брунгильда, в детской рубашонке бегала. — Словно дух...

Духи.

Это духи наворожили. И... надо выбраться. Отсюда. Только не хочется, потому как тепло. И ложе мягко. От него пахнет травами, которые она... собирала?

Да, раньше.

Как и любая девица, которая заботилась о доме. Серая пахучка — чтоб насекомые не завелись. А еще вереск и махонькая, сизая, но очень ароматная полушка.

— Я его одолел, но и он меня подмял. Чудом выжил. Местные помогли. Они за нами следили, а мы их и не замечали, да... они полагали зверя порождением злого бога. А меня, стало быть, в герои возвели. И вылечили. И потом помогли к воде выбраться. Там уж мы и вернулись. И увидели это вот все...

— Не помню.

— Куда тебе... ты ведь тоже... я как узнал, сказал своим, что за тобой иду. Где это видано, чтобы Дети моря дочерей бросали? И чтобы становились козлопасами... еще и выходило-то хитро. Вроде мы работу работаем, а прибыль весь — купчишке этому... и наемников поставил. А те постепенно осмелели.

Дерьмо.

Если так, то полное.

— Отец твой заболел вдруг ни с того, ни с сего. Братец, сама знаешь, мал. Морваг хотел было круг созвать, чтоб нового выбрать конунга, но сам помер. Так мне сказали.

— И ты...

— И конунга выбрали. Ихра.

— Что?

Он же... нет, он парень неплохой, да уж больно боязливый. И умом не блещет, если вовсе не сказать, что материным живет.

— Вот-вот... матушка его с этим, с купчишкой, жила открыто. А что, ей можно, честная вдова. Как Ихра стал конунгом, разом принялся порядки новые заводить. А кто не согласный, тому по старому обычаю — лодку и копьё. И пусть сам себя в море кормит.

Неужели... нет, отец не допустил бы такого! В жизни.

— И ты...

— Вызвал его на бой. По старому обычаю. Раз уж конунг, то пускай доказывает, что по праву зовется... ну а дальше не интересно.

Интересно.

И... свет ложится на смуглую кожу, на шрамы. И кажется, что каждый из них знаком Брунгильде. Тянет коснуться. И она касается. Кожа теплая, и Свен улыбается так, виновато.

В чем его вина?

...нет его. И дома этого. И морок... просто морок.

— Пытались воевать, но нашим всем крепко поперек горла стало, да... с чего терпели — сами не понимают. Я как Ихра одолел, то и свистнул. И поднялись... выперли, значит, этих, купцовых, с острова. А кто не захотел, тот остался. Пепел землю добре кормит.

Только...

— Море возрождается, Брун. Воды перестали быть красными. И той зимой пришла рыба. А за ней — косатки. И ты вернулась...

— Я...

— Золота привезла. Много золота. Столько, что корабли едва дошли. И деда сказывал, как вы ходили в Запретный город.

— И...

Ходили. А потом... что было потом?

— И повергли древнего демона. Ты сама вырезала ему сердце.

— Ей, — тихо поправила Брунгильда, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Это она...

— Не важно. Главное, что у вас получилось. И Проклятье с земель спало. Мы теперь торгуем. Твоего золота хватило, чтобы выплатить все долги.

Неправда.

Нет этого. И... и так тянет поверить.

— Я к тебе долго не решался посватать, такую грозной ты была. А я вот, — он прижал ладонь Брунгильды к изуродованному лицу. — Урод... на тебя все заглядывались.

И не считали проклятой?

Хотя... если с золотом... золото обладает чудесной способностью избавлять от проклятий. Особенно, когда его много.

— Дед помог. Дед...

— Он...

— Живой. Что ему сделается. Прадедом вот снова стал. Теперь рассказывает нашему сыну сказки про Проклятый город и его чудеса...

Неправда.

Брунгильда закрыла глаза, пытаясь унять боль в груди.

Неправда.

Или... может, все на самом деле было именно так? Она одолела демона. Спасла мир. Вернулась. С золотом... золота в городе хватает. Она вышла замуж.

И родила ребенка.

Разве не о том ей мечталось? Разве... разве можно желать иной судьбы? И теперь вот отказываться от неё?

— Неправда, — тихо сказала она, страшась взглянуть в глаза человеку, которого... любила? Могла бы любить? Как понять, что настоящее, а что нет. — Я еще не вернулась.

— Вернешься.

— А ты...

— И я. Мы вдвоем вернемся. И встретимся. И все будет именно так, как я обещал. Я... сейчас где-то там, среди льдов. Лежу в горячке. И жить хочу. Скажи мне, чтобы я выжил.

— Выживи. Пожалуйста.

— И ты тогда выйдешь за меня замуж?

— Обязательно.

— И вернешься... ты победишь демона, Брун. И вернешься... с золотом... вернешься и снова всех спасешь.

Его голос звучал в ушах, а щека помнила прикосновение чужих пальцев. И из глаз текли слезы.

— Всего-то надо... убить демона.

Всего-то...

— Ради нас всех... и ради мира...

Брунгильда выдохнула и решительно потянулась к нити, которая тотчас возникла перед ней. Вернется... она обязательно вернется.

Живой.

Хотя бы затем, чтобы убедиться: все ложь. Про отца, купца, коз этих треклятых... что... все дома хорошо. А когда убедится, велит собрать корабль. И отправится на Север. Ибо где бы он ни был, Свен, внук Ворона, Брунгильда его найдет. От женщины, которой позволили на мгновение быть счастливой, еще никто не уходил.

Глава 37 Где продолжает предлагаться

«И тогда-то обратилась ведьма к зеркалу. Сыпанула кунжутного семени, плеснула зелья ядовитого, и сказала: «Ниже склонись и гляди. Что углядишь — держи. А что удержать сумеешь — то твоим и будет» Вдохнул добрый молодец дым зеленый и помутился разум его»

Сказка о добром молодце и злой ведьме, разумы человеческие туманившей.

Ариция поняла, что круг разорвется за мгновение до того, как это случилось. И вовсе чудо, что у них что-то да вышло.

Без подготовки.

Без понимания сути ритуала, не говоря уже просто о ритуале... кровь, сестра, которая на грани безумия. Круговерть душ, потянувшихся на площадь, казалось, со всего города.

Сила, что билась в теле, требуя выхода.

Страх.

Все и сразу. Она... она видела чужие лица, что мелькали на краю. И чужие воспоминания. Множество воспоминаний, которые бы теперь выкинуть из головы, но вряд ли они уйдут добровольно.

Проклятье...

А потом сила, которой прибывало с каждым мгновением, взяла и вырвалась. С хриплым вздохом опустился на колени Ярослав Виросский. Закричала Летиция.

И мир погрузился во тьму.

А потом... потом тьма истаяла. С тьмой такое случается... с тьмой и не такое случается.

— Ариция? — голос матушки заставил вздрогнуть. — Вот ты где? Волнуешься?

— Я?

Где она?

Дома... конечно, дома. Это её собственные покои. И... и что происходит?

— Что происходит?

Матушка слегка нахмурилась.

— Снова?

— Что?

— Ты снова все забыла? Бедное дитя мое, — рука её коснулась лба. — Ничего... в конце концов, ты целый месяц не забывала. А целители обещают, что со временем и вовсе пройдет.

— Что пройдет?

— Твоя память вернется. Это просто волнение. Перед свадьбой.

— К-какой свадьбой?

— Твоей, дорогая.

— Моей?

— Успокойся. Вот так... не хватало, чтобы ты кого-то оживила. Это будет весьма не вовремя. Конечно, теперь никто не посмеет тебя упрекнуть, но сама подумай, к чему нам в этот день очередной оживший мертвец? — матушка приобняла Арицию за плечи. — Лучше сядь... вот так. Юбки не помни.

Юбки? Мерцающий атлас того нежного молочного оттенка, который... ей идет.

— Я... посмотрю, — Ариция подошла к зеркалу.

Это она?

Разве она может быть такой... такой... красивой? Она никогда ведь не была?

Ариция коснулась щек. И выходит... у нее черты лица мягкие. И кожа бела. Без пудры. Пудру на лице она всегда чувствовала. А тут её нет. И... и волосы.

— Мне эта ваша новая мода совершенно не нравится, — поделилась матушка. — Хотя стоит признать, что одеваться стало проще.

Платье... из молочного атласа.

Прямое.

Кто носит прямые платья? Не то, что без фижм, даже без нижних юбок. Хотя, конечно, чем-то похоже на то, которое Ариция надела в Проклятом городе... мягкие складки, нежная ткань. Мерцание драгоценных камней, похожих на звездные россыпи.

И ей идет.

Она... она кажется хрупкой.

И прическа эта... простая. Без кораблей, цветов и перьев.

— А вот от париков отказываться крайне неразумно...

— Мама, — Ариция заставила себя отвернуться от зеркала. — Расскажи, пожалуйста, что произошло? Я... я в самом деле дома?

— Конечно, милая, — во взгляде матушки мелькнула боль. — Если бы мы знали, что так все выйдет, мы бы никогда, ни за что тебя не отпустили бы. Как я волновалась... батюшка твой и вовсе слег, когда узнал, что ты пропала. Но теперь все хорошо.

Хорошо?

— Но...

Все-таки что случилось?

— Ты вернулась, — в глазах матушки блестели слезы. — Ты и Летти... и вы спасли мир.

Да? Интересно, каким это образом.

— Твой дар... ты показала всем, что такое настоящая сила. И да, жрецы были недовольны, попытались обвинить. Даже бунт начался, но его быстро подавили.

Бунт?

Дар? Жрецы?

— Бедная моя девочка, — матушка смахнула слезинку кружевным платочком. — Ничего, дорогая... это от волнения. Когда стало известно, что ты... некромантка, некоторые заговорили, что Ладхем проклят. А еще долги. Совет потребовал от отца отречения, чтобы власть перешла к твоему брату, но и его бы потом... попросили бы. В лучшем случае. Они не скрывали, что желают править сами. На границах стало неспокойно. Жрецы заговорили о том, что вовсе того и гляди конец света наступит. Потом случилась эта ужасная бесконечная ночь, когда солнце встало, а потом пришла тьма. И затопила все земли. И все-то молились, но молитва не помогала. Оказалось, что это вы с демоном сражаетесь.

Ариция... не помнила. Разве о подобном можно забыть?

— Ты низвергла его во тьму силой своего дара! Но он был так силен, что мертвецы стали подыматься... много мертвецов. И это тоже было бедой.

Ариция кивнула.

Неправда.

Все это...

— Но ты вернулась с этим своим...

— С кем?

— Вот если бы только его забыла, я бы не возражала, — сухо сказала матушка. — Но все же, дорогая, надо поспешить... вы вернулись и упокоили всех восставших. Тогда-то и стало ясно, что твой дар благословен. Идем же... а то и твоя сестра изведется все.

— Она...

— Уже готова.

На Летиции платье в пол. Тоже прямое, как... как та туника, разве что из более плотного атласа и под грудью поясом перехвачено. На поясе блестят слезинки-камни. И такие же на кружевной накидке... втором платье? У Летиции всегда был отменный вкус.

— Она опять все забыла, — пожаловалась матушка. — Но вы у меня такие красавицы...

Красавицы.

Огромное зеркало поспешило согласиться с матушкой. Ариция замерла... она... она никогда не была такой красивой. Пожалуй. Без пудры. И румян. И... и просто не была и все.

— Идемте. Не стоит заставлять женихов ждать.

— Каких...

— Ари, не глупи, — Летиция подхватила под руку. — А то еще передумают.

Кто?

Двери в тронный зал медленно отворяются. Гудят трубы. И голос церемонейстера объявляет... Ариция не слышит, что он там объявляет.

— Что происходит? — шипит она, но губы сами растягиваются в улыбке. И Ариция приветственно кивает придворным. Сколько их... много.

— Ничего особенного. Обручение. У меня по доверенности, у тебя просто...

— Погоди...

— Ари! Улыбайся... все просто. Я выхожу замуж в Вироссу.

— За того рыжего?

— Можно подумать, там выбор государей большой. Конечно, за него. А ты за своего...

...за кого?!

За кого, мать вашу, она выходит замуж?! И почему совершенно ничего не помнит?

— Я не помню...

— Конечно. Это случается. Мы добрались до дворца. Создали круг. И ты им управляла. Мы изгнали демона, но так получилось, что его сила вырвалась. И смешалась с нашей. В общем, там так хорошо грохнуло. И ты головой ударилась. Или это от демонической силы? Сперва думали, что ты совсем... но Ксандр тебя спас. А ты его оживила. И после этого просто обязана была, как порядочный некромант, выйти за него замуж. Это, если что, его слова. И да, он не слишком обрадовался.

— Замуж?

— Нет, тут, по-моему, все как раз нормально. Но он все не может привыкнуть быть живым.

Безумие.

Но... отец... в парадном одеянии. Он его терпеть не может. А тут стоит, выпятил грудь. Хмурится притворно, стараясь грозным казаться. Рядом с ним Ксандр. В белом. Это... это что за издевательство? Но хорош, нечего сказать. И сердце пропускает удар.

— Виросский посол не слишком доволен, но Яр их там крепко приструнил. И Славка... Дракона притащила. А дракон — такой аргумент, что как-то и не поспоришь...

Жрец.

Мрачный такой. Но читает... слова проходят мимо. Ариция пытается слушать. И вспомнить. И... и не выходит.

А её подводят к жениху.

Мужу... скоро мужу... и она берет его за руку. За теплую живую руку.

— Опять забыла? — шепотом спрашивает Ксандр. И слегка хмурится. Надо же, она чувствует его беспокойство. За кого? За Арицию... — Ничего. Со временем пройдет. Голова не болит?

— Нет.

— Не кружится?

— Нет.

Пальцы теплые. Даже сквозь ткань перчатки чувствуется. А еще она слышит, как бьется сердце. И... и надо спросить. Что-то спросить... про остальных. Брунгильду, про... степняков... город.

Демона.

Демоницу... а она молчит и смотрит в темные глаза того, кто был мертв, а теперь ожил. Разве такое возможно? Разве...

— Не думай, — Ксандр осторожно касается виска, поправляя тонкую прядку. — Ты всегда слишком много думала.

— Это плохо?

— Нет. Но порой лишнее...

Кто... и что...

— Ты меня любишь? — о чем она спрашивает? Да и самое время... жрец почти завершил обряд. Он зачерпнул горсть зерна и осыпал молодых.

Плодородие...

— Конечно.

— И... как давно?

— Наверное, с того момента, когда ты решила доказать мне, что я не мертв...

Ариция закрыла глаза.

Слишком хорошо. Слишком... благостно, чтобы быть правдой. Но не этого ли она хотела? Вернуться домой. Не проклятой, не... спасительницей.

Чтобы любили.

И ценили.

Чтобы...

— Нет, — сказала она тихо. — Ничего этого нет.

— Пока нет, — согласился туман голосом Ксандра. — Но все возможно. Ты же хочешь?

— И... и что нужно сделать?

— Просто убить демона.

Просто. Как будто это просто.

Она открыла глаза. Тронная зала исчезла. И отец. И матушка. И... и все-то, кроме сизого тумана. А в нем кто-то плакал. Громко. Надрывно.

— Чего ревешь? — спросила Ариция.

— Так, — ответили из тумана сдавленным голосом. Летти? — Просто... оплакиваю несбывшиеся мечты.

— Красивые?

— А то, — она протянула руку и коснулась. — Я... мы победили.

— И мир спасли.

— Тоже видела?

— Нет, — Ариция подвинулась чуть ближе и села рядом. Вдвоем не так страшно. И, что куда важнее, не так тоскливо. — Я все забыла. Будто. Как мы мир спасли.

— И я. Очнулась на свадьбе... моей...

— С рыжим?

— Не такой он и рыжий. Немного... но да. Меня короновали... как императрицу Виросскую.

— А я за Ксандра выходила.

— Он же мертвый!

— Я его сперва оживила, а потом замуж.

— А так можно? — откровенно удивилась Летиция.

— В мечтах можно... но вообще не знаю. Тебе тоже сказали, что нужно убить демона?

— Да, — сестра вздохнула и встала, потянув за собой Арицию. — Убить демона, спасти мир, а потом жить долго и счастливо. Только...

— Что?

— Как-то оно слишком... просто. Да и... не верю я.

Ариция кивнула и тоже встала. Огляделась. Туман редел. Он таял, возвращая солнечный свет. И тот был ярким, даже ошеломляюще ярким.

Она зажмурилась.

— Вы тут... — Брунгильда показалась из тумана. — Тоже... видели?

— Видели, — Мудрослава шла, опираясь на руку брата. — Меня на царство венчали, чтоб их...

— А я? — Яр придерживал меч.

— Ты... ты отправился новые земли покорять.

— Тогда ладно... я их покорил. То есть, открыл. Новые земли. Богатые. И там основал колонию. Мы строили город... удивительный. Я и она, — Яр указал на Летицию. — И перед нами был открыт весь мир.

Он вздохнул и почесал затылок.

— Хрень это все.

— Не выражайся.

— Я не выражаюсь. Я выражаю свое отношение. И частное мнение, — он выпустил руку. — Нам показали то, чего мы хотим...

— Замуж? — уточнила Ариция, которая вот точно подобного желания не ощущала. — Серьезно?

— Мне всегда было душно во дворце, — признался государь всея Вироссы. — Все-то по правилам, все-то... заседания Думы эти бесконечные. Отчеты, доклады... кто-то опять в казну руки запустил, кто-то письма пишет, к бунту подстрекая, кто-то еще чего удумал. А ты сиди и разбирайся, то ли казнить, то ли просто плюнуть. То ли дело... а тебе это нравилось.

Мудрослава покраснела и густо.

— Да ладно. Ты и вправду была бы более толковым правителем.

— Меня не примут, — тихо сказала она. — Саму по себе. Там, во сне, я собиралась выйти замуж...

— За кого?

— Не знаю.

— Это как?

— Смутное такое... ощущение, что вроде бы человек хороший и даже, наверное, его люблю. И Дума одобряет. Что я буду государыней, а еще продолжу род...

— Тебе просто никто особо не нравится, — Летиция быстро отерла лицо руками. — Поэтому и образ получился размытым. Это не будущее. Это...

— Вероятность будущего? — Мудрослава отвела взгляд. Но брат молча обнял её и сказал:

— Брось, Славка. Не дури. Не хватало еще, чтоб мы из-за такой ерунды поругались... хочешь, и вправду отдам тебе эту корону. Будешь ты в Думе жопу отсиживать.

— Только попробуй! — Мудрослава ткнула его в бок кулачком и поморщилась. — Твердый...

— Может, и вероятность, — Брунгильда скривилась и показалось, что еще немного и она разрыдается. — Да только... слишком уж она правильная. Каждому своя. Так что соглашусь, нам показали наши желания. Устремления. То, что сделает нас счастливыми.

— Осталось понять, зачем.

— А гадать не след... чтобы мы убили демона, — Брунгильда наклонилась и подняла секиру. — А значит...

— Убивать нельзя, — договорил за неё Яр. — Тогда что с ним делать-то?

Ответа не было.

Туман же рассеялся. И оглядевшись, Ариция поняла вдруг, что...

— А мы где? — тихо сказала она, глядя на мраморную ступеньку, что поднялась перед ней. И еще одна выше. И еще... сотня белоснежных мраморных ступеней.

— Кажется, именно там, где надо, — Летиция осторожно коснулась одной. — Что ж... не знаю как, но, может, оно и к лучшему.

Над ступенями поднимались к небесам колонны.

Храм?

Дворец?

Все и сразу?

— Что ж, — Мудрослава Виросская все же убрала руку. — Зато почти и пришли, считай. Всего-то осталось, по лестнице подняться и...

...найти демона.

Найти и убить?

Или...

Серый туман колыхнулся и пополз. Он вдруг стал густым.

— Эй, — Мудрослава оглянулась. — Надо взяться за руки, а то потеряемся...

— ...яемся... яемся... — вздохнул туман, всколыхнувшись. И в следующее мгновение, словно подчиняясь чужой воле, поднялся, закрывая всех.

— Лети! — крик Ариции увяз в серости. — Брун! Слава! Кто-нибудь...

— ...нибудь, нибудь, — насмешливо отозвалось эхо.

Вот, стало быть, как... они тут идут, идут, а вместо помощи...

— Дай только до тебя добраться, — рывкнула Ариция. А туман ответил смехом. И толкнул в грудь, опрокидывая... куда?

Она взмахнула руками, пытаюсь удержаться. Но все равно упала. И падала, кажется, целую вечность. Надо было за руки браться. Сразу! Надо было...

Туман продолжил смеяться.

Глава 38 В которой мечты почти исполняются

Это было как в сказке. В той, которую я придумала для себя... разве бывают сказки более чудесные? И в этой нашлось место храму. Я даже узнала его. Старый, маленький и не особо богатый, но с удивительной красоты витражами. И солнце проникало сквозь них, наполняя храм светом.

А я...

На мне белое платье.

Подвенечное? Нежная ткань и кружево зимним узором. Узкий лиф, мягкая линия бедер и юбка-годе белой пеной. Фата... шляпка на волосах.

Цветы.

Где я?

— Растерялась? Стой. Закрой глаза. Вот так, ресница упала... а я тебе говорила, что наращивать надо! Нарощенные не падают. И выглядят куда интереснее.

Она сама давно нарастила ресницы.

И волосы.

Сделала татуаж бровей. А потом и пластическую операцию, чтобы скулы были выразительными. Они и получились. Выразительнее некуда.

Темная кожа. Синие линзы. Собственные глаза Ивы — блекло-серые и не вписываются в образ. А она тщательно исправляет все, что в этот самый образ не вписывается.

— Что тут... происходит?

Я стою на пороге храма.

— Свадьба, дуреха. Твоя. И видит Бог, будешь упрямится, я тебя пинком к алтарю отправлю!

Мы не сказать, чтобы дружили. Ивонна ни с кем не дружила, как, впрочем, и я. Порой встречались. Перебрасывались парой-тройкой слов, которые ничего не значили. Потом уже, когда она узнала о моей работе, стала снисходительней.

И все же...

— Я...

— Ты, Жорка. Ты. Такого мужика отхватила...

— Что...

— Болит, да? — она поглядела на меня с сочувствием. —

Придунок он...

— Кто?

— Севка. Но хоть додумался скорую вызвать. А там... не было бы счастья. Свалилась ты. С крыши. На камни. Головенку свою дурную расшибла, но не до смерти. В больничку попала. И провела там в коме пару месяцев. А пока лежала, помираяючи, в тебя хороший человек влюбился. И замуж позвал, несмотря на твою рожу и провалы в памяти. Наверное, и вправду любовь существует. А ты теперь стоишь и глазами хлопаешь. Иди давай, пока не передумал.

Я... иду.

Музыка звучит.

Почему... почему Ивонна свидетельницей? Хотя что уж тут, кого мне еще звать... иду дальше по узкому коридору. Вон, моя начальница в ярко-розовом костюме, который на ком другом выглядел смешным бы. Кивает и слегка хмурится. А потом сбрасывает звонок на телефоне.

И она пришла...

Севка стоит возле жениха... неправда. Я умерла. Не было шансов выжить. Никаких. И это все...

Он оборачивается, человек в черном костюме. И я сдерживаю крик. Ричард?! Это... откуда он здесь... или... конечно. Все ведь понятно.

Логично.

Я действительно упала. Может... может, не с крыши. Может, мы до крыши не дошли, но поднялись достаточно высоко. И я упала. Травму получила. Попала в больницу, что вполне логично. А там и Ричарда встретила.

— Кто он? — шепотом спросила я у Ивонны. А она закатила глаза, но ответила.

— Жених твой...

— Ричард?

— Ричард, Ричард... нейрохирург. Восходящая звезда... отец американец, мать из наших, отсюда такое имя...

Леди Анна, вполне живая, улыбается мне и лукаво щурится.

— Ты ей тоже нравишься, уж не пойму, чем, — Ивонна встряхивается. — А вот отец его не приехал. Что-то там срочное... но дом вам купил.

...поврежденный мозг сочинил все.

Это же куда логичней, чем придуманный мир. Замок, который разумен. Чудовища. Оживший мертвец. И Проклятый город.

Оказывается, у меня безумная фантазия.

— Ну все, Жорка, дальше сама, — Ивонна пихнула меня в спину. — И не вздумай чудить! Таким мужикам не отказывают.

Я... знаю. Я ведь еще когда согласилась. И улыбаюсь. Иду... иду и кажется, что еще немного и не выдержу, брошусь к нему.

Бегом.

— Привет, — он точно такой же, как... там, как тот, другой, из придуманного мира. Даже лучше. Потому что настоящий. — Я уже начал бояться, что ты не придешь.

Разве можно представить такое?

И я качаю головой.

— Я пришла.

— Спасибо, — он осторожно протягивает руку. Теплую. И свет ложится на волосы, и кажется, что над ними поднимается золотой нимб. — Ты ведь... не сбежишь?

— Никогда.

И священник начинает молитву. А я... я вдруг четко понимаю, что все это — ненастоящее. Что моя начальница в жизни не надела бы розовый костюм. И на свадьбу мою у нее вряд ли нашлось бы время. Что... Ивонна свидетелем? Да она скорее из шкуры бы вылезла, чтобы отбить перспективного жениха.

И храм...

Точнее обряд, похожий на микс из всех просмотренных мелодрам разом. В православных храмах венчают иначе. Я видела.

Ричард.

Смотрит на меня с печалью. И мне невероятно больно от этого взгляда. Я улыбаюсь. Я чувствую себя виноватой, но улыбаюсь.

— Прости.

— Ты все-таки сбежишь.

— Нет. Скорее побегу. К тебе.

— Я здесь.

Я качаю головой.

— Ты там.

— Это... это просто болезнь. Я знаю. Ты рассказывала. Удивительные фантазии, но мозг человеческий и не на такое способен. Не поддавайся, пожалуйста. Если ты поддашься — умрешь.

— Я и так умерла. Там. А сейчас... это сказка. Её кто-то создал для меня. Спасибо, конечно, но... мне пора.

Я забираю руку.

Теплые пальцы. Холодные пальцы.

Туман, вползающий в храм. И в нем тонет солнечный свет. Витражи тускнеют.

— Это все может стать настоящим, — говорит мне Ричард. А глаза его становятся черны. — Если ты захочешь.

Я... не уверена.

Хочу ли?

И чего хочу? Вернуться домой? Выйти замуж... за кого? За того Ричарда, который есть где-то там в моем родном мире? Остаться?

— Ты поймешь, — говорит мне тьма его голосом. — Когда придет время, ты поймешь.

Я выдыхаю.

И туман развеивается. А я... я стою перед замком, одновременно и прекрасным, и уродливым. Надо же... он несколько не изменился за тысячи лет.

Мраморные ступени.

Колонны.

Башни и башенки, облепленные птичьими гнездами балконов. Хрупкие галереи, словно повисшие над бездной, и странно, как уцелели они...

Только они и уцелели.

Я оглянулась.

— Эй...

Никого.

И ничего.

А где все... Теттенике? Легионеры? Конь, в конце-то концов?! С конем во дворец, конечно, некомильфо, но вот я к нему как-то

попривыкла даже. Душой, можно сказать, привязалась. А теперь вот... где они?

Я повернулась и прищурившись уставилась туда, где клубился такой знакомый сизый туман. И главное, кажется он редким, даже не туман — легкая дымка, повисшая над дорогой, вот только за этой дымкой ничего и не разглядеть. Будто мира там, по ту сторону, вовсе не существует.

Или...

— Я пришла, — я вздохнула, поняв, что стоять здесь могу до рассвета. Хотя... я подняла голову, убеждаясь, что в этом месте, чем бы оно ни было, рассвета можно ждать вечность. Солнца не было. Луны не было. Звезд и прочих небесных тел, что характерно, тоже не было. Да и самого неба. Вместо него — все та же сизая дымка.

Понятно.

Снова ничего не понятно, но я буду не я, если я именно там, где нужно. Еще бы сообразить, что именно нужно. Что ж... коль меня приглашают, нехорошо отказываться.

Иду.

Ступаю на мрамор. Замираю, прислушиваясь. Мало ли... все-таки тысячи лет забвения, еще осыплется вся эта каменная красота и на голову... а рог чешется, тот, обломанный. И крылья так и норовят распахнуться.

Но сдерживаюсь.

И ступеньки крепки. Одна, две... после первых двух десятков считать стало скучно, а на второй сотне — и утомительно. Как они тут жили, без лифтов? Или лифты имелись? Сомневаюсь, чтобы император, даже когда он скорее демон, чем человек, бегал туда-сюда. Ступеньки хоть и невысокие, но этот подъем утомляет.

А еще цветы.

Тонкий стебель впервые появился между второй и третьей сотнями, когда справа выросли белоснежные колонны, украшенные тонкою резьбой, да и справа тоже. И лестница выдвинула пару крыльев. На них, в общем-то, я и увидела.

Шиповник?

Серый стебель, который и выделялся этой вот неестественной серостью. Я и сунулась поглядеть. Да... и колючки имеются, с палец длинной. Загнутые.

Острые.

Я коснулась и ойкнула, поспешно убрав палец. Но красная капля уже коснулась шиповника. И... ничего не произошло.

Ладно, дальше надо... надеюсь, я все правильно делаю. А если и нет...

Не важно.

Идти.

Теттенике... справится. Она вовсе не так уж мала и хрупка, как мне казалось. Шамаханская, чтоб её, царица... и она дойдет.

У нее ведь дар.

И драссар.

Легионеры тоже где-то там остались. А я... я вот ступеньки снова считаю, хотя наверняка неправильно, потому что их много.

И снова шиповник. Тонкая ветка с сизыми листьями. И бутон покачивается. Такой крупный, прямо тянет потрогать, убедиться, что лепестки его нежны, и сам он...

Убираю руки за спину.

Плохая это мысль, трогать здешние цветочки.

— Эй, — я опять кричу и эхо поспешно подхватывает, отзываясь со всех сторон:

— Эй, эй, эй...

И кто-то смеется. А лестница... я уже вижу, что осталось немного. Нет, лифт должен быть... этак умаешься подниматься. Или это своеобразный тест? Если не сумел, стало быть, не так уж тебе во дворец и нужно? Но готова поспорить, что есть куда более удобная, пусть и менее парадная дорога. Для своих, так сказать.

А вот и кости.

Белое на белом. И блеск металла... доспех? Похоже на то. И еще один. И чем дальше, тем больше становилось костей и доспехов. Тоже странно, ладно камень, но металл ведь — дело такое. Он заржаветь был должен. А он вон, блестит... панцири и шлемы, и тот, с красной щеткой, что так и остался на сизоватом черепе. Череп грозно скалился и подозреваю, что при жизни человек был важным.

Серьезным.

— Извините, — сказала я, обходя грязное пятно плаща. А вот одежду время не пощадило. — Но мне очень туда надо...

Шиповник расплзается... по террасе? Или как называется эта площадка наверху? Не знаю. Главное, что здесь много его. Серые стебли вьются, сплетаются колючей сетью, в которой до сих пор лежат кости. Древние и, подозреваю, не особо. Вон тот, который еще и не кости, скорее высушенная мумия в черных одеждах, несколько выбивается из общего исторического контекста.

И этот... с пистолетом? Что-то массивное, с дулом, правда, смешным, раскрывающимся таким раструбом. Хотя что я знаю о местном оружии?

И о древнем?

Главное, что стебли шиповника, они... двигаются? Медленно, едва заметно. И все-таки... двигаются!

— Эй! Ты где?! — зову я.

Стебли оплетают коридор, и соваться в него мне вот совершенно не хочется.

— Я ведь пришла! Ты звала, и я пришла! Слышишь?!

— Шишь, шишь... — вздыхает эхо.

А я... теряюсь.

Идти-то куда?

Перед самым моим носом раскрывается ослепительно белый цветок. Пахло от него... не знаю чем, но у меня этот запах вызывал ассоциации с кладбищем.

И я чихнула.

А лепестки сорвались, закружились в воздухе, чтобы улечься аккуратной дорожкой.

— Спасибо, — сказала я и потеряла кончик носа.

Намек был предельно понятен.

Ричард...

Ричард открыл глаза. Сумерки. Те самые, предрассветные, когда небо слегка выцветает, а вершины гор окрашиваются золотом. Слегка.

Что за...

— Не спится? — поинтересовался кто-то рядом и из-под одеяла выбралась демоница.

Голая.

Лохматая.

И...

Ричард отвернулся.

— Опять, да? — она широко зевнула и не подумав прикрыть рот рукой. — Ксандр, скотина такая, обещал же, что поможет.

Она опять зевнула, продемонстрировав клыки.

И не только их.

— Что... где я?

— Дома, — пожала плечами демоница. — В своей кровати. Со своей женой, которую ты периодически забываешь. Впрочем, если подумать, то не только её, поэтому она, то есть я не в обиде.

Ричард кивнул.

И потрогал одеяло. Мягкое.

Тепло.

И... рассвет скоро. Перед рассветом тьма особо тяжела. А он почти и не ощущает её.

— В общем так, — демоница потянула одеяло на себя. — Вкратце если. Вы отправились совершать подвиг и повергать древнего страшного демона. На кораблях. Это помнишь?

— Помню.

— Чудесно. Вы плыли-плыли и приплыли. Потом шли-шли и дошли.

В этом изложении подвиг представлялся довольно-таки скучным, если не сказать хуже.

— Отыскивали пропавших принцесс, а те поделились силой. Артан прочитал молитву. Небеса откликнулись. И демон был повержен.

— Как?

— В долгом и тяжелом бою. Пять утра. Тебе и вправду необходимо знать это в пять утра? — она снова зевнула. — Я выспаться, между прочим, надеялась. Очень.

Стало совестно.

— Да ладно... потом отосплюсь. Надо же к суду готовиться.

— К-какому?

— Городскому. Ты сейчас раз в месяц присутствуешь на площади, где разбираешь всякие там особо сложные дела. К примеру, кто у кого корову спер или девку попортил. И кого женить.

— На ком? — Ричард окончательно перестал понимать происходящее.

— Лучше всего на девке, пусть и порченной, но что-то подсказывает, что если ты корову выберешь, сильно возражать не станут. Но ты все равно аккуратнее там... и так...

— Что?

— А что? Демон сгинул. Небеса воссияли. В официальных хрониках так и значится, что небеса воссияли. И корона у Светозарного засветилась. И сам он... даром что ли Светозарный. Он восшествовал на трон. И тот его принял. Вроде как. После этого ты объявил о возрождении Империи. Лассар с остатками Легиона согласился проследить, чтоб возрождалась она в спокойных условиях. И правильно. Теперь вон каждую неделю отписывается, что, мол, мародеры совсем обнаглели. Даже дракон их не пугает.

— Дракон?

— Мудрослава решила, что Лассар ей вполне в мужа годится. А девушке с драконом, как понимаешь, не отказывают в ее маленьких прихотях.

Безумие.

Полнейшее.

— Он же мертвый!

— Был. Мертвым. Но немножечко ожил. Как и Ксандр. Что-то там с даром связанное... силы было много. Энергии. И если не использовать, случился бы небольшой такой бабах с неясными последствиями. Вот и использовали. Ариция. Кажется. Точно не поручусь, но... в общем, они оба. И Легионеры тоже. Не все, а те, что рядом были. Они тоже, короче, вдруг взяли и ожили. Ты бы слышал, как Лассар матерился! Попугай до сих пор шепотом повторяет... хотя ты слышал. Ничего, вспомнишь.

Нет.

Не было такого... не могло быть. Невозможно сделать мертвое живым. Видимость жизни — это иное, но чтобы по-настоящему...

— Ари, к слову, с Ксандром обручилась... ну он даже не сильно сопротивлялся. И хорошо. Некромант в семье лишним не будет. Вставай уже, — демоница потянула за одеяло. — Понимаю, что все это звучит странновато, но как уж есть.

— Как... есть.

— Вот-вот... Артан там Империю возрождает, с чем не все согласны, но пока лезть бояться, потому что слух пошел, будто демон

не погиб, а заперт. И Светозарный его по своему желанию выпустить может. Да и дороги там, честно, хреновые, армию точно не протащишь. Пока только купцы и добираются. Ну и орден его, который теперь Имперским назвали. Собираются причинять добро по всему миру.

Ричард открыл рот.

И закрыл.

— Мы же вернулись. Поженились. Свадьбу ты тоже не помнишь? Хотя, чего это я спрашиваю. Конечно, не помнишь... может, и к лучшему. Главное... все ведь хорошо закончилось.

И в глаза заглянула.

И столько надежды было в них, что... сердце разорвалось от боли.

— Нет, — сказал Ричард с тоской. — Ничего еще не закончилось.

Он коснулся щеки, на которой остался красный отпечаток подушки. И щека была теплой, а пахло от демоницы почему-то молоком и еще свежим хлебом.

— Прости, — Ричард покачал головой.

— Дурак, — сказала тьма с сожалением, и мир привычно поплыл, разрушая очередную иллюзию. — А ведь все было так хорошо.

Не было.

А если и было, то... длилось бы недолго. Одними миражами жив не будешь.

— Все возможно... — шепот теперь доносился со всех сторон. — Возможно... если не струсил... убей демона, убей, убей...

— Хватит! — рявкнул Ричард.

И тьма замолчала. А он понял, что... мир снова изменился. И больше нет ни площади, ни Императорской дороги.

Ни людей.

Он... стоял.

Где?

У подножия белоснежной лестницы, которая поднималась куда-то в туман. Что ж... лестница казалась настоящей. Да и тьма помалкивала, пусть в молчании этом и чудилась тень обиды, но обида — не ложь. И Ричард поднялся на первую ступеньку.

Остальные...

Справятся. Должны. Хоть кто-нибудь.

Глава 39 О том, что демоны бывают разными

«И восстанет из глубин древнее зло, и обрушится на мир оно, желая одного — разрушить, ибо сам мир и есть оковы...»

Одно ну очень верное пророчество

Странное чувство, когда идешь-идешь, долго добираешься куда-то, мучительно, с искренней верой в то, что где-то там, за горизонтом, тебя ждет чудо.

Или счастье.

Или просто что-то очень-очень важное.

И мысль об этом заставляет идти, даже когда сил не остается. А потом вдруг дорога раз и...

Я шла. И колючие ветви шиповника поднимались, освобождая проход. Они расплетались, расплзались с тихим шелестом, словно и не ветви, но одревесневшие некогда змеи. Осыпались белоснежные бутоны. И все это...

— Здравствуй, — сказала я, остановившись пред узорчатой дверью. — Я... пришла.

— Ты пришла, — отозвалась та, которую я уже видела в зеркале.

И зал этот.

Кусочек.

На самом деле он огромный. Я не бывала во дворцах, стыжусь, что, даже когда в универе группа отправилась в Питер, я с поездки спрыгнула. Выдумала какую-то ну очень серьезную причину, и осталась. Хотя правда в том, что у меня просто не было денег.

Тогда.

И потом тоже.

И... и сравнивать мне не с чем. Но я почти уверена, что даже в том моем мире, среди всех его жемчужин архитектуры и прочего, не найдется подобной залы.

Шиповник уронил очередной лепесток.

А я поймала.

— Красивые цветы, — что еще сказать существу, невероятно сильному, могучему и... несчастному.

— Спасибо, — ответила она.

Был круг.

Очерченный на камне, вьевшийся в этот самый камень. Или даже вырезанный в нем? Были свечи, погасшие давным-давно, точнее остатки их. Жалкие комочки воска.

Были кости за границей круга.

И бурые пятна, что не истлели за тысячелетия.

— Моя мама выращивала цветы в саду моего отца. Дочь кого-то из рабов, которую оставили при доме. На самом деле домашних рабов продавали редко.

Станный разговор.

Я делаю шаг. Еще один. Я ведь так долго шла, так почему сейчас сомневаюсь. И главное, рог продолжает чесаться. Может, отрастает? Что я вообще о рогах демонических знаю?

— Знали они порой слишком много, да и просто не принято было. Если кто-то продавал домашних рабов или их детей, стало быть, дела его шли на редкость плохо.

— И твоя мама...

— Росла. А потом выросла красивой. И на нее обратил внимание мой отец. Он удостоил её высочайшей чести. Правда, её не готовили к тому, как принять того, кто уже не человек, поэтому он остался не доволен.

Разве детям рассказывают о таком?

Она сидела в центре круга, скрестив ноги, и на полусогнутой руке лежал младенец. Страшный. Ужасный. Такой, что я не могла заставить себя задержать взгляд на нем.

— Однако он был добр. И позволил ей сохранить дитя. И родить его. Она умерла.

— Это... тебе отец рассказал?

— Отец матери. Она была единственной дочерью. Рабам не всегда позволяли заводить детей. Он её очень любил. Мне так кажется. Если бы не любил, не посмел бы заговорить.

Она баюкала младенца, а он лежал. Неестественно тихо. Может... может, он уже того?

— Когда я была мала, то жила с другими детьми рода. Их много. И лет до пяти всех держат вместе. А потом уже смотрят... в ком-то может проснуться дар. Или талант. Тогда их принимают в род.

— А... остальные?

Она слегка пожала плечами.

— Домашних рабов не покупают. Их выращивают.

Меня замутило.

— Безумный мир.

Еще шаг. А зал и вправду огромен. Я пытаюсь разглядеть что на другой его стороне, но... слишком далеко. И слишком сумрачно. Свет проникает сверху... я задрала голову.

— Потолок из стекла, — пояснила демоница. — Его создали по приказу Императора, и когда светит солнце, здесь все сияет. Это на самом деле невыносимо.

Ну да... как в теплице. Огромной золотой теплице.

— В пять мой дар не проснулся. Да и талантов тоже не было. И потому меня выпускали гулять в сад. Там он мне и рассказывал. О маме. Много-много. О том, что она все равно любила меня. И ждала. И надеялась, что хотя бы я получу свободу. Но это вряд ли... вырастить хорошего раба сложно. Кто такого отпустит по своей воле?

Может... может, правильно, что тот мир, та империя, перестала существовать? Или... кроме честолюбивых засранцев вроде её отца были ведь и другие. Обыкновенные люди. Из тех, которым все равно, что там во дворцах. Которые просто живут. День за днем, год за годом. Которые встречают других простых людей. Влюбляются.

Женятся.

Рожают детей. Растят их, надеясь, что у детей жизнь будет лучше.

Почему у меня на глазах слезы?

— Почему ты плачешь? — спросила демоница.

— Мне... жаль.

— Кого?

— Тебя. И всех, кто умер.

— В тебе слишком мало крови демона, — вздохнула она. — Если ты еще умеешь жалеть.

— А ты?

— Мне было семь, когда дар очнулся. Редкий случай... обычно это значит, что дар очень сильный. И тело должно созреть, иначе

разрушится. Именно тогда мой отец снизошел до меня. И забрал.

Она чуть прикусила губу.

— Он заботился обо мне, — сказала демоница печально. — Но я не знаю, любил ли он меня.

А что я могла сделать?

Подойти.

Ближе.

На шаг.

И еще на один. Переступить через доспех, из-под которого выглядывали кости. И обойти другой... костей здесь много. Там, за кругом, пол почти усыпан ими, даже рисунка не разглядеть. Среди костей поблескивают камни. Кости и золото.

Логичное сочетание.

— Он говорил, что возвысил меня. Дал шанс. И я должна использовать его. Во благо рода. Все, что делается, делается во благо рода. Я не хотела убивать... первого демона. И второго тоже. Ты знаешь, что демоны тоже боятся смерти?

— Догадываюсь.

Я обходила выбитый в камне круг.

Раз, два, три... дюжина людей в доспехах. Охрана? Или военные? А дальше... сколько их собралось здесь?

— Много, — ответила демоница. — Извини, ты говорила вслух.

— Ничего. Это... жутковато.

— Я думала, что они пришли славить мое имя. Это ведь свадьба Императора. И на мою голову возложили венец.

Она тронула волосы.

— Потерялся... я так радовалась. И отец тоже. Я видела. Он стоял по правую руку Императора. И на плечах его лежал плащ с золотой звездой. Плащи носят Советники. Он и так входил в Совет. Но Золотая звезда — это значит, что он Первый. После Императора.

Ублюдок.

Мои руки сжимаются в кулаки. Почему... почему всегда мало? Золота? Силы? Власти? Почему хочется больше и больше. И никогда не бывает достаточно?

Почему...

— Ари! — крик утонул в тумане, мягком и плотном.

Пробираться сквозь него приходилось наощупь. Но Летиция шла. Она всегда была упрямой. И звала... иногда... и никто не отзывался.

А потом вдруг туман поредел, а она вновь услышала мертвецов. Их было много, ничуть не меньше, чем на площади. И почуяв эхо силы, они загомонили, разом, жалуясь, умоляя, требуя. Она потерялась бы в этом многоголосье, если бы не чья-то рука.

— Замуж выйдешь? — поинтересовался кто-то, подхватывая её и приобнимая.

Недопустимая вольность.

Но государю всея Вироссы можно... наверное.

Хотя бы потому, что он живой и... и нашелся! Если он нашелся, то и другие должны бы.

— Дай сперва до заката дожить, — проворчала она, неожиданно успокаиваясь. В конце концов, еще наставник говорил, что она владеет даром, а не он Летицией.

Надо...

Выдохнуть. И вдохнуть. Вот и пригодилась дыхательная гимнастика, которую так любила герцогиня... вдох и выдох. Задержать дыхание...

— Меня учили думать на перспективу, — Яр держал крепко. И теплый. А то Летиция мерзнуть начала. Издержки дара. Призраки и тени сил тянут изрядно, а тут их...

Вот так, отодвинуть.

И отрешиться.

Ей... жаль всех, но себя все-таки жальче.

— И в перспективе ты решил жениться? — она, наконец, смогла открыть глаза. — Где мы?

Лестница, уходящая вниз, в туман, из которого каменными столпами поднимаются статуи. Так, они ведь были впереди, а теперь, получается, позади. То есть нет, они уже добрались до храма. А теперь, выходит, еще выше поднялись?

— Полагаю, там, где и нужно, — Яр не отпустил. — Только остальные потерялись.

— И... что делать?

— Идти. Вперед.

— А...

— Искать кого-то там — дело напрочь бессмысленное. Да и туман этот на нервы действует. Может опять раскидать, — повторил он спокойно. И Летиция поверила. А еще обрадовалась, что не одна. Одна она бы точно заблудилась.

Потерялась.

Сошла бы с ума от плача призраков.

— Она звала вас. И стало быть, позаботится, чтобы дошли. Здесь уже как-то все... иначе воспринимается, что ли? Думаю, здесь уже её земли... или это не земли. Ну, ты поняла. А стало быть, на месте и встретимся.

Звучало достаточно... оптимистично.

— С-спасибо.

— За что?

— Что не бросил, — она все же высвободилась.

— Так... не буду врать, что я старался. Получилось так. Может, за руку держал, вот и вынесло.

А мог бы соврать что-нибудь этакое, подходящее случаю... вот тот, за кого Летиция вполне серьезно собиралась замуж выйти, непременно соврал бы.

— Погоди, — она остановилась.

И Яр нахмурился.

— Плохо?

Хорошего мало.

— Лестница, — пояснила Летиция. — Я... не привыкла подниматься по таким. Отдышусь немного и...

И махнула рукой. А призраки снова закружили, зашептались.

— Кстати, про замуж я вполне серьезно.

Яр стоял рядом. И... и вовсе не глупо смотрится он в этом наряде. Кто бы другой... нет, не получается представить даже отца, не говоря уже... а он вполне. Будто всю жизнь носил такие вот короткие рубашки с накрученными поверху полотенцами.

— Почему?

— Почему серьезно? Потому что придется. Если чернокнижник уехал, то там все в себя пришли. Стало быть, хватились. Древояр, коль в своем уме, не допустит смуты, но наслушаюсь я... изрядно.

Он поежился.

— Государь то... государь это... государь должен думать о благе державы. Вот и скажу, что подумал. Давно женить хотели. Я вот и согласился. Заодно, глядишь, и примолкнут.

Резоны были так себе. Летиция предпочла бы услышать о любви. Скажем, что он увидел её и влюбился. С первого взгляда. И до последнего вздоха. Ну или что-нибудь еще, но обязательно романтическое.

Мог бы и придумать.

— А если жениться, то на ком? Из своих не выбрать. Там за каждой невестой родня стоит. Перегрызутся, а то еще и девок перетравят. Остаются соседи. Ты вот... сестра твоя... но как-то, уж извини, страшновато. От неё ведь даже в посмертии не спрячешься. Нет уж...

Он потряс головой.

— Брунгильда? Женщина, конечно, видная. Но как-то я её... опасаюсь, что ли?

— А меня нет?

— У тебя секиры нету.

Звучало вполне себе разумно.

— А...

— Во-первых, кто её знает, где эту степнячку демоны носят. Во-вторых... хрупкая она какая-то. Нежная. Сожрут наши и не заметят. Нет уж. Мне ты нравишься.

И сказано это было искренне.

В душе потеплело.

Хотя, конечно, это ведь невсерьез. Не может быть, чтобы всерьез. И Летиция спокойно переступила через чьи-то кости, про себя отметив, что начала относится к костям иначе. Как-то... сдержанней, что ли. Они и раньше не особо волновали, а теперь вот и от духа, что попытался подняться из останков, она отмахнулась с легкостью.

Умер?

Веди себя прилично, а не приставай к малознакомым некротам. Особенно, когда те о делах серьезных думают. А что может быть серьезнее личной жизни?

Но Яр определенно не всерьез.

Если бы всерьез, то было бы предложение, переданное с послем. Конкретное, а не один лишь портрет с кем-то пучеглазым и

круглолицым, пугающим этой самой чрезмерной круглолицестью. А потом дары, как принято... даже Ричард вон прислал. А этот?

Экономит?

— Я твоей сестре не слишком нравлюсь.

Она все-таки остановилась и оглянулась. Лестница уходила куда-то вниз или даже вглубь тумана, который колыхался над нею сизым облаком.

Неуютненько. И назад совершенно не хочется.

— Открою тебе секрет, — Яр почесал шею. — Я ей тоже не слишком нравлюсь. Вообще, будь моя воля, оставил бы трон ей, и пусть бы сама маялась с Думой. Или Дума с нею. Хотя... было бы взаимно.

— А ты?

— А я бы... я бы отправился в неизведанные земли. Покорять.

— Знаешь, — Летиция не без труда отвела взгляд от тумана. — По-моему, ты уже там. В смысле на неизведанных землях. Покорить осталось.

— Это да... ну что, идем, что ли?

— Куда?

— Ну... я не особо-то умный, в отличие от Славки, но мне кажется, что это неспроста.

Он указал куда-то. И Летиция не сразу поняла, куда именно. Еще подумала, откуда здесь снег? А потом сообразила, что это не снег вовсе, а лепестки. Белоснежные. Они кружились в воздухе, сплетаясь узорами, а потом взяли и сложились дорожкой.

И вправду...

— Ты на самом деле подумай, — Яр снова взял за руку. — Что? Мало ли... вдруг да потеряюсь. Или на подвиги потянет. Ты тогда покрепче держи.

Летиция вздохнула.

Но...

Почему бы и нет? И ведь во многом он прав. Замуж выходить все равно придется. Или в монастырь. Она еще не решила, где лучше. Наверное, нигде. Но с замужем сложнее. Даже если чудо свершится, и они вернуться домой. То... то что их ждет?

Ничего хорошего.

Это... это не видения чудесные, где все-то хорошо. Это правда жизни. А значит, или замуж, или в монастырь.

Белые лепестки печально опадали.

...и ведь не сбежишь.

Или... из монастыря проще?

Проклятье, о чем она вообще думает?

— Я тебя не обижу... честно... содержание назначу. Еще и бояре кланяться будут. Соболями там, медами, жемчугами и золотом, чтобы ты на меня положительно повлияла.

— Положительно — это как?

— Ну, это зависит от того, кто конкретно кланяется. Нет, интриговать тоже станут, не без этого. Но привыкнешь...

Летиция слушала это бормотание и... и оно её не раздражало.

Совершенно.

Вопрос, достаточно ли этого, чтобы брак удался?

Глава 40 Где происходит всего и понемногу

«И женщины — суть создания лукавые. Ни слова-то не скажут они прямо, но будут вздыхать, краснеть и играть смущение. Столь же искренне играют они любовь во всем её многообразии, от робости до пылкой страсти. И воистину скажу вам так, что нет актрисы лучше, нежели женщина, желающая получить мужчину»

«Откровение о женщинах, писаное монахом-схимником на закате лет его»

Артан оказался... где?

Он помнил туман. И сизую муть. И все остальное тоже. И коридор узнал. Правда, в отличие от того, виденного им в грезах, нынешний был сер и грязен. Солнце, проникая сквозь запыленные стекла, окрашивало золото алым. И клочья пыли катились по узорчатому полу.

Тлен.

И запустение. Артан оглянулся. Надо же, он один... а где прочие? Или это уже не имеет значения? У каждого свой подвиг. И ему ли желать иного.

Он коснулся короны, убеждаясь, что та на месте. И переступил через тяжелый стебель шиповника. Тот вяло шелохнулся, но остался недвижим.

Другой и вовсе убрался с пути.

— Подождите! — раздался тонкий голосок. — Подождите, пожалуйста...

Теттенике или та, что притворялась ею, вынырнула из ниоткуда, чтобы повиснуть на шее. Стало быть, не дочь кагана. Та никогда-то не вела себя подобным образом.

— Я так испугалась! Так... испугалась! — она громко и совершенно неестественно всхлипнула, чтобы спустя мгновение отстраниться. — Здесь и одна... совсем одна.

Артан высвободил руку.

— Вы меня спасете? — уточнила ведьма.

И подумалось, что самое время взять её за шею и хорошо потрянуть.

— Конечно, — сказал Артан обреченно. — Куда я денусь.

— Тогда нам надо спешить! Я видела! Если мы не поторопимся, то умрем! Все умрем! И они тоже... — она вцепилась в руку и потянула за собой. — Скорее же! Скорее...

Она почти бежала. И колючие стебли убирались с их пути. А ведь их много. и... и хорошо, наверное, что он не убил ведьму.

А вот и двери.

Одна половина лежит, изуродованная, изогнутая. Вторая повисла на одной петле. И кажется, что легчайшего прикосновения хватит, чтобы эта дверь рухнула.

Ведьма остановилась.

Оглянулась.

На мгновенье прекрасное лицо её исказила гримаса ярости. И исчезла. Бессильно опали руки, и сама она сгорбилась.

— Скорее же... — полусшепот, полукрик вышел жалобным. — Ты должен... должен одолеть её!

— Как? — Артан коснулся двери.

Золото.

И пыль. Столько пыли, что золото кажется серым. И на этой серости остаются следы его прикосновений. И хочется стереть еще и еще, освобождая чудесный узор.

— У тебя есть сила! Дар! Клинок! Она ничего не сделает тебе... просто подойди... корона защитит, — тонкие руки легли на плечи. И горячее дыхание коснулось щеки. Она говорила быстро и страстно. — Ты сумеешь... подойди. Она в круге. Она сильна. Ни одно оружие, сотворенное людьми, не причинит ей вреда! Но твой клинок — другое дело!

От нее исходили волны жара. И тот туманил разум.

Туманил бы.

Но...

— Откуда тебе известно? — поинтересовался Артан. Странно, что женщина больше не казалась ему красивой. Нет, она не изменилась и... в иной той жизни он не остался бы равнодушен. Все-таки он живой человек. Сейчас же Артан разглядывал её, испытывая одно желание — оттолкнуть.

— Я видела!

Врет.

И ложь видна, как белое перо среди черных.

— Что ж, — губы занемели и улыбаться не получалось, хотя Артан старался. — Тогда идем...

— Я... — она отступила. — Я... тут подожду.

И еще шаг назад. Маленький шажок.

Артан удержал ведьму.

— Боюсь, — сказал он, перехватывая её за плечо. — Я не могу этого позволить.

Когда в тумане появился путь, Брунгильда просто шагнула на него. И потом вышла. Огляделась. Хмыкнула. Комната... белая такая, некогда роскошная, надо полагать.

Позолота сохранилась.

И роспись на потолке. Брунгильда никогда не видела ничего подобного. Она задрала голову, разглядывая корабли, которые плыли по... морю? Океану? Огромные, даже на картинках. С белоснежными парусами, что вздымались в два или три ряда. Опутанные нитями снастей. Грозные. И... удивительные.

Ниже скользили длинные тела морских змеев.

— Красиво, — сказала Брунгильда и обернулась.

Никого.

Выходит, она... потерялась? Или прочие? И что дальше? Где она вообще?

Брунгильда подошла к окну. Ступала она осторожно, но под сапогами все одно что-то да похрустывало. Она старалась не думать о том, что это. Из окна открывался вид на туман. Сизый, переливчатый. Где-то там, вдалеке, из него поднимались каменные статуи, которые казались маленькими.

Дворец стало быть.

И демон рядом.

И дальше-то что? Брунгильда еще раз огляделась и пошла в другую сторону, к дверям. Если уж во дворце, то надо демона искать. Оно, может, и не разумно, но что-то подсказывало, что и остальные придут к такому же выводу. А стало быть, там и встретятся.

Она вышла в коридор.

И...

Огромный.

И снова кости, правда, лежат уже не так, чтобы часто. Можно пройти. Сколько же тут людей-то полегло? Брунгильда покачала головой.

— Мир вам, — сказала она, поклонившись. Кем бы ни были они, но участи подобной они не заслужили. Мертвецов надо предать земле. Или морю. Тут уж как получается.

По полу будто сквозняком потянуло.

Куда идти-то?

Дальше... и прямо. По коридору. Раз есть коридор, то куда-то он ведет. Ко второму? Еще большему. И роскошному. Стены тут были покрыты пластинами золота, с выбитыми на них узорами. Узоры, правда, грязью заросли, но не так, чтобы вовсе их не было видно.

И...

Дальше.

К золотым дверям, что виднелись на другой стороне.

Легионера Брунгильда нашла аккуратно возле дверей. Черный доспех его выделялся среди общей позолоты.

— Эй, — она остановилась. — Ты... живой?

Спросила и подумала, что как-то глупо вопрос звучит. Он точно мертвый и был таким еще тогда, в Замке. А тут? Как он тут оказался? Хотя... пришел.

Стало быть, спасают.

Мысль была приятной. А вот с Легионером надо было что-то да делать. Бросить? Так нехорошо как-то. Может, и не живой, а все одно из своих. Привести в чувство?

Как?

Брунгильда осторожно постучала по шлему.

А если... ладно, когда человек живой, можно послушать, бьется ли сердце. Или вон перышко к носу поднести. Хотя где его взять-то? Или... или потрогать, теплый или нет. А тут? Мертвые не дышат. И сердца у них нет. И... вовсе, все это глупо.

Легионер остался неподвижен.

А если мертвый... то что с ним случится?

Брунгильда вздохнула и потянулась к забралу. Хотя бы глянет, как они выглядят-то, чудовища или не особо? Она тронула доспех,

удивившись тому, что тот теплый, словно кожа. И сила, там, под ним, она билась вместо сердца.

А вот поднять забрало не вышло. Руку перехватили.

— Живой, — Брунгильда обрадовалась, хотя конечно нашла чему. Может, он свихнулся. Мысль была на диво несвоевременной. Более того, запоздала она изрядно. И оставалось, что секиру стиснуть. — То есть... извини.

На нее смотрели.

И под забралом клубилась тьма. Интересно, если все-таки поднять... лицо у него есть? Или тьма лишь? Или, может, лицо это столь ужасно, что и глядеть не стоит?

Легионер хмыкнул, весьма отчетливо. И руку отпустил.

А потом взял и сам забрало поднял.

Надо же...

А лицо... лицо есть. Обыкновенное такое лицо. Мужское. Черты грубые и... сколько ему? Было. Сколько было, когда он умер? Тридцать? Сорок? Волос темный с нитями седины. И на щеке тонкий шрам. А еще один пересекает переносицу, поднимаясь ко лбу, чтобы исчезнуть в волосах.

Кожа загорелая, но сам бледен.

— Спасибо, — сказала Брунгильда. И руку подала. А её приняли.

— Пожалуйста, — голос у Легионера оказался скрипучим.

— Ты... говоришь?

— Похоже на то, — он повернул голову влево. Вправо. — Чувствую себя... странно.

— Вы не разговариваете. А сейчас...

Он прижал палец к губам и закрыл глаза. Потом положил ладонь на грудь и нахмурился. Брунгильда же подумала, что без шлема он изрядно утратил таинственности. И вовсе не особо-то пугает. Обычный мужик в темном доспехе.

— Сердце. бьется, — это было сказано с удивлением. — Горло...

— Бьется?

— Болит.

— Это с непривычки. Столько лет молчать. Как тебя зовут?

На сумасшедшего не похож, стало быть... может... может, того, ожил? Когда круг сотворили. И... и там Летиция мертвецов отпускала.

А потом все сорвалось и случилась какая-то ерунда. Вот и ожил. И хорошо, если только он.

— Ульрих, — чуть помедлив, сказал Легионер. — Ульрих фон Виттенгроф. Седьмой барон Арвена.

— Это где?

— На севере. Далеко. Я шел совершать подвиг.

— Бывает, — Брунгильда оперлась на секиру. — И как?

— В честь прекрасной дамы, Элеоноры Северной. Я обещал ей привезти зеркало...

— Это ты зря...

— В которое она бы гляделась день ото дня, и красота её прибывала бы. Хотя не было девы прекрасней её... давно... очень давно. Я шел... и сражался.

Он посмотрел на руки.

— Это... как во сне. Я побеждал разбойников. Я добрался до Южного моря, до земель, где солнце никогда не опускается на землю. Я... попал в плен и был продан.

— Сочувствую.

— Я пытался бежать. Трижды. И убил моего пленителя. Тогда проклятые пираты привезли меня сюда. Сказали, что здесь моя ярость пригодится.

Ульрих.

Имя ему не подходит. Слишком уж вычурное.

— И меня купил тот, кто повелевал Тьмой. Он предложил службу. Три года... три года верности и я получаю свободу.

Он пошевелил пальцами.

— Я прослужил два. А потом меня убили. И подняли. И... и дальше все, словно в тумане. Спасибо тебе, дева, — он поклонился до самой земли. И Брунгильда смутилась. — Ты силой своей сняла темные чары...

Наверное, все-таки что-то такое у него с головою приключилось. За сотни-то лет.

— И я отблагодарю тебя. Я на тебе женюсь.

— Лучше золотом, — вырвалось у Брунгильды. И Ульрих нахмурился. — Извини. Это... нервы. И жениться на первой попавшейся деве — плохая затея.

Вот ведь... ожил на её голову. А остальные? Если один ожил, то и остальные... и что, они тоже жениться захотят? Или это один такой, Брунгильде попался?

— Ты сперва оглядись... — сказала она мягко, успокаивая. — Дев много, может, какая другая...

— Ульрих фон Виттенгроф всегда держал свое слово! — возмутился Легионер. — И мы знакомы. Некогда ты в милости своей снизошла до меня, зачарованного, подарив мне знак своего расположения.

Это когда ж она успела-то?

Легионер вытащил откуда-то платок. Её, Брунгильды, платок... и вот что с ним делать? С Легионером.

— Я, пусть и беспмятный тогда, понял, что судьба смилостивилась над душой моею...

Чтоб его, болезного...

— Слушай, — перебила Брунгильда, пытаясь отделаться от мысли, что не совсем живым Легионер ей нравился больше. — Тут... такое дело. Мы в Проклятом городе. Понимаешь?

— Я помню, о прекраснейшая...

— У тебя уже есть одна прекраснейшая. Твоя эта... Элеонора...

— Увы, она давно мертва, как и дети её, и внуки... время беспощадно к людям.

Интересно, он такой болтливый сам по себе или потому что молчал долго? Брунгильда подавила вздох. Ладно, пусть прекраснейшая. Ворон еще когда говорил, что хоть горшком называйте, только в печь не сувайте.

— Нам надо найти остальных.

— Прекрасных дев?

— Очень прекрасных.

— Ни одна из них не сравнится с вами! Ибо очи ваши сияют, подобны звездам...

Боги, дайте сил!

— Найти и спасти. От демона. Или демона.

— Демона спасти?

— Пока не разобралась, — честно сказала Брунгильда. — Но вполне возможно. Так что, ты идешь или и дальше тут стоять будешь?

Легионер поклонился.

— Отныне жизнь моя всецело принадлежит вам! И нет чести выше, служить той, что поцелуем своим...

— Не было поцелуя! — Брунгильда задохнулась от возмущения.

— Будет, — уверенно заявил Ульрих фон Виттенгроф. — На свадьбе.

Вот... вот встретит она Арицию, точно отвесит затрещину, чтоб знала, кого оживлять. А ведь казался приличным человеком.

— ...и подвиг, совершенный...

Чтоб его!

И Брунгильда решительно направилась к следующим дверям, которые были больше и роскошнее предыдущих. Глядишь, и повезет добраться до демона раньше, чем терпение иссякнет.

Глава 41 В которой случается еще одна встреча

И тогда увидел он деву прекрасную. Лежала она в стеклянном гробу, на серебряных цепях подвешенном. Подошел юноша, и стрела любви пронзила сердце его. Склонился он над гробом, не в силах противиться светлому чувству. Коснулся губами мертвых губ. Вдохнул в них свое дыхание. Тогда и ожила дева. И улыбнулась. И восстала из мертвых, чтобы вырвать сердце влюбленного глупца да пожрать его.

Страшная сказка о мертвой принцессе и её женихах.

Ариция воровато огляделась и, убедившись, что никого-то рядом нет, сплюнула. Во рту был гадостный привкус. Нет, не так. Во рту был на диво гадостный привкус, будто она дохлую кошку пожевала. Не то, чтобы случалось этакое в жизни, но вот... ощущения, как представлялось Ариции, были бы схожими.

Где она?

Опять непонятно. И эта непонятность, признаться, утомляет.

Мрамор слева. Мрамор справа. Картины какие-то, заросшие пылью так плотно, что не разглядеть, чего ж на них-то намалевано.

Ковер... остатки ковра.

Позолота, но тоже пропыленная.

— Эй, — Ариция вытерла рот рукой. — Есть тут кто...

— Кто, кто, кто... — печально отозвалось эхо.

Понятно.

Вот ведь... туман... и где она теперь? Ариция добралась до окна, благо, окна были роскошные, в пол и еще с витражами. Витражи, правда, немного грязью заросли и вообще местами треснули, но увидеть далекую площадь и дорогу к ней получилось.

Стало быть, она во дворце.

Это хорошо?

С учетом того, что сюда и направлялись, наверное, хорошо. А остальные где? Или... ну да, опять раскидало? Дворец-то издали

гляделся огромным, а вживую и того больше будет. И бродить в нем можно долго.

— Эй, — крикнула Ариция. И прислушалась. Ничего. Только эхо покатилося по коридору. Хотя... раздался тихий шелест.

Скрип.

И Ариция уже прокляла себя за дурасть, когда куча тряпья, некогда, надо полагать, бывшая шторами, шевельнулась.

Так... ей надо оружие!

Ей...

Из кучи выглянула узкая морда, покрытая мелкой чешуей.

— Тьфу ты, — Ариция снова сплюнула, на сей раз с облегчением. Вот котика жалко. То ли сгинул, то ли где-то там, среди городских закоулков остался. — Иди сюда...

Виверн выбрался и отряхнулся. Стал он будто бы меньше... определенно меньше. А вот чешуя позеленела. И блеск обрела. И крылья... крылья целыми стали!

Ничего себе.

Зверюга добралась до Ариции, ткнулась в нее носом и чихнула. Она же теплая! Не горячая, нет, но теплая. Живая! По-настоящему.

Как такое возможно? Нет, дар даром, но... но одно дело на словах, и совсем другое — увидеть. И... и наверное, это хорошо? Или не очень? Ариция поглядела на виверна, который сел и поглядел на Арицию.

— Делать-то нам что? — спросила она и, закономерно не дождавшись ответа, сказала. — Идти. Искать демона. И надеяться, что остальные тоже додумаются.

Надеяться выходило так себе.

Но виверн поднялся и бодро потрусил. Понимает? Или, может, чувствует? Демоны должны как-то пахнуть...

В коридоре было пусто, если не считать костей. Кости лежали кучками, но вполне смиренно, что успокаивало. Иногда какой-то череп оказывался где-то в стороне, и тогда Ариция обходила его.

На всякий случай.

Виверн шел.

И она за ним.

Сквозь одни ворота. Другие. Третьи... и ощущение такой полнейшей бесконечности коридора. Пару раз она открыла двери,

заглянув в комнаты, оценив и роскошь, и величину их, и пустоту. Но поскольку ничего интересного там не было, двери Ариция закрывала и шла себе дальше.

За последней дверью обнаружилась полукруглая зала со стеклянным потолком. В центре её возвышался фонтан, над которым поднималась четверка мраморных дев. Девы были обнаженными, и в переплетении их рук мерещилось нечто в высшей степени неприличное.

Рядом с чашей фонтана стояла пару чаш поменьше, и когда-то вода стекала с них в узорчатые желоба, а те пробирались меж горшков.

Интересное место. На матушкин зимний сад похоже. Или оранжерею. Но только растения не пережили катастрофы, а может, позже умерли, когда вода перестала течь.

Ариция не знала.

Она огляделась. А виверн, сев на зад, снова чихнул.

— И дальше-то куда? — Ариция сунула голову меж двух узорчатых кадок, из которых сиротливо торчали рогульки. Земля давно превратилась в прах. Да и рогульки были сухими.

Виверн снова чихнул.

Ариция же ступила на дорожку, вымощенную желтым кирпичом. Раз шаг. И два... и три... и вот лавочка по ту сторону фонтана. Белоснежная, несмотря на прошедшие годы. Изящная. Так и манит присесть.

На нее и присели.

Откуда он здесь взялся?!

Ксандр сидел, уткнувшись в сцепленные руки. Локти его упирались в ноги. Спина сгорбилась. И вид был жалким. Неподобающим древней бессмертной твари.

— Доброго дня, — вежливо поздоровалась Ариция.

— Голова болит, — отозвались ей. — Голова... просто невыносимо.

— Сочувствую.

— Она не может болеть!

— Почему?

Нет бы обрадовался, что Ариция нашлась. Если он здесь, то явно потому что там, в Замке, решили-таки спасти потерявшихся невест.

— Потому что я мертв! Мертвые не ощущают боли.

— Извините, — стало немного неудобно, потому что в глубине души появилось подозрение, что вот та вспышка на площади, окончательно оживший виверн и головная боль лича немного связаны.

Ксандр поднял голову.

— Свет... яркий. А запахи наоборот. Почему?

— Ну... — Ариция прикусила губу. Говорить или нет? Матушка, когда они с Лети что-то такое утворяли, всегда просила говорить. Правду. И обещала, что тогда не станет ругать. Но все равно потом ругала... а с другой стороны, он ведь поймет. Рано или поздно

Это он просто пока не сообразил.

Голова ведь болит. И думать тяжело. А поймет и тогда...

— Может... потому что... вы немножечко живой? — робко спросила она.

— Я мертвый.

— Были.

— Мертвые не оживают.

— Как правило. Иначе это было бы до крайности неудобно.

А глаза у него красные и слезятся. И бледность эта... то есть он все еще бледный, но теперь с характерным сероватым оттенком, который бывает у живых людей после долгой болезни.

— Но вот... понимаете... у меня дар.

— Дар, — послушно повторил Ксандр.

— Так мне сказали... я Дарительница Жизни.

— Это сказка.

— Ну... тогда будем считать, что с вами приключилась сказка! — Ариция радостно уцепилась за возможность. — Или чудо! Скажем... вот святая Ульрика как-то помолилась Пресветлым Девам во здравие почившего её брата, и он исцелился, а потом открыл глаза. Или наоборот. Честно, толком уже не помню. Главное, ожил! А стало быть, возможно! Если вы чисты душой и крепки верой.

Подумалось, что вот последнее это она зря. Что... какая у лича вера? Или чистота души? Он же ж тварь кровожадная... ну или просто проклятая, поскольку кровожадности прежде за Ксандром не наблюдалось.

В общем, случай был явно не тот.

Ксандр повернулся и поглядел этак, задумчиво.

— И глаза у вас не черные! — встрепенулась Ариция. — А... серые.

— И голова болит.

— Точно. Голова — это ведь аргумент!

— Смотря для кого, — он опять поморщился. И потрогал голову. Потом зажал одной рукой другую. — Сердце... бьется.

Ариция сделала шаг. И еще один.

— Вы... позволите?

— Если вскрывать не станете, — он протянул руку. На белом запястье вспухли синеватые сосуды. Но пульс был. И сердце билось. И еще он определенно дышал.

— Пока воздержусь.

— Очень обнадеживает.

— Мне кажется, вы надо мной издеваетесь.

— Вам кажется.

Ариция руку выпустила. А потом поинтересовалась.

— А вообще... что вы тут делаете?

— Сам бы знать хотел, — он поднялся и застонал. — Мать вашу, как же... больно быть живым!

— Что такое?

— Руки... ноги... все, чтоб вас...

— Меня не надо, — Ариция потрогала упомянутую руку. — У вас просто мышцы задеревенели. Еще, возможно, не привыкли... если свои. Ему я из земли делала. И из того, что придется.

Виверн растянулся на брюхе, и лапы раскинул. И глаза прикрыл.

— Но от него остались одни кости. А вы вон, хорошо сохранились, в первозданном, так сказать виде.

Её буравили взглядом, и видят Пресветлые, благодарности в этом взгляде точно не было.

— То есть... это вы?

— Не совсем, чтобы я, — она попыталась сдвинуть затекшую мышцу, но та была отвратительно твердой. Вот прямо почти деревянной. — Так... получилось. Мы шли через площадь.

— Куда?

— Ко дворцу, конечно.

— К демону.

— Естественно.

— Что может быть естественного, чтобы идти к древнему кровожадному демону, вместо того, чтобы попытаться спастись от него?

— Вы придираетесь, — Ариция согнула и разогнула руку Ксандра. Тот всхрюкнул. — Попробуйте расслабиться... и вообще, назад было далеко.

— А к демону близко?

— Она в целом неплохая...

— Вы даже познакомиться успели?

Рука дернулась. И Ксандр пошевелил пальцами.

— Немного. На самом деле мы подумали, что выбраться у нас точно не выйдет, а если демон милый, то есть шанс договориться. К слову, люди благородного происхождения не ругаются.

— Это... смотря как их доводить.

— Хотите сказать, что я вас довела?!

— Нет, конечно, — руку у нее отобрали и нагло сунули другую, будто Ариция обязана тут вчерашнему покойнику мышцы разминать. — Это ведь не вы взяли и куда-то подевались... ушли... из зачарованного и хорошо охраняемого Замка, чтобы очутиться в древнем проклятом городе, куда и Легионеры не суются! Это не из-за вас пришлось в срочном порядке организовывать это...

— Что это?

— Спасательную экспедицию.

— Мы не просили, — она почти даже решила обидеться, но потом передумала. Место для обид не самое подходящее. Да и в целом... и вправду глупо получилось. — И вообще, это у вас чернокнижник завелся. А мы — пострадавшая сторона.

На это Ксандр ничего не ответил. Вот только серость с лица слегка отступила, да и в целом вид у него сделался более... живой, что ли.

Руку он сгибал и разгибал уже сам. И пальцами шевелил.

— Так как все-таки...

— Ну... мы шли через площадь. У Летиции дар... она видела, как люди погибали. А еще они, оказывается, не ушли. В смысле, души. И она решила их отпустить, но у одной у нее не хватило бы сил. Тогда мы создали круг. И кровью обменялись. Сил стало много, но что-то пошло не так. Вот он ожил.

Ариция указала на виверна, что вытянул шею и свистнул, подтверждая, что и в самом деле ожил.

— А теперь вот и ты... в смысле, вы.

Приличные принцессы не тыкают. Тем более спасителям.

— Да ладно, — отмахнулся Ксандр и опять скривился. — Просто... отвык уже.

— Значит, вы за нами, да?

— Да.

— И давно?

— Сказал бы, что нет, но, честно говоря, не уверен. Высадились мы вчера, ночью уже. И лагерем встали на берегу. Я решил пройтись, посмотреть, что к чему. Для живых этот город опасен.

— И как? Посмотрел?

— Посмотрел... нашел следы живых. Я ведь все-таки лич. И чую... думал, повезло. Сейчас найду кого-нибудь. Выведу. Сам выбрался к площади. А там туман. И... видел кое-что. Несбыточное.

Он посмотрел на свою раскрытую ладонь. Повернул одной стороной. Другой. Вены выделялись темными линиями на излишне светлой коже.

— А я опять... не того?

— Понятия не имею, — честно сказала Ариция. — Обычно я, если кого и поднимала, то ненадолго. Упокаивала после. Меня еще нянечка учила убираться за собой.

— Похвально. Весьма.

И снова почудилась насмешка.

Почудилась.

Кто в здравом уме будет смеяться над некромантом, пусть даже и неопытным.

— Что ж, хотя бы вас я нашел.

Какая потрясающая самоуверенность! Между прочим, это наоборот, Ариция его нашла.

— А остальные где? — поинтересовался Ксандр.

— Понятия не имею. Когда... Летти не справилась, я попала будто... не знаю, тоже видела кое-что.

Она покосилась, пытаясь представить вот этого наглого самоуверенного типа в качестве жениха. Нет. Бред. Полнейший.

— А потом очнулась. Мы все. На лестнице, кажется. Только-только очнулись, а потом опять туман. И я вот тут. И пошла искать кого-нибудь...

— Понятно, — Ксандр еще пошевелил руками и прислушался к себе. — Знаешь... ты больше так не делай.

— Как?

— Не воскрешай мертвецов без предварительного на то их согласия.

Можно подумать, она это специально...

— Вообще... — Ариция нехорошо прищурилась. — Я, безусловно, не уверена, что получится, но вполне могу попробовать вернуть все как было...

— Не надо! — Ксандр даже подпрыгнул. — Просто... вдруг да получится слишком хорошо. Мне еще рано окончательно упокаиваться.

Он вдохнул полной грудью.

И закашлялся.

— Проклятье... живым быть — довольно неудобно.

Извиняться Ариция не собиралась. И... и вообще, сам виноват. Осталось придумать, в чем именно.

— Ричарда найти надо. И остальных.

— И демона.

— Без демона я бы обошелся, — он вздохнул. — Но, сдастся мне, вы правы...

— Снова «вы»?

Ей предложили руку и Ариция, подумав, согласилась. Собственно говоря, она даже рада была. Нет, не руке. Рука — это так себе... просто рука. А вот то, что она больше не одна — это... это стоит того, чтобы потерпеть все остальное.

— Скажите, — Ариция поглядела на спутника. — А... вы ощущаете разницу? В состояниях? Помимо головной боли?

— Ощущаю.

Он слегка поморщился.

— Руки?

— И ноги. И спина... и... мне когда-то ребра сломали, давно, молодым был, глупым. Горный тарх повалил, а это такая тварюга... доспех подрал, что бумагу. Ну и бок тоже, — Ксандр даже потрогал

упомянутый бок. — Братья сшибли. А я долго потом валялся. Ребра зажили, но иногда болели. Как сейчас. И шрамы тянула. Еще в животе пусто. И тошнит... вам подробно надо?

— Желательно.

— Зачем?

— Ну... запишу. Оставлю для потомков.

— Главное, чтоб только записи. Наглядным пособием я быть пока не готов.

— Пока...

— В принципе!

— Пока!

— Потомков у тебя еще нет.

— Временно, — отмахнулась Ариция. — Вот мир спасем и появятся... к слову, как ты к детям относишься?

— Я?! — никогда еще на нее не смотрели с таким искренним ужасом. — Это тебе тоже... для записей?

— Конечно, — бодро соврала Ариция.

И вспомнилось, что... на нем неплохо смотрелся тот черный костюм. Строго и изысканно.

Да...

А дорожка вывела к двери, за которой обнаружился короткий коридор. И еще один. И... и она окончательно запуталась в этих коридорах. А Ксандр вел. Уверенно. Словно точно знал, куда идти. И остановившись перед очередной золотой дверью, посмотрел сверху вниз.

— Она здесь.

— Ты...

— Слышу. Слабо, все-таки на живых тьма действует иначе, чем на мертвых, но слышу. Она ждет. Все ждут. Надо же... столько лет, а все ждут.

Удивление.

И... тоска.

— Погоди, — Ариция вцепилась в руку. — Ты её слышал?

— Когда был мертв? Да... слышал. Много яснее. Не только я. Она звала всех... и все пришли. Все, кто сумел.

Кривая улыбка исказила это, почти неживое лицо.

Глава 42 Где круг почти собирается

«И увидела она в зеркале волшебном существо столь отвратительное, что и глядеть-то на него не получалось. Было оно криворотом и кривобоком, со шкурой серой, многими язвами покрытою, с редким волосом и белесыми глазами. Смотрело существо на деву и скалилось.

«Кто это?» — воскликнула тогда дева.

«Ты, — ответствовала ей ведьма. — Таково отныне истинное твое обличье. Ибо отдала ты душу свою, обменяла её на красоту. И чем краше становилась ты, тем страшнее — душа».

Заплакала тогда дева. Но поздно уж было»

Нравоучительная история о тщеславной девице и коварной ведьме.

Мудрослава осознала, что её несут. На руках. И держат бережно. Она полулежала, прислонившись к металлу, но почему-то теплому. И это было не тепло разогретого солнцем железа. Скорее уж от того, кто заковал себя в это железо, исходил жар.

Мудрослава открыла глаз.

Второй.

Надо... сосредоточиться. Успокоиться. И разобраться. Со всем. Боги... а ведь еще недавно она страдала от того, что жизнь её скучна и бессмысленна.

Лассар.

Она узнала шлем.

И тьму, что еще клубилась под забралом. И... и вообще ошибиться сложно.

— Здравствуйте, — сказала Мудрослава, пошевелившись. — Я очень рада, что вы здесь...

Вряд ли он один.

Значит... значит, их все-таки спасают. И даже, если судить по Мудрославе, успешно. Что произошло-то... она помнила.

Смутно.

...была площадь.

Туман. Сила, которая стремилась сквозь сцепленные руки. Ощущение, что тебя пронизывает могучий поток этой самой силы и... и с той, с другой стороны, метались души. Их Мудрослава даже увидела, ужаснулась и порадовалась, что в обычное время они сокрыты от взгляда.

Жуть жуткая, если подумать.

Тогда подумать она не успела, потому что сила вдруг рванулась и вырвалась, выплеснулась на площадь неудержимым потоком, а она, Мудрослава, наверное, потеряла сознание.

Точно.

И еще сон видела.

Чудесный.

Нет уж...

Потом оказалось, что сон — это даже не сон... корона, бояре... разве оно ей надо на самом-то деле? Нет уж. А потом... потом опять туман. Кажется, этак она начнет туманов бояться.

— Эй, — она постучала по доспеху. — Все уже... поставьте меня на ноги! Я вполне способна передвигаться сама!

Ничего.

Идет... спокойно так идет. А доспех твердый, и руку ободрать недолго. На неё же и вовсе не взглянули. И это совершенно точно не нормально. Хотя, конечно, в нынешних обстоятельствах сложно сказать, что есть нормально.

— Командор, — Мудрослава перестала стучать. — Вы не могли бы оказать любезность и поставить меня на ноги?

Тишина.

— Или хотя бы подать знак, что слышите?

Снова тишина.

Не слышит? И как ей быть?

Мудрослава покрутила головой. Идут... по какому-то коридору. К слову, довольно роскошному, пусть даже роскошь слегка пострадала от времени.

Мрамор.

Колонны.

Позолота. Картины какие-то, разглядеть которые не получается, потому что идет Командор довольно быстро. Это... точно не площадь

и не лестница. Дом? Для дома великовато. Дворец?

Тот самый?

— Эй...

Снова тишина.

Ладно, если не так, то иначе... к примеру, к дару обратиться. Она поерзала, устраиваясь поудобнее, и закрыла глаза...

...почему-то вспомнилось роскошное платье, которое на неё примеряли сразу четыре девки. Платье было расшито золотом и жемчугами. Переливались драгоценные камни. И главное, вес-то почти не ощущался.

Кивал постаревший, выцветший Древояр.

— Из вас получится хорошая государыня, а ваш чудесный дар поспособствует возвеличению Вироссы...

Нет.

Не то. Надо сосредоточиться. Надо... кого-то нащупать. Дракона? Нет, от дракона пользы нет... воскрешенного Арицией кота она еще раньше потеряла. А вот виверн или... а что если... конечно, люди — не животные, но Командор в неполной мере человек.

И попробовать стоит.

Лишь попробовать.

Она зажмурилась. И... и как дальше? Дотянуться до разума... до ближайшего разума. Просто навстречу. Коснуться. Легко. И прислушаться... да, прислушаться для начала.

Уверенность?

В чем?

Или сомнения... или... нет, как может быть одновременно уверенность и сомнения? Это собственные, Мудрославы, чувства. А ей нужно понять, что творится в голове Командора.

Если там хоть какие-то мысли есть.

...спешить.

Ритуал опасен.

Расчеты не верны. Свиток прибыл на рассвете. И затерялся среди иных, которые появлялись каждый день в великом множестве. На этом свитке не было гербовой печати или знака, что он важен. Просто свиток.

Мог бы вовсе в руки не попасть.

Но попал.

Пара фраз, написанных дрожащею рукой. За ними читалась мольба. Прибыть. Остановить.

Ошибка.

Кажется, это именно то, что нужно.

...мальчишка слаб. Он и без того на грани, и давно стоило бы выбрать кого другого, но проблема в том, что некого.

...давно ходят разговоры о том, что Совет и сам способен править. И верно. Способен. И правит не одну сотню лет. А Император — лишь символ. Народу нужны символы. А Совету — тот, кто кровью заплатит за их силу.

Но этот их...

Обрывки приходится складывать воедино. Но все равно не очень понятно. С другой стороны, чем Мудрославе еще заниматься? Пока несут?

Куда несут?

...она постаралась отправить свой вопрос.

— Ритуал не должен состояться, — гулкий голос исходил откуда-то изнутри доспехов. — Иначе город будет уничтожен.

— Он уже состоялся, — тихо отозвалась Мудрослава. — И город действительно был уничтожен. Как и вся империя.

— Невозможно.

— Возможно. Вы... просто потерялись.

— Я?

Он все-таки остановился. И до Мудрославы долетело эхо... удивления? Растерянности?

— Кто вы?

— Лассар... — он запнулся. — Командор... Командующий Южными легионами. Наместник...

— Командор, — согласилась Мудрослава. — Может, вы меня все-таки поставите?

И её поставили. Осторожно, будто она, Мудрослава, была из фарфора.

— Благодарю, — она поклонилась.

— Ты...

— Мудрослава Виросская, — представилась Мудрослава. — Вы ведь помните.

— Да... и нет, — он потер голову. — Все... мешается. Погодите.

Тишина. И сердце бьется. Её. Тьма... клубится. Тьма беспокоится.

— Я... не успел. Я отправил вестников, но все были слишком заняты. И я не успел.

— В том, что случилось, нет вашей вины.

— Есть... — он покачал головой. И тьма посмотрела на Мудрославу. — Я должен был остановить их еще тогда. Но я предпочел удалиться. Я решил, что не хочу марать руки. И что мне все это не нужно. А получилось... мне ведь писали. Просили поддержать. Недовольных много. Всегда было много, это нормально. Не бывает, чтобы все были довольны властью. Но в последние годы... слишком все стало... наводнения. И засухи. Песчаные бури. Землетрясения. Оползни. Сам мир пытался отторгнуть чуждую ему силу. И надо было лишь избавиться от демонов... просто избавиться... элементарное решение, о котором знали.

— Кто?

— Совет. И маги. И я в том числе. На поверхности ведь... но простое решение не всем было по вкусу. Отказаться от демонов. И собственной силы? — смех был хриплым. — Сравняться с обычными людьми? Утратить все... им тогда казалось, что они утратят все. И ведь утратили. Все!

— Успокойтесь, — строго сказала Мудрослава. — Это было много лет тому.

— Да, девочка. Много лет... тому... ко мне приходили. Меня знали. И любили. Поддержали бы. Легионы. Маги... маги тоже не все думали о себе. И надо было согласиться. Я бы мог. Войти в город. Обложить этот проклятый дворец. Я был достаточно силен, чтобы выступить против Совета. Против Императора. Объявить себя новым... приняли бы. И все остальное тоже. И тогда, постепенно, я бы... мог отпустить их... запретить вызовы. Не сразу...

— Или не могли бы, — возразила Мудрослава.

— Почему?

— Потому что даже государь не волен в деяниях своих. Так мне говорил наставник. Взять моего брата. С одной стороны, он самодержавный правитель. А с другой есть Дума, которая вроде бы как подчиняется, но при том только и думают там, как напакостить. И то одни начинают к смуте подбивать, то другие... и за каждым своя сила,

которую просто не получится игнорировать, если и вправду хочешь трон сохранить. Вы бы просто стали новым Императором и все.

Он смотрел. Долго так.

И тьма клубилась. Но почему-то показалось, что там, за тьмой, кто-то да есть. Кто-то вполне живой, даже если мертвый. И... и жаль его.

— Вы ведь клятву приносили, верно? Императору. И Совету вашему. И если бы нарушили, стали бы клятвоотступником. А еще мятеж мог бы и не удастся. Или удастся, но частично. Тогда началась бы смута. Вы бы вызывали одних демонов, Совет — других. Демоны сражались бы между собой. И возможно, мир снова погиб бы, но на сей раз — в пламени. А их пепла возрождаются только фениксы.

— Умная девочка, — рука в латной перчатке коснулась щеки. И Мудрослава снова удивилась тому, до чего та горяча. — Каждый день потом, после, я повторял себе это... снова и снова.

— Не помогало?

— Нет.

— А теперь... если уж вы все вспомнили. Как вы здесь оказались? И... где мы вообще находимся?

— В Императорском дворце, девочка.

Обидно. Вовсе она даже не девочка. Царевна. Настоящая. И... и если верить сну, вполне может стать государыней. Только не хочется.

Совершенно.

— А как оказался... просто. Шли. Ко дворцу. Попали на площадь. Там туман поднялся. Потом выброс силы был. И вот... я и вправду решил, что успеваю. Что... смогу все исправить.

— Исправить — это вряд ли, — Мудрослава решительно взяла Командора за руку. — А вот изменить, чтобы мир жил дальше — можно. Наверное. Это не точно, но ведь если попробуем, то хуже не станет?

Куда уж хуже-то.

Все еще смотрит.

— Идемте, — велела Мудрослава.

— Куда?

— Туда где проводили ритуал. Она там...

— Демона убить не так просто, — предупредил Командор. — Особенно древнего и сильного. А она очень сильна.

Мужчины... хлебом не корми, дай только убить кого-нибудь.

— Знаете, — Мудрослава улыбнулась. — А давайте для начала просто доберемся?

Теттенике уткнулась в чью-то грудь. Она шла-шла и вот...

— Стоять, — сказали ей и перехватили за шиворот. А потом просто подняли. — Ты тут откуда взялся?

— Не знаю, — в носу опять зачесалось, и сопли потекли. И стало обидно, что остальные-то, небось, нормальные, а она в соплях и чужом теле.

— Нежить?

— Нет.

Держали её все еще на весу, но хоть убить не пытались. А потом поставили, похлопали по плечу и так, что колени подломились. И в конце вовсе ко лбу прижали.

Монету.

Теттенике скосила глаза, пытаясь разглядеть, но не вышло.

— Не нежить, — сказал человек, которого... вот почему из всех встретился именно он? — Тебя как зовут-то?

— Те... Тет, — спохватилась она.

Если представиться настоящим именем, то не поймут. В лучшем случае. В худшем и вовсе решат, что издевается. Теттенике точно решила бы.

От обиды сопли потекли ручьями. И Теттенике вытерла их рукавом.

— На от, — ей протянули платок. — Замерз?

Азым из рода Чангай, точнее уже не из рода Чангай, смотрел с сочувствием. Теттенике платок взяла. И кивнула.

— Откуда ты взялся-то?

— Я... ехал. По дороге, — врать нельзя, но и правде не поверят. — А тут вот. И туман. И оно как бахнет... а я тут.

И руками развел. А высморкаться все же высморкался. Громко вышло.

— Бывает, — Азым кивнул и за руку взял. — Я вот тоже, похоже, потерялся. Шли. И потом туман. А в нем...

Он поморщился.

— Туманы тут особые.

Теттенике кивнула.

Она ведь... долго бродила. Потом. Сперва то оказалась будто... будто в сказке. В той, где она снова дом. В степи.

У нее был роскошный шатер.

Подарок мужа.

И еще золотые серьги. Браслеты. Два сундука украшений. Но не в них дело, а в том, что её любили. Она видела эту любовь в его глазах. И отвечала любовью же.

У нее снова были дети.

И отец смеялся, подкидывая их к небу. И брат тоже смеялся. И все-то вокруг радовались... именно это и заставило усомниться. Не может такого, чтобы все и радовались, чтобы жизнь — как засахаренные лепестки розы, сладка до умопомрачения.

Она усомнилась.

И вышла. В туман. А в нем вот столкнулась с человеком, который мог бы назваться её мужем. И если поверить, если взять и поверить, то...

— Надо идти, — решительно сказала она, потрянув волосами. Черные и жесткие, те топорщились в разные стороны. И сама она выглядела жалко. Но что это меняет.

— Куда? — с насмешкою поинтересовался Азым.

— Туда, — она указала на дверь. И глаза прикрыла. — За ней будет коридор, потом еще один... галерея.

Путь теперь был виден ясно. Во всяком случае тот, что вел к огромным золоченым дверям, украшенным алыми камнями.

А дальше...

Дальше будет видно. И, развернувшись, Теттенике решительно направилась вперед.

Глава 43 Демон, демон и остальные

«И поглядела мачеха на принцессу, и сказала, что, мол, слишком уж та красива. А стало быть, красота сия явно колдовская, а потому надобно отправить дитя в самый дальний из монастырей, чтобы жила она там в молитвах и смирении, суть ведьмовскую укрощая»

«Сказка о вдовом короле, семи его женах и дочери-ведьме»

Ричард очнулся перед дверями.

Он... видел их?

Видел. В том зеркале, в которое заглянул однажды. И теперь точно знал, откуда оно взялось. Ричард создал. Не сразу, нет, но... когда остался один.

Смутно все. Путано.

Но хоть что-то...

Он протянул руку.

Тогда... тогда Каллен умер первым. И Ричард помнит его. Бледное тело, впалые щеки и закрытые глаза. Синюшные губы. Саван... и ощущение неправильности. Несправедливости. Того, что Ричарда бросили. Отец тоже смотрит на тело. Хмуро.

...детей в Замке никогда-то не было много. Деревенские, пусть и жили рядом, а все одно держались наособицу, если в Замок и везли что, то сами. Детей прятали.

Может, оно и верно.

А в Замке... был еще кто-то, кроме Каллена. Имени Ричард не помнил, но... он тоже исчез. Умер? Уехал? Скорее второе. Душница ведь не сразу очнулась ото сна. И стало быть, время было. Просто... просто смерть Каллена сочли дурным знаком. И родители поспешили убрать детей.

Правильно, наверное.

Он бы и сам так сделал. Нет, будь его воля, Ричард бы и вовсе не остался в проклятом месте. Но что значили его желания? Вот именно, что ничего.

Ему было одиноко.

Так одиноко, что... мама занята, отец тем паче. Ричард старался. Учился. Как никогда раньше. Чем еще заняться, когда вокруг пустота? Разве что учебой. И разговорами с тьмой, которая единственная готова была слушать его.

А потом отвечать стала.

Какой он...

Золото теплое. Золото металл и тепло не хранит, а это все-таки теплое. И пальцы скользят по знакомым в каждом извиве узором.

— Здравствуй... — шепот оглушает. — Я пришел.

И дверь отворяется совершенно беззвучно.

Когда он впервые дозволялся? И сам не понял. Он сидел... кажется, в библиотеке. Место, некогда предсталавшееся ему скучным, вдруг стало родным. Тишина. Пустота. Горы полок и вереницы книг, за которыми можно спрятаться и от мира, и от собственных мыслей.

Тарелка.

Свеча. Старое зеркало в углу. Точно. Оно стояло в углу, прикрытое тряпкой. И давно стояло... очень давно. Похоже, Ричард проклят находить забытые вещи. Он и не сразу заметил это вот зеркало, только когда тьма позвала.

Она, обжившая библиотеку, приняла Ричарда.

И признала.

Она позволяла играть с собой. И он даже вылепил из тьмы друга, тот получился почти таким же, как Каллен, но молчаливым и покорным. Это внезапно разозлило, потому что так — не настоящему. И Ричард потребовал, чтобы она ответила.

Сама.

И она ответила. Та, что была по другую сторону зеркала.

— Здравствуй, — повторил он чуть громче. — Я пришел. Я ведь... обещал.

За дверью... он видел этот зал. Правда, лишь малую часть, но хватит, чтобы узнать. Колючие стволы шиповника, толстые, с его, Ричарда, руку. Они переплелись, намертво сцепившись шипами. И меж них белыми флагами виднелись цветы.

— Я... вспомнил.

Шепот.

Будто кто-то зовет. И страх, что вполз в библиотеку. Холод по спине. И желание бежать, но не получилось. Он и шагу сделать не смог. Он застыл перед тьмой, глядя в нее, а та смотрела на Ричарда.

Долго так.

А потом расплзлась пятном по зеркалу.

Белый мрамор он тоже помнит. И стоило коснуться, как ветви расступились, пропуская.

Узор.

— Я... не все, но вспомнил...

...мальчик...

Она сказала это. И Ричард обиделся. Он считал себя взрослым. Ну да, какой ребенок не считает себя взрослым? И умным? И...

— Ты не была похожа на тех демонов, которых рисовали в книге, — голос его вязнет в пустоте. И становится страшно, что на самом деле ничего-то этого не было. Что ему привиделось.

Тогда.

Или вот сейчас придумалось. Всего-навсего больная фантазия. Ведь с головой-то неладно. Давно неладно. Чего уж теперь.

— Ты спросила, я ли тебя позвал. А я... я не сумел сказать ни слова. Кивнул только.

— И я подумала, что могу тебя убить, — её голос ничуть не изменился за годы.

— Ты где?

Этого шиповника много. Он разросся, порой взрезав мрамор и гранит, опутал статуи и, опираясь на колонны, добрался до потолка, чтобы свесится с него сизыми плетями.

Смешок.

И горький такой.

— Ты меня не убила.

— Нет. Я подумала, что скучно... ты бы знал, до чего скучно сидеть тысячу лет на одном месте. А ты был забавным.

— И ты мне помогала... учиться. У меня никак не получалось понять, чем же одни демоны отличаются от других.

— Просто в твоей книге половины не хватало.

Голос раздается словно со всех сторон разом. Это иллюзия. В зале хорошая акустика, удивительная даже. И поэтому голос её звенит. Тогда он и очаровал тем, что показался похожим на колокольчики.

— И другие не лучше.

— Какие уж уцелели. А что нет, то пришлось писать по памяти, — Ричард остановился перед выбитой в камне линией. Неглубокая, в полпальца.

Непреодолимая.

— И ты стала учить меня. Отец... радовался. Он не видел зеркала. Почему?

— Потому что ты этого не хотел.

И она осталась прежней. Прекрасная и ужасная. Или наоборот? Тот же страх, тот же холод по спине. И колени привычно немеют.

— Я?

— Ты, мальчик.

— Я уже не мальчик. Я... вырос.

— И потерялся.

— Я не специально.

Они ведь говорили. О демонах. И о том, как их вызывают. Для чего... для кого. О заклинаниях. О тьме, которая на самом деле живая. О его, Ричарда, страхах... о том, что он снова разочаровал отца. Он старался, но все равно разочаровывал.

Был недостаточно сильным.

И не таким уж ловким.

Он быстро уставал. И плохо ладил с оружием. И отец нет, не ругал. Хмурился. Все повторял, что Ричард должен быть серьезнее. Что ему нужно больше стараться. Что... а Ричард старался. Честно. И тренировался. Сам. Только почему-то, когда он был один, все получалось, а стоило появиться отцу, и клинок сам падал из рук.

Да и с памятью не лучше. Все, что он знал, вдруг забывалось, как только отец задавал вопрос. И от разочарования в его глазах становилось невыносимо больно.

— Ты такая же красивая, — сказал он, остановившись у границы. — Помнишь... помнишь, ты рассказывала мне о ловушке, в которую тебя поймали?

У этой демоницы глаза были цвета тьмы.

Бездонной.

Живой.

— И я обещал, что когда вырасту, приду и помогу. Спасу.

— Спасать демонов — глупая идея, мальчик.

— Наверное.

Шиповник рос по ту сторону круга.

Улыбка у нее была печальной. И казалось, что еще немного и демон заплачет. Но это тоже ложь. Демоны не способны плакать.

Коварные, хитрые твари...

— Но я все-таки пришел.

— Не по своей воле.

— Я... забыл. Прости. Не специально. Так получилось... мою память забрали.

Оправдание было жалким.

— Я знаю, мальчик.

— Я уже... хотя, если подумать, какая разница.

Круг выбит прямо в камне.

— Что это?

Он большой, больше того, что есть в Замке. Под сотню шагов будет. И сделан... Ричард провел по черте пальцем. Так и есть — не высечен, но выплавлен в камне. Страшно подумать, какой силой обладал тот, кто нанес его.

И не только круг весь. Есть еще цепочки рун протянулись по границе, скрепляя линии звезды.

— Круг призыва, — демоница сидела в центре. — Ты его уже рисовал.

Да.

Там. На бумаге. Листы из старого альбома. От предков осталось множество альбомов. И отец настоятельно рекомендовал относиться к ним с уважением. Но сам не открывал ни разу. И альбомы покрылись пылью. Ричард и выбирал самые пыльные.

— Мы вместе, — он улыбнулся. — Ты показывала, я перерисовывал... я искал в книгах такой же, чтобы понять, как его раскрыть.

Демоны... демоны коварны.

Демоны способны опутать душу и разум, лишить воли, оставив одно лишь желание — подчиниться. Но дело не в подчинении.

— Знаешь, — Ричард двигался по кругу, и тяжелые стебли шиповника уползали с его пути, раскрывая другой, куда более сложный узор, частью которого и являлся круг. — Я, кажется, совершенно неправильный Повелитель Тьмы...

Демоница засмеялась, и смех её породил водопад из белоснежных лепестков.

— Я должен бы думать о том, как уничтожить тебя, а вместо этого...

— Ты дал слово.

— Когда был ребенком и не понимал, что происходит.

— И все изменилось?

— Не знаю, — честно сказал он. А потом остановился. — Здесь слишком тихо и... не все книги мы с тобой прочли. Потом... когда все изменилось снова, когда я вернулся в Замок, я понял, что только в библиотеке мне спокойно. Не страшно. Я ведь, оказывается, просто боялся. И молчал из страха. И... не только. Почему ты опять не появилась?

Демоны умеют управлять разумом. И способны внушить любую, самую удивительную, картину. Особенно человеку, который готов верить.

А он готов.

— Потому что ты перестал меня видеть.

Она не двигается с места, и все же поворачивается. Её взгляд следует за Ричардом.

— Я бы наказала тварь, если бы могла дотянуться... но я не могла.

— И не только ты, похоже, — Ричард остановился перед границей. — Всего этого нет на самом деле, верно? Зала, тебя... это иллюзия. Удивительная. Совершенная. Я читал о подобных. Ты... ты внушила мне это.

— Нет.

— Зачем? Чтобы я вспомнил о данном слове? И чтобы пришел?

— Не только ты. А вспомнить... ты все почти вспомнил, Ричард.

— Не все, — он покачал головой. — Мама... как она умерла? И как зеркало оказалось в её покоях? То, из библиотеки?

— Она приказала принести.

— А ты...

— Я позволила.

— Зачем?

— Затем, что она не хотела убить тебя, Ричард. А еще у нее тоже был дар. Слабый, но был.

— Какой?

— Из тех, что рассыпаны по миру. Помнишь книгу? Такую старую книгу на старом языке, который даже в мои времена полагали мертвым? Ты её нашел среди других, там, где стояли бесполезные книги.

Полка в самом дальнем углу. Нижняя. Неудобная.

— Ты... ты читала мне, — голова заболела, и мир вокруг задрожал. — Ты их мне читала!

— И переводила. Ты открывал и листал... страницу за страницей. О сотворении мира. О битве богов и демонов. О том, как воздвигли боги защиту, чтобы оградить творения свои от бездны и тварей, в ней обретающий. О существах, почти равных, поставленных блюсти равновесие.

— И о том, как они наделяли людей... — голова раскалывалась почти невыносимо. — Погоди...

— Память — это всегда больно, Ричард.

— Нет... мама... дар...

— Дар видеть сокрытое. Дар говорить. Дар менять мир. Немного. К примеру, перенести одно зеркало туда, где ей нужно. Она надеялась, что я смогу отозвать тварь. Но я была слаба, а тварь... тварь почти сожрала её душу.

— И... что тогда? Что случилось? Отец ведь не убил, отец...

— Убил. Я видела, — равнодушно оборвала демоница. — Но тело. Душа её ушла ко мне. Она думала, что тварь последует за ней, но та оказалась хитрее. Почти такая же хитрая, как люди.

Ричард выдохнул.

— Теперь... что ты хочешь теперь...

— Чтобы ты закончил начатое. Мы узнали про дары. Из той книги. Мы собрали эти дары. Помнишь? Мы нашли их всех... и они здесь. Их крови и силы хватит, чтобы открыть врата и разорвать круг. Если ты не испугаешься. Ты ведь не испугаешься, Ричард?

— Погоди... дело не в страхе... просто... мир... ты его уничтожишь.

Смех.

Её смех вызывает боль. И его почти выворачивает наизнанку.

— Ты ведь не уничтожил.

— Я?

— Ты...

— Почему я... должен был... почему.

— Потому что ты мой сын.

Глупость. Это... невозможно! Невозможно потому что... невозможно.

— В том числе и мой... тот день, когда она тебя почти убила.

— Я не...

— Помнишь. Тебе просто страшно, мальчик. Это нормально. Мне тоже было страшно когда-то. Очень и очень. Но я привыкла к страху. И тебе придется. Только... — демон чуть прикусила губу. — Времени у тебя почти не осталось. Они идут сюда. Те, кого мы пригласили сюда.

И мир дрожит.

Мир в очередной раз выворачивается наизнанку, выталкивая его, Ричарда, вовне. Боль раздирает. А к нему подбирается тьма.

Мягкая, душная.

И снова нечем дышать. Он уже задыхался. Когда? Раньше.

— Ричард, — матушкин голос доносится издалека, но она рядом. Стоит. Возвышается. Улыбается. Бледное лицо и алые губы. Раньше она подкрашивала их помадой из банки. Помада пахла розами, и однажды Ричард даже попробовал её на вкус. Но та оказалась горькой.

И жирной.

Помада давно засохла, да и пудра не нужна больше, ведь её кожа и без того белее снега.

Матушка...

— Вот ты где, глупый мальчишка, — матушка наклонилась и ледяные пальцы её скользнули по щеке. — Думаешь, можешь вот так со мной?

Слабость.

Он помнил оглушающую слабость. И страх. И клятву, намертво склеившую губы. Он хотел рассказать, а... поздно.

Матушкины пальцы вцепились в плечо. Больно! Но как ни странно, боль отрезвила. Он не сопротивлялся, когда существо, притворявшееся матушкой, вытащило его из укрытия. Оно же заставило подняться. И только тогда отпустило, но лишь затем, чтобы перехватить за шею.

За шею, наверное, держать удобнее.

— Жаль, силенок в тебе почти не осталось, — оно облизнулось. — И этот... оскорбится... но сам виноват. Ты и он. И она

тоже. Всегда виноваты только люди.

— А ты... кто ты?

— Тебе еще не все равно?

— Нет.

Он выдержал взгляд. И даже безумие в нем не заставило отвернуться.

— Что ты такое?

— Сама не знаю, — сказала существо. — Но... я голодна. А в тебе еще остались крохи силы...

— Я могу взять еще. Я знаю где взять силу. Тогда будет больше.

План.

Безумный план. И не имеющий шансов на успех.

Но тварь заинтересовалась.

— Ловушка?

— Не для тебя. Для меня. Я... ведь... Повелитель Тьмы... буду... когда вырасту.

Смешок. Ему не позволят вырасти.

Но Ричард держится. И смотрит в глаза. Нежить почему-то не любит, когда кто-то смотрит ей в глаза. Может, потому что так можно заметить истинную сущность?

— Я могу брать силу... из тьмы... больше тьмы, больше силы... а ты... ты просто будешь рядом. И убивать не обязательно.

Голос дрогнул.

И тварь ослабилась. Правильно. Она думает, что Ричарду страшно. И да, ему страшно. Правда. И это хорошо. Нежить чувствует... в том числе и ложь.

— Думаешь выторговать себе жизнь?

— Надеюсь. Мы ведь можем вместе... ты и я... во мне есть сила. А у отца её больше. И... и если осторожно... не сразу. Ты выпьешь меня, и он уверится, что ты — не мама. Он уже сомневается. Ты это знаешь. А вот если мы вдвоем...

— Маленький гаденыш.

Его беда в том, что он маленький. И глупый. И... столько всего натворил.

— Что нужно?

— Зеркало. Здесь есть зеркало... которое... нужно... нужно посмотреть. Ты ведь любишь зеркала.

Тварь оскалилась и в какой-то момент показалось, что она не выдержит. Что...

— Мне, — поправился Ричард. — Это не простое зеркало. Оно связано... с чем-то связано. Главное, что когда я смотрю в него, я вижу тьму. И беру из неё силы.

— Где?

— Здесь. В библиотеке. Недалеко.

Его не выпустили, пусть и держали не за шею, а за руку. И остановились в трех шагах. Поверхность зеркала была затянута тьмой, словно дегтем.

— Ты...

— Отпусти, — сказал Ричард и получилось почти спокойно. — Я все равно никуда не денусь. И ты это знаешь.

Она зашипела.

Но руку убрала. Осталась рядом. Пускай. Это... это не важно.

Ричард сделал шаг. И еще. От зеркала тянуло пустотой и... и он коснулся рамы.

— Ты здесь...

Она всегда была там. И отзывалась легко. Но сейчас тьма осталась неподвижна. Ну же... что ей стоит... или... она говорила, что сил почти не осталось, что даже у демонов есть срок. И Ричард помогал.

Силой.

Поэтому он и ослаб. Если бы одна тварь... а тварь и демон — это слишком много. Но... но что делать? Ему нужна помощь!

— Если ты не появишься, она меня убьет, — сказал он и получилось до отвращения жалко. И еще, кажется, он того и гляди разревется. — Пожалуйста...

Тварь ждет.

А зеркало молчит. И...

Что делать?

Хотя... он знает. Рука сама потянулась к поясу.

— Так надо, — Ричард сумел сказать жестко, почти как отец. Хотя, конечно, отец в жизни бы не вляпался в подобное.

Клинок.

И холод стали. Прикосновение к ладони. Больно. Но это хорошо, с болью приходит ясность ума. И тварь подается вперед.

— Это не для тебя, — Ричард не стал оборачиваться. Он прижал руку к стеклу, и кровь покатилаь, чтобы увязнуть. Капля за каплей. И тьма пришла в движение. — Ты слышишь меня... ты же слышишь меня...

Тьма расступалась неохотно.

А та, что сидела по ту сторону зеркала, плакала. Крупные слезы катились по щекам, по белой коже, по золотым узорам, что украшали её. Правда, узоры поблекли, но все одно были.

— Он умирает, — сказала она, поднимая младенца. — Он... умирает.

— Прости.

— Он... умирает...

Демоны все-таки умеют плакать. И боль они ощущают.

— Что я могу сделать?

Действительно. Что может сделать мальчишка, который и сам едва жив. И тварь за спиной. И... тварь шипит, отступая.

— Ты и сам скоро умрешь, — слезы высыхают, а младенец исчезает внутри тела демона. Так уже было. И почему-то это исчезновение кажется почти естественным.

— Да. Наверное. И... получается, что все зря?

А ведь Ричард надеялся. Очень. И демон... демоны ведь могучи, особенно древние. И способны повелевать всякими тварями. И...

Она молча протянула руку. И Ричард положил свою на стекло.

— А ты снова вырос... — сказала демоница. — Почти уже одинаковая...

— Отец говорит, что я мелкий...

— Что он понимает.

Ричард промолчал.

— Он умирает... и ты тоже... я не хочу так! — её крик даже сквозь стекло заставил тварь отпрянуть. Она изогнулась, зашипела и... убралась.

— Ричард...

— Мама?

Она прижала руку к носу. Из носа лилась кровь. Яркая такая. И мама покачнулась. Ричард едва успел подставить ей плечо.

— Ты... — она оперлась и сделала шаг к зеркалу. А потом прижала измазанную кровью руку к стеклу. — Что тебе нужно, чтобы

ты помогла?! Ты... ты можешь помочь?

— Не знаю, — демоница облизнулась.

Кровь — это сила. Но её слишком мало. Правда, тварь многих убила, но...

— Мертвому сложно оставаться живым, — сказала матушка совсем иным, холодным тоном. — Поэтому она почти всегда голодна. Ты же...

— Я просто девочка, которая слишком верила, — демоница глядела жалобно. — Меня... меня учили. Призывать демонов. Убивать демонов. Забирать их силу. Но... но я не хочу... и он не хочет. Он мог бы убить меня. Он сильный. Сильнее всех, кого я знаю... Но теперь сил почти не осталось... почти... ему сложно находиться в вашем мире. И он умирает.

— Как и мой сын, — взгляд матушки зацепился за взгляд твари. — Мы... можем кое-что попробовать.

— Что?

— У меня есть дар, — она подняла руку, поглядела на неё. — Слабый, но... если ты поможешь...

Боль сдавила виски.

— Мама...

— Твоему сыну, сколь я понимаю, нужно вместилище. Моему — защита...

Боль стала почти невыносима.

— Она хочет вернуться, и я слишком слаба. Не удержу её надолго. Решай, демон.

— Он может не выдержать. Твой сын.

— Может. А твой может свести его с ума. Или тоже раствориться в нем. Но... это все равно шанс. Наш единственный шанс.

— Сила. Нужна будет сила.

— Она есть, — улыбка матушки была печальна. — Меня учили, что в каждой душе есть частица бога... а этого хватит, чтобы...

Тьма упала теплым куполом.

Придавила.

Почти удушила... и отпустила.

— Ричард? — такой знакомый голос раздался рядом. — Ричард, ты... что ты с ним сделала?!

Смех демона все-таки ранит.

Глава 44 Где задается вопрос и получается ответ

«И тогда, оскорбленный отказом, но не желающий смириться, обратился он ко тьме, что таилась во глубине сердца его. Многие годы постигал он запретные науки, а постигнув, пролил кровь невинную, дабы призвать демона. И сказал демону так: «Не желаю я ни золота, ни иных богатств, как не желаю я славы либо же власти. Но хочу лишь любви девы прекрасной». Рассмеялся тогда демон»

Поучительная история о некоем юноше, ступившем на темный путь.

Они появлялись.

Раз. И на внешнюю границу круга ступает Артан, на голове которого сияет солнечным светом корона. Вид, конечно, своеобразный, но, надо признать, вполне соответствующий моменту. Героический. И дева на плече тоже в этот героизм вполне вписывается.

Теттенике?

Или...

Или.

Брунгильда в сопровождении Легионера, который держался как-то не так, а что именно с ним «не так», я понять не успела.

Летиция Ладхемская с каким-то типом, чья наглая рожа показалась смутно знакомой.

Мудрослава Виросская под руку с Лассаром.

Благородное, чтоб его, собрание.

И Ариция, тащившая за руку Ксандра... а вот и настоящая Теттенике, которую сопровождал мрачного вида тип. Каждой твари, как водится, по паре.

Только они есть и в то же время будто в стороне, будто и не люди, но тени.

— Смешно, — сказала демоница и смех её прошелся по шкуре наждачкой. Хвост задрожал, рога заболели и появилось чувство, что того и гляди отвалятся.

Я отряхнулась.

— Где... Ричард?

Я уже не спрашиваю про остальных, потому что людей-то отбыло куда больше, чем я вижу. И надеюсь, что они живы, просто... просто потерялись. Надежда глупая, понимаю, но на то она и надежда, чтобы вопреки здравому смыслу.

— Р-ричард... славный мальчик Р-ричард... я бы так никогда не назвала сына.

— А как назвала?

— Никак. Я... — она чуть запнулась. — Я не смогла выбрать. Столько имен... много, много... больше чем вот.

Демоница продемонстрировала раскрытую ладонь.

— Больше.

— Все красивые. Я выбирала, выбирала... а оно никак.

Что ж, уповать, что собрались мы для помощи в столь важном деле, не след.

— Ричард где?

— Здесь, — она повернулась куда-то. И я повернулась. И... и его здесь не было! Вот, клянусь рогами и хвостом, и всем-то демоническим во мне, что его здесь не было!

Мгновенье назад.

А сейчас он сидел, обнимая себя за колени, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Что здесь... — нервный голос Мудрославы взрезал тишину.

И полуразмытые фигуры людей обрели плотность.

— Ричард! — я сделала шаг. И еще один. И потом бросилась к нему. — Ричард, ты... что ты с ним сделала?!

— Помогла, — вполне искренне ответила демоница. — Я ему помогла.

Вот...

— Тварь! — взвизгнула Теттенике, бросившись к Светозарному. — Отдай мое тело, сволочь!

И добавила...

В общем, зря я думала, что дочери кагана чем-то от простых смертных отличаются.

— Уберите его от меня! — заверещала ведьма, пытаясь съехать с могучего рыцарского плеча. Но получилось лишь дергать ногами да

руками. Теттенике же прыгала вокруг, цепляясь за лохмотья, чтобы стянуть ведьму.

Где-то совсем неподалеку заревел дракон.

А ему ответила чешуйчатая тварь, похожая на варана-переростка.

— Тихо всем! — рявкнул Лассар, но впервые, кажется, за прошедшие пару сотен лет его не слышали.

— Что здесь происходит!

— Это ведьма!

— Нежить!

— Она сожрала... мы видели!

Принцессы заговорили сразу, заглушая бодрый и незнакомый мужской голос. А я поглядела на демоницу, которая села у края круга.

Она же глядела на меня.

И...

— Отпусти его, — попросила я.

Ричард сидел.

Покачивался вперед и назад. Назад и вперед. Он стискивал руками голову, а по щекам бежали слезы, почему-то красные. И из носа потянулась темная ленточка крови.

— Я его не держу.

— Тогда что...

— Да уберите этого сумасшедшего! — голос ведьмы ненадолго перекрыл прочие. — И отпусти меня уже!

— Не отпускай её! — возопили принцессы хором. — Это ведьма!

— Сами вы...

— Я уже и забыла, как шумно бывает от людей.

— Ты тоже человек, — я держала Ричарда за плечи. И вытирала слезы грязной ладошкой, понимая, что ничего-то больше сделать не могу. — И он...

— Нет.

— И я.

— Нет, — она покачала головой. — Ты... не понимаешь.

— Объясни.

— Я лучше покажу. Если... если хочешь, — она протянула руку, и когти уперлись в невидимую границу. — Сил так мало осталось. Я ждала, ждала... и он все-таки вернулся. Он их привел.

Я... тоже протянула руку.

И замерла.

Что будет, если нарушить границу? Явно, что ничего хорошего. Но... мы ведь здесь. Пришли зачем-то. И... и Ричарду плохо. Он не слышит меня. Точнее и слышит, но не способен удержаться. Взгляд его мечется, не замечая никого и ничего.

Я...

Я протянула руку.

Пальцы у демона теплые. А когти черные. И на мои похожи, пожалуй.

— Глупая. И смелая.

— Какая уж есть.

— Спасибо.

— Надеюсь, ты меня не сожрешь.

— Я постараюсь, — вполне искренне ответила демоница. — Я... очень постараюсь.

Её пальцы скользнули меж моих. И оплели. И руки сцепились. И... и если она дернет, я окажусь в круге. Действительно глупая.

— Закрой глаза.

Я подчинилась. Если уж верить, то до конца. И да, это не слишком умно. Но вера с умом плохо сочетается.

Ничего не происходит.

Сперва.

И я слышу, как что-то выясняют принцессы... а Светозарный, кажется, пытается успокоить их. И не только он.

Слышу...

Как ругается Ксандр. С кем?

Не важно.

И дракон устроился на крыше. Надо же, я слышу и дракона... он цепляется когтями, оттого раздаётся протяжный мерзкий скрежет. И от него ноют зубы. Крыша похрустывает, все-таки ей тысячи лет.

Не то.

И...

...ты отдохнула? Осталось немного, — он так поразительно похож на Ричарда, что в первое мгновение мне кажется, что именно Ричарда и вижу.

Но...

Белая тога. Сандалии на голых ногах. Плащ пурпурный с золотой каймой. И венец из золотого же лавра. Как будто постановка про Древний Рим.

Только...

Глаза у него желтые. С вертикальными зрачками. И улыбка... Ричард никогда не улыбался так холодно. А она не видит.

— Конечно, — демоница тут же, за моим плечом. — Я ведь ему верила.

Да. Вера и... разум.

Она поднимается, та, бледнокожая девушка с большим животом. Видно, что она и вправду устала. Её кожу покрывают бисеренки пота, которые почти размывают сложные узоры.

— Это ритуальные, — поясняет демоница. — Он объявил меня женой перед народом. Обычно этого хватало, но он пожелал соединиться кровью и силой. Один очень древний ритуал. А это уже требовало иной подготовки. Вот и рисовали знаки.

На ней.

— А...

— И на нем.

Он поддерживал демоницу так бережно, что я почти поверила в эту заботу.

— Я знаю, что он тебя предал, — я качаю головой. Я не хочу смотреть про давнее прошлое. Мне бы понять, что с Ричардом.

— Все началось тогда, — серьезно сказала демоница.

В зале.

В том зале, где еще не рос шиповник. Зато каменная звезда, заключенная в два круга, уже имелась. Она сияла все тем же золотом. Любят они золото.

— Золото хорошо проводит силу. Вот его и использовали, — демоница не отставала от меня. — Это Печать Призыва. Видишь? В алых тогах. Советники из числа приближенных. Дюжина. Он сказал, что это нужно, чтобы наша связь точно закрепилась. Что я сильна, и он тоже, а потому одного скрепляющего не хватит. Что ритуал очень древний.

На лице мужчины тоже рисовали узоры.

Кистью.

И золотом. Он стоял, держа девушку за руки. Смотрел.

— Он... беспокоится, — девушка положила руку на живот. — Пожалуй, наш сын сегодня появится на свет.

— Чудесно! — губы мужчины дрогнули. — Это будет замечательно. Но нам надо поспешить. Сын должен родиться в законном браке, чтобы ни у кого и тени сомнений не возникло. Ты ведь знаешь, как это бывает.

— Я... так его любила.

— А демоны могут любить?

— Ты тоже демон. Себя спроси.

— Я... человек.

— Разве? У людей не бывает рогов. И хвоста. И крыльев.

— Я... просто взяла часть чужой силы. Так мне сказал Лассар.

— Он приходил ко мне. Однажды. Предлагал увезти. Спрятать. От отца и остальных. Уговаривал даже... он что-то подозревал.

Но подозрений оказалось недостаточно, чтобы спасти.

— А я отказалась. Я решила, что он готовит мятеж. И пригрозила пожаловаться отцу. И даже пожаловалась. Отец тогда очень рассердился. Но Лассара любили. В армии. Люди. Измененные — нет, но их никогда не было много. Отец сказал, что решит проблему. Не успел.

Счастье-то какое.

Рисунок меняет лицо. Оно... становится чужим.

— Я человек, — упрямо повторяю, глядя на то, как такой родной и в то же время чужой мужчина ведет женщину в центр круга, туда, где сходятся лучи звезды. Он что-то говорит ей, тихо, так, что слов не разобрать. А мне хочется крикнуть.

Сказать, чтобы остановился.

И ей, что нельзя верить.

— И ты человек. Если захочешь, — истина, она всегда где-то да рядом. — Ты сама решаешь, кто ты... в тебе тоже и кровь демонов, и сила, но ты ведь не перестала быть человеком!

— Ты уверена? Или просто надеешься?

— Наверное, надеюсь.

Мужчина берет в ладони лицо женщины. Прикасается очень осторожно, боясь нарушить вязь узора. Он склоняется, касаясь губами губ. И отстраняется.

— Все будет хорошо, — его улыбка полна очарования. А глаза все еще холодны.

Желтые глаза.

Пустые.

— Сейчас он скажет, что я — его душа. И сердце. И что без меня он не мыслит жизни. Не стоит верить мужчинам, которые много говорят. Особенно, если говорят то, что ты хочешь услышать.

Тот, с золотым лицом, послушно повторяет слова.

— И вообще верить мужчинам. Женщинам, впрочем, тоже.

Она замолкает.

Я же смотрю.

Вот женщина и мужчина становятся в центре круга. Они держатся за руки. И смотрят друг на друга. А на лучах звезды встают те, другие, в алых тогах. И кто-то начинает песню.

Или...

Речитатив.

Слова цепляются за слова. И узор их завораживает. Вспыхивают огни на жаровнях. Поднимается белесый дым, соединяясь с другим. И ложится на пол, расплзается по выбитым в камне дорожкам.

— Сейчас...

В руке мужчины появляется клинок. И женщина доверчиво протягивает ладонь.

— Мы должны были смешать кровь, — сказала демоница.

Клинок испаривает кожу. И алые капли падают в центр звезды. Они уходят в камень, а сама звезда оживает.

— Сколько силы... — выдыхает кто-то. — Невероятно... ваш эксперимент определенно можно считать успешным.

— Это они про меня, — демоница держится рядом. Но где ж её еще быть-то? Её ведь воспоминания. — Когда у тебя только сотни лет и память... поневоле всплывает все.

Клинок входит под левой грудью. И женщина охает.

— Больно не было. У него рука хорошо поставлена. Так что больно не было.

Мужчина удерживает её, не позволяя упасть. И наклоняется, укладывая на пол. Вытаскивает клинок, которым взрезает одежду.

Звезда горит.

Уже и я чувствую силу, исходящую от нее.

— Справится ли...

— Должен. Потенциал неплохой, к тому же она жива. Сильная кровь. И умирать будет постепенно...

Она все слышала. Каждое слово. И видела, как тот, который только что говорил о любви, рисует ножом на коже новые узоры.

Я бы хотела отвернуться.

И... не могла.

— Знаешь, этот клинок, он ведь был сделан из особого металла... видишь, он сам его боится. Рукоять обмотал. У Ричарда Первого был нож... и меч. И корона. Меч с короной потерялись.

— Нашлись уже.

— Я видела. А вот нож оставался в сокровищнице. Другой удар мне бы не повредил. Кровь демонов, она дает не только силу... но вот этот, созданный древними, с кровью древних... будто яд в крови расплзлся. Я умирала. Я понимала, что происходит, но ничего не могла сделать!

Её крик утонул в тишине. И никто из этих, ряженных, не вздрогнул. А ведь их много здесь. Не только Император и Советники, они-то как раз заняты, выплывают что-то невероятно сложное. Но другие... другие, которые просто пришли посмотреть.

Их равнодушие пугает меня сильнее.

— Как ты...

— Вскрывай её, — раздаётся спокойный голос. — Пока дитя живо, иначе упустишь момент и все зря.

А Император медлит.

Он вытащил нож, и женщина там, в круге, приподнялась. Видно было, что сил у нее почти нет, что... кровь привязала её к камню, к полу, к звезде, к этому месту. Но она все одно приподнялась, пытаясь дотянуться до человека, который склонился над ней.

— Он...

— Давай же... поток не стабилен!

— Он сделает, — спокойно ответила демоница. — Его ведь готовили. И вообще такая мелочь, как совесть, не должна мешать воистину великим делам.

В задницу такие великие дела.

В...

Я все-таки сумела отвернуться.

И пропустила момент, когда все изменилось. Нож... нож зазвенел, соприкоснувшись с камнями. Такой громкий, такой неправильный звук.

Чей-то хрип.

— Мой отец... он и вправду был сильным магом. И еще умным. Опытным. Но ошибаются все, — демоница глядела мимо меня, туда, где на полу умирала молодая женщина, над телом которой клубилась тьма.

Младенец?

Никакого младенца... только черное облако, которое поднималось и поднималось. И...

— Твою ж...

Оно накрыло мужчину. И от него остались лишь кости. Оно двинулось к границе круга, и та, мигнув, опала. Оно коснулось первого из Советников, и он умер молча... как и остальные.

— Это... это... Младший бог?

— Не бог. И близко. Просто... во мне было столько от демонов, что... я еще очень испугалась. Я ведь думала, что действительно умру. Вот и... позвала. И зов услышали. А потом оказалось, что я открыла дверь между мирами. А тот мир, он совсем другой.

Тьмы становилось больше и больше.

— Прорыв! — этот крик захлебнулся. Но где-то там, дальше, отзываясь на него, ударил колокол. Тьма же растекалась. Она заглянула в коридоры. И теперь я видела. Я была тут и... там. Везде.

Я дотягивалась до людей и нелюдей, выпивая из них крохи жизни, которые уходили в темную воронку. Я обрывала одну за другой цепи, что держали демонов. Сейчас эти цепи были тонкими, что нити. И лопались с тихим-тихим звоном.

Красиво.

Я... умела оценить красоту.

А еще я умирала.

Раздвоение личности? Растроение? Нет, я была всем и сразу... и, наверное, и вправду трудно быть богом. Если раздался крик. Протяжный, захлебывающийся болью крик младенца. И тьма отозвалась на него.

Он... вернул её.

И вобрал в себя. И... и окно закрылось.

— Мой сын хотел жить. И чтобы я жила тоже. Ему понадобилась сила, он её и забрал. Тогда окно закрылось, — пояснила демоница. — Он мог уйти, но он остался. Со мной. Потому что одна я умерла бы. Ты спрашивала, могут ли демоны любить.

Теперь я знаю ответ.

Глава 45 Где память возвращается полностью

«И сотворили Сестры человека из глины да праха. Взяли вод Мирового океана, дабы наполнить жилы создания сего кровью. А в грудь вложили частицу огня. И склонившись над ним, вдохнули воздух, а с воздухом тем — божественные искры души. Оттого то и тяжела плоть, неповоротлива, ибо подобна она земле. Оттого и солоня кровь, что помнит она истоки свои. Оттого и пылают сердца, а душа устремляется ввысь. Всего-то дали Пресветлые сестры и, отступив, сказали, что будет так. Будет их творение частью от части мира, жить в нем вольно...»

«О сотворении человека», труд некоего монаха, признанный впоследствии неоднозначным, а потому запрещенный, дабы не смущать умы людские.

Голова больше не болела.

Умер?

Или просто смысла больше нет? Боль — это всегда предупреждение. А он не послушал. Не внял. Глупый, глупый мальчишка... всегда таким был.

Не слушал взрослых.

Не учился.

И руки перед едой мыть забывал. Странно, что все воспринимается примерно одинаково. Главное, он виноват.

Память.

Хитрая штука. Вот её нет, и вот он словно вернулся в тот день.

— Помоги, — резкий окрик матери заставляет очнуться. — Ричард. Мне нужно, чтобы ты помог. Слышишь меня?

Пощечина.

Лопнувшая губа. Кровь солоноватая, и у Ричарда дурная привычка губу облизывать.

— Слушай внимательно, малыш, — мама садится на колени. — Отцу рассказывать нельзя. Иначе он тебя убьет. И меня. Но не важно, я

уже по сути мертва. Единственное, что мы можем сделать, — это защитить тебя. Но отец не поймет. Нельзя рассказывать.

— Нельзя.

Ричарда покачивает от слабости и безумно хочется спать.

— Она тебя почти сожрала. Моя вина. Дурой была... не стоило верить обещаниям. Но... — у матери тоже кровь. Из носа. Ползет темной ниточкой. — Времени нет. Сейчас ты должен сделать то, что скажет она. Я попытаюсь соединить пространство. Раньше никогда-то не получалось. Но сейчас должно. Сейчас... только не мешай. Ладно?

Кивок.

Он не способен помешать. И маму берет за руку. Страшно. Страшно, что она исчезнет и опять появится та, другая. Матушка же треплет по волосам и врет:

— Все будет хорошо.

Плохо.

Очень плохо.

Но она закрывает глаза и делает глубокий вдох.

— Ты тянись навстречу. Я... дар не любит таких созданий, как демоны, но ты тянись.

Навстречу.

И мир дрожит, а потом меняется. Этот мир будто раскладывается на другие, которых много-много. так много, что и не счесть. И в них Ричард почти заблудился. Они-то и отличаются друг от друга лишь малостью. Цвета бледнее. Силуэты размыты. Главное, руку не отпускать.

— Иди, — матушка сама забирает её и подталкивает в спину. — Иди, надолго меня не хватит... дорога. Зеркало. Пройдешь и вернешься...

Куда?

Дороги нет. Только россыпь миров и...

Он делает шаг. Другой. Нельзя разочаровывать. Ричард и без того виноват. Это его ошибка убила... всех убила. Ошибка и неосмотрительность.

А дороги все равно нет.

Но есть та, что пряталась в зеркале, она появляется вдруг, окутанная тьмой. И тьма эта странная, клочьями. Ей больно. Ричард чувствует эту боль и плачет от жалости.

Все-таки плачет.

Стыдно-то как.

— Вот, возьми... пока он в тебе, ни одна тварь и близко не сунется, — демоница протягивает тьму. — Скорее. Она не справляется.

Где-то там миры начинают трещать. Как гора. А тьма ложится на руки и просачивается сквозь кожу. Это тоже больно, но такую боль Ричард готов терпеть. И стискивает зубы. А её так много. И она не заканчивается... все никак не заканчивается.

— Он будет спать, — обещает демоница. — Долго-долго... а потом ты вернешь его мне. И отпустишь нас. Как обещал. Хорошо?

— Хорошо, — у него получается сказать это слово до того, как миры разлетаются на осколки. И Ричард... падает. В дыру меж мирами.

Долго-долго.

Больно-больно. И тьмы невыносимо много. Теперь она внутри, и Ричард чувствует её голод. Тьма его сожрет, но... Ричарду почти все равно.

Он приходит в себя от криков. Отец... вернулся. Матушка? Нет. Тварь. Она что-то пытается говорить, но не выходит, и тварь смеется. Смех у нее визгливый, и отец сразу все понимает.

А поняв, делает то, что должен.

Нельзя рассказывать... нельзя...

— Ричард? — отец склоняется. — Ричард, ты меня слышишь? Ты... слышишь?

Нет.

Тьмы слишком много. И с ней не справится. Никому. Ричард закрывает глаза. И тонет, тонет... постоянно тонет, но все никак не утонет, чтобы раз и навсегда. Это тоже довольно-таки мучительно. Иногда тьма отступает, и тогда он видит...

...огонь.

Тепло. Немертвого, который по-своему заботлив, но суета его лишь раздражает. И тьма возвращается. Отступает и возвращается.

А потом в какой-то момент, утомившись, — ей так и не удалось поглотить Ричарда, окончательно отступает. А заодно уж уносит с собой память.

И все радуются.

Ксандр.

Отец... отец не показывает, но тоже радуется. Они ведь думают, что Ричард выздоровел. А он всего-то навсегда принял силу демона. И суть его. И... и что ему делать теперь?

Возвращение было резким.

Болезненным.

Тьма... ожила. Никуда-то она не делась за прошедшие годы, пока спала, свернувшись где-то там, в уголках обглоданной души. Она заростила раны той, а заодно изменила её. И теперь...

А и вправду, что теперь?

Память...

Услужливо подсказывала. Теперь у Ричарда была вся память, а не только та, что принадлежала невезучему человеку.

Круг.

Ритуал пошел не по правилам, и вместо того, чтобы создать сеть малых врат на земле, получился прорыв. Через прорыв хлынула тьма межмирья и хаос мира демонов. Они уничтожили призывающих. Разрушили сети, освободив демонов.

Стерли с лица земли империю.

И сами оказались заперты в круге, когда появился тот, кому не суждено было родиться.

— Ричард? — позвали его. И он повернулся.

Демоница.

Из слабых... даже нет, не демоница, поскольку слишком теплая, слишком... мягкая. Рог обломан. И силы на доньшке. Её можно выпить, просто прикоснувшись. А она и сопротивляться не станет.

Доверчивая.

Нет.

— У тебя глаза светятся, — сказала она, осторожно касаясь лица. — И кожа... тьма сочится через неё. Ты еще есть?

Есть.

И... надолго ли? Столько лет держать в себе демона... он родился. И поневоле закрыл себе путь домой, пытаясь спасти ту, с которой был связан.

Выходит, и демоны способны любить.

Выходит...

Ричард взял руку. Мягкая. Теплая. И плоть слаба. Её легко сломать. Разодрать кожу, выпуская красную-красную кровь. Думалось об этом отстраненно, как о чем-то не слишком важном, хотя и забавном.

— Ты...

А вот говорить тяжело. Тьма, пусть и обреталась в теле годами, а все равно не научилась им управлять. Может, поэтому и не решилась менять? Даже когда отца не стало.

Тварь...

От твари тьма и вправду защитила. Та сунулась как-то, Ричард помнит. И то, как прикосновение тьмы её напугало, и... и он мог бы выпить тварь. Но оставил. Тварь изводила отца Ричарда, а это решало проблему. Все-таки тот человек был весьма опытен, мог и догадаться.

А тьма... тьма на самом деле слаба.

И мир этот ей чужд.

— Я, — женщина смахнула слезу. Грязная. И не слишком красивая. Но почему-то ему хотелось смотреть на лицо. Этому не было логического объяснения. Но хотелось.

И коснуться.

— Я пришла... я знаю, что обещала остаться, но пришла... мы должны что-то сделать.

— Должны, — сказал Ричард.

— Что?

— Убить.

— Демона?

Глупая. Разве можно убить демона? Не этим жалким людишкам, которые позабыли, что есть истинная сила.

— Их, — подсказал он. И решил, что демоницу убивать не станет. Она... забавная.

И дара в ней ни капли.

Ничего-то в ней нет. Как и смысла оставлять её в живых. Но...

— Что с ним? — она повернулась к границе, которая так и держалась. — Ты... ты что с ним сделала?

— Не я. Я... я лишь спасала свое дитя, — та, что подарила жизнь, стояла по ту сторону. Она была... такой, как раньше. И это правильно. Еще немного и она обретет свободу.

Они оба обретут свободу.

И тогда дотянуться до тех никчемных людишек, которые и заперли их здесь. Или не до них, но до других. Главное, дотянутся. Люди слабы, но внутри них горят искорки. Свет ранит. Свет греет. И свет дает силу. Если собрать много силы, то дверь снова откроется.

И они уйдут.

Наконец-то уйдут.

Домой.

— Мы заключили сделку. Мой сын слишком много сил потратил, когда вытаскивал меня. И дверь закрылась...

Зачем она объясняет?

— А потом оказалось, что мы оба заперты в этом круге. Они... они сумели сделать что-то. И сам мир держит нас взаперти... — та, что дала жизнь, положила обе ладони на воздух. И тот остался неподвижен. — Сперва у нас были силы. Были. Мы ждали, что кто-то придет... и тьма... она не вся вернулась. Разлилась. И мы звали, она приходила.

Кормила.

Приносила с собой тени людей и существ. Иногда люди приходили сами. Каждая искра оттягивала неизбежное... но они жили. Вдвоем. И он мог бы развоплотить ту, что даровала жизнь.

Мог бы.

Она бы даже не стала противиться, но почему-то... почему?

Он так и не понял. Просто в какой-то момент сил стало так мало, что физическое его вместилище начало рассыпаться. Она... та, что даровала жизнь, прятала его внутри своего тела. Но её тело было слабым, не способным вместить много.

И отсрочка была временной.

А... он все никак не решался её выпить. И она тоже, хотя могла бы продлить свое существование.

— А потом я встретила его... мальчика, которым мог бы стать мой сын. Сперва я думала, что сожру... нам нужны были силы, но он... он был забавным. А сил как раз капля. Капля нас не спасла бы. Мы стали разговаривать. Обо всем. И он пообещал, что освободит. Человек, который дал слово демону...

Смешок.

Её смех всегда успокаивал. А еще колыбельная, которую она пела.

— И мы стали искать... старые книги, старые сказки. Замок живой, и мир тоже. Так он сказал. К замку есть ключи, и к миру должны быть. Тогда-то я и вспомнила истории... о тех, кто был до людей. О тех, кто ушел. И о дарах, которые оставили они.

Было тяжело.

Кто бы знал, до чего тесно и неудобно человеческое тело. А еще страшно. Он никогда прежде не испытывал страха. И растерялся.

Даже демоны способны растеряться.

Затаился.

Выжил... он только и думал, что должен выжить. Он и тот, кто принял его. Кому он, согласно старому договору, не мог причинить вреда. И... и получилось.

Как-то да получилось.

А теперь...

Что теперь?

Ключи.

Собраны. Все, кого он сумел найти. А ведь тоже не так и просто... вечера в библиотеке. И вереница имен. Люди столь недолговечны. И нити родословных, что обрывались одна за другой. Нет, это не он делал. Человек. Тот человек, который, возможно, и сам не понимал, что делает и зачем.

Но человек был жив.

Зол.

Почему? Теперь... договор есть. Договор был заключен. Добровольно. Но... что делать с человеком теперь?

— Сердце! — раздался крик. — Ему надо вырезать сердце!

А потом вдруг стало больно.

Он, пусть и был демоном, все равно боялся боли. Оказывается. И удивился еще. И поднял руку, чтобы свернуть шею той, которая посмела... и не сумел.

А в следующее мгновение его вместилище, к которому он так привык, притерпелся и даже, можно сказать, сжился, вдруг треснуло. И его выбросило.

Вот тьму.

В бесконечную необъятную злую. Тьму.

Артан не успел.

Он... он потерялся. И растерялся, что совершенно недопустимо. Он вдруг понял, что стоит на краю круга, готовый переступить через выбитую в камне границу.

И сердце его бьется так сильно, что еще немного и проломит грудь. А он будет рад, если это сердце выпадет к ногам женщины, краше которой нет. Или дело не в красоте, дело в том, что... он к ней шел.

К этой женщине он шел.

Всегда.

Даже когда вытеснил её из своей памяти.

Глупец.

Разве возможно отказаться от части души, а она... она и была душой. И сердцем. Самой жизнью его. Как можно было только...

И он стоял. Бессильный. И счастливый. Несчастный. Готовый на все и не способный сделать даже шаг. Стоял и смотрел. А она не смотрела.

Не на него.

Не на... других.

На... ненависть ослепила. И обездвижила. Как он... проклятый! И вправду проклятый! Как он смеет так... нагло пялиться на женщину, которая создана для Артана.

— Эй, — рядом кто-то оказался. — С ним что-то не то...

— Смею предположить, прекраснейшая госпожа, что сей доблестный молодой человек находится во власти чувств...

— Так выведи его из этой власти... стой!

Дышать было тяжело от ненависти.

— Да куда она... о чем они вообще говорят?!

Женщины.

Артан знает этих женщин. Он пришел сюда за ними. Или... нет... он пришел, чтобы положить свое сердце к ногам той, которая...

И принес ей дары.

Да... корону и меч. В этом смысл!

— Слушай, мне не нравится, как он на нее смотрит! Он, по-моему, окончательно того... свихнулся.

— Это любовь, о несравненная!

— Брун, а Легионеры что, говорить умеют?

— Этот, к сожалению, научился.

— Буду счастлив, если вы представите меня...

— Не сейчас! Слушай, ты до него дотянуться можешь? Меня не пускает!

— Это граница, госпожа, она поставлена для живых... чего вы хотите? Вытащить юношу я не смогу, увы, он будет сопротивляться...

— Так шандарахни его чем-нибудь по голове! Только не до смерти.

Отвлекает.

Их разговоры...

— Брун, где ты его раскопала...

— Сам нашелся. И скажи своей сестрице, чтобы в следующий раз думала, кого оживляет.

— Всецело согласен... — вмешался мужской голос. — Я бы предпочел оставаться мертвым!

— Это ты пока просто не понял преимуществ быть живым...

— Если так дальше пойдет, то и не пойму!

— Ах ты тварь! Да держите её, она мое лицо украла!

Безумие.

И демон по ту сторону круга, часть его. Нет, он не прекрасен. Он есть тьма. И тьма первозданная, которая наполнит мир...

Стоп.

Надо...

По голове его все-таки ударили. И корону едва не сбили. Артан же покачнулся.

— Бей сильнее!

— Но, госпожа, его голова может пострадать!

— А если будет и дальше на демона слюни пускать, то пострадаем мы... как мне кажется.

Имена.

Имена надо вспомнить. Это... важно...

— Погоди, обвяжи его... на вот...

— Летиция!

— Да ладно, самое время о приличиях вспоминать!

— Если кто-то узнает, то на тебе никто не женится...

— Дура, на мне и так никто не женится. Кому нужна жена с темным даром... а его вытаскивать надо. Так, обвязывай, я сказала!

— Мне нужна! Я женюсь! Я и предложение сделал!

— Лети?!

— Я еще не соглашалась!

Вспомнить. Лети... Летиция... девушка в парике и несуразно-роскошном наряде. Смех демоницы...

— Ты принадлежишь мне, мальчик, — она повернулась все-таки к нему. И душу затопило счастьем. — Ты принадлежишь только мне...

— Обойдешься! — воскликнули за спиной. — Вяжи, говорю... нормальных мужиков и без того мало, а еще со всякими тут делиться...

— Ты...

— И ты... что ты сделала с ним?!

С Артаном.

Ариция. Имена. Если собрать все имена, то Артан получит свободу... или нет? Брат. Библиотека. Ночь. Ритуал. Старое зеркало... зеркало очень старое. И лицо.

— Здравствуй, мальчик, — он видит её. — Ты... кто?

Он назвал имя.

И она рассмеялась. А потом спросила, чего же Артан хочет. Он ответил.

— Я... не обещал тебе, — сглотнув, сказал он. — Ничего не обещал... и я не твой... я пришел, но я не твой.

В темных глазах горело пламя. И душа плакала, на сей раз от боли. А пальцы разжались, и меч выпал. Он звякнул о камни, чтобы в следующее мгновение оказаться в руке светловолосой хрупкой девушки. Той самой, что еще мгновение назад оттолкнула грязного мальчишку.

И сильно толкнула.

Мальчишка покатился, но вскочил на ноги, зашипел, готовый броситься снова. Но был перехвачен степняком.

Лицо же девушки исказилось.

— Сердце! — взвыла она. — Ему надо вырезать сердце.

А потом кинула клинок.

Тяжелый клинок.

Древний.

И неприспособленный для кидания. Однако он мелькнул серебряной искрой, чтобы пробить тяжелый доспех и войти в грудь того... того, кого Артан ненавидел.

Или нет?

Он...

Не её мальчик.

Он свой собственный...

Брунгильда.

Воинственная дева с Островов. И за нею — Мудрослава Виросская, высокий лоб которой перечеркивает царапина.

Память возвращалась, вся и сразу, та, в которой библиотека и таз с водой. Кровь, что в нем расплзалась. Мамино зеркало. Она потом и не вспомнила, что у нее подобное имелось-то. Не важно. Главное, теперь он помнил все.

И демона.

И...

Глупец. От судьбы не уйдешь, да и не надо. Артан поправил корону, скинул мягкую ткань, которой его пытались опутать. И та повисла, подобно плащу из красной шерсти.

Вытер нос.

Гер-р-рой, называется. И решительно переступил через черту.

— Что ты...

— Я пришел, — сказал он в нечеловеческие черные глаза. — Ты хотела, и я пришел. Зачем я был тебе нужен?

Глава 46 В которой мир снова сотрясается

«И заплакала тогда дева. И сказала так: «Возьми мои слезы, но спаси его». И услышана была. Взяла тогда ведьма девичьи слезы, отчего стали глаза девы светлыми да слепыми. Взяла её горе, отчего закаменело сердце. Взяла причитания, и сделался хриплым нежный голос. Сотворила она зелье горькое, влила в онемевшие губы. И ожил юноша. И открыл глаза...»

«Сказка о коварной ведьме и несчастной красавице Асгаиль, отдавшей себя, дабы оживить возлюбленного».

Я... я увидела, как Ричард умирает.

Точнее видела. И... и ничего не могла сделать. Я стояла. Я слушала. Я... я смотрела в глаза, которые затягивались тьмой. И чувствовала, как становится её больше и больше, как поднимается она из самых глубин, страшная, всепоглощающая.

— Ричард... — я только и могла, что позвать по имени, да и то не услышал.

Никто-то никогда меня не слышал. Так почему должно быть иначе?

Ричарда не было.

Никогда...

Или не стало тогда, когда она обманула...

— Ты соврала. Он должен был жить! — я смотрела на существо, которое... которое было демоном. И вовсе не там, в круге, запертым.

Оно стояло рядом.

Оно...

Оно смотрело на меня. С интересом. С таким вот холодным жадным интересом, от которого кисточка на хвосте поседела.

— Он жив, — ответила демоница. — Они оба жили. Просто там был тот. Здесь другой. И...

Я сумела отвести взгляд.

Надо что-то... что-то сделать надо! Как? И кому... и что сделать-то? Если так... если Ричард... если поцеловать? В сказках поцелуи всегда помогали. А здесь... тоже сказка, только страшная до одурения.

И демоница смотрит с жалостью.

— Что вы... — я покосилась на принцесс, которые... суетились, то ли отношения выясняя, то ли пытаюсь пробиться сквозь границу круга. Там высилась одинокая фигура Светозарного.

Его даже жаль не было.

Он тоже лишь фигура на чужой доске.

— Что ты... с ним сделаешь.

— Ничего. Но... мой сын тоже имеет право на жизнь. Имеет! — её крик заставил отшатнуться и зашипеть. — Собираешься бросить вызов?

— Да.

Глупость.

Я... что я могу? Да ничего не могу. Я слабая. Я даже в школе не дралась. И рог сломан. Она сильнее меня. Многократно. И... и это не имеет значения.

— Я не отдам тебе его...

Прозвучало пафосно и уныло. И демоница рассмеялась. А потом щелкнула пальцами, и я утратила способность двигаться.

— Бери, — сказала она. — Её. Всех. Ключи здесь. Открой врата и...

— Сердце! — крикнул кто-то, громко так, что заглушил демоницу. А потом вдруг тьме стало больно. Я услышала эхо этой боли. И увидела, как из самого сердца Ричарда вырастает клинок.

Больше он не казался ржавым.

Он...

Он сиял, и свет этот причинял боль. И демоница закричала. И я тоже закричала. В жизни не подумала бы, что могу так кричать. Но боль...

— Это... это тебе за мою мать! — прохрипела та, которая украла лицо Теттенике. — И за меня тоже... за то, что ты с нами сделала.

От крика древние стены захрустели.

Или это не крик, а тьма, что растекалась по полу, разъела мрамор. Посыпалась мелкая крошка. И огромные стебли шиповника пришли в движение. Кажется, слева с хрустом рассыпалась колонна.

Кажется...

— Ричард!

Он все-таки упал. Даже демон не способен жить с клинком в сердце. Тем более таким, который... который создавался для демонов.

От демонов?!

Я подползла к нему.

Кровь.

И тьма. И руки в крови... и...

— Убей, — рядом возникло безумное лицо женщины, в которой не было ничего от Теттенике. — Ты должна его убить! И тогда мы спасемся! Я видела! Я...

— Заткнись.

Я сумела коснуться его.

И тьмы.

Была демоница. И голос её, отражаясь от стен, вызывал дрожь. Снова посыпалась каменная крошка. И... и это больше не имело значения.

Никакого.

— Ричард, — я коснулась его лица. Такого спокойного. И еще он улыбался. Смотрел на меня и улыбался. Придурок! У него меч в сердце.

Кто улыбается с мечом в сердце?

Я коснулась рукояти. Жжется.

— Нет! — тварь, укрававшая чужое лицо, перехватила руки. — Ты не понимаешь... он должен умереть! И тогда... тогда...

— Тогда откроется путь, — произнесла демоница, оборвав крик. Только камень продолжал сыпаться.

Пылью.

— Куда?

Я прижала ладонь к его щеке. И смахнула чужие руки. Плевать. Меч я вытащу... и... это эгоистично и неправильно. И думать надо о благе мира. Думать...

— Он запечатан кровью. И кровью может быть открыт.

— Чьей? — рядом со мной опустился кто-то?

Летиция?

И сестра её. Сейчас они похожи до того, что кажутся отражениями друг друга.

— Вашей... вы можете... вы ключ...

— Это...

— Я потом расскажу, — я все-таки взялась за рукоять меча. Как же он жжется. И огонь пробирает до костей. И больно, но... но я должна.

Вытащить.

И тьму успокоить. Может, если вытащу, то она вернется и... и с нею демон? Тот самый, который прятался внутри? Скорее всего. Тогда он убьет нас, а потом уничтожит мир. И это ведь аргумент, чтобы не трогать меч.

Чтобы позволить...

Демоница легко переступила черту. И опустилась на пол. По другую сторону от Ричарда. И её ладони накрыли мои.

Они были горячи.

— Больно? — спросила она тихо.

— Больно, — ответила я. И поняла, что плачу. Слезы текут по щекам. Текут и текут, и остановить их я не способна. Я и не хочу останавливать. Просто...

— Круг, — Мудрослава Виросская встала за моей спиной.

— Ты его совсем не знала, — сказала демоница, глядя в глаза. — Ты ведь его совсем...

Не знала.

Совершенно. И... и он меня тоже. Случайная встреча. Пара разговоров. Душевные посиделки и собственное одиночество. Вот вам и удивительный рецепт неземной любви.

Может... может, если бы не все вот это, мы бы и разошлись.

Скоро.

Он бы понял, что любит других женщин. А я — что меня раздражают его привычки. Какие? Пока не знаю. Но какие-нибудь непременно раздражали бы. И мы бы начали ссориться. Из-за пустяков. Из-за пустяков ссорятся больше всего.

А потом остывать.

И... и может, дожились бы до момента, когда сам вид Ричарда вызывал бы глухое раздражение. Или нет? Теперь не узнаешь.

Времени не осталось.

— Убей... убей его! Ты должна...

— Помолчи уже, ведьма, — огрызнулась я. Клинок застрял. Это с какой силой его швырнуть нужно было? А с виду хрупкая женщина... и чем её Ричард помешал-то?

— Он... теперь все, не вынуть.

— Погодите, — Артан Светозарный склонился над телом. — В нем демон. И если вытащить клинок, демон может вернуться.

— Догадываюсь.

А если не вытаскивать, то умрут оба. Демон потому что клинок и создан убивать ему подобных. Ричард же — потому что с пробитым сердцем люди не живут. Да и... мнится мне, что за столько лет они с демоном сроднились.

— Я опять ничего не вижу, — Теттенике встала за моим плечом. — Значит... мир ждет, когда мы сделаем выбор.

Какой?

Совершать подвиг? Вырвать клинок и вонзить в демоницу, которая держится за меня. И... и она обманула. Тогда. Того мальчика, которым был Ричард.

Его мать.

И других тоже. Но она и сама была обманута. И еще не получается её ненавидеть. А решать надо. Тьмы становится больше.

И больше.

И вот уже серым прахом осыпаются колючие плети. Трещины ползут по колоннам, словно из белого мрамора вытянули саму суть. Мраморная крошка беззвучно падает в черные клубы. И я... я чувствую, как что-то становится не так.

Неправильно.

— Брун, постарайся найти дорогу! Тет, не сиди там! Я тебя узнала, хотя, конечно, неожиданно. Вытри сопли и руку давай... Яр?

— Тут я, — пробурчал рыжий мужчина, которого я точно видела впервые в жизни, но при том он казался мне смутно знакомым.

— Ты хоть понимаешь, что делать? — уточнила Ариция, поднимаясь.

— Нет, — бодро ответила Мудрослава. — Но что-то мы сделать должны, иначе нас точно сожрут... но у меня есть идея!

— Уже страшно, — Летиция закрыла глаза. — В любом случае стоит поспешить. Они возвращаются.

— Кто?

— Сама погляди...

И я, пусть сказано было не мне, подняла голову.

Тьма.

Тьма заполнила всю залу. И границы стерла, те, что каменные, что выбиты в полу. И другие, между живыми и... тьма вернула их.

Позволила воплотить.

И первым из нее шагнул тот, другой, так похожий на Ричарда.

— Что за...

— Это он, — демоница поднялась и растопырила когти. — Это...

— Просто призрак, — я удержала её. — Его давно уже нет. Их всех нет, но...

— Не здесь, — шевельнулись губы Летиции. — Что-то происходит... с миром... мир надо...

— Руку! — рывкнула Мудрослава. — И кровь... круг держим! Яр, слышишь? Постарайся... щит, Яр! Нам нужен щит!

Артан, склонившись, потянул меч из раны, и та плеснула темной, черной почти кровью.

А потом Ричард все-таки умер.

Больно.

В груди. И дышать получается через раз.

Больно. Память складывается. Бережно так. Кусочек к кусочку. И... и он стал демоном? Выходит. Ричард бы посмеялся, если бы сумел. Но и дышать-то получалось через раз.

Демоном.

Миры.

И границы. И нет надежных границ, получается. Мама... ласковое прикосновение.

— Помни, ты все-таки человек.

И немного демон.

Или наоборот? Демон и лишь самую малость человек. Соединили... ту тьму, что так стремительно таяла. И Ричарда, в котором почти не осталось души.

Идеальное стечение обстоятельств?

Или...

Она обманула. Та, что была в зеркале. Она... она знала. Про душицу. Про то, что она рано или поздно выберется. Знала и ждала.

Правильно, ей нужен был удобный момент, такой, чтобы матушка приняла предложение. А... если бы нет? Она ждала бы дальше? Или все-таки...

Не получается думать.

То, что в груди, мешает. Дышать. Сердцу биться. Шевелиться. Его будто... будто игла в бабочке... кто-то из предков собирал бабочек. Ричард однажды наткнулся на коллекцию. Черный бархат, черные рамки. Стекло. И под ним — бабочки, проткнутые посеребренными булавками.

Он теперь знает, каково это.

Хреново.

И... сказать нечего. Силы уходят. Куда? Тьма поднимается. Теперь её не сдержать и, выходит, мир все-таки погибнет.

Тьмы стало слишком много. И демон заплакал. От боли. И от страха. И... и демоны растут медленнее. Этот — просто ребенок. Такой, каким был сам Ричард.

Дотянуться бы...

Чья-то рука вытащила клинок из раны, освобождая путь крови и тьме. И стало так больно... невыносимо больно. А еще демон плачет.

Демоны... хитрые коварные твари.

Нельзя верить.

А он все...

— Не вздумай! — этот крик донесся издалека. — Ричард... не вздумай умирать!

Он и не собирался.

Просто... больно.

И дышать нечем. Совершенно нечем дышать. А еще тьма кругом... откуда её столько. И демон все плачет. Где-то рядом... где-то совсем рядом.

— Тише, — сказал Ричард, поняв, что снова способен говорить. А вот дышать ему не надо. — Это скоро закончится. Ты где?

— Где, где, где? — отозвалась тьма.

А её стало слишком много, чтобы управиться. Но Ричард должен. Хоть раз в жизни он должен сделать все по правилам.

— Раз, два, три, четыре, пять, — голос Ричарда заглушал плач. — Я иду тебя искать... только прятаться не надо. Я не знаю, сколько у нас осталось времени...

Глава 47 О том, что принцессой быть непросто

«И многие скажут, что ни к чему девицам лишние науки? Да и вовсе не способен слабый женский разум постичь высокое искусство математики, не говоря уже об алхимии либо же философии. Однако скажу я так. Минули в прошлое темные времена, а потому люди образованные ищут себе и жен таких же, способных оказать мужу всякую помощь и поддержку. И это не говоря уже о том, что и ведение дома, и уход за оным, яко и за собою же, потребуют от современной дамы знаний...»

«Рассуждения о важности образования для успешной семейной жизни».

Мудрославу не учили совершать подвиги.

Разве вовсе можно подумать, что виросская царица древнего рода, в тереме воспитанная, полезет их совершать-то? Для того люди есть специальные.

Где они?

Где-то там... остались. Пока еще. И недолго им, как и Мудрославе... вот если бы она читала книги... или бесполезно? Вряд ли в книгах писали о том, что делать, если тьма поглощает мир.

Взяться за руки.

Отбросить сомнения. Не получится? Возможно. Даже скорее всего не получится... и надо встать. Потная ладонь ладонь почти выскользывает, но та сама стискивает пальцы.

Кровь.

Еще кровь нужна.

— В прошлый раз у нас получилось не очень...

— Потому что... потому что опыта не было, — выдохнула Мудрослава. Мир менялся. Точнее раскалывался. Будто... будто не мир, а яйцо огромное, скорлупа которого трещину дала.

Именно.

— Сперва ты, Лет, отпускаешь всех, до кого дотянешься. Ты, Ари... постарайся вытащить нашего Повелителя. Все-таки он неплохой, если подумать... но его! Больше не оживляй никого без спроса, ладно?

— Я не специально.

— Брун, ты должна открыть путь.

— Куда?

— В мир демонов. Демоны уйдут домой... и тогда Яр, ты поставишь щиты.

— А ты?

— А я руководить буду! Мудро! — рявкнула Мудрослава. И подумала, что с Думой это всегда срабатывало. И сейчас не подвело.

Сила... сила откликнулась, стоило потянуться к ней. И привычно заструилась через руки... ладони.

И тихо выдохнула Летиция...

...их было много, тех, кто чуял её присутствие, молил, просил, требовал. Плакал. Скулил. Тянулся и почти дотягивался, потому как граница мира стерлась.

Почти.

И души обретали плоть.

Они... потянулись к Летиции.

Мужчины в белоснежных одеяниях. На головах некоторых возлежали золотые венки, и это тоже что-то значило.

— Уходите, — сказала Летиция, принимая силу. И дар раскрылся. На самом деле все просто. Она... ей достаточно пожелать. И она пожелала.

Покоя.

Всем им.

И тем, кто виновен, и тем, кто нет. И тем, кто был частью древнего мира и древнего же зла. Пусть уходят. Пусть возвращаются. Они не обрадовались, но воля Летиции была сильнее их гнева.

Дольше всех держался мужчина в коротком наряде, измаранном кровью. Он держал клинок в руке и улыбался. Почему-то показалось, что виновато.

Показалось.

И тьма, лишившись игрушек, пришла в движение.

— Круг! — рев Командора почти выбил из настроения. —
Смыкаем и держим...

...тьма... тьма ведь была давно здесь. И почти обжилась. И даже привыкла к миру. Изменила его под себя... а потому вслед за душами встали мертвецы.

Ариция видела их.

Ощущала.

Пустые оболочки, которые наполнялись тьмой. И обретали некое подобие памяти. Жизни. Это было... отвратительно.

— Ари!

От окрика она вздрогнула, и сила, совокупная, данная ей, пришла в движение. Слева блеснула сталь, рассекая огромную фигуру надвое. Раздался рык и...

Сталь не поможет.

Это не живые существа, а мертвые стали не боятся. Зато...

— Прости, — сказала она, пусть даже и не услышали. А потом взяла силу и... если ей дано возвращать жизнь, то сумеет она и обратное. Надо лишь сосредоточиться.

Надо...

— Ари...

— Погоди, — она облизала пересохшие губы.

Разделить.

Ограничить. Иначе может получиться... не на тьму, но на плоть. Смерть — часть жизни, и новая жизнь. А потому... потому прах к праху.

И темные фигуры рассыпаются. Одна за другой, одна... только где-то там плачет кто-то, надрывно и горько. И от этих слез болит голова.

— Нельзя, — пальцы грязного мальчишки, как-то очутившегося в круге, держат крепко. — Это ловушка. Путь... надо отыскать правильный и... и я знаю. Дай мне.

Сила переливается. Тело — лишь сосуд. И очертания его стираются, плывут.

Теттенике? Удивляться уже не выходит. Но хорошо, что жива... хорошо...

...Теттенике видела пути.

Множество.

В степи дороги рисует ветер. По сухим травам. По теням. По... но можно выбрать, если уметь слушать песню ветра.

Её учили.

Это неправильно, потому что женщины не выбирают. Женщины следуют за мужчиной. Хранят шатер и детей, чтобы тот, кто уходит, мог вернуться.

А её учили.

Брат.

Он жив, и это радует, пусть даже не узнает её теперь... не важно. Главное, там, в степи, есть дороги. А здесь? Перед ней не сотни — тысячи. Переплетение золотых нитей и... и Теттенике видит, что нужно сделать.

Нити слишком тонкие. И ни одна не выдержит.

В одиночку.

А вот если связать... взять вот эту и... они все равно с тем рыжим держатся за руки. Может, это еще и не повод, но выхода нет. А двойная нить всегда прочнее одиночной.

Вот так.

И еще те две... и те... и нитей становится меньше. Одни Теттенике обрывает безжалостно, потому что в новом рисунке им нет места. Другие сплетает. Связывает. Заставляет слиться воедино.

Потому что...

Пальцы ухватили одну из последних. Надо же, а ей казалось, что он уже умер. Но нить есть и значит, ничего не решено? Или... ей нужно выбрать?

Она не может.

Она... она не имеет права! Или... она ведь уже обрывала нити. А эта тонка... и не будет ли лучше для всех, если и она оборвется?

Ведь демон...

Демон так долго был, что не мог не изменить человека... и он может вернуться. Наверное. Или нет? Или... нить в пальцах почти истаяла. И даже если её просто оставить, она исчезнет.

Сама по себе.

Никакой вины. Никаких сожалений. И Теттенике мотнула головой, решительно потянувшись к нити.

...Мудрослава слышала плач.

И дернулась было, но осталась на месте. Нельзя разрывать круг. Не сейчас, пока внутри кипит сила. Но ведь можно иначе. Дотянуться... разумом до разума.

— Ты где? — шепчет она. И тьма повторяет вопрос на все лады. Всхлипывая, лепеча, совершенно по-детски. Но Мудрослава не слушает.

Дотягивается.

До того, кто прячется там, или здесь, совсем рядом. Тьма стерла границы и, кажется, они уже давно где-то там, за пределами мира, если вокруг нет ничего, кроме этой тьмы.

— Иди сюда, — она касается кого-то...

Слабого?

Сильного? Злого? Обиженного? Иного. Именно, совершенно иного. Другими словами и не объяснить этих вот ощущений. Но плач смолкает.

Демон?

Демоны умеют плакать.

— Иди... — просит она. И протягивает нить. — Ты потерялся? Потерялся... давно... страшно? Мне тоже страшно.

Она могла бы подчинить.

Наверное.

Или хотя бы попробовать. Завладеть разумом. Заставить... сделать что-то. Отказаться от мира. Сейчас, когда у нее вся сила дара, она бы смогла. Но вместо этого Мудрослава создала полог спокойствия. И притянула разум внутрь.

Во тьму.

Вот так.

Одно. Другое и...

— Брун, твоя очередь...

Брунгильда закрыла глаза. Как отыскать нужный путь? Чтобы из мира в мир? В море есть звезды. И течения. И само море рисует дороги шепотом волн, главное, уметь слушать.

А здесь?

Мир... треснул. Похоже, что как яйцо куриное, и если так, то он обречен. И Брунгильда... и не будет так, как в том сне, о котором вспоминалось с тоской и нежностью. Если бы остаться...

Не осталось.

Мир.

Демонов.

Что она вообще знает о нем? Ничего. Тогда нужно спросить ту, которая должна знать.

Она больше не похожа на человека. Вот совершенно. Тьма. И другая в её руках. Два клубка, две тени, переплетшиеся друг с другом.

— Какой он? — собственный голос звучит издали, он — эхо, которое тьма подхватывает, повторяя на все лады. Не со зла. Просто... такая вот она.

Игривая.

— Мир, — уточняет Брунгильда, осознав, что вопрос её может быть не понят. — Какой он, ваш мир?

— Не знаю... не помню...

— Я помню, — отзывается другой, мертвый голос. — Точнее не совсем я... и я не помнила, но он кипит. Небо красное. Очень красное. Солнце злое. И когда оно восходит, то прячутся все...

Дорога в крошечной тьме, что пролегла между мирами?

И вправду, что может быть проще...

К солнцу, столь яростному, что плавит камни и заставляет кипеть железо. Ей ли, Брунгильде, не рассказывали сказки о таких вот железных реках да горах алмазных, что упираются в кипящее облаками небо.

— Дожди случаются. Их приносят ветра, и тогда даже пески прогибаются под тяжестью ударов...

Демоница сидела, держа на коленях голову того, кто был мертв.

Брунгильда знает.

Ей случалось видеть мертвецов. Но сейчас не время для жалости, да и сочувствие будет лишним. Нет, она... просто откроет дорогу.

Туда, где солнце белое, а небеса алые. Где рассветы пахнут свежепролитой кровью, где выживает сильнейший...

И тьма дрогнула, раскрывая объятия.

И кто-то рядом, совсем рядом, вздохнул. Даже, кажется, сказал что-то...

— Прорыв, — это слово Брунгильда различила. И даже, кажется, поняла, что оно значит. То, что у нее не получится удержаться на краю. Что скорлупа разбита и не только здесь. Что два мира связали, кровью, болью, плотью и силой. И что теперь эта сила застыла, готовая хлынуть на них.

И... и что мир и вправду погибнет.

Не из-за демонов. Из-за слишком самоуверенных людей, которые решили, что у них что-то да получится. Вот ведь...

Бестолочь.

— Закрывай! — крик пробился сквозь рев песчаной бури, что поднималась по-над темной пустыней. И стеклянно поблескивали где-то вдали вершины гор. — Брун...

— Я не могу!

Сила... силы было много. А потом не стало. Она ушла, поглощенная тьмой межмирья, став платой за открытие врат.

А чем платить, чтобы они закрылись?

По спине пополз пот.

— Яр!

— Что?

— Щит ставь!

— Я не умею!

— Научись!

— Когда?

— Послезавтра! — рявкнула Мудрослава. — Или ты щитом эту дырку перекроешь, или... буря поднималась. Кружилась. И опадала пеплом да пламенем. Она вздымала волны песка, одну за другой. И те обрушивались, летели, но пока не долетали.

— Щит...

В какой-то момент он возник. Яркий. Переливающийся всеми цветами радуги.

— Ох... охреть! — выдавил государь всей Вироссы.

И Вироссу стало немного жаль. Нельзя же так безответственно к героическим деяниям относиться. Брунгильда бы сказала вслух.

Если бы могла говорить.

Но она не могла. А потому просто смотрела сквозь затягивающееся льдом, остывающее окно щита. И когда все закончилось...

Когда все...
Закончилось ли?

Буря налетела внезапно. И приближение её Аш-Нассер ощутила слишком поздно. Она только и успела, что зарыться поглубже в остывающий песок и сжаться, обернуть себя крыльями.

Не поможет.

Вот первый удар ветра сорвал песчаное одеяло, чтобы им же ударить, наотмашь, проламывая энергетический кокон. А песок, такой жесткий, прошелся по крыльям, сдирая кожу.

Аш-Нассер закричала.

Но крик её утонул в реве ветра. Она прижалась к каменной подложке, кляня себя за леность. Надо было уходить на ночевку к пещерам. Но показалось, что далеко.

И небо было ясным.

Глупая.

Глупые не живут долго. Ветер взвыл, готовый вцепиться в добычу. А потом вдруг повернул, закручиваясь воронкой перехода. Дрожали черные нити, впиваясь в небо, словно желая сшить его воедино с землей. И Аш-Нассер даже подалась вперед.

Вот треснула ткань мира.

Вот... тьма была упоительно прохладной, да и потоки силы, устремившиеся из разлома, залечили раны. Аш-Нассер заворчала, не смея поверить в удачу.

Так не бывает...

И все же так было. Проход раскрывался пред нею, маня силой. Такой чистой. Такой... иной... недоступной. Но вот она рядом.

И Аш-Нассер решилась. Шаг. И еще один. Тело стремительно вбирало эту силу, меняясь, усложняясь.

Укрепляясь.

Аш-Нассер распахнула крылья навстречу потоку. И сделала глубокий вдох. А потом и глупость: не стоит закрывать глаза, даже когда буря почти улеглась.

И пустыня тиха.

Не стоит закрывать глаза...

Она не уловила движения, такого легкого, такого... почти как ветер. И только голова, отделившись от тела, покатила по песку.

— Тебе нужно поесть, матушка, — молодой демон шурился. Ноздри крупного его носа то раздувались, то смыкались. Кожа его еще не обрела плотность, да и тьма, её окутывавшая легкой дымкой, рисовала свои узоры, будто колеблясь, чем же одарить новорожденного.

Он поднял тело.

И потрянул его.

И повторил.

— Тебе нужно поесть.

Та, к которой он обращался, казалась слишком хрупкой, чтобы выжить в этом мире. Она стояла, разглядывая небо, и пару лун, что крались друг за другом. Но вот она отряхнула оцепенение.

Обернулась.

И полупрозрачным пологом распахнулись за спиной её крылья.

— Да, дорогой, — сказала она. — Хотя, конечно... но ничего, начнем с малого.

Она протянула руку, и тело демоницы приподнялось. А потом истлело, осыпавшись в пески. Потоки же силы устремились в пальцы.

Белая кожа слегка замерцала.

— Идем, дорогой, — демоница направилась к скалам. И те, кто скрывался в песке, затаились. Она была сильна... сильна и прекрасна. Настолько, что Хранитель Мертвого моря оценит.

В мире демонов вообще ценили силу.

И красоту.

Глава 48 В которой мир почти уцелел

«И среди многих тварей, лживых и коварных, наособицу стоят ведьмы. Нет равных им по лукавству, по умению заглянуть в душу человеческую, а после, добравшись до желаний тайных, извратить их до невозможности. Многих сгубили они, заставивши свернуть с пути истинного, а потому долг каждого воистину доброго человека — уничтожить ведьму, коли попадетя та на пути»

«О людях и ведьмах», речь одного весьма уважаемого жреца.

Я сидела.

Странное состояние.

Будто и не со мной.

Девушки, вставшие кругом. Еще немного и хоровод заведут. Но нет, не они. Закружила, заметалась сила, раскрываясь над нами воронкой. И всхлипывающая демоница, которая растирала слезы, успокоилась вдруг. И только слезы поднимались клочьями тьмы.

Тьма ко тьме...

Почему он умер? Он... не должен был! Не имел права! Мы ведь... мы и не встречались-то толком. И не ссорились. Не ругались, чтобы раз и навсегда. И не мирились.

Не поженились.

Не завели детей, чтобы потом выяснять, кто из них на кого похож. Мы... мы так и остались по сути чужими людьми, и это не честно!

Несправедливо.

Я склонилась над ним. Я коснулась губ, которые были еще теплыми. Но только в сказках поцелуй кого-то оживить способен.

Соберись.

Это не сказка, а... мы связаны! Он ведь слово дал.

— Ты ведь слово дал, сволочь! — гнев мешался с болью. И сила... сила у меня имелась. Какая-то. На что-то да она должна годиться. И... и если поделюсь? Ведь делятся же...

Как там?

В горе и в радости? В болезни... и это тоже болезнь.

Я позвала огонь. И позволила ему вспыхнуть на ладони. А потом положила эту ладонь на рану... и...

— Кровь лучше, — демоница вытерла щеки. — Кровь демона — это... она помогает.

— От чего?

— От всего. Раньше из крови варили многие зелья. В ней сила. И те, в ком есть кровь, они живучие. Только в тебе нет. Ты взяла силу. Я вижу.

— А кровь...

Сердце екнуло, пропуская удар. А демоница молча протянула руку. Вот и нож, в замке прихваченный, пригодился. Его бы в грудь всадить или горло перерезать. Одним ударом. Чтобы раз и навсегда, но... я провожу по запястью. И черная, густая кровь капает в раскрытые губы.

Раз.

И два. И... и ничего не происходит. Почему...

— Они долго были вместе. Этот мальчик и мой сын, — демоница поднимается и протягивает руки. — Но вы правы и нам надо уйти. Здесь нам будет плохо.

И тьма устремляется к ней, обнимает, а воронка сверху распахивается черной пастью.

— Крови может быть недостаточно, — демоница поднимает руки, и тьма от них устремляется вверх, к этой пасти. И кажется, что саму её втягивают внутрь, оплетают. — Кровь, сила... душа...

Эхо бьет по ушам.

А из воронки, втянувшей демонов, хлещет черная злая сила. Она... она кажется родной, и зовет, и... и ярость в какой-то момент туманит разум.

Да как он посмел умереть!

Бросить!

Как...

— Щит! — крик доносится сквозь вой ветра и ярость бури иного мира. И мое сердце отзывается... сила... тоже отзывается!

Её не так и мало.

Распахиваются за спиной огненные крылья. Хлещет хвост, подстегивая к...

...убить.

Кровь стучит, вытесняя прочие мысли. Сила? Её можно взять. У этих вот... они ослабли. И сил их почти не осталось... но...

Стоп.

Это не я.

Я никого никогда убить не хотела. Сила? Сила это хорошо.

Я опустила взгляд, а потом собрала силу, всю, до которой дотянулась, и направила в тело. Ну же?! Вставай! Кровь и сила... и этого хватит! Героям не положено умирать!

Слышишь?

Просто не положено! По сюжету! По тому, в котором «жили они долго и счастливо». Я так хочу! Я заслужила!

— Яр!

Поток силы, устремившийся ко мне, ослаб. Но нить, связавшая меня с Ричардом, была крепка и... и он дышал. Он дышал, мать его так... связавшуюся с нежитью.

И саму нежить.

И демонов всех, чтоб их... всех. Весь этот долбаный несправедливый мир, в который меня угораздило вляпаться.

Кто-то... тронул плечо.

— Он жив, — сказала Мудрослава Виросская, опускаясь на колени рядом с Ричардом. — Во всяком случае дышит.

— И сердце стучит, — Ариция прижала пальцы к шее. — А рана затянулась... такое бывает?

— Кровь демонов, — ведьма вытерла нос, из которого текли сопли. И... и превратилась в хорошо знакомого мне угловатого мальчишку. — Кровь демонов дает силу. Неуязвимость. И меняет тело.

— А ты вообще кто?

— Ведьма, — сказал Артан Светозарный, баюкая клинок. — Ты его убила.

— Не его, а демона. И вообще с точки зрения физиологии он вполне себе жив.

— Ты убила не только его! — возмутилась Летиция, щурясь. — Та девушка... и...

— И не одна, — согласилась ведьма. — Поверь, на моем счету столько девушек, что я уже точно и не скажу, которая из них «та».

Я вытерла глаза.

Сухие.

И... надо бы плакать. От радости. Или от страха. Или...

— А вообще что тут произошло-то? — рыжий парень поскреб макушку.

— Мы мир спасли, — Брунгильда оперлась на секиру. — И одолели древнее зло.

— Это еще вопрос, кто кого одолел, — проворчала Мудрослава. — Мне кажется, что она получила именно то, чего хотела. А ты... ведьма... не вздумай бежать.

— У нее не выйдет, милостивая госпожа, — напевно произнес Легионер, и отчего-то глаз Брунгильды дернулся. — Так вышло что при жизни своей я встречал подобных созданий. И ей недолго осталось. Видишь, тьма оставила след на высоком челе её.

— Где-где? — уточнил рыжий.

— На лбу, — перевела Летиция. — Там и вправду пятно какое-то...

— Договор исполнен, — сказала ведьма, и лицо её потекло, меняясь. Мальчишка исчез, но появилась девушка, которую я уже видела, пусть и мертвой. А её сменил мужчина. Его я тоже, кажется, видела. — И я могу уйти.

Она улыбнулась.

Счастливо так.

Никогда бы не подумала, что человек может так радоваться предстоящей смерти.

— Что ты понимаешь, демоница...

— У тебя рог отвалился, — сказала осторожно Теттенике, подбираясь к ведьме поближе. Явно не затем, чтобы пятно разглядеть, которое теперь и вправду было отчетливо видно. Черное. Большое. Не пятно — язва, которая расползалась.

До меня не сразу дошло сказанное. Я... тронула макушку. И... и вправду отвалился. Правый. А левый отпал, стоило коснуться. Крылья... хотя сил нет, совершенно. И выходит, что крыльев тоже.

А хвост?

Хвост дернулся. Ну хоть что-то. К хвосту я привыкла... дурость.

— И чего я не понимаю?

Ричард и вправду дышал. Лицо его разгладилось. И на губах появилась улыбка. И казалось, что вот сейчас он откроет глаза.

— Не откроет, — ведьма снова сменила обличье. Она перетекала из одного в другое стремительно, задерживаясь в новом на пару мгновений. — Демон... он и демон слишком давно жили вместе. Моя мать сожрала его душу, и появилось место для демона.

— Погоди, но раньше ведь как-то... обходились.

— Кто сказал? Я... искала ответы. Долго. Они не трогали суть демона. Брали силу. Брали плоть. Но саму суть, которую вы зовете душой, не трогали. Ведь иначе или демон сжирал человека. Или наоборот. Но чаще демон.

Юноша. Прекрасный. С тонкой фарфоровой кожей. С глазами синими, в которых мне мерещится печаль.

— Хороший был мальчик... — сказала ведьма печально. — Жаль, что пришлось его...

— Что ты такое?

— Проклятое дитя перерожденной нежити и того, в ком текла кровь рода Архаг, проклятого рода.

— Он... очнется?

— Может быть. Но лучше бы нет.

Для кого лучше?

— Моя мать уже была неживой. И я... мертвый ребенок, который появился на свет. И попал в руки чернокнижника. В месте, где только что убили всех... всех-всех-всех... — она хихикнула. И стала старухой. Сгорбленная спина. Длинные иссохшие руки, что торчали из лохмотьев, словно две палки. Сухие пальцы. — Он... тот, кто долго называл себя моим отцом, сумел провести обряд. Вдохнуть в меня капли чужой жизни. А потом закрепить их кровью демона. У него была кровь демона.

Она дернула головой.

— И ты...

— И я жила. Сперва я мало что понимала. Мы поселились на краю мира. Так мне казалось. И жили. Отец был увлечен наукой. Он и меня учил. Оказалось, что у меня талант. У меня многое получалось проще, легче... ритуалы, обряды... у него было много книг. И не только книг. После обрядов я чувствовала себя уставшей, и отец убивал животных. Сперва хватало животных, но однажды нам пришлось отправиться в деревню. А там случился пожар. Большой.

Многие погибли. И оказалось, что смерть людей — это много, много лучше... к тому же животных мне было жаль.

Она раскрыла руку. На смуглой коже, с которой стремительно исчезали морщины, проступило еще одно пятно.

— Тогда-то отец и раскрыл мне, кто я. Рассказал о матери. О том, что любил её...

— Врал.

— Скорее всего. Но мне было семнадцать. И я верила. Всегда ему верила. Он говорил о том, что матушка до сих пор жива. Что она далеко, в плену у проклятых. И что там же, у них, мое наследство. Книга, которая сделает меня властительницей мира.

— А сильно хотелось?

— Да не особо. Но отец... он рассказывал о древнем городе, столь удивительном, что и представить себе невозможно. О том, что в городе этом есть Храм, а в нем — запертый демон, с которым матушка заключила сделку. О том, что демон ждет и сделка эта — залог моего бессмертия. Что... я должна вернуться.

Она поглядела на Ричарда.

— Вернуться и принести жертву. Достойную жертву. Таковую, которой хватит, чтобы рухнули оковы, демона запирающие.

— И ты пошла войной, — Артан глядел на ведьму... с жалостью? Она снова изменилась. И теперь перед нами стояла высокая девушка с длинными светлыми волосами. Красивая.

— Я была молода. А отец к старости сильно сдал. Почему-то он уцепился за мысль, что я должна повелевать миром. Теперь я понимаю, что годы не щадят и чернокнижников, но тогда я была послушной девочкой. Отец все говорил, что кто-то там пожалеет, что он напомним всем... заставит... в общем, мы пошли войной. Я поднимала мертвецов. Отец командовал ими...

— Пока не случилось поражение.

— Мозговой удар, как я понимаю. В какой-то момент я ощутила, как оборвалась нить его жизни. И испугалась. Я ведь всегда делала только то, что он говорил... и тут армия... маги, рыцари. А у меня мертвецы, которых сложно удержать одной.

— И ты ушла.

Она развела руками. Их покрывали узоры.

— Почему ты просто не приехала сюда? — спросила я. — Ведь... приезжают. Купцы. И просто селяне. И... другие люди тоже.

— Сперва я пряталась. Я видела, что они сделали с отцом. И испугалась. Очень. Потом путешествовала. Мир оказался таким большим, таким... я честно пыталась никого не убивать. Иногда выходило. Если не использовать силу, то голод, он не сразу приходит. Порой получалось держаться год или даже два. Одно время я устроилась в лечебницу для бедных. Там многие умирали и часто — в мучениях. Я забирала их силу в обмен на тихую смерть. Но оказалось, что когда её так много, то сила прорывается. Требуется, чтобы её использовали. И за мной пришли из Храма. Я сбежала... я... потерялась.

Вздых.

И снова женщина. На сей раз она немолода. Белая кожа. Величавая стать. Она явно не из простых, и этот взгляд снисходительный.

— А потом, в одной лавчонке я увидела зеркало. И в нем — демона, который назвал меня по имени. По давно забытому имени. И сказал, что я должна исполнить слово.

— И ты...

— Сбежала. Может, я и темная ведьма, но не настолько безумна, чтобы связываться с демонами.

А Ричард все так же лежал. Тихо. Неподвижно. И сердце билось. Я слышала. Прижала руку к груди и держала так. Рана вот затянулась. И осталась тонкая полоска. А я все равно держала, страшно было, что если руку уберу, то она раскроется.

— Я меняла земли, я... бежала, только теперь голод настигал меня все чаще. И приступы его были мучительны. Мне приходилось убивать. Снова и снова. Раз за разом. Иногда совсем не тех, кто был достоин смерти.

Нельзя жалеть ведьму.

Никто и не... это не жалость.

— В какой-то момент я поняла, что так продолжаться не может, что я схожу с ума, совсем как отец. Что демоница приходит во сне. И эти сны... кровь и безумие. А еще со мной говорила матушка. И я решилась. Сперва я попыталась нанять охотников. Это оказалось несложно.

— Не вышло?

— Я сорвалась и убила их, — скачала ведьма, преобразившись в массивного бородатого мужика. Вот так и тянуло поинтересоваться, как же с законами физики и сохранением энергии с массой вкупе. — Как и других... стоило пересечь границу гор, как я теряла разум. Потом... были еще попытки. Купцы. И просто селяне, как ты сказал... ничего хорошего не вышло. Мне пришлось вернуться и искать путь, как обуздать голос в моей голове. Заодно я нашла способ связаться с матушкой. Зеркало... бойтесь зеркал. Никогда нельзя узнать точно, кто скрывается на той стороне.

Учту.

На будущее. Если у меня есть будущее.

— Матушка и помогла. Я сотворила зелье, которое не только помогало использовать суть другого человека. Я словно бы становилась этим человеком. И безумие уходило.

— Оно...

— Вернется. Осталось не так и много. Но я расскажу. Успею. Должна же хоть кому-то.

А ведь язвы оставались, вне зависимости от того, кто стоял передо мной. Женщина. Мужчина. Совсем дитя... и старик с длинным носом, что нависал над белой кучерявой бородой.

— Матушка сказала... договор... я должна исполнить договор. Она обещала родить дитя и принести его в жертву. Это двойная жертва. Мать отдает ребенку часть себя. Своей души. Она связана с новорожденным. А потому, принося его, убивает и себя. Добровольно. Сложно объяснить, но энергии много... только она не стала. Она меня любила. Наверное.

Никто не ответил.

— Она сказала, что демон обманул. Что он обещал ей жизнь, а она стала нежитью. Что её заперли. Что я должна открыть путь. Найти кого-то, кто достаточно силен, чтобы удовлетворить демона. И тогда тот освободится. А освободившись, отпустит и меня. И нас.

— Но ты убила демона?

Что-то у нее с логикой. Или у меня. Но как-то сомневаюсь, что демоница имела в виду, что в жертву надо принести её сына.

— Демонам нельзя верить. А я... я устала быть кем-то. Я уже забыла, кто я. На самом деле и...

Она подняла пальцы, которые стали тоньше.

— ...и просто хочу покоя...

— Поэтому убивала?

— Не поэтому. Но... я пыталась жить. Как обычный человек. И даже получалось. Местами. Но потом приходил голод и...

Она тряхнула головой, преобразившись.

— Его звали Киган. Он был моим мужем. Третьим, кажется. Хорошим. Он меня любил. А я выпила его. И его сестру. И её детей... и всех-то. Я так долго терпела... а это Никса. Хорошая женщина, которая нашла меня в лесу и взяла домой.

Не старая еще, сохранившая остатки красоты.

— Её я тоже убила. Два года мы прожили вместе, а потом... и многих. Многих! — ведьма сорвалась на крик. — А я... я не хотела править миром! Я хотела жизни! Нормальной! Чтобы семья, дети... чтобы никого не убивать!

Черные язвы расползались по коже. И снова мелькали лица. Сколько же их...

Артан держит руку на мече.

— Но получилось... я думала, что доберусь до демона. Выпущу матушку. А дальше... не знала. Но убила бы. Я хотела убить демона. Однако так даже лучше. Я... чувствую, что... они там. А мы здесь. Тьма... она осталась, вы не надейтесь. И выплеснулось её изрядно. Но со временем уйдет, да...

— Ричард, — я убрала-таки руку. — Что... что нам делать?

Странно спрашивать совета у той, на чьем счету многие и многие жизни. Но она ведь... она ведь сама говорила, что училась.

Книги там читала.

Правда, не совсем того профиля.

— Тело. Сила. Душа. Тело исцелилось, — ведьма подула на собственную руку, и рожденный ею ветер слизал кончики пальцев. Закрутил тонкой нитью праха. — Силу ты отдала почти всю. Осталось вернуть душу...

— И как?

— Понятия не имею, — ведьма смотрела, как поднимается тонкая ниточка пепла, выше и выше, закручиваясь спиралью. Будто кто-то там, на небесах, взялся распустить её тело. — Я ведь тьма... а души — это к свету.

Глава 49 Где свет одерживает победу

«И коль станет жаловаться человек на тоску сильную, беспричинную, на волнения душевные и иные печали, то след составит гороскоп, опираясь на книгу великого Аффлея Аналузского и таблицы его. Сии признаки свидетельствуют о болезни черной меланхолии, которой подвержены многие смятенные души. Для избавления от оной лучше всего подходит паштейм из заячьих мозгов, который надлежит втирать в десны. И растворенный в винном уксусе жемчуг, каковой надлежит потреблять перед обедом и после оногo в малом количестве...»

«О хворях душевных и способах их излечения»

Ведьма рассыпалась пеплом, который лег на мрамор, смешавшись с пылью и грязью. И стало тихо.

— Она и вправду умерла? — поинтересовалась Брунгильда. — Или это еще одна ведьмина шутка?

— Нет, о великолепнейшая! — Легионер отвесил поклон. — Мне случалось видеть подобное. Ведьмы — суть твари, продавшие душу тьме. И та точит их, выпивая жизненные силы. Тьма дает плоти нетленность, но когда силы души иссякают, время берет свое. Сами ведьмы чувт близость конца.

Артан присел и коснулся пепла.

Ничего.

Странно, что ничего он не чувствует. Ни удовлетворения, ни радости... ни даже беспокойства, потому как мир все-таки спасли. И древнее зло... в общем, получилось как нельзя лучше. Повергать кого-то не хотелось бы. А так... пусть теперь демоны с ним разбираются, с этим древним злом.

Демонов не жаль.

А кого...

На голову упал камешек.

И Артан посмотрел наверх. По потолку, покрытому сложной вязью узоров, ползла трещина. Широкая такая. И главное, что с

каждым мгновеньем она становилась длиннее.

И шире.

— Уходить надо, — сказал он, не особо надеясь, что будет услышан.

Принцессы... в странных нарядах однако, но все же, сидели. Кто-то на обломке колонны, кто-то прямо на полу. Рыжий парень вовсе растянулся поверх выбитых на камне линий. И руки на груди сложил. Глаза прикрыл.

Правда, почувствовав взгляд, все же открыл один. Левый.

Артан указал на потолок. Посмотрели все. И рыжий поднялся, подал руки Мудрославе и Летиции.

— Вправду надо, — сказал он отчего-то виновато. — А то ж... я не уверен, что опять со щитом получится. Тогда больше со страху...

Со стоном поднялась Ариция.

— Его надо уносить, — Ксандр склонился над телом Повелителя Тьмы.

Надо ли...

Нет, есть честь и все такое, но... надо ли? Того, кто столько лет был вместилищем демона? Того, чью душу давно сожрали, если не полностью, то почти полностью? Того, кто умер, а потом был возвращен?

Кем он очнется?

Если вовсе очнется... нет, если не очнется, то будет даже неплохо. Ничьей вины... погиб в бою. Почетно. Наверное. Можно даже балладу сочинить или там статую заказать. Красивую эпитафию опять же.

А если...

Если придет в себя, но... другим? Безумцем? Безумцем, которому подчиняются Легионы? Способным вызвать демона? И...

— По очереди, — Артан убрал клинок и примерился к ногам. — Кто-нибудь за плечи... не ты, ты не поднимешь.

Демоница, которая на демоницу теперь и не походила, только кивнула. А вот Лассар подхватил Повелителя тьмы и закинул на плечо.

— Сам вынесу.

И поглядел так, что... стало стыдно. За мысли. За намерения. За... все.

Чем он будет лучше демонов, если поступит так? Даже ради блага мира. Если подумать, то ради этого самого блага чего только не творят.

Артан не хочет.

Он протянул руку Теттенике, к которой вернулось прежнее обличье, но та почему-то спряталась за степняка, такого мрачного, измазанного кровью.

Понятно.

И...

— Я замыкающим, — сказал Артан. А потом вошел в круг и поднял нож. Тот был на диво невзрачным, но стоило коснуться, и в руке потеплело.

Хорошо.

Нож он тоже убрал.

Огляделся.

Зал... еще стояли колонны. И шиповник не весь осыпался. Жаль, не спросили, кто его вырастил и зачем. Должен же был быть в этом какой-то смысл.

Или нет?

А Ксандра вывернуло у ближайшей колонны.

— Ненавижу... — сказал он, опираясь на эту колонну обеими руками. — Я был бессмертным могучим почти неуничтожимым созданием. А теперь что?

— Теперь ты живой, — Ариция поглядела с жалостью. — Но если не нравится, то попроси, кто-нибудь да пришибет снова.

— Спасибо, мне не настолько не нравится.

Он потряс головой.

— Кружится. И болит. И в животе тоже...

— Дойдешь? — Артан подставил плечо, и тот, кто был личем, на него оперся. Он шел медленно, подволакивая левую ногу, оставляя за собой красный кровавый след.

И...

И это тоже было неправильно.

— Куда я денусь...

С грохотом посыпалась каменная крошка, и колонна, кажется, слегка просела, подгоняя. И Артан в последний раз оглянулся.

Потер лоб.

Корона... корона снялась. Интересно, это просто так? Или значит что-то? С другой стороны хорошо, а то ведь натирает.

Они почти успели добраться до террасы.

Вел Лассар. Он шагал весьма уверенно, верно, прошедшие тысячелетия не сказались на памяти. И Ричарда нес легко. Рядом держалась демоница, хвост которой слегка подергивался.

...а с ней что делать?

Оставить?

Или... демонам не место в этом мире. Они чуждые... но если так, то и сам Повелитель Тьмы теперь отчасти демон. По крови.

По...

Скрип и шелест заставили прибавить шаг. А следом раздался протяжный хруст. И грохот. Там, за спиной. И Лассар остановился, оглянувшись.

— А если... рухнет? — осторожно поинтересовалась Мудрослава Виросская.

— Нет, — Теттенике, которая так и не выпустила руки своего спутника покачала головой. — Я... вижу... повреждена часть зала. И еще одно крыло немного обвалилось. Остальные устоят.

Полезная эта вещь, дар предвидения.

Нужная.

...особенно тому, кто собирается возродить великую Империю.

Стоп.

Артан не собирается. Совершенно точно. Да и что возродить-то? Древнюю державу, в которой все строилось на силе и подчинении демонов? Нет, демоны... к демону демонов!

И как возродить?

Силой мысли?

Силами Ордена... если его еще не объявили отверженным. С Храма станется. Всегда умели использовать момент.

— Тогда... может, передохнем? — робко поинтересовалась Летиция. — Извините, но у меня до сих пор в голове гудит, а там... там сейчас... лучше не выходить.

— Почему? — сестра её тоже выглядела уставшей, но держалась бодро.

Только на Ксандра поглядывала этак, с прищуром и весьма характерным интересом. Бывший лич явно чувствовал что-то такое, отчего и сам на Арицию поглядывал, но уже с опаскою.

— Да как сказать... мы отпустили души на площади. И тут тоже. Но город ведь большой. И умерли в нем многие.

— Но ведь демон...

— Ушли. Демоны ушли. А души нет. И больше они не привязаны к этому миру. Кто-то уйдет, точнее многие уйдут.

— Но найдутся и те, кто останется, — кивнула Мудрослава и закрыла глаза.

— Именно. Обычно это те, кто чего-то хотят. К примеру, отмщения. Чаще всего именно отмщения и хотят, — уточнила Летиция. — Но... душам тяжело удержаться. Поэтому надо подождать.

— Сколько?

— Не знаю...

С грохотом, но потолок-таки рухнул, к счастью далеко. Но дворец-храм все же вздрогнул.

И устоял.

— Что вообще дальше делать? — поинтересовалась Ариция.

— Выбраться. Отсюда. Потом... к дороге пробиваться надо.

— К порту. Там корабли. И люди, — Артан понял, что и сам устал. И потому сел на пол. — Вообще люди... где-то должны быть. Мы ведь шли... и если погибнут...

Чувство вины было горьким, как морская вода.

— Я могу попробовать дотянуться до дракона, она ведь рядышком, — Мудрослава Виросская опиралась на стену. — Попросить поискать... или вот... котика.

— Какого котика? — уточнил Ксандр.

— Да... не важно, он все равно далеко. А держать одновременно двоих сложно. Но драконица понимающая. Я ей объясню, что нужно поискать... только поискать... надеюсь, никого не сожрет.

Артан тоже надеялся.

Мудрослава прикрыла глаза.

— Хорошо, — не унималась Ариция. — Дальше... вот мы вышли. Добрались до кораблей. Кого-то даже нашли и, если повезет, живыми... что мы будем делать потом?

— Потому... — Ксандр поскреб щеку и с ненавистью уставился на собственную руку. — Проклятье... пальцы дергаются!

— Это у тебя возрастное.

— Я не старый!

— Для лича, может, и нет, а люди столько не живут. Но ты не отвлекайся, хотя... это тоже возрастное.

Летиция Ладхемская почему-то хихикнула. А Ксандр закатил глаза.

— Мы доберемся до кораблей. Постараемся столкнуть их в воду, надеясь, что Змеи нас помнят и не сожрут.

— А если не помнят?

— Тогда точно сожрут.

— Может... лучше по суше? — предложила Брунгильда. А Легионер ударил себя в грудь, отчего доспех зазвенел.

— Я буду несказанно счастлив повергнуть любого змея в честь прекраснейшей дамы моей! Я даже оду сочинил...

— Знаешь, молчащим он нравился мне куда больше, — заметила Мудрослава. — А что за Змеи? Может, и у меня получится...

— Может, — согласился Ксандр. — Но лучше бы его все-таки поднять.

И все поглядели на Ричарда, который по-прежнему не подавал признаков жизни.

— Он живой, — Ариция позволила взобраться на колени чешуйчатой твари, похожей то ли на очень мелкого дракона, то ли на слишком крупную ящерицу. Откуда она взялась-то? — Был бы мертвый, я бы попробовала... мертвых поднимать у меня хорошо получается.

Артан подумал, что варианты открываются прелюбопытные.

И не только он.

— Оставим... на крайний случай, — Ксандр тоже опустился на пол. И икнул. — П-простите... я еще не привык быть живым.

Лассар же молча скинул тело. Придержал, конечно, но все равно то рухнуло как-то... громковато. Блеснул доспех. И дыра в нем.

— Дышит, — сказала Мудрослава, подобравшись к лежащему. Передвигалась она на четвереньках.

— Может, его поцеловать...

— Я тебе поцелую, — демоница взяла Ричарда за руку. И макушку почесала. — Что за...

— Рога отрастают, — пояснила Теттенике. — Правда... другими будут, но тоже ничего.

— Спасибо. А ты не могла бы... поглядеть... там, в будущем, что с ним делать?

Степнячка зажмурилась и застыла. И стояла так... несколько секунд стояла.

— Нет. Извини. Не получается. Что-то такое... размытое все.

Демоница кивнула.

И глаза её остались сухими. И...

— Брун, а если путь проложить? — Мудрослава склонила голову. — Или... скажем, Лети, ты можешь?

— Могу посмотреть, как он умер, но большего не обещаю. А это мы и так знаем. Может... круг построить?

— Опять? — Ариция почесала запястье. — У меня так крови не останется. Да и на что мы силу направлять будем? Он не мертвый, значит, воскресить не выйдет. Душу отпустить? Сомневаюсь, что это то, что нужно.

— Восстановить, — демоница облизала пересохшие губы. — Когда-то... та, которая там, в замке... в скале... древняя... она отдала детям часть своей души. И часть силы. Значит, так можно... просто теоретически. Не подумайте, что...

Я несла чушь.

Полную совершеннейшую чушь. Я ведь ничего не знаю, ни о душе, ни о мире, ни... да ни о чем по сути и не знаю. А в голове пустота.

И мысль одна — ему нельзя уходить.

Никак нельзя.

Если он уйдет, то... то как я вернусь? Куда? В Замок? Вернусь и скажу, что его больше нет? Что... что не сберегла? Не сохранила?

Я не давала клятвы.

Я... не обещала ничего. Но ведь должен же быть какой-то смысл в том, что я здесь?

— В этом что-то да есть, — Летиция склонила голову. — Но как это сделать? Я не знаю.

— И я. Хотя эксперимент, конечно, любопытный.

— В нем кровь демонов, — заметила Теттенике. — Это может помешать.

— Или нет. В нем и часть души демонов. Если у них вообще душа есть.

Есть.

Я теперь знаю. И душа есть. И любить они могут. И... все остальное тоже.

— Хорошо, но вот если так, то как это сделать? Вот сугубо практически? — Мудрослава обошла нас и наклонилась, правда, делать этого явно не стоило, потому как на ногах она держалась с трудом. И покачнулась, но все же устояла. — Возможно, есть какой-то ритуал...

— Возможно, — заметил рыжий. — Тебе стоит попробовать дотянуться до него.

И по голове постучал.

— Мысленно. Вдруг там все не так плохо? — и добавил чуть тише. — Или наоборот...

Я бы хотела не слышать.

Я бы...

— Не уверена, что получится, — Мудрослава опустилась-таки рядом. — Я попробую... но это же... это же чистой воды авантюра!

— Можно подумать, — проворчал Ксандр в сторону. — До того вы следовали тщательно продуманному плану.

Лассар укоризненно склонил голову.

А ведь тьма почти рассеялась и... и неужели скоро смогу увидеть лицо грозного Командора? Странная мысль. Отвлекающая.

— Действительно... — Мудрослава вздохнула. — Я... попытаюсь, но вот честно, что дальше — не знаю.

— Я читал, — Артан присел рядом. — Что во времена древние...

— Империи?

— Про Империю не читал.

Мне захотелось дотянуться до рыжего и отвесить ему затрещину. Все-таки кого-то он мне напоминает. Но кого...

— Суть не в том. Не важно, когда и где... два брата-рыцаря сражались с тьмой. Давно. И были близки друг другу. Многие годы они стояли плечом к плечу...

— Покороче, — попросил рыжий. — Что? К сути бы, а то мы до ночи тут сидеть станем. Вдруг да хуже сделается?

— Один встретился с демоном. И тот завладел его душой, разумом. Демона удалось изгнать, но разум оказался... поврежден.

Артан искоса поглядел на меня. Я... я ничего. Я ведь понимаю, что... смерть была. Клиническая, органическая, какая она там еще бывает.

Случилась.

А потом Ричарда вернули, но...

...я ведь тоже умерла, там, дома. Здесь же жива. И даже голова чешется, характерно так.

— И тогда его брат нашел ведьму, которую заставил провести обряд. Он соединил кровь и душу... и его брат ожил. И жили они... в общем, потом случился прорыв. Когда тьма поразила старшего, младший, пусть и находился далеко, тоже пал и умер в одночасье.

Вот почему у них все истории такие... оптимистичненькие?

— Это, если я правильно понял... ну конечно! — Лассар ударил себя по груди и покачнулся. — П-проклятье... я отвык уже немного.

— И вы? — Ксандр потер ребра. — Все ноет, будто по мне конь прошелся.

— А я коня потеряла, — своевременно вспомнила Теттенике.

— Найдем, — пообещал ей тот, со шрамами, который возвышался за спиной и вид имел мрачный, одновременно такой вот, выразительно-суровый.

— Был такой обряд. Древний. Еще с тех времен, который до Империи. И в самой он тоже использовался, но редко... — теперь взгляд Лассара сделался задумчив. И смотрели, что характерно, на меня. — Двое, если чувствовали неодолимую связь друг с другом, соединяли жизнь. Поговаривали, что и не одну, что этот обряд связывает души столь прочно, что в любом перерождении, в любом из миров, они отыщут друг друга. Правда...

Подвох должен быть, а то слишком все... благостно.

— Он опасен. И тем, что разорвать связь не выйдет.

Поэтому развод невозможен.

— И тем, что следствием её становится смерть обоих. В один день. В один час. В одно мгновение.

Он замолчал, позволяя обдумать услышанное. А что думать... выбор я уже сделала, знать бы еще, когда.

— И многие...

— Немногие. Более того, — Лассар сделал паузу, словно желая обдумать что-то. — Смерть часто наступала и в процессе, но тогда второй участник оставался жив. И получал силу первого. Это-то и дало возможность... пользоваться демонами. Первые измененные обряды проводили над рабами. И демонами. Потом... потом все новые и новые.

— А тот, самый первый, — я коснулась его высохших губ. — Ты знаешь?

— Знаю, — Лассар шагнул ко мне и навис темною громадиной. — Но ты понимаешь, девочка, насколько это опасно.

— Нет.

— Вижу. Он уже может не быть человеком. Или быть, но таким... демоны никого не делают добрее. Может статься, что тот, кого ты знаешь, исчез. Или его никогда-то не было.

Не верю.

Не хочу верить. И имею полное право не верить.

— И он просто выпьет тебя, деточка. Силу. Кровь. Жизнь. В конце концов, зачем тебе это надо?

Хороший вопрос. Самой бы понять.

Любовь?

Это... это еще не любовь. Далеко не любовь. Любовь будет позже. Если будет. Я ведь могу придумать себе самую чудесную жизнь, которая и вправду одна на двоих. Но... правда в том, что вряд ли оно сбудется.

Реальность, она другая.

— Надо, — я закрыла глаза. — Мне это надо. Мне это действительно надо и... сделаешь? Или это сложно?

Ничего сложного.

Кровь просто. Кровь льется на пол, и сама расплзается, рисуя такую знакомую звезду. И теперь я нахожусь в центре её. Я и Ричард.

Пугает?

Еще как. И давлю желание выбраться. Бросить все. Сбежать. Такое... естественное, человеческое желание.

— Нужны опоры. Гаранты. Так их называли. Свидетели. Те, чья сила будет использоваться в ритуале.

— Маги?

— Не обязательно.

Артан молча встал в вершину первого луча.

Поднялась Брунгильда, но была остановлена

— Возможно, я кажусь вам смешным, моя драгоценная леди, но позвольте мне... это, безусловно, далеко не подвиг, но я чувствую за собой долг. И прошу позволить мне его исполнить.

Он склонил голову.

Тот, со шрамом, отодвинув Теттенике, занял третий луч.

— Извини, Славка, но я и вправду должен... — рыжий развел руками. — Так оно... правильно, что ли.

Ксандр встал на пятый.

— Дальше... что?

— Дальше, деточка, все зависит от тебя, — тьма окончательно развеялась. И я увидела лицо Командора. И удивилась. И... и вовсе он не грозный.

Нисколько.

Смотрит вот с печалью.

— Что мне делать?

Ведь надо же что-то... что? Где то заклинание, которое я должна произнести. Как...

— В том и сложность, деточка, что никто не знает. Просто постарайся не потерять себя.

Он произнес слова.

Правильно. Вначале было слово. Вначале...

И второе.

Третье. Древний язык. И мир отзывается на него. Выведенная кровью и силой пентаграмма вспыхивает. И я лечу во тьму.

Я... распахиваю крылья, но те слишком слабы. И я падаю.

Падаю.

Ну не дура ли.

Глава 50 О том, что все истории заканчиваются свадьбой

*«Жили они долго и счастливо».
Нереалистичный финал одной сказки*

Ричард спал.

Точнее он точно знал, что умер. Но почему-то не до конца. И эта неокончателность смерти, признаться, несказанно раздражала.

Нет бы, чтобы совсем.

А так...

Самое странное, что он отчетливо осознавал происходящие.

Каждое слово.

Каждый вздох. Чужое тепло, которое уходило. И силу, что осталось. Зачем? Боль. Боль тоже была. Она появилась незадолго до смерти. А потом ушла, но не совсем.

— Ричард? — его имя произнесли осторожно, с явною опаской. — Ричард...

Отзываться?

Он был... в нигде.

И где-то.

Среди тьмы. Тьма окружала мягким облаком, которое было готово принять его. И разве так не лучше?

— Ричард? Если ты не отзовешься, то я... я не знаю, что с тобой сделаю!

Что с ним еще можно сделать?

Разве что оставить. И еще недавно он бы желал этого. А сейчас сама мысль привела в ужас и...

Он обернулся.

Демоница.

Круг.

Пламя прозрачное и уловить его присутствие можно лишь по тому, как дрожит воздух по-над кругом. Линии... смутно знакомые линии.

Его вызвали, как он когда-то вызвал демона? Смешно.

— Ричард, я знаю, что ты здесь!

Здесь.

По другую сторону огненной черты. Ричард протянул к ней руку и кивнул. Пламя было высоким и надежно отсекало его от демоницы. Хотя в той, что стояла в круге, демонического почти не осталось. Хвост вот. Выглядывал из-под лохмотьев и нервно подергивался.

— Ты все-таки отозвался, — с облегчением выдохнула она. — Боги, я так переживала... я думала... иди сюда, Ричард.

Зачем?

Тьма боится огня. А ему пора. Путь предначертан. Последний из рода Архаг открыл-таки ворота, хотя и не по своей воле. Но демоны ушли. А он умер. Пусть даже тело живо. Тело... только тело.

— Зачем? — звук собственного голоса показался резким и злым.

— За тобой. Я пришла за тобой.

— В этом нет смысла.

— Мы мир спасли.

— Я знаю.

— А теперь пытаемся спасти тебя.

— И это я знаю.

— Обряд... очень древний. Про него Лассар рассказал.

— Знаю.

— И... и все, что ты хочешь сказать?

— Нет.

Наверное, она ждет другого. Но... чего именно? Ричард не понимал.

— Если ты... если ты откажешься, то я не вернусь. Тоже умру, — она переминалась с ноги на ногу. — Это тебя не беспокоит?

И голову на бок склонила.

— Ты грязная.

— Можно подумать ты сильно чище.

Кажется, она обиделась. И от этого в груди возникло неприятное чувство. Еще не боль, но похоже. Очень похоже.

— Огонь, — Ричард протянул руку, и пламя потянулось к ней. — Здесь. Мне не пройти.

— Нет, — демоница упрямо мотнула головой. — Если бы так, то в обряде не было бы смысла. Как и не было бы выживших после него... подожди, я... сейчас.

Шаг.

И она рядом.

Действительно грязная. И... и почему-то тянет стереть это серое пятно, то ли пыли, то ли сажи, с её щеки. Как тянет коснуться бледной кожи.

И царапин на второй щеке. Накрыть их ладонью. Сунуть пальцы в спутанную гриву волос.

В глаза заглянуть.

Но пламя...

— Она рассказывала про этот обряд, — память все-таки вернулась полностью, но теперь, там, где был Ричард, знание не причиняло боли.

— Императрица?

— Да. О том, что в незапамятные времена только так... делили на двоих. Силу. Жизнь. И душу... только у меня души почти не осталось.

— Глупость.

— Нет, — он все яснее понимал, что должен делать. Все-таки хорошо, когда ты не совсем жив. Яснее начинаешь мыслить.

— Глупость! — она топнула ногой и шагнула в пламя, но... осталась на границе. — Я не могу! Не получается! У меня не получается...

— Послушай меня, пожалуйста...

— Не хочу, — демоница совершенно по-детски зажала уши ладонями. — Ты сейчас скажешь что-то правильное и гадкое. А я... я... я хочу, чтобы ты... чтобы ты вернулся!

— Я ли?

— А кто?

— Мою душу почти сожрала нежить. Давно. По капле, понемногу. Она присосалась и тянула, тянула... долго. А потом, когда я почти умер, мать подселила ко мне демона. И лучше бы я вправду умер. Хотя теперь понятно, почему тьма мне так подчинялась.

Она и сейчас была с ним, ласковая и послушная, готовая принять, утешить, поддержать.

— Демон ушел.

— А я остался. Только... ты уверена, что хочешь столкнуться со мной, настоящим? Что если... демоны всегда меняют мир вокруг. И этот тоже...

От взгляда её укоризненного хочется спрятаться.

И Ричард отступает.

Это трусость, но и пускай. Он готов быть трусом.

— Стой! — демоница топнула ногой. Упрямая женщина. — Ричард из рода Архаг! Не смей сбегать!

— Демоны жестоки. Нежить не лучше. А моей души остались ошметки...

— Но она ведь есть!

— Что нас ждет, женщина?

— Долгая и счастливая жизнь? — теперь и в голосе демоницы звучали сомнения. — Ты... ты вернешься. И обряд этот долбаный завершится. Мы разделим душу и...

— И ты получишь в мужья того, кто немного нежить, а еще частично демон.

— Можно подумать я тут полностью человек. И... и Ксандр, между прочим, лич.

— Но он не стремиться обзавестись женой.

— Ну... это пока, судя по тому, как на него кое-кто смотрит.

Удивление? Вялое.

Как ей объяснить то, что Ричард и сам плохо понимает.

— Я вернусь не тем человеком, которого ты знала. Да и знала ли... не таким долгим было наше знакомство. А этот обряд навсегда тебя привяжет. И ты не сможешь уйти, если захочешь.

— Как и ты.

Ричард покачал головой.

— Обряд просто связывает. И только. Он не обещает долгой и счастливой жизни...

— Ну, — она почему-то смахнула слезинку. — Если что, то у нас хотя бы получится умереть в один день.

— Я могу сойти с ума. Как отец. Или... или хуже. Могу стать жестоким. Очень жестоким. Я читал о безумцах, которые казались нормальными, но на самом деле...

— Были форменными психами?

— Иногда ты говоришь не очень понятно, но сейчас я уловил смысл. Да. Демон...

— И человек, Ричард, — она все-таки осталась у стены. — Демон и человек. Знаешь, даже у обычных людей так. У каждого свой демон.

— У меня настоящий. Такой, который... я ведь помню это. Холодное желание уничтожить. И любопытство. И предвкушение. Предвкушение чужой боли. Оно может вернуться. А еще я могу не сдержать его. Как и желания. Что если... ты однажды поймешь, что я хочу убивать? Или хуже того, убиваю? Ради забавы? Мучаю людей?

— Тогда, — она прикусила губу. — Тогда я убью себя. И мы снова умрем в один день.

— Как-то это... здесь не слишком вдохновляюще звучит.

— Все сказки так заканчиваются, — демоница улыбнулась. — Они жили долго и счастливо. И умерли в один день... но да, раньше как-то не обращала внимания. А сейчас соглашусь. На диво поганый финал.

Огонь еще был.

— Но ведь может и все иначе... и ты прав, мы почти ничего не знаем друг о друге, — она переминалась с ноги за ногу. — Времени-то особо не было. Зато будет... вся жизнь, считай, будет, чтобы узнать. И чтобы привыкнуть, раз уж мы будем связаны. Ты... ты не сумасшедший. И не станешь им. Ты слишком ответственный для этого. А еще порой занудный до крайности.

— А у тебя щека грязная.

— И... и это тоже... может, конечно, получится так, что однажды ты... или я... или мы оба... мы проснемся и поймем, что совершили ошибку. Что не нужно было всего этого, но... но может и иначе! Может, мы будем жить вместе. И свадьба... я свадьбу хочу! Ты обещал, между прочим... с белым платьем.

— Почему с белым? Это же не траур?

— Хорошо, согласна на красное, на зеленое... да проклятье! Я на любое согласна! Главное, чтобы свадьба... ты и я... и наши дети. Их еще нет, но они будут! И ты не имеешь права лишать меня их! В конце концов, это эгоистично, думать о благе мира, когда женщина страдает!

Он все-таки протянул руку, чтобы стереть это пятно со щеки.

И пламя упало.

Отступило.

Улеглось.

А он... он оказался в круге. И стена снова встала, отделяя его от тьмы. Та не обиделась, легла вокруг, оберегая пламя.

— Ты... ты все-таки пришел.

— Я ведь обещал.

— Х-хорошо...

— Если хорошо, то почему ты плачешь?

— Не знаю. От избытка эмоций? Между прочим, я на это не подписывалась... вот совершенно... я...

Женщины всегда говорят слишком много. И Ричард сделал единственное, что было в его силах: поцеловал. Ему давно этого хотелось.

Поцелуй опалил.

И...

И пламя, горевшее вокруг, впиталось, чтобы наполнить тело. Тела. Снова стало больно, но тьма, такая близкая, родная, пришедшая следом, приняла часть боли.

Что было правильно.

— Знаешь, он, конечно, бестолочь, но веселая, — сказала Летиция Ладхемская, сосредоточенно ковыряясь в носу.

Привычка была старой, дурной и, казалось, давно изжившей себя. Но вот поди ж ты... от волнения, не иначе, вернулась.

— Ты это сейчас о ком? — уточнила Мудрослава, нервно пощипывая себя за запястье.

— О твоём брате... он мне замуж предложил.

— А ты?

— А я не согласилась.

— Ну и дура, — отозвалась сестрица, которая ничего не ковыряла, но при этом кусала губы, то верхнюю, то нижнюю.

А Мудрослава кивнула, подтверждая, что с мнением согласна.

Вот...

Вот сами они такие.

— Я просто не знала, вдруг он не всерьёз. И... и вообще... такие вопросы на бегу не решаются, — Летиция погладила ткань. Мягкая. И грязная до невозможности. И сама она не лучше.

— Выйдет, — не открывая глаз, сказала Теттенике. — И станет государыней Виросской. Её у вас очень уважать станут. Особенно после того, как она дух вашего батюшки призовет в этой вашей... Дума. Какие все мрачные там... и страх просто. А почему у них у всех лица красные?

— Потому что лето, наверное, а они в шубах. Иные в двух разом.

— Зачем? — удивилась Летиция.

— Для солидности. Чем шуба дороже, чем больше. А еще некоторым государь жаловал, и такие надобно на каждое важное заседание носить. Если же жаловал роду и не раз, вот и выходит.

— Бедные, — искренне посочувствовала думским боярам Ариция.

— Это папенька еще в свое время ввел, — сказала Мудрослава. — Но честно, думаю, чтоб спорили поменьше. Раньше-то часами сиживать могли, а ныне вот скоренько. Пришли, обсудили, а кто затягивать заседание начинает, того они сами к ответу призовут. Значит, говоришь, поженятся...

— И ты тоже...

— Поженюсь?

— Замуж выйдешь.

— За кого? — замуж, памятуя прошлый опыт, не хотелось совершенно. Это было видно по лицу.

— Так... — Теттенике прикусила губу и покосилась.

— Нет!

— А чего? Серьезный же человек... император даже.

— Да он... он вообще из ордена! Может, им жениться нельзя! — возмутилась Мудрослава, но как-то неуверенно. Да и стоит ли таким предсказаниям верить?

То вы все умрете в страшных муках, то замуж.

Нелогичненько.

— Можно, — возразила Летиция. — Я узнавала. Они должны служить свету и добру, а про женитьбу ни слова. Так что не капризничай. Тет, ты вообще уверена?

Теттенике кивнула.

— Мир закрылся. Но еще не совсем. Нужно совсем чтобы. И обряд тоже как-то связан. Этот. Потому должны... все. И она, — палец ткнулся в Арицию. — И я... и все. Надо подумать... просто... погоди...

Теттенике закрыла глаза и застыла.

И стало тихо.

На нервы действует... правда там, где-то снаружи, проревел дракон, и Мудрослава даже ощутила эхо его. Хорошо. С драконом и

замуж можно, если вдруг...

— Сейчас, — Теттенике поднялась. — Он ошибся. В ритуале поручителем может быть лишь пара...

— Эй, ты серьезно?

Она также, с закрытыми глазами, двигаясь легко, будто точно знала, куда идет, подошла к степняку, чтобы обнять его.

— Быстрее. Если им не хватит сил, все уйдут.

— Твою ж... — Летиция поднялась со стоном. — Когда это закончится... хочу опять быть душой... сидишь себе, наряды выбираешь, мушки на лицо клеишь и думаешь о грядущем счастье...

Она положила руки на плечи Яра.

И Мудрослава тоже поднялась. Нет, замуж... может, еще обойдется как-нибудь. Все-таки в предсказаниях не хватало точности.

— Этот — мой, — решительно заявила Ариция.

— Я не...

— Брун! Или перебираешь, или помрем все... будет обидно. Мир-то спасли. Осталось только замуж выйти.

— Я не хочу!

— А кто хочет-то? — Мудрослава осторожно коснулась белой брони. — Но... предсказания, они же не всегда сбываются.

Улыбку Теттенике спрятала за спиной своего степняка.

Вот что-то она недоговорила, однако.

Точно не договорила.

Теттенике осторожно коснулась нитей.

Да, так определенно будет хорошо... все равно в конечном итоге так бы и вышло, просто времени потратили бы больше.

И ошибки.

Сожаления.

А так... золотая сеть задрожала и изменилась, чтобы в следующее мгновение вывернуться из пальцев. Больно. И жаром окатило с ног до головы, а потом жар ушел, унося с собою пламя.

Дар...

Что ж, цену она знала. Наверное, в этом тоже есть свое преимущество — не знать того, что случится. Главное Теттенике видела и...

И все будет хорошо.

Теперь — совершенно точно.

Глава 51 Где речь заходит о дороге домой

«И встала тогда дева пред ними, тиха и скромна, и обратилась она к злодеям с молитвою и словами добрыми, увещевая свернуть с пути неправедного. Слушали её люди, и в душах их пробуждался свет. А потому, как смолкла она, стали опускаться злодеи на колени, моля об одном — помочь им очистить сердца от былой скверны»

«Сто двадцать три чуда святой Еустафии, свидетельствующие о величии Пресветлых Сестер»

Дэр Гроббе вытер пот со лба и пнул тварь, которая еще слабо шевелила лапами. Лап у твари было много, длинных, суставчатых, а вот голова, к счастью, одна. Она-то и лежала в стороночке, только жвалы слегка подергивались. Да в зеленых выпуклых глазах виделся укор.

— Готово, — произнес брат Янош, мечом своим разделяя чешуйчатое тело на две неравные части. — Ишь ты... погани тут... понабралось.

— Ничего, — дэр Гроббе огляделся. — Теперь-то поголовье подсократили.

Сунув пальцы в рот, он свистнул, сзывая остальных.

И откуда-то сверху, с каменного портика скатился Брав, причем умудряясь одной рукой мешок придерживать. Мешок раздулся, намекая, что прогулка была удачною.

— Остальные где? — дэр Гроббе потыкал клинком тварь, которая подыхала как-то медленно, без особого энтузиазма.

— Так... там... разбрелись, — отвечал Брав, мешок потряхивая. В нем что-то шелестело, и звук заставлял насторожиться.

— Твою мать! — с упреком произнес попугай, переминаясь с ноги на ногу. И вытянув шею, попытался в мешок заглянуть. — Мать твою?

— Да чешуя... наткнулись на златошустов. Крупных! Я таких в жизни не видывал! А чешуя во! — Брав вытряхнул из мешка пару чешуек, каждая — размером с ладонь. И цвета насыщенного, темного,

стало быть, тварь в самой силе. — Шин второго обдирает. Если сдать, то выйдет получше, чем побрякушки. Чай, они-то теперь никуда не денутся.

— Эх, а божий же человек... — покачал головой брат Янош с укором.

— Так я же ж... я же ж меру знаю! Вона, в дома не лезу...

...в доме остались трое, из тех, которые пожелали убедиться, что дома не разграблены.

— Ладхемцы вона подошли к одному, а там такая тварюка... еле отбились. Островитяне от дело знают, толковые ребята. Степняки дальше пробиваются. Хотят в обход пойти. И вироссцы с ними.

Брав зачихал чешуйки в мешок.

— А я так думаю, к кораблям возвращаться надо. Помочь мы ничем тут... особо ничем... ну а если хозяин живым будет, то и сам воротится.

В этом имелся смысл. Но дэр Гроббе покачал головой.

— Собери наших. Если раненые есть, то пусть возвращаются. И в сопровождение. Можешь сам, можешь Антонио поставить...

— А он поставится, — проворчал Брав.

— Тогда Большого Дука. Мы снова попробуем, — дэр Гроббе поднялся и переступил через тушу твари. Чуть дальше лежала другая, похожая на косматую доску, но с длинными щупальцами, которые и успели дотянуться.

Щит вон проплавили.

— Может, сейчас и выйдет... — он поглядел на солнце и ничего больше не сказал.

Площадь была рядом.

Как туман случился, а потом то ли порох рванул где-то, то ли просто бахнуло, само по себе, то и эта площадь снова наизнанку вывернулась будто. И очутились они где-то. А где?

Подумать не вышло.

Сразу, почитай, тварь какая-то с ревом поднялась из-под развалин.

А там и прочие поперли, одна другой жутчее.

Пришлось поработать. Давненько так не случалось выкладываться. Ну да оно того стоит... если получится. А нет, то и помирать веселей, когда при деле.

Правда, помирать дэр Гроббе не собирался вовсе. И потому, оглянувшись — темнела кровь тварей, то тут, то там что-то еще шевелилось, но уже так, без угрозы — закинул на плечо клинок.

Брав вздохнул.

И сказал:

— Я с вами, ежели чего...

— Мешок оставь.

— Так... попрут еще.

— Кто?

— Кто ж его знает. Город мертвый, мертвый, а поглянь, сколько живности туточки...

Спорить дэр Гроббе не стал. Брав — мужик битый, сам знает, что делает. И мешок свой, коль по-настоящему жареным запахнет, скинет без напоминаний.

— Ох ты ж, грехи мои тяжкие, — простонал брат Янош, разгибая спину. — Староват я уже для таких подвигов... вот молодой был, это да... эх, и погулял...

— Чего в Орден-то поперся?

Под ногами хрустели кости и камни, и нельзя было сказать, чего больше. Впрочем, и то, и другое дэра Гроббе не впечатляло.

Видал он развалины и поразвалинестей.

— Так... вестимо чего... папенька женить решил. Старшего сперва. Потом среднего. Ну а там уже и до меня черед дошел. И ладно бы... им-то жены ничего подобрал. Ясное дело, что при приданом, при родне правильной, но и собой хороши были. А моя-то... до сих пор вздрагиваю, если приснится вдруг.

Где-то выше, на крыше или стене, мелькнула тень.

Мелькнула и сгинула.

Разумная.

— И главное, у нее ж не только физия. У неё же ж и норы такой. Как встретила, так и заявила. Мол, погулял свое, а теперь быть тебе, Янош, примерным семьянином. Я на попятную, а отец ни в какую. Слово дадено... и вот ежели только в монастырь пойдешь, тогда поймут. А чего мне в монастыре-то? Я-то подумал, подумал и сбег. Почитай, из-под венца чудом спасся. И в Орден.

— Погоди, а... разве не то же самое?

— Скажешь тоже, — фыркнул брат Янош, легким пинком отбрасывая чешуйчатую тварюгу, что, выскочив из подворотни, вцепилась в сапог зубами. И зубы-то у твари были мелкими, в два ряда. Кувыркнувшись в воздухе, та издала тонкий нервный звук.

И издохла, перерубленная клинком дэра Гроббе.

— Твою мать, — вздохнул попугай.

— Чет его... заклинило?

— От избытка впечатлений, — пояснил дэр Гроббе. — Ничего, отойдет. Так что, не монастырь?

— Не-а. В монастыре-то как? Целибат блюсть надо. Еще и заклатьем могут наложить, для верности...

— А...

— Есть такие, — поморщившись, признался брат Янош. — Хотя дурные... они как-то кривобоко... в замке у нас жил такой от, заклатьый. Вроде по бабам ни-ни, даже не глядит, но пил-то... упился в усмерть. Все жалился, что это у него от заклатья перекурило все...

— Орден, стало быть, целибата не требует?

— Орден ничего не требует. Потому-то почти и все уже... Ордену еще старый наш, Светозарный как-то выкручивался... да и мы... порой брали... контракты. Скажем так, сопровождать кого на моление, ежели припрет. Или добыть реликвию особо святую... поспособствовать возвращению... ну и купчишкам худо-бедно помогали... по святым местам ходить.

— Знаю, с вашими стягами старались не вязаться. Уж больно... извини, но народец у вас буйноватый.

— А то... другие-то и не удерживались. Только тем, кому ни в монастырь, ни на службу... а мы, ежели пиратов ловили, то сразу и вешали. Ну, если без затей.

Дэр Гроббе кивнул. Про затей тоже слышать доводилось. В следующее мгновение он уклонился, на лету перерубив нечто мелкое, юркое и с крылами.

— От же, пакость, — тварь рассыпалась в руках брата Яноша.

— Твою мать, твою мать...

— Молчи уже. Этак мы и до завтраго не доберемся. Нет, объединяться надо бы...

В этом дэр Гроббе окончательно уверился, выбравшись-таки к площади. На сей раз тумана на ней не было, зато имелся дракон.

Тварь была... ну, скажем так, корабль она, конечно, не проглотит и даже навряд ли подымет, а вот с человеком управиться легко.

И глядела она...

С прищуром.

Будто примеряясь, кого первым жрать-то.

Брат Янош, дракона завидевши, споткнулся. И остановился. Хотя остановился не только он.

— Гм, — сказал брат Янош. — Вот как-то... иначе я себе их представлял.

Дракон выгнул шею, длиннющую, что у лебедя. Поблескивала черная чешуя, смыкались над спиной паруса крыльев. Когтистые лапы оставили на камне следы.

— Более... изящными, что ли?

Дракон поднялся и засвистел, как показалось, с обидою.

— Это она, — произнес Антонио, выбираясь из какой-то щели. — А потому поаккуратнее со словами. Женщины на диво обидчивы. Даже если они драконы.

Дракон склонил голову.

Нападать тварь не спешила. Сыта была? А надолго ли этой сытости хватит? И если вдруг решится напасть, то... то меч против дракона — это даже не смешно.

— А ты-то откуда знаешь?

— Жизнь, — ответил Антонио и клинки убрал. А потом вовсе руки поднял. — Я с миром...

— Ишь... бедный, — вздохнул брат Янош.

— Он с животными ладит, — дэр Гроббе смотрел на драконицу. Вот она голову наклонила, и в желтых выпуклых глазах отразился Антонио. Вот приоткрылась пасть, а вокруг головы растопырился щит из костяных шипов. Драконица потрянула головой и потянулась...

— Сожрет, — с каким-то азартом постановил Брав.

— Подавится...

— Тише вы, — шикнул дэр Гроббе, пытаясь понять, что же делать, если Антонио все же сожрут.

Тот приближался медленно, бочком. И меч убрал.

Может, и вправду по голове чем приложило-то? Хотя... он и раньше никогда не понимал, что там в этой голове твориться. А теперь,

выходит, и вовсе.

Драконья морда коснулась человеческой руки. Осторожно так, словно зверюга эта осознавала, сколь огромная она и как мал человек.

— Красавица... — сказал Антонио, вроде и тихо, но услышали.

Брат Янош покачал головой препечально:

— Вот что жизнь с человеком-то делает...

— Выходите. Она не тронет. Её послали нам помочь...

Вот честное слово, дэр Гроббе и без такой помощи как-нибудь да управился бы. Своими скромными силами.

-. И надо бы... — продолжил Антонио, но договорить не получилось. Откуда-то с той стороны донесся грохот, и драконица повернулась, и люди...

— Эх, чтоб вас всех... может, жениться все же надо было бы? — брат Янош решительно шагнул к дракону. — Оно-то, может, и не красавица, но... сидел бы сейчас дома, перед камином, в теплом креслице...

Он даже зажмурился, представляя этот самый камин.

И дэру Гроббе подумалось, что он и сам не отказался бы ни от камина, ни от креслица, ни даже — видать и вправду постарел — от жены.

Мягкой.

И доброй.

Такой, которая поднесет кружку горячего эля и, присевши рядом, будет слушать его байки.

Он мотнул головой, отгоняя видение.

— Идем, — сказал он и себе, и дракону, и прочим. — Пока они там все не развалили... и ведь приличные с виду принцессы... тысячи лет здание стояло себе. Так нет же ж... надо было... прийти, разнести... этак и мародерствовать негде будет.

Вироссцы и вправду почти дошли кружным путем, а степняки и вовсе на дорогу выбрались. Да и остальные, верно, поняли, куда идти надобно.

Ко дворцу.

К остаткам.

А дракону никто не удивился почему-то. Хотя... чего уж тут. Какое место, такое и зверье.

Командор снял-таки шлем и с наслаждением вдохнул раскаленный сухой воздух. Надо же... он и забыл, каково это — дышать.

И...

Лучи солнца лизнули кожу. И захотелось снова спрятаться. А ведь за столько-то лет... надо бы шлем надеть. Но он стоит.

Дышит вот.

Привыкает.

— Вы это специально, — сказала Теттенике, оказавшись рядом. И глядела с укоризной. — Вы знали, что... что только пары. И все будут связаны.

— Докажи, — лениво произнес командор.

Он закрыл глаза и открывать не собирался.

Теттенике вздохнула. Кому? И... зачем? Ведь хорошо же получилось. Правда, теперь не совсем понятно, что будет дальше, и это неприятно, да... может, её дочь, если у нее будет дочь, сумеет возродить дар.

А может, и не сумеет.

Какая разница?

— И... и что теперь?

— А то ты не видела? — он так прикрыл ладонью лысину. — Вернемся. Отправим вас домой... или не отправим. Будете жить долго и счастливо.

— И умрем в один день.

— Неа... это только те ненормальные, — Командор соизволил взглянуть на Теттенике. А она поежилась. Жутковатый он. И главное, не понять, когда жутчее, раньше, когда лицо его было затянуто тьмой, или вот сейчас? Нет, вот Азым из рода Чангай, тоже шрамами покрыт, но это как-то...

Не так смотрится.

Или это потому что Командор лысый? Совершенно. И кожа на голове с одной стороны будто ободрана, а потом наспех пришита, отчего и на ней, и на черепе вмятины будто. Нос плоский, вдавленный и явно ломан был. Левая глазница сшита, а правый глаз светлый, белый почти.

Губы перекошены.

— Сейчас постою и одену, — сказал Командор и стало очень совестно. Потому что...

— Это вас...

— Демон. Давно уже. Еще при Империи... едва оклемался.

Он вздохнул.

— Я тогда тоже все в шлеме... а то люди пугались.

И замолчал.

Теттенике тоже молчала, глядя на город, который остался и... и словно бы не изменился. Или все-таки изменился? Не понять. Главное, что демоны ушли и теперь... теперь безопасно?

Почти безопасно?

— А все-таки непривычно вот так... опять живым. Как думаешь, надолго хватит?

— Это лучше у Ариции спросить.

— Я-то спрошу, но и ты, девочка, ты ведь видела...

А единственный глаз слегка заплыл.

— Видела, — не стала отрицать Теттенике. — Только я и раньше много чего видела. Это, оказывается, просто путь. Один из многих и не всегда правильный. Или, если подумать, то правильных нет. Разные есть. И любой куда-то ведет...

— Ну и куда приведет?

— Вас?

— Это вот все, — он обвел мертвый город. — Демона нет. Нежить осталась. Но с нею справятся. Выбьют. Вытеснят в горы. А потом? Потянутся всякие... любители пограбить.

— Вы им не позволите, — решительно сказала Теттенике. — Я видела. Вы соберете Легионеров... они там где-то... и не все такие, как вы... вас просто задело. И еще нескольких. Почему? Понятия не имею. Может, стояли ближе, может, у Ари к вам симпатия. Или не у нее... но остальные там. Вы удержите город. Сохраните до возвращения Императора.

— А он вернется?

— Конечно. Надо же кому-то здесь порядок наводить. И в городе много опасного. Книг. Артефактов. Знаний, — взгляд затуманился, но теперь Теттенике не то, чтобы видела, скорее чувствовала, что все правильно.

И будет именно так.

— Людям не нужно вспоминать, как вызывать демонов. А сам город оживет. Сюда придут другие... те, кому больше некуда.

— Всякая шваль.

— Император с вашей помощью справится. Да и... Виросса не оставит родственника. Не только она. Это место... оно будет для всех. Пусть не великая Империя, но просто город на берегу. Торговля. Мастера... когда-нибудь он вернет часть былого величия.

Теттенике выдохнула.

Тяжело, оказывается, придумывать будущее. Но он так хотел верить.

— Умная девочка, — усмехнулся Лассар. — Осталось самая малость...

— Какая?

— Выбраться. И уговорить Императора.

Что сказать... то есть, я вернулась.

Мы вернулись.

Не знаю, где мы вообще были, но главное, что вернулись и... и я вдруг испугалась. Запоздало. Самое оно в женском характере — бояться, когда смысла в страхе уже нет.

И расплакалась.

И... плакала, уткнувшись в плечо Ричарда, пусть даже плакать в доспех неудобно, но я никак не могла остановиться.

— ...и я готов повергнуть дракона...

— Не трожь дракона! Иначе я сама тебя повергну!

— Слава, он не всерьез...

— ...ради прекрасных глаз я очень даже серьезен, но свадьба... я не достоин.

— Удостоим... что? Брось, Брун, приданого мы тебе соберем. Яр?!

— Чего? Соберем. Кому? А... не важно, кому скажешь, тому и соберем... послушай, а ты можешь как-нибудь так... Думу впечатлить? А то они вой подымут... и вот лучше бы поскорее обвенчаться...

— Зачем поскорее?

Странные эти обрывки разговоров. И именно они уняли слезы.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила я у Ричарда, осмелившись посмотреть на... на человека, с которым теперь я

связана.

Ничего-то в этом нет хорошего.

До самой смерти и та в один день. А у меня, наверное, нос распух и глаза красные. Какое уж тут счастье с красными глазами.

— Ничего.

— А чего тут понимать, — Ариция протянула грязную тряпку. — Высморкайся... нас эта мелкая степная пакость поженила!

— Еще нет, — уточнила Летиция, подав руку. И я поднялась. — Но там с обрядом что-то не так пошло, и оказалось, что в лучах должны стать пары. И пришлось вот...

— Я предложение еще раньше сделал! — крикнул рыжий. — Так что почти добровольно!

— А он вот упрямится, — пожаловалась Ариция, ткнув пальцем в Ксандра, что мрачно стоял в вершине звезды. Кровь сгорела, но от пепла остался след на камне. Ксандр и взирал в него. Руки еще на груди скрестил, для общей солидности облика... — Ничего. Вот вернемся в Замок, и я ему все объясню.

Прозвучало угрожающе.

— Да не спеши ты... погоди, ему привыкнуть надо, — Мудрослава покосилась на Артана. — Им всем привыкнуть надо... это ведь как... одно дело — мир спасти, а совсем другое — жениться.

Я фыркнула.

И... рассмеялась.

И кажется, в этом было что-то донельзя истеричное. Но следом рассмеялась Ариция. И Мудрослава хихикнула и...

— В Замке запру, — мрачно произнес Ричард, тоже поднимаясь.

— К-кого?

— Всех.

Он пошевелил руками. Голову склонил направо. Налеву и... тоже улыбнулся. А меня окончательно отпустило.

Теперь все будет хорошо.

Все... будет.

Хорошо.

Непременно...

И мы вернулись.

Все-таки вернулись. Несмотря ни на что.

Не все.

Были потери. И их считали, уже там, на берегу. Людей. Легионеров, что остались... только треть вышла к кораблям. И я, глядя на черноту доспехов, чувствовала, как сжимается сердце.

— Ты... ты сможешь их вернуть?

— Вернуть — нет, — ответила за сестру Летиция. — Они не хотят... кажется, те, кто хотел, они и вернулись. А этим нужен покой.

— Позже, — Ричард покачал головой. — Они еще нужны. Когда узнают, что город... что он почти открыт, многие сюда ринутся.

Пираты.

И мародеры. Охотники. Искатели приключений. Одержимые уверенностью, что где-то здесь, среди развалин, скрывается великое знание. И ведь правы... знание скрывается, но опасное.

— Два года, — Ричард выступил перед ними. — Я прошу у вас два года. Потом... кто захочет, того отпущу. Слово.

И слово было дано.

С людьми... проще? Сложнее?

— Каждый получит награду, — голос Ричарда звучал надсажено. — И если кто-то захочет остаться... не мертвецом, я буду рад. Замку пора ожить.

Послам это не слишком понравилось, но что-то подсказывало, что не станут они мешать, если вдруг кто изъявит желание.

— Я остаюсь, — Брунгильда огляделась. — Извини, Ворон. Сам понимаешь, дома мне рады не будут, но... тут, глядишь, и дело найду. Дар-то остался, только разобраться с ним надобно.

— Мое место подле прекраснейшей госпожи...

Я еще подумала, что тяжело этим двоим придется.

— Я, пожалуй, тоже... — Теттенике держалась за руку своего степняка так, словно были у нее опасения, что сбежит. — Если будут дороги, то и лошади нужны станут...

Шрамолицый чуть склонил голову.

Согласен?

— Я... кажется... — Артан покрутил в руках корону и хмыкнул. — Понятия не имею, что со всем этим делать, но чувствую, Храму не понравится. Хотя... нам давно нужно было новое место. И... нежити тут еще прилично. А стало быть, самое оно для Ордена...

— Виросса, если чего... сподмогнет. Но вздумаешь сестру обижать, я тебе морду набью. Может, ты и император, но я тоже тут не... не просто так, — вовремя осекся рыжий. — Как-никак государь всея Вироссы...

— Вы не особо на портрет похожи, — посол Ладхема прищурился. — Стало быть, я могу написать государю, что...

— Пишите, — милостиво дозволил государь всея Вироссы, поскребывая ободранную коленку. — И пусть там займутся... договорами и чего еще надо. За приданое сойдет десяток кораблей...

— Помилуйте...

— Не-а, не могу. Я ж таки пусть и никакущий, но государь, и о благе государственном думать должен. А корабли у Ладхема хорошие. Но могу и мастерами взять, если верфи поставить поможете. У нас выход-то больше на север, там своя специфика.

Дальше я как-то и не слушала особо.

Эпилог. Куда ж без свадьбы

День выдался на диво ясным. Море и то притихло, разве что играло с солнечным светом, отражая его. И люди, прикрывая глаза, отворачивались, не способные вынести этого блеска.

— Ну чего там? — женщина в темном платье привставала на цыпочки.

— Да пока ничего, небось, еще из Замку не выехали... а тебе все не спалось!

— Так понятно-то, кто спит, тот ничего и не увидит!

— А то ты увидишь... и было бы чего глядеть... женятся? Ну пускай себе и женятся... нам-то чего? — мужчина попытался стряхнуть цепкие пальчики, но женщина только сильнее сдавила руку. И поглядела с укоризной, а еще ожиданием, которое заставило замереть. — От... женятся... на мою голову...

Пробурчал мужчина.

— На принцессах-то! — отозвался кто-то.

Ждать было немного скучно.

— Ага... оно ж так и положено! Спас принцессу — женись.

— В жизни никого спасти не полезу... и вообще...

— На «вообще» у одной там дракон имеется!

— Говорят...

— Всамделишный! Сам видел, когда пришли...

— Так они ночью возвернулись, что ты там видеть мог?

— А то и видел! Дракона! Он огромный. Крылья как раскрыл, так разом полнеба и нетушки. Я прям протрезвел со страху-то! А там и корабли, и...

— Едут! — нервный мальчишеский голос понесся над толпой. — Едут!

Ехали.

— Ишь, красота-то какая... — всплакнула пухлая особа, ткнув локтем столь же пухлого мужчину. — А помнишь, как мы с тобою... и еще фата за гвоздь зацепилась, а твоя маменька все причитала, что примета больно дурная, жизни не будет...

— И права же ж оказалась... — тихо произнес мужчина, за что и получил кулачком в бок. — Да ты погляди! Он какая красавица...

— Где?

— Да на коне!

— Степнячка то, — со знанием дела сказал кто-то.

— А чего волос светлый?

— Дочка кагана... он принцессу умыкнул.

— Какую?

— Да кто ж его знает? Может, ладхемскую, может, виросскую, может, еще какую. Мало ли их на свете. Она и родила, стало быть. А потом померла. С тоски. Каган дочку взаперти держал, чтоб не умыкнули, пока наш-то не посватался...

— Так он...

— Не, вон, поглянь, рядом на коне. Энто и есть жених.

— Страшенный какой...

— С лица воды не пить. Зато его наш-то жаловал, и землями, и званием. Луга вон отдал, которые по том берегу пойдут. Для табунов.

— Кони у них знатные, но то степные, а у нас сживутся ли...

— Куда им деваться?

Степняки сияли золотом. И кони, и люди были убраны одинаково богато. За ними торжественным строем ступали островитяне, выделявшиеся не столько богатством, сколько мощью.

— От это мужики-то...

— Седые.

— И что? Зато он, поглянь... такой прижмет, ажно кости захрутстят...

— Так в замок иди.

— Чегой-то?

— Не слыхала? Наши бают, что остаются оне вроде бы как. Охраною. А охранять будут Замок. Так что поспешай, а то много таких... до мужика охочих. Милка вон еще когда побегла наниматься.

— А ты молчала?!

— А я чего? Я мужняя жена, мне только и можно, что поглядеть... ишь ты, а это кто выряженны?

— Ладхемцы. У них ажно две. Вон та, видишь, идет за виросского государя.

— Это рыжий такой?

— Ага.

— Чего ж они рыжего-то в государи?

— Может, другого не нашлося... я ж откедова знаю. Да и не дури голову! Каким уродился, такого править и взпёрли. А ты мне тут... ты лучше на вторую поглянь! Ксандра окрутила!

— Что-то он не больно-то радостный с рожито.

— А тебе бы радостно было, когда б так? Живешь себе, живешь лет триста, а потом раз и женят.

— Бедная девочка...

— Чегой-то бедная? Принцесса же...

— За мертвяка замуж...

— Так он когда мертвяком был? Она ж его и оживила. И женила.

— Бедный... а с виду приличная принцесса... откуда такая жестокость?

— Тише вы, балаболки. А не то пропустите... вона, и наши-то... а не, это энтог... из рыцарей.

— Тоже?

— Что «тоже»? Не, он живой же ж был. Поехал подвиги совершать.

— Досовершался на свою голову...

— От не скажи. Корону видишь? Кума моя баила, что слыхала, будто бы теперь он не просто так — а ампиратор!

— Чего?

— Король. Вроде как.

— Так ты и говори!

— Я и говорю!

— А на ком это он женится...

— Виросска. Ишь, шуба какая... а у меня и пальтецо уж старое, на дырах...

— Какое старое? Всего-то пять годочков как купили!

— Целых пять! А ей, небось, шубу вон каждый год справляют...

— Сказала, это же ж принцесса!

— Вот... ты меня не любишь, держишь в черном теле и ничегошеньки... говорила мне матушка, не ходи за него. А я не послушала на свою-то голову...

— Ну вот опять завелась! Купим мы тебе... ну купим шубу... честное слово!

- А наша-то лучше всех!
— А чего в белом-то?
— Вестимо, траур. Была вольною девицей, а тепериче все... конец девичеству. Станет мужнею женою...
— Ты-то чего подвывать начала...
— От эмоциев. Очень уж мне жалко...
— Кого?
— Да всех... молодые такие, а уже женятся...

Что сказать. Свадьбу свою я представляла немного иначе, но... но белое платье отстояла. Точнее отыскала в гардеробной замка что-то, пусть даже не совсем белое, скорее уж цвета топленого молока. Подшивали быстро.

Подшивали.

Ушивали.

Украшали.

И...

— Не ерзай, — тихо сказал Ричард. — А то свалишься. Что не так?

— Чешется, — пожаловалась я, замерев. С этой черной скотины, которая взяла и нашлась там, на побережье, станется меня скинуть. Исключительно из вредности. Он до сих пор фыркает и делает вид, что не знаком.

А кто, между прочим, спалил ту злобную тварюгу, похожую на пучок оживших веревок, что едва не опутала его? Ну, подумаешь, немного и гриву подожгла. Я же ж не нарочно! Да и отросла грива-то. Отросла!

А он...

Сволочь.

— Рога растут, — сказала я тихо, стараясь все же не слишком вертеться. Падать не хотелось, тем паче тут вот люди. Много людей. Слишком много людей, чтобы я чувствовала себя спокойно. И от этого зуд усиливается.

Еще и корона.

Причем не такая, как у Светозарного, а пафосная, большая и с кучей камушков, чтоб издалека было видно, кто я. Хотя я и сама не очень знаю, кто я, а корона ко всему оказалась тяжелой.

И натирала.

И... ожерелье не лучше. Я хотела красоты? Выдержать бы эту красоту теперь.

Но до храма мы добрались. Небольшой он, так за пару недель большой и не поставишь. Хорошо, хоть что-то получилось. И жрец явно растерян. То ли доставили его сюда недостаточно вежливо, то ли проникся важностью миссии.

— Последний шанс передумать, — шепнул Ричард, снимая меня с лошади. Зубы драссара клацнули над самым ухом.

Погоди у меня.

Чтоб я больше к тебе приходила да со свежим хлебом...

— Не дождешься, — я поправила корону, что норовила съехать набекрень, тонко намекая, что правительница из меня получится так себе. И огляделась.

Люди...

Много людей.

Слишком много для маленького этого городка, который и без того взбудоражен новостями. Пусть им и не верят, но передают, приукрашивая. А стало быть, дело времени, когда последние запреты рухнут. И... к добру ли?

Страшно.

Мне. Ричарду тоже, хотя он и не показывает. Остальным... уже завтра Артан вернется в Мертвый город, которому надо бы человеческое и не такое мрачное название придумать. А с ним Мудрослава, дюжина Легионеров и пара сотен виросцев, которые решили сопроводить «государыню».

Утешает, что корона у нее побольше моей.

А значит, неудобнее.

Брунгильда как-то даже подуспокоилась. Может, оттого что её барон наговорился, наконец, да и в целом мужиком оказался неплохим. А может, потому что с энтузиазмом принял идею отправиться куда-то там на север, но куда точно, она не знает, потому как вообще не уверена, что надо туда отправляться и кого-то спасать. Он тогда еще выразился, что на месте разберутся, надо или нет.

Теттенике вот просто сияет, издалека видно. И... радостно от этого. А еще оттого, что уж она-то остается, с мужем, лошадьми и

братом, который, пусть и сын кагана, но далеко не единственный. И поэтому случаю решил свою жизнь слегка разнообразить.

Пускай себе. Мне от не жалко.

Ладхемцы на своих принцесс поглядывают мрачновато. Ну да, некромантки, но чего уж теперь? В Ладхеме их не ждут, а у нас, глядишь, пригодятся.

Уже пригодились.

С поднимающимся кладбищем Ариция управилась так, что даже дуэнья заткнулась со своей «проклятостью». А может, дракон так подействовал? Оказалось, что наличие дракона очень благотворно на людей влияет. Как-то сразу становятся и спокойнее, и добрее к окружающим.

Летиции тяжело придется.

Пусть даже рыжий оказался вроде и неплохим парнем, несмотря на придурь, но... вот вироссцы... прибывшие, бородатые мрачные и самим видом в тоску вгоняющие... с другой стороны, справится.

Или поможем.

В конце концов, девочки должны держаться вместе.

Жрец затянул молитву, и я зажмурилась, до того ярким вдруг стало солнце, будто светом с неба плеснули...

— Благословение, — загудела толпа на разные голоса. — Пресветлые благословили...

Хорошо, если так.

А нет, то и... сами справимся. В первый раз, что ли.

Конец